

Даниэль Васильев

Званный и избранный

Даниэль Васильев

Званный и избранный

Фантастический роман

Ташкент
«Узбекистан»
2016

УДК: 821.512.133-1
ББК 84(2Рос-Рус)7
В 19

Васильев, Даниэль
В 19 Званный и избранный [Текст] / Д. Васильев. –
Ташкент: «Узбекистан» 2015. – 392 с.

ISBN 978-9943-28-501-9

УДК: 821.512.133-1
ББК 84(2Рос-Рус)7

ISBN 978-9943-28-501-9

© Д. Васильев, 2016
© ИПТД «Узбекистан», 2016

2021/15
49
Alisher Navoiy
nomidagi
O'zbekiston MK

Вместо предисловия

Размышления человечества о нашем бытии в мироздании занимали с древних времен, и сегодня этот круг проблем, по-прежнему, глубоко интересует людей. И хотя развитие науки дало возможность за истекшие века ответить на многие вопросы, но возникло их еще больше. Парадоксально, но процесс познания открывает человеку бездну незнания, которую еще предстоит заполнить новыми открытиями. И этот факт признали многие гении. И здесь важно подчеркнуть, что наша планета уникальна, так как люди не знают ни одной такой планеты, подобной этой. Следовательно, поднимается вопрос о ее сохранении и бережном отношении к ней, как величайшей ценности мироздания.

Человек, изучая и познавая Землю, тысячелетиями приумножал сокровищницу знаний. И они приносили ему радость – радость созидания, свершения знаменательных событий. Наше время, время высочайших технологий и развития научно-технического прогресса, ставит требование глобально новым взглядом подойти к значимости родной планеты. Этот взгляд охватывает многое, что близко для любого человека. Начинаясь с доброты и любви к своей семье, близким, к родине, отождествляемой с домом, улицей, городом, в котором мы родились и, в целом, со своим Отечеством, теперь он должен охватить и всю Землю, потому что человечеству также пока что не известна еще другая такая же цивилизация, схожая с нашей.

Фантастический роман Даниэля Васильева «Званный и избранный», акцентируя внимание читателя на добрых делах и благородных намерениях людей, которым небезразлично наше будущее, а также показывая людей в их повседневной жизни такими, какие они есть в нашем сегодня, с проблемами, необдуманными поступками, преступными действиями и жестокостью, неожиданно рассматривает еще другую оригинальную версию, связанную с будущим человечества. Эта версия автора показывает, что если сегодня все люди серьезно не задумаются о своем пренебрежительном отношении к достоянию всего человечества, называемому планета Земля, то авторская гипотеза об исчезновении современной цивилизации может стать неизбежным результатом их расточительного отношения к ней. Забота человека заключается в сохранении и приумножении и всего живого, населяющего и планету, и всего неживого, что дает саму жизнь — это окружающая среда: воздух, вода, земля, без которых невозможно существование самой жизни.

Сюжет произведения повествует о приключениях пса, по воле сложившихся обстоятельств невольно совершившего путешествие длиною в полсвета. И в этот дальний путь пса звал неведомый внутренний голос, суть которого предстоит разгадать читателю. Пес Рыжик, всю свою жизнь любивший людей, несмотря на причиненные ему обиды, всегда оставался добрым псом, он и стал тем существом, на которого обратила внимание Мать-Природа.

Философская суть фантастического романа в том, что современная жизнь людей может привести к неутешительному будущему, когда человеку придется начинать все с чистого листа как миллион лет назад. В произведении все время звучит подтекст о том, что животные не просто существа, движимые

рефлексами, а создания, чувствующие жизнь не хуже людей, ощущающие и хорошее, и плохое, как и сам человек. Многие виды животных — искренне преданные человеку существа, и самым преданным из них, по общему признанию, является собака.

В романе бездомный пес — Рыжик наделен добротой и безоглядной преданностью своим хозяевам, он готов защищать их до последней минуты своей жизни. Его первым и самым дорогим для него хозяином и другом был Павел, память о котором он сохранил до конца своей жизни. Так уж устроены собаки — они хранят память о самом первом хозяине. Впрочем, и люди не забывают первую любовь. Автор наделил Павла самыми хорошими чертами характера — человечностью, высокими моральными принципами, честью, порядочностью и чувством долга. Его нравственные качества заставляют его уважительно и благоговейно относиться к окружающему миру, как к чуду, бесценному дару. Именно это и заставило Павла совершить поступок, имевший неожиданные последствия.

В этом произведении, рассказывая о жизни Рыжика с его восприятием увиденного, автор тонко показывает и равнодушное отношение некоторых людей не только к животным, но и друг к другу. Например, поднимается такой вопрос: взрыв на атомной станции произошел «из-за аварийной ситуации» или действительно случился по непредвиденным обстоятельствам, или же, это преступное деяние руководителя станции, спрятавшего в воду концы своих незаконных действий? Можно было об этом догадываться, но это трудно было доказать. От взрыва пострадали люди, животные, природа. Пострадал и главный персонаж книги Рыжик. Не это ли безответственность людей перед обществом и природой?

В нашей жизни, к несчастью, все-таки происходят аварии и катаклизмы на атомных станциях, потому что человек недооценивает силу природы. Примером из жизни может служить взрыв в 2011 году японской АЭС, когда в результате землетрясения и, последовавшего за этим разрушительной силы цунами, было выведено из строя это сооружение-гигант, созданное человеком. В результате взрыва пострадала окружающая среда и люди, поэтому автор в своем произведении также предупреждает людей быть бдительными. Вопросы, связанные с климатом и погодой, в будущем могут играть еще большую роль в жизни человечества. Ученые и сейчас знают, что наша планета представляет собой непрерывно меняющийся динамичный объект. Это и снежные бури, бушующие на большей части Европы и Американского континента, и землетрясения, сотрясающие разные части планеты (например, землетрясение, произошедшее в Непале в 2014 году), и карстовые воронки, и пожары и т.д. – все это наталкивает на вопрос: не «обезумела» ли природа или это может быть результат неразумного потребления человеком природных богатств?

Если природа будет находиться под экологически разрушительным воздействием человека, то вынужденное «безумие» природы действительно может обернуться непоправимыми последствиями. Об этом и напоминает автор читателю, удивляя пессимистичной концовкой, но и призывая к сознательному и доброму отношению к своей планете и ее ресурсам.

Не только человек, а все живое на Земле имеет право на жизнь – таков нравственный критерий романа. Ведь и растения, и «братья наши меньшие» имеют полное право на жизнь в местах обитания, предназначенных им природой, а человек, хищнически вторгаясь и в растительный мир, и в животный,

способствует исчезновению многих видов живых существ.

Еще один вопрос поднимает автор, концентрируя внимание читателя на проблеме равнодушного отношения человека к животным. Не все люди задумываются над охраной и защитой животного мира, ведь они — один из необходимых и бесспорных элементов в цепочке существования жизни на планете, также как и человек. Ни один вид не является «лишним» — все они уникальны. И любой «разрыв» этой цепочки ведет к «сбою всей программы» природного баланса. Многие животные отличаются сообразительностью и находчивостью, но лишены дара речи, а люди — «хозяева природы», самые умные и мудрые существа, несмотря на разум, продолжают потребительски относиться к растениям и животным, уменьшая и численность их, и многообразие видов.

Процесс разрушения Земли связан и с вырубкой лесов, и с отравлением ее естественной экологии. Эта мысль тоже появляется при чтении романа.

Перечислить здесь все «неразумные» поступки людей невозможно, но привести несколько примеров нужно. Во многих странах мира работают фабрики или заводы, которые своими отходами загрязняют воды рек, озер или морей. Или мы часто слышим информацию о потерпевших аварию в мировых водах планеты танкерах, транспортирующих нефть, которая, разливаясь в воде, загрязняет ее, убивает рыб, птиц, попавших в эту зону, наносит вред подводным растениям. Очень тяжело проводить меры по очищению таких вод от нефти. А ведь океаны и моря имеют богатейшие запасы продуктов питания (рыбы, растения). Морская вода богата магнием, серой, кальцием, марганцем, железом и другими химическими элементами.

Развитие цивилизации вызывает изменения и на самой Земле и внутри ее. Ученые пытаются найти закономерность, которая могла бы связать воедино природные силы: извержения вулканов, землетрясения, изменение климата, но это очень сложный процесс. Ведение людьми разных видов войн на планете, окончательно может способствовать ухудшению экологического баланса планеты и привести со временем к большой катастрофе.

Поэтому в идее романа, придуманной автором, показаны и противоречивые поступки человеческой природы. С одной стороны, человек подчиняет себе и использует природу, потребляя ее через плоды своей деятельности, а с другой стороны, разрушает своими преобразованиями. Таким образом, мир природы превращается в мир человеческий. Между ними должны быть установлены отношения родства, гармонии, но на самом деле все наоборот. Дисгармония приводит к трагедии, потому что человек не сумел вовремя остановиться, чтобы сберечь богатства Хозяйки Природы.

Но ведь все может случиться и наоборот — человечество оставит своим будущим потомкам великую цивилизацию. И выходит, что все в руках самого человека.

Автор наделил своего персонажа необыкновенным даром — умением мыслить и понимать людей не только в той мере, которая может быть доступна дворняжке — «двортерьеру», а гораздо большим мироощущением и миропониманием с тем, чтобы добрый пес Рыжик пытался «распутать клубок» происходящих в его жизни событий, стараясь найти причину негативных поступков людей. Но это ему, конечно же, не под силу, потому что проследить ход многих событий и их первопричины не под-

властно иногда даже самим людям, наделенным более высоким разумом.

Автор ведет свой персонаж по дорогам, на которых он сталкивается с человеческими ошибками, а также показывает «глазами» пса жестокость взаимоотношений между людьми преступного мира и призывает быть бдительными людей, которые, погнавшись «за длинным рублем», по незнанию или по легкомыслию, дают завербовать себя в незаконную группировку. Таким персонажем является легкомысленный Ашраф, который отблагодарил Рыжика за свое спасение своим дружеским расположением к нему. Он нахально-грубоватый, дерзкий и наглый человек, но и в то же время смелый парень, который ради жажды наживы, стремления к «легким» деньгам необдуманно связался с наркоторговцами, которые беспощадно расправились с ним за его оплошность. Но, если бы Ашраф серьезно задумался о страшной преступной деятельности наркоторговцев, а также направил положительные качества характера, силу и смекалку на пресечение на корню подобных преступлений, то он мог бы принести своей родине и обществу огромную пользу. А так — он погиб бесславной смертью преступника, гонящегося за деньгами и наносящего непоправимый вред людям. А Рыжик вспомнил о нем в своей «возрожденной другой жизни» только лишь за его доброе отношение к нему.

На нашей планете есть Жизнь и поэтому люди должны взять на себя ответственность за процветание и развитие Жизни на Земле. Моральным законом для людей должен стать принцип, выдвинутый великим гуманистом Альбертом Швейцером — «принцип благоговения перед Жизнью». Автор в своем романе хочет донести мысль о том, что человечество в XXI веке должно незамедлительно за-

думаться обо всех серьезных глобальных проблемах, стоящих перед ним: сохранение экологии планеты, прекращение всех видов войн, разрешение проблем, связанных с голодом, нехваткой воды, борьба с болезнями и многое другое.

Осознание бесценности и уникальности планеты Земля и цивилизации человечества должно подарить мудрость людям и понимание важности сохранения мира. Разрешив стоящие эти проблемы сегодня, люди тем самым сохраняют для будущих поколений процветающую, надежную и прекрасную Землю – нашу планету.

Ирода РАХИМОВА

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Для собаки самое важное — быть чьей-то, иметь хозяина, одного, самого лучшего, самого главного. Но им, дворнягам, так редко удастся обрести своего хозяина! Кто возьмет к себе беспородного «двортерьера», как мы снисходительно называем их. Впрочем, сами собаки этого не понимают. Они просто стремятся найти своего старшего Друга. Поэтому все молодые бездомные псы так ласковы и доброжелательны — они стараются понравиться каждому, с надеждой вглядываясь в глаза прохожим: а вдруг именно он позовет их с собой, предложив им свою дружбу! Уж тогда пес отдал бы этому человеку всю свою любовь и преданность, но...

Спустя годы эта наивная надежда умирает в сердце собаки.

Пятно была дворняжкой. Чисто белый окрас шерсти портило, может, и украшало только одно черное пятно, расположенное аккуратно на носу и захватывающее один глаз. За это люди и звали ее просто — Пятно. Она прожила на этом свете чуть больше двух лет.

Пятно особенно выделяла из прочих людей одного молодого человека, которого звали Павел. Он не столько играл, как прочие дети, сколько ласкал ее, приговаривая что-то нежное и приятное. От него исходило добро, и ей бы очень хотелось, чтобы именно он стал ее хозяином, но, увы... Она оставалась ничейной.

В том дворе, где обитала Пятно жила старушка, которая часто кормила ее супчиками на мясном бу-

льоне, а дети — маленькие люди часто играли с ней. Пятно была молодой, веселой и... глупой, впрочем, с годами неопытность бездомных собак быстро обрачивается настороженностью в их характере, появляется недоверие к людям, даже озлобленность. Однажды незнакомые дети, которых она восприняла как очередных партнеров по играм, почему-то стали бить ее ногами и палками. Было очень больно и не понятно — за что? И все же Пятно очень любила людей, хотя теперь и опасалась незнакомцев, обладающих новым запахом, не известным ей прежде.

Этой весной за ней настойчиво стал ухаживать Бурый — крупный дворовый пес с темно-рыжей роскошной шерстью и вытянутой умной мордой. С большой долей уверенности можно было сказать, что в Буром течет немалая толика крови шотландских овчарок.

Прошло время. Теперь Пятно ждала своего первенца. Ее первый щенок! Бурый был рядом. И вот родилась новая жизнь и на свет появился щеночек. Почувствовав, как бьется маленькое сердце ее чада, Пятно стала облизывать своего щенка. Ее щеночек! Как хорошо...

Щенок тыкался мордочкой в живот матери. Природный инстинкт заставлял его искать то, что дает всем млекопитающим продолжение жизни после рождения — молоко матери. Эмоции, которые испытывала при этом Пятно, перекладывая на понятный человеку язык, можно было бы сформулировать как бесконечную нежность. Бурый ушел. Но Пятно знала, что скоро, так скоро, как только сможет, он вернется и принесет с собой что-нибудь поесть. Пятно проголодалась, но... терпимо.

Она подтолкнула щенка носом, и он, наконец, нашел то, что искал — сосок.

Бурый появился в облюбованном этой парой подвале и положил перед Пятном большую косточ-

ку. Он, махнув хвостом, облизнул Пятно, как бы говоря: «Ешь». Неожиданно к косточке повернулся любопытный малыш и начал ее облизывать. Уши матери и отца щеночка удивленно приподнялись. Пятно аккуратно поддела щенка за загривок и оттащила от косточки. Затем принялась грызть ее сама.

Прошло две недели. Пятно проснулась от смутного чувства беспокойства. Оглядевшись, она поняла, что рядом с ней нет щенка! Поэтому она проснулась — ослаб его запах!

Чуть раньше щенок, впервые открыв свои глазки, с ужасом, но и с диким любопытством взглянул на мир! В его маленьком мозгу до этого момента существовало только одно понятие — мама (которая кормит его молоком и от нее исходит ее запах). Пусть это человеческое слово не имело для него никакого смысла, но зато огромным смыслом обладало чувство защищенности и нежности к ней. Хотя нет, было еще ощущение бесконечно вкусного молока и боязнь его потерять — как видите, для новорожденного существа очень богатая гамма чувств.

Щенок вздохнул, коротко поскулил и стал прихиваться к запахам подвала, стараясь сопоставить эти запахи со зрительными ощущениями. «Вот она — это мама!» Малыш радостно вскинул непослушно тяжелую головку: здесь исходил родной запах мамы! Но был еще и другой запах, влекущий и любопытный, но исходящий, как кажется, дальше от мамы. Как интересно и любопытно! И щенок отправился исследовать окружающее помещение, для него столь большое и пугающее, но уж и слишком интересное, чтобы усидеть на месте.

Неуклюже шлепая лапками, малыш потихоньку направился к темному углу подвала, влекомый незнакомыми запахами. И очень скоро столкнулся с

непреодолимым для него препятствием — водопроводной трубой, которая, «стелясь» по полу подвала, пересекала его от одной стены до другой. Но щенок и не подумал отступить! Он хотел было пролезть в узкую щель под трубой, но вскоре передумал, поняв, что это сделать невозможно. Ну, ничего — можно как-нибудь перелезть! Щенок приосанился и выбросил свое тельце вперед и вверх, успешно забросив, таким образом, передние лапы на трубу. Но его еще слабые, задние лапки подогнулись, не удержав его тельце и малыш по-смешному плюхнулся боком на пол, возмущенно взвизгнув.

Неудача лишь раззадорила щенка. И вторая попытка «штурма» трубы увенчалась успехом, и лопоухий, наконец, оказался по ту сторону. От радости он даже махнул хвостиком, довольный собой, и пошлепал дальше, внимательно принюхиваясь ко всему вокруг.

Добравшись до угла, щенок обнаружил, что влекущий его запах исходит из небольшого отверстия в стене. Ух, страшно! Да ну и пусть страшно, зато как интересно! И, отринув все сомнения, лопоухий устремился внутрь. В норе было очень темно и узко. Малыш с трудом протискивался все дальше. Впереди что-то зашуршало, но что это? Что-то двигалось к нему!

Пятно обеспокоено огляделась и принюхалась, пытаясь по запаху установить местонахождение своего щенка. Призывно скульнув, она направилась в том направлении, откуда наиболее четко доносился запах щенка. И тут Пятно услышала жалобно-испуганные «причитания» — повизгивание малыша. Ему было больно и страшно! Пятно кинулась на голос, перепрыгнула через трубу и тут же наткнулась на щенка, который что есть мочи скребся задними лапами, пытаясь вылезти из норы. Мать уже по-

тянулась было помочь ему, но тут он, наконец, вылез сам и сразу же заскулил, жалуясь на боль и обиду. Пятно облизала укушенный нос щенка, и тот немного успокоился. Вот так наш «герой» и познакомился с крысой, которая также обитала в этом подвале.

Теперь он уже не так безбоязненно воспринимал мир, поняв, что лучше до поры держаться матери, чтобы не быть покусанным или обиженным.

Как же все-таки хорошо, что есть мама! Такая большая и сильная. С ней ничего не страшно. А как же интересен мир! Малыш только-только успел привыкнуть к Бурому, который поначалу вызывал страх своим запахом и размером, но теперь он, приходивший все реже и реже, пропал совсем. Мало того, теперь все чаще стала уходить и мать, оставляя его одного в подвале. Щенок терпеливо ждал ее, а порой не выдерживал и от тоски принимался скулить, призывая ее. Пятно приходила, а щенок приставал к ней, чтобы поиграть с ней, конечно же, предварительно утолив свой голод. Больше всего малыш любил ее хвост, такой большой и пушистый. Он набрасывался на него, пытаясь укусить, но как только малыш готов был поймать кончик хвоста, широко разинув пасть, как «заправский» хищник, хвост выскальзывал вдруг у него из лап и приходилось повторять все сначала.

Иногда, неуклюже поскальзываясь, щенку удавалось взобраться на мамину спину (когда она сидела), но, удержавшись ненадолго, он съезжал вниз и принимался возиться где-то в районе маминого живота, чем приводил ее в неописуемый восторг.

Так прошло два месяца. Малыш теперь уверенно держался на ногах. Пятно поняла, что пора начинать выводить своего щенка в свет.

ГЛАВА 2

Пятно приподняла голову, почувствовав приближение щенка, который «шлепал» к ней с довольным видом, особенно, видимо, гордясь своей заляпанной грязью физиономией. Он только что гонялся за любопытными созданиями — голубями, попутно посетив все окрестные лужи. Голубей ему поймать не удалось, но все равно гоняться за ними было очень и очень весело! Пятно внимательно и нежно посмотрела на малыша, довольно размахивающего хвостиком и осторожно, немного брезгливо, стала облизывать его испачканную шерстку.

Щенок, по-прежнему, полностью зависел от матери, не умел самостоятельно добывать себе пропитание, и поэтому держался ее. Теперь старушка подкармливала, прежде всего, щенка, а уж потом его мать, но этого было мало, поэтому Пятно приходилось все время думать о том, где бы чего-нибудь раздобыть для своего чада и для себя. И когда щенок засыпал, она, убедившись, что ничего ему не угрожает, отправлялась к местным помойкам, которых в округе было мало. Но почти каждый раз ей удавалось найти что-нибудь съестное.

Ночевали они, по-прежнему, в своем подвале, но все остальное время теперь проводили на свежем воздухе. Малыш был вполне здоров и поэтому очень активен и жизнерадостен, каким и должен быть щенок, если у него все в порядке.

Вот он нетерпеливо фыркнул и отстранился от матери, задорно отпрыгнул в сторону, явно призывая Пятно поиграть с ним. Но она не торопилась отвечать на его призыв, почувствовав приближение знакомого запаха. Впрочем, его это нисколько не смутило. Он внезапно прыгнул на мать, игриво вцепившись зубами в ее ухо. Пятно раздраженно

мордочкой столкнула щенка с себя, так как поняла, что это старушка приближается к ним.

— Пятнышко! Я вам покушать принесла. Ко мне вчера дети приезжали. На обед курицу запекли, а я им сразу и сказала, чтобы не выбрасывали косточки. Собачкам, говорю, отнесу. Вот, еще немного варенного мяса взяла для Рыжика.

Рыжик. Так щенок получил свое прозвище из-за своей рыжей шерсти.

Пятно не понимала, что ей говорит старушка, но изо всех сил махала хвостом, всем своим видом пытаясь выразить преданность и благодарность старушке. Ее доброты и заботы хватало и для семьи, и для соседей, знакомых, и для «божьих тварей».

Щенок же толком не понимал, чему так рада Пятно, но полностью стал разделять ее чувства, и его хвостик, такой маленький и еще куцый, тоже замахал с такой же силой и частотой, что, казалось, он вот-вот оторвется. Но этим проявление эмоций щенка не ограничилось. Он подпрыгивал, стараясь дотянуться до рук доброжелательницы, радуясь всему, чему только можно было радоваться с истинно детской беззаботностью воспринимая весь окружающий его мир со всеми его обитателями.

Пятно уже принялась «трапезничать», а щенок все никак не мог успокоиться, резвясь вокруг старушки.

— Иди кушать, Рыжик! — потрепав его по макушке, сказала бабушка. — А не то сейчас все твоей «мамане» достанется!

Словно поняв, щенок еще раз весело обежал вокруг нее и принялся торопливо, по-щенячьи, смешно вгрызаться в мясо. Он потешно мотал головой, пытаясь «оттяпать» приглянувшийся кусочек мяса. Старушка с умилением смотрела на собак, постояла немного, и успокоившись, что покормила их, ушла.

Щенку были любопытны эти большие существа — люди. Знакомство с ними пока что ограничивалось старушкой, приходившей к ним, да еще несколькими случайными прохожими. А впервые его погладила маленькая девочка, живущая в соседнем доме. Поначалу он с опаской отнесся к ней, когда она подошла к нему, желая всего лишь погладить маленького, симпатичного щеночка. Но, увидев, что Пятно реагирует на нее миролюбиво, не стал убегать. Ему очень понравилось, как его гладили. Хотелось плотнее прильнуть к девочкиной ладошке, от которой исходила доброта и ласка. Почти как от мамы, но по-другому. В следующий раз, он, увидев приближающегося большого человека, побежал было к нему, но Пятно угрожающе зарычала, и щенок поспешил ретироваться. Впрочем, человек понял, что не следует приближаться к ним и постарался обойти их как можно дальше. Малыш не понял, почему Пятно не подпустила к нему человека, но доверился ей, ведь ей видней.

И вот, когда Пятно и ее щеночек насытились, их внимание привлек еще один щенок. Он остановился вдалеке, метрах в двадцати от них. Она (это была именно она), боязливо и пристально смотрела на собак, видимо она учуяла мясной запах, но опасалась подойти ближе. Щенок же восторженно тявкнул и опрометью кинулся к новой «знакомой», которая поджала хвост, но убегать не стала. Щенок подбежал к ней, призывно тявкнул, махнув хвостом. Малышка (так звали эту собачку), почувствовала себя уверенней, тявкнула в ответ и отбежала. Щенок, поняв, что его «предложение» поиграть принято, радостно погнался за ней, заливаясь тявканьем, при этом помахивая хвостиком. Остановившись, Малышка припала на задние лапы, и полубоком, игриво цапнула щенка, который не

остался в долгу, навалившись на нее всем телом, в результате, щенята весело завозились. Пятно подняла было голову, встревожившись, но, увидев их игру, успокоилась.

Малышка, наигравшись, и теперь немного осмелев, подошла к остаткам еды и осторожно, с опаской поглядывая на Пятно, куснула кусочек оставшегося мяса. Пятно ограничилась утробным рыком, но отгонять щенка не стала, так как Рыжик явно наелся и теперь весело играл, теребя низкорастущий побег небольшого деревца. Сама она тоже голод утолила, так что Малышке можно было доесть остатки еды. Щенок тем временем, притомившись, прилег около Пятна. Ему захотелось подремать, также как и Пятно и Малышке.

Павел сошел с электрички, лихо, рисуясь перед самим собой, закинул на одно плечо потрепанный рюкзак и направился к выходу с платформы. Было бы удобнее и легче не мучиться, а одеть тяжелый рюкзак за обе лямки, но тогда он (на его взгляд) не выглядел бы таким «крутым». Поэтому Павел не расслаблялся, «держал фасон». Ему было двадцать три года. Он уже год жил в этом таежном городке, больше походившем на поселок, одноэтажные дома которого как бы приросли к земле. Окончив институт по специальности «ядерная физика», парень сам принял решение переехать в этот городок, после того, как его, молодого специалиста, пригласили на работу инженером на АЭС. Эта электростанция снабжала почти всю область, но в целях безопасности для людей располагалась на отшибе, в тайге. И, естественно, подальше от любопытных глаз. В памяти людей еще сохранилась трагедия в Чернобыле. Теперь же стали строить новые АЭС, первой из таких и стала эта станция.

Молодой специалист любил свою работу. Правда, поначалу было трудновато. Одно дело изучать теорию, которая на занятиях в институте казалась красивой, стройной и захватывающе интересной, а другое дело — работать, практически используя эти знания. Оказалось, практика была намного легче в том отношении, что теоретических знаний для нее требовалось куда меньше, чем, предположим, для того, чтобы успешно сдать сессию. Здесь необходимо было всего лишь «назубок» знать все, что касалось непосредственно сектора обязанностей, то есть участка работы, за которую специалист несет ответственность. Но вот ответственность была очень большой. На плечах старших товарищей этой ответственности было еще больше, но на Павла она давила с огромной силой. Поэтому он очень аккуратно, чуть не по десять раз, пересчитывал любую цифру прежде чем вписать ее в отчет по контролю работы реактора. Зато Павел испытывал чувство гордости, что выполняет очень важное и нужное дело, а главное, сложное, и все это давало ему чувство огромного удовлетворения от своей работы. А спустя какое-то время, когда она стала привычной для него, Павел даже полюбил ее.

Наступил сентябрь. На улице моросил осенний неприятный дождик.

Павел торопился быстрее добраться до дома, весело перепрыгивая через небольшие лужи, отражающие серость неба. Он шел домой после поездки к родителям, с которыми провел свой первый отпуск, и ужасно соскучился по работе и по неуклюжему, но прочному и теплomu одноэтажному бревенчатому дому, который ему предоставило руководство АЭС.

Большинство работников жили в городке энергетиков в трех километрах от поселка в направлении к станции. К тому времени, когда Павел устраивал-

ся на работу в АЭС свободных коттеджей в городке уже не имелось, и его поселили в поселке. Павла это устраивало даже больше, так как до работы надо было добираться, пройдя через лес и через городок энергетиков, и откуда в служебном автобусе, возившим людей, до АЭС. Для полного сил и здоровья молодого человека пройти два-три километра — сущий пустяк. И Павел с удовольствием совершал прогулки утром и вечером через ельник, любуясь лесом и вдыхая его ароматы.

Павел жил спокойной и, можно сказать, безмятежной жизнью, без тревог и волнений. Как и все молодые люди его возраста надеялся встретить «ту самую, единственную», которая разделит с ним его счастье. Будучи человеком скромным, несколько замкнутым, он в студенческие годы, не особо пользовался успехом у девушек. Дважды его «надежды и приключения» не увенчались положительным результатом, не давшим возможности реализоваться его мечтам о счастье. Но молодость склонна оптимистично смотреть в будущее, поэтому парень терпеливо ждал милости судьбы.

Обогнув очередной дом Павел увидел на пустыре между домами Пятно и двух щенят около нее и сразу отвлекся от своих мыслей. Он, естественно, сразу узнал очень милую дворняжку, к которой был равнодушен за ее доброжелательность и неиссякаемое радушие. Она несказанно радовалась при встрече с ним. Однако теперь все его внимание занял маленький щенок, добродушно, с любопытством глядящий на него. Третью дворняжку он тоже видел впервые, но щенок был такой милый, мохноухий и шерстолапый, пушистый и рыжий, хоть и грязный, зато казался таким веселым — вон как призывно завил хвостиком. Павел сразу решил, что обязательно возьмет его себе, вот только не будет ли

возражать его мама, Пятно?! И хотя у него никогда не было своей собаки, он знал, что они являются замечательными существами. «У породистых собак рано или поздно щенков отбирают, а у дворовых? Готова ли Пятно отдать своего щенка?» — подумал Павел.

Тем временем он приблизился к собакам. Пятно сразу же приветливо замахала хвостом, а щенок, поняв, что опасаться нечего, подбежал к ногам человека, смешно и трогательно дрыгая хвостиком. Павел опустил на корточки:

— Какой ты ма-аленький, братец!

Щенок сразу почувствовал доброту, исходящую от этого человека и стал аж разрываться от желания выразить свои радостные эмоции.

— Ры-ыженький, песик! — приговаривал Павел, почесывая малыша за ухом, от чего тот пришел в полнейший восторг, смешно притоптывая лапкой и даже прикрыл от удовольствия глаза. — Давай дружить, Рыжик! Меня зовут Павел.

Щенок, по-видимому, желая закрепить знакомство, принялся лизать руку Павла. Павел взял его на руки и поднес к лицу, глядя в глазки малыша. Тот не упустил возможности лизнуть человека в нос, выражая ему свое одобрение, ведь никто еще не брал его на руки.

Парень улыбнулся, опустил щенка на землю. Шагнул в сторону Пятна, которая наблюдала за ними и погладил ее:

— Пятнышко, ты не будешь против, если я заберу твоего щеночка к себе домой? Обещаю тебе, я буду с ним очень добр и всегда-всегда буду сытно его кормить! И к тебе приводить буду! Ну, как? Ты не возражаешь?

Пятно, словно соглашаясь, лизнула его руку. Павел принял это за согласие. Может быть, Пятно,

как нормальная, не злая собака к хорошим людям относилась как, наверное, мы относимся к «добрым богам»? И поэтому возражать не стала, но сердце у нее неожиданно тревожно забилося. И когда Павел во второй раз поднял щенка на руки, то она тоже приподнялась на задние лапы, и, обнюхав своего малыша, лизнула его, как бы «на прощание». Затем отошла на шаг назад, словно отпуская Павла.

— Спасибо, Пятнышко! — нежно поблагодарил человек собаку. — Пока.

И направился со своей драгоценной ношей дальше, переполняемый чувством восторга от обретения чего-то очень большого и очень-очень светлого для себя. Светло-рыжий маленький комочек не выказывал никаких возражений. Он спокойно сидел на руках у человека, с любопытством оглядывая все вокруг. Павел шел молча, но был счастлив. Ему было радостно, также как и щенку.

Наконец, они добрались до дома. Человек, не отпуская щенка, одной рукой стал рыться в кармане. Нащупав ключи, вынул их и открыл входную дверь. Павел опустил щенка на пол, вернее на порог, предоставляя ему право первым зайти в дом. А щенок, тем временем, вдруг оробел, хвостик свой поджал, тихо-тихо скулынул, сделав лужу и оглянулся.

— Ну, что ж ты!? Не бойся! Иди... — ответил Павел на безмолвный взгляд. И тот, наконец, осилив свои страхи, нерешительно вошел в прихожую. Павел зашел за ним и закрыл дверь.

Щенок несмело принюхивался, порывами приподнимая нос. Человек подошел к нему, взял на руки и серьезно произнес, глядя щенку прямо в глаза:

— Рыженький...Рыжик! Теперь тебя зовут Рыжик! Ты понял, Рыжик? — Павел продолжал смо-

треть в глаза щенку, который, казалось, внимательно его слушал. А потом вдруг лизнул Павла в нос! Человек улыбнулся:

— Ну, Рыжик, добро пожаловать домой!

Павел вспомнил, что (он где-то прочитал или ему об этом рассказывали) собака быстрее привыкнет к своему имени, если хозяин будет часто произносить его имя во время кормежки или, лаская своего пса. Павел решил попробовать. Он, глядя щенка и почесывая его за ухом, ласковым голосом повторял имя собаки.

Щенок постепенно стал осваиваться в новом доме. Он, как все маленькие, веселые и задорные щенки, через некоторое время увидев тапочки Павла, смело накинулся на них (требующие срочной «трепки») схватив их зубами и что есть мочи стал трепать их! Тапок яростно сопротивлялся своей тяжестью. «Вот тебе! Вот тебе!» — словно приговаривал Рыжик.

Хозяин зашел в спальню и щенок побежал за ним. Здесь было еще интереснее и любопытнее, чем в коридоре и требовало его срочного изучения. Как же велик новый мир! Как интересен! Щенок резво бегал по комнате, принюхиваясь ко всем предметам. Павел тем временем разбирал рюкзак. Выходя из электрички, он думал, что займется этим завтра, потому что сегодня он очень сильно устал. Но теперь парень находился в радостном возбуждении, пытался удержать как можно дольше в себе эту радость, рвущуюся наружу от обретения нового друга, и подумал, что если будет заниматься обычными делами, то растянет подольше это удовольствие.

Павел помыл щенка в теплой воде с мылом. Щенку купание понравилось, хотя сначала глаза его выдавали испуг, но, успокоившись, песик стал

сам активно плескаться в корыте, расплескивая воду на пол. Павел никак не мог нарадоваться на своего нового друга.

«Так. Теперь надо бы придумать некое подобие миски для Рыжика», — размышлял Павел, раскидывая вещи на кровати. «Где-то у меня была алюминиевая чашка. Наверное, она подойдет. А как-нибудь потом, когда выберусь в город, забегу в магазин для животных, если здесь такие вообще есть, и куплю нормальную миску и ... Что там еще надо для собаки? Наверное, будку? Да нет — он будет жить здесь в доме. Ну, тогда нужно что-нибудь придумать вроде «спального места». Хотя, он может спать, где захочет — зачем его ограничивать. Но все-таки, что-то постелить все равно нужно, ведь у собаки должно быть свое место. Ой, я же совсем забыл, что Рыжика, наверное, покормить надо. И чем они там, на улице, питались и как перебивались — неизвестно».

— Рыжик! Ты кушать хочешь? — Щенок заинтересованно поднял голову, оторвавшись от валяющегося на полу носка. — Конечно, хочешь, да? Что ж я, дурак, спрашиваю-то! По-моему, у меня там, в морозилке, что-то еще есть, оставленное до моего отъезда.

Павел пошел на кухню. В доме были две просторные комнаты и кухня, но туалет находился на улице. Вообще-то домик был не маленький, так что порядок в нем обычно отсутствовал. Сам Павел любил порядок и чистоту, но не всегда регулярно занимался уборкой, так как это требовало времени, а при наличии интересной работы, которой можно и дома позаниматься, было недосуг. С покупками продуктов и их приготовлением дома — тоже появлялась проблема. Он часто забывал зайти в магазин, а если и успевал это делать, то допоздна

заработавшись, не успевал приготовить ужин и уже пора было ложиться спать. Но теперь все обстояло иначе — появился повод «взяться за ум», потому что это маленькое существо требовало ответственного к себе отношения.

— Идиот! — спохватившись, обругал себя парень, доставая мясо из морозильника. — Додумался ценку замороженное мясо давать! Придется тебе, Рыжик, немного потерпеть, пока я что-нибудь из него приготовлю.

Павел мясо положил в раковину и открыл горячую воду, чтобы оно быстрее оттаяло. Вода была не особо теплой, так как требовалось время, чтобы колонка прогрела ее. Но процесс пошел. «Я должен обязательно приготовить ужин», — подумал Павел. А Рыжик с интересом наблюдал за действиями хозяина.

Павлик присел, потрепал Рыжика, за что тот игриво укусил хозяина за палец.

— Ну, друг, теперь мы с тобой не одиноки! Теперь у тебя есть я, а у меня есть ты!

Рыжик, соглашаясь, твякнул. Он в новом доме перестал бояться, его только пугало отсутствие мамы, здесь не слышался ее запах — не пахло тем, что для него было «залогом» спокойствия и уверенности. Но доброта Павла постепенно стала придавать ему эти чувства — уверенности, спокойствия и защищенности. Этот человек был большой, больше его мамы, но такой хороший и ласковый. И щенок, в котором стал пробуждаться древний инстинкт преданности и любви к хозяину, заложенный в процессе одомашнивания собак человеком, стал чувствовать себя в этом доме все более уверенным, словно жизнь наполнялась неким новым смыслом.

ГЛАВА 3

Прошла неделя с тех пор, как Павел забрал щенка к себе. Рыжик за это время успел привыкнуть к хозяину и научился отзываться на свою кличку. Вот только с послушанием пока были проблемы – щенок так и норовил все время что-нибудь погрызть, где-нибудь в доме написать. Что поделаться, на то он и щенок! Зато его активность и неиссякаемая жизнерадостность не переставали радовать его хозяина.

Павел нехотя приоткрыл один глаз, протянул затекшую руку и хлопнул ладонью по макушке дребезжащего будильника. Протерев глаза, он свесился с кровати и посмотрел в сторону рыжикиного угла – тот уже стоял на своей подстилке и с бодрым настроением поглядывал на хозяина, высунув язык и весело мотая хвостом.

– Доброе утро, Рыжик! – просыпаясь, пробормотал Павел.

Щенок, увидев, что уже можно проявлять себя активно, с разбегу запрыгнул на кровать и, поскальзываясь на неровностях человеческого тела, пробрался к лицу хозяина с явным намерением лизнуть его. Спросонья Павел не успел адекватно среагировать и Рыжик своей цели достиг.

– Рыжик! Не надо! – отпихивая любимца, взмолился хозяин, но щенок уже всю «разошелся». Павлу пришлось вставать.

Умывшись, Павлик открыл холодильник, вытащил с нижней полки кастрюлю со вчерашним супом. Разжег плиту и поставил на нее кастрюлю и чайник. «Какое счастье, что хоть газ проведен в этой глубинке. Блага цивилизации...» – уже не раз

радовался парень, ловко уворачиваясь от Рыжика, мельтешащего под ногами.

Теплый суп был налит щенку в его миску. Его хозяин позавтракал хлебом, намазанным маслом, и печеночным паштетом. Теперь пора было идти на работу.

Павел недавно проделал во входной двери дырку, чтобы Рыжик мог беспрепятственно входить и выходить из дома. Дырка была прикрыта двумя кусками ДСП, которые прикреплялись петлями над дыркой, так что одна «дверца» открывалась вовнутрь, а другая — наружу. Конечно, зимой это отверстие еще может доставить немало хлопот, открывая путь морозному воздуху, но пока сгодится и так. Правда, щенок все еще боялся выходить на улицу без хозяина, но Павел надеялся, что вскоре его страхи останутся позади.

Хотя и прошло совсем немного времени, а Рыжик заметно подрос, окрас его посветлел, шерсть стала гуще и роскошнее. Он стал красивым и симпатичным светло-рыжим щенком, который своим внешним видом мог бы дать фору любой породистой собаке.

Павлу пора было идти на работу, но не хотелось из-за плохого самочувствия. Почему-то его тело наполняла тягучая слабость, побаливала голова. Но Павел не привык болеть, да и не мог представить себя таким человеком, который не пошел на работу. Надев кепку и куртку, он подошел к двери.

— Рыжик! Пошли, пошли гулять! — Щенок сразу оказался тут как тут. — Выходи!

На улице было прохладно. Осень постепенно уступала дорогу зиме.

Во дворе Рыжик весело побежал к воробьям, спугнув их с земли. Он залаял, ведь теперь щенок научился лаять, хотя у него это получалось скорее

смешно, чем серьезно. Павел присел на корточки, поднял с земли небольшую палочку и крикнул:

— Рыжик! Лови!.. Апорт! — Парень кинул палку в сторону, противоположную от Рыжика. Щенок, споткнувшись на первом шаге, бросился догонять «игрушку». Правда, найти ее ему не удалось, так как она угодила в заросли кустов. Находчивый щенок не особо расстроился, потому что, схватив другую, первую попавшуюся палку, прибежал к хозяину. Павел рассмеялся. Боже, как хороша жизнь! Это небо, пусть и вечно заволоченное тучами, эта прохлада, мягкая земля, и вот этот рыжий комочек любви — все раскрашено так красиво и так сочно! Хорошо!

Парень позвал щенка, потрепал его загривок, вызвав этим дополнительный прилив нежности у пса.

— Все, Рыжик, пойду я. Пора мне на работу! Не безобразничай тут без меня, ладно? Пока. Не скучай.

Щенок побежал было за ним, но услышал:

— Домой, Рыжик! Иди домой! — как можно тверже приказал хозяин. И щенок послушно остановился, продолжая смотреть на уходящего человека. Павел, в последний раз обернувшись, скрылся за деревьями. Рыжику стало страшно, и он затрусил в дом, пробравшись в него через свой «персональный» ход.

Павел бодро шел по лесной тропинке, запорошенной опавшей хвоей. Весь путь его мысли занимал оставленный дома щенок. С его появлением жизнь Павла как будто обрела новый смысл. Теперь, парень, находясь на работе, с нетерпением ждал окончания рабочего дня, чтобы поспешить домой и встретиться со своим любимцем, накормить его, поговорить с ним. Счастливый хозяин щенка рассказал о своем новом друге всем своим коллегам, которые стали давать полезные советы, как

надо воспитывать и ухаживать за собакой. Сергей, старший их смены, озадачил его сказав, что любой собаке нужно пройти курс прививок. И Павел сходил в медсанчасть, чтобы посоветоваться по этому вопросу с врачом — ему все же виднее. Но врач сказал, что делать прививки дворнягам необязательно, и даже нежелательно, ведь они не домашние собаки. А для того, чтобы пройти курс прививок, надо было бы поехать с собакой в город, а там появится еще какая-нибудь проблема, да и сами прививки будут стоить денег. И только после слов врача, сказавшего: «У дворняг организм крепче и менее подвержен воздействиям собачьих болезней», Павел успокоился, тем более, что ему просто не верилось, что его любимец, такой веселый и бодрый, может вообще заболеть.

В сельском магазине Павел теперь стал покупать гораздо больше продуктов, чем раньше. Для Павла Рыжик был не просто охранником, компаньоном, он был, прежде всего, другом. Поэтому теперь молодой человек стал частым гостем в магазине, который прежде обходил стороной. На территории их предприятия был свой, «ведомственный» продуктовый магазин, в котором «ведомственные» цены были намного ниже городских. Оказалось, что в сельском магазине цены на продукты были еще ниже. К тому же многое было свое, деревенское, а значит, свежее и лучшего качества. А зарабатывал Павел, будучи молодым специалистом, не так много, тем более что часть денег он отправлял родителям.

Доехав до работы, Павел, предъявив пропуск, прошел через ворота особо охраняемого объекта, огражденного высоким забором. Он направился к первому корпусу, над которым высился огромный купол. Под ним находился реакторный зал. Сегодня предстояло многое сделать и, поздоровавшись с кол-

легами, Павел погрузился в работу, отключившись на время от всех прочих мыслей.

Пятно хмуро огрызнулась на Малышку, которая подошла слишком близко, увлекшись поиском съестного около места для мусора. Вообще-то, Пятно подружилась с ней, но поиск пропитания это такое дело, в котором никакая собака не потерпит конкурентов, поэтому Малышке пришлось отойти подальше. Пятно, найдя более или менее съедобный кусочек, принялась грызть его. Малышка поежилась от голода и холода и стала копать на свалке.

Первые дни после того, как Пятно лишилась своего щенка, дворняжка чувствовала себя не лучшим образом — непонятная, впервые испытываемая ею тоска не давала покоя. «Бунтовал» материнский инстинкт, заложенный в любом материнском сердце, хоть и поколебленный многовековым соседством с людьми. Так не хватало присутствия рядом с ней ее маленького живого комочка! Но прошло некоторое время, и собака постепенно успокоилась.

Становилось все холоднее с каждым днем, и даже в подвальчике по ночам теперь уже было холодно. Голод приглушился лишь отчасти. Дворняжки побрели дальше, в надежде найти чего-нибудь еще, чем можно было бы полакомиться. Миновав почти всю деревню, они вышли к окраинным домам и тут почуяли запах, который заставил их подойти поближе к одному из домов. Во дворе стоял, подняв на них заинтересованный взгляд, рыжий щенок.

В тот день Рыжик после ухода Павла впервые решился погулять вне дома без хозяина. Он рос и становился все смелее. До этого щенок боялся выходить за пределы огороженного двора и занимался только изучением пространства внутри забора. Тут было немало любопытного для него: уйма запахов,

принадлежность каждого из которых еще предстояло выяснить, ведь он еще только учился жить! Правда, многое он уже усвоил: запах своего хозяина, его следов, запах их дома, запах земли их двора. Для щенка и птички еще оставались загадкой, вот незадача, они не желали играть с ним, улетая при малейшей его попытке приблизиться к ним.

Оставалось в одиночестве бегать по двору, вынюхивая себе новых одушевленных и неодушевленных друзей. И вдруг он почуял знакомый родной запах, «подернувшийся» легкой дымкой из его короткого прошлого. Щенок поднял голову и увидел двух собак, остановившихся у калитки, прутья которой не позволяли им проникнуть внутрь. Щенок таякнул — наконец-то появились достойные партнеры для игр, и радостно побежал к ним. Он смог легко пролезть в зазоры между прутьями калитки, и через мгновение был рядом с ними.

Пятно смотрела на него удивленно и с интересом, а Малышка обрадовалась появлению щенка. Рыжик, размахивая хвостом и поджав ушки, подошел сначала к своей маме и, как бы знакомясь заново, стал обнюхивать ее. Пятно понюхала маленькую мордочку щенка, от которой совсем чуть-чуть еще пахло ее щенком, но сильнее его хозяином и теперь шел запах чего-то незнакомого, чужого. Другая собака! Теперь Рыжик был не просто ее щенком, он стал, прежде всего, другой собакой, к которой надо отнестись именно по-новому, не иначе, потому что теперь он уже не принадлежит ей.

Познакомившись повторно с мамой, веселый непоседа подбежал к Малышке, пытаясь обжевать ее, обнюхивая. На что Малышка, словно стеснясь, поджала хвост и уши. «Вот и познакомились», — как бы говорил щенок, потешно суетясь между «новыми знакомыми». Он таякнул и набросился на Ма-

лышку, решив, что она больше подходит для игр, чем Пятно. И они немного играючи повозились. Малышка все еще была намного крупнее Рыжика, но от этого щенку было только интереснее.

Собаки относятся друг к другу не всегда взаимно доброжелательно так же, как и люди и их взаимоотношения. Псы не могут разговаривать друг с другом (если не считать самых примитивных сигналов — угроза, оповещение об опасности и т.п.). У них нет никаких инструментов для обмена абстрактной или сложной информацией, но они понимают эмоции, прекрасно чувствуя чужую агрессивность и доброжелательность. Вот только они куда быстрее, чем люди, распознают истинное отношение другой собаки к себе, потому что они не могут искажать свои эмоции, не умеют прятать их за ложной завесой любезностей и ненужных слов. У собак знакомство проходит очень быстро, легко.

Пятно глядела на играющих щенков. Странно, еще совсем недавно она вот так же возилась с другими щенками, получая от этого огромное удовольствие, а теперь на игры совсем не тянет. Вот только почему-то очень сильно хочется подойти к ним, облизать этого рыжего щенка, который совсем недавно был для нее всем, а теперь... Пятно отвернулась и потрусила прочь — все еще сильно хотелось есть, чувство голода не угасает со временем, напротив — голод все настойчивее гложет внутренности. Малышка, заметив уходящую подругу побрела за ней. Рыжик удивленно глянул на них, не понимая, почему прервалась игра, а потом, словно решившись, побежал следом.

Пятно свернула с дороги, которая вилась между дворами, насквозь пронзая весь поселок, пролезла в дырку забора одного из дворов. Щенки полезли вслед за ней. Рыжику было очень интересно, а с

попутчиками не так страшно, и он уверенно следовал за Малышкой, которая, привыкнув к обществу Пятна, боялась потерять ее.

Во дворе около крыльца сидела кошка и лакала молоко из мелкой посуды. Видимо, она была одной из тех «приходящих и уходящих» кошек, обитающих в любой деревне. Такие не имеют постоянного дома и хозяев, но приходят к тем, кто подкармливает их, позволяя ласкать себя. Кошка, увидев приближающихся собак, изогнулась дугой и зашипела, не желая уступать молоко. Пятно зарычала, Малышка застыла на месте, а Рыжик, глупейший из пришедших, смело подбежал к кошке и тявкнул, словно угрожая. Мурка, не долго думая, зашипела еще сильнее и резким, неуловимым движением саданула когтистой лапой по мордочке щенка. Тот застыл в шоке, который дал Мурке шанс повторить удар еще раз. «У-уйиии! А-у-уйии! А-у-уйии» — заскулил побитый! Тут Пятно, словно вспомнив что-то, бросилась к кошке со страшным рыком. Та взмякнула и стрелой кинулась прочь. Малышка подошла к Рыжику и принялась сочувственно облизывать его оцарапанный нос. Щенку было так больно и обидно, что глаза наполнились слезами. Он продолжал жалобно поскуливать. Больно! Теперь подошла уже мама, Пятно. Малышка, уступила ей место. Вскоре ей удалось успокоить своего щенка, и они втроем, без ссор, досуха вылизали маленькую посудину из-под молока.

Вдоволь побегав со своими спутницами, Рыжик почувствовал какое-то беспокойство, желание вернуться домой — он нагулялся. И тогда, тявкнув на прощание, он побежал домой, ориентируясь по запаху. Впрочем, они ушли недалеко, поэтому уже через минуту Рыжик пролез в свою дверку, деловито прошествовал на кухню, полакал из миски остатки

утреннего супа и улегся подремать в спальне на своей подстилке.

Павел чуть ли не бегом шел домой. Что там с его Рыжиком, как он? Рабочий день кончился и он, выкинув из головы все «рабочие проблемы», спешил домой к своему питомцу. Он так спешил, что чуть не упал, споткнувшись о корень старой сосны, торчащий из земли прямо посреди тропы.

— Черт! — с чувством досады воскликнул он, потряхивая отбитой ногой.

Теперь с каждым днем начинало темнеть раньше, поэтому и смотреть под ноги приходилось внимательнее, увертываясь от предательски незаметных кочек и корней.

Вот виден уже и забор дома. Отпирая дверь, Павел улыбнулся, услышав нетерпеливую возню за ней. И как только дверь была открыта, Рыжик бросился на его ноги, виляя хвостом и елозя по полу. Наконец-таки пришел хозяин! «Здравствуй, человек! Я так ждал тебя!»

Маленький комочек выказывал столько нежности и преданности, что не оставил бы никого равнодушным.

Павел, торопясь, запер дверь и поднял щенка на руки:

— Приветик! Приветик, маленький, мой Рыжик, мой хороший! Соскучился? И я соскучился! — человек потрепал Рыжика и весело рассмеялся из-за того, что песик стал облизывать его руки и тянулся выше, пытаясь облизнуть его лицо.

Опущенный на пол малыш не устал радоваться. Он требовательно скульнул, призывая хозяина уделить ему еще немного (а лучше побольше) внимания и ласки. Павел потрепал щенка по голове, а

тот — перевернулся на спину, требуя почесать ему еще и животик. Павел улыбнулся:

— Ах, ты, нагленький такой!

Если бы он знал, что для собаки открыть свой живот человеку — значит выразить свою покорность, то умилился бы еще больше.

— Ну, все! Хватит, Рыжик. Имей совесть. Я жрать хочу, как собака! — щенок вопросительно посмотрел на человека. — Ну, ты-то, как раз, похоже, не особо голоден, так что извини, согласен, сравнение неудачное. Все, я пошел.

Пока Павел переодевался, Рыжик все никак не мог успокоиться. Он крутился рядом, временами погавкивая, то отбегал, то вновь подскакивал к ногам хозяина, или сражался с летящей на кровать одеждой, которую сам же предварительно стаскивал на пол.

— Эй! Не хулигань, Рыжик! Отстань от моих носков! И рубашку тоже не трогай! — Но щенок не унимался до тех пор, пока Павел не убрал все в шкаф.

Умываясь, парень брызнул водой на щенка, на что игривый малыш задорно гавкнул, отпрыгнув назад.

Ему предстояло приготовить что-нибудь на ужин, поэтому Павел перекусил черным хлебом с солью, то есть тем, что всегда можно найти дома. Затем он взялся за приготовление ужина, комментируя свои действия.

— Вот порежем мы кусочек мяса. А теперь лучок почистим. Мясо кинем в казанок с маслом. Помешаем...Та-ак, теперь морковь соломкой нарежем и оставим пока, помешаем мясо, добавим лучок...Пока и картошку почистим...

— Как ты там? — обратился Павел к Рыжику. — Все нормально? Теперь кидаем морковку и мешаем.

Солим и перчим, опять мешаем. Ждем немного. Вот теперь пора картошечки добавить и воды – немного, опять еще посолим немного. Теперь котелок накроем крышкой – пусть потомится.

Рыжик с интересом наблюдал за веселой суетой Павла. Аппетит у щенка от витающих на кухне вкусных запахов все возрастал. Через полчаса Павел объявил:

– Вот и готово жаркое!

Рыжик требовательно затыкал, желая поскорее получить свою порцию.

– Подожди, Рыжик, немного! – Но щенок продолжал нетерпеливо подпрыгивать. Павел положил в миску щенка жаркого, а чтобы быстрее оно остыло, открыл окно и поставив посудку собаки на подоконник. Затем он отрезал кусочек вареной колбасы и дал его псенку:

– На, перекуси! – щенок, чуть ли не с лету, проглотил подачку и вновь требовательно, не прося даже, а требуя, уставился на Павла. Как можно вытерпеть такой взгляд?

– Ну, Рыжик, ведь жаркое еще горячее, потерпи, маленький!

Хозяин положил себе на тарелку жаркого. «Хорошо, что еще и на завтра осталось», – удовлетворенно окинув взглядом содержимое котелка, подумал Павел. Затем он поставил тарелку на стол, но садиться не стал, решив подождать, пока не остынет порция щенка, чтобы приступить к еде вместе.

Ели молча и сосредоточенно. Щенок наслаждался едой, стараясь выбрать из общей «мешанины» кусочки мяса, а человек безмолвно радовался своему щенку, его солидарности с ним. Словно почувствовав пристальный взгляд и услышав добрые мысли хозяина, Рыжик, оторвавшись от миски, поднял голову.

— Кушай, кушай, Рыжик.

Поужинали.

Пока Павел мыл посуду, Рыжик убежал в комнату и зашуршал чем-то в темноте. «Интересно, что это он там опять корежит?» — вытирая руки о кухонное полотенце, подумал парень. Оказалось, на этот раз «жертвой» непоседы стала книжка, которую читал Павел. Он собрался было поругать щенка, но передумал — что с него возьмешь? Поэтому просто отобрал книгу и положил ее на тумбочку.

Щенка переполняла энергия и он, таякая, подпрыгивал на месте, призывая хозяина поиграть с ним. «Эх ты, собака!» — нежно посмотрел на него Павлик. «Соба-ака!». Рука человека повергла Рыжика на спину, и стала, играючи «возить и катать» по полу — туда-сюда. «Жертва» яростно, но игриво сопротивлялась такому беспардонному с собой обращению, кусая «злую» руку. Павлик присел рядом и «пустил в ход» и вторую руку. Щенок даже заворчал, кусая то одну, то другую ладонь. Павел рассмеялся.

Потом Человек лег на кровать и взял в руки многострадальную книгу, а Пес, утомившись, отдыхал около кровати Человека. Вскоре свет в доме погас, и они заснули. Совсем близко друг от друга — Человек и его маленький друг — Пес.

ГЛАВА 4

Прошла зима. Четыре месяца Рыжик редко выходил на улицу, разве что по нужде. Было слишком холодно для прогулок. Впрочем, Павел не держал насильно пса дома, зная, что Рыжик и сам очень быстро забежит обратно домой, в тепло.

Щенок рос. Он уже достиг размеров почти взрослой собаки, размером с овчарку или колли и теперь только его игривый нрав выдавал возраст псеныша. (Переводя на человеческий возраст, Рыжику было около 15-ти лет.) У Рыжика были умные глаза, красивая густая шерсть ровного рыжего оттенка (только брюшко было чуть светлее) и пушистый, слегка загнутый хвост.

Нрав Рыжика так и остался непоседливым, добрым и веселым. Он полюбил своего хозяина всей душой, что неустанно выражал своими действиями. Павел уже не представлял свою жизнь без этого существа, ставшего ему настоящим другом!

Пришла весна. Она неуверенно, медленно, но целенаправленно закрашивала зеленым цветом все вокруг.

Была суббота, и неожиданно в тот день резко потеплело. Провести такой день в домашних хлопотах было бы просто недопустимо, поэтому Павел решил пойти погулять в окрестных лесах. Нет, не за грибами и не за ягодами, а за удовольствием от свежести и чистоты лесного духа, за умиротворенным наслаждением от наблюдения за пробуждающейся природой. Любого человека время от времени так сильно тянет к природе. А если еще и суббота, да и солнышко пригревает, то только вперед!

— Рыжик, пойдем гулять? — бодро спросил Павел, поглядев в окно. Рыжик оторвался от миски и гавкнул, соглашаясь. — Пойдем-ка мы с тобой сегодня в лес, ты не против? Погуляем на природе. Давненько я не бродил спокойно по лесу, все бегом-бегом по дороге на работу. Ну, я думаю ты не против. Я пошел одеваться.

Одевшись потеплел, Павел вышел из дома, пропустив вперед нетерпеливо мельтешащего рядом с

хозяином Рыжика, предвкушающего прогулку. Они направились в лес, который начинался недалеко от их дома. Только Павел в этот раз свернул в сторону, противоположную направлению на АЭС. Первые полчаса путь их пролегал по широкой тропе, ведущей к другой деревне. Павел шел бодро, широко шагая, наслаждаясь прозрачным, свежим воздухом, красотой русского леса. Заблудиться он не боялся, так как, во-первых, еще в прошлом году изучил окрестные леса, а во-вторых, хорошо ориентировался в лесу. Рыжик шел рядом, иногда отставая, отвлекаясь на что-то заинтересовавшее его, иногда, убегая немного вперед.

Пес впервые оказался так далеко в лесу, и теперь на него обрушилось великое множество новых запахов, которые хотелось исследовать и распознать. На каждом шагу ему попадались незнакомые и непонятные, но «жутко» интересные копошащиеся в траве, под камнями и под корнями деревьев какие-то существа. Мелкие такие, несъедобные, но было любопытно наблюдать за ними. Обоняние Рыжика ловило столько разнообразных запахов, что он даже терялся в них. В своем «исследовательском порыве» он все норовил пойти по тому или иному запаху, следу, но, заметив, что хозяин отдаляется от него, стремглав мчался к нему.

В лесу преобладали запахи растений, а людьми здесь пахло очень-очень слабо. Пахло букашками-таракашками, но только у самой земли. Пахли следы разных животных, которых было очень много, но чьими они были? Этого пес пока понять не мог, потому что не знал. Павел изредка отвлекался от своих мыслей, чтобы взглянуть в сторону Рыжика, который, казалось, просто забыл про своего хозяина. Пес молча, сосредоточенно бегал, знакомясь с загадками леса.

Затем они покинули широкую тропу и, свернув, доверились узенькой петляющей тропинке, уходящей куда-то на север, далеко от человеческого жилья.

Павел невольно присматривался к земле, сказывалась привычка искать грибы — занятие, которое он очень любил.

В это время Рыжик «взял» след, показавшийся ему интересным, еще и свежим. Сосредоточенно, резкими порывами вдыхая «взятый» им запах, Рыжик устремился в самую гущу подлеска. След все время петлял, вводил прочь.

— Рыжик, ты где? Ко мне, Рыжик! — раздался обеспокоенный голос хозяина откуда-то издалека. Рыжик на секунду остановился, поднял голову и негромко тявкнул. Вот только Павел этого не слышал. А пес уже не мог себя остановить — он помчался дальше в лес, по следу.

Запах становился все сильнее — значит цель где-то рядом. Еще немного! Вот где-то здесь. Рыжик увлеченно зарывался носом в куст, в котором явно скрывался обладатель запаха. Ткнув в очередной раз листву куста, пес понял, что зверушка прямо перед его носом, за кустом, вот только ее не было видно. Вдруг резкая, сильная боль пронзила нос «следопыта». Щенок опять совал нос, куда не следовало, и получил по заслугам. А еж, на этот раз это был именно еж, юркнул прочь от него и быстро затерялся в зарослях, пока Рыжик скулил и мотал от боли головой. Обиженно взыв, он от боли помчался прочь куда глаза глядят, подальше от «злого» места. Спустя некоторое время, остановившись, бедолага испугался еще больше — он потерял хозяина.

А Павел все время шел по тропинке и неустанно звал своего любимца. Рыжик был далеко и не слышал его. Набегавшись, Рыжик вдруг обнаружил, появившийся в воздухе, слабый запах хозяина. По-

скуливая, пес пошел на запах, прекрасно знакомый, добрый запах.

Павел устал. Он был напуган и очень взволнован исчезновением пса. Куда он мог подеваться? Что могло случиться в лесу? Да все что угодно. Вплоть до волков, которых, правда, сам Павел никогда не встречал. Одно дело он — человек, которого всякий зверь чурается, другое, собака, тоже зверь.

— Глупый пес! — в отчаянии воскликнул парень. И вновь крикнул:

— Ры-ыжи-ик! Ко мне-е, малыш!

И тут он услышал далекий лай и жалобные завывания.

— Рыжик, маленький, иди ко мне! — взволнованно кричал Павел.

Жалобы испуганного «следопыта» раздавались все ближе, и вот, наконец, он выскочил в тридцати метрах впереди него и что есть мочи помчался к хозяину. Налетел на него, чуть не сбив с ног, и бесконечно радуясь человеку-хозяину-другу, одновременно размахивая хвостом.

— Ры-ыжик! Маленький, ты где пропадал, гад такой?! — приговаривал хозяин, нежно поглаживая свою собаку. — Я тут весь извелся, переживая за тебя!

Павел радовался счастливому разрешению своих страхов, вместе с ним эту радость разделял Рыжик. Следов от «атаки» ежа на носу у Рыжика не осталось, а боль вроде бы почти прошла из-за страха потерять хозяина.

Павел так и не узнал о новом знакомстве своего пса с животным миром леса.

Нарадовавшись вволю, они торопливо направились в сторону дома, не отвлекаясь на прелести природы, каждый из них радовался, что не потерял друга.

Человек и Пес...

Даже вечером дома они долго сидели рядом. Павел впервые увидел своего любимца совершенно спокойным, не суетливым. Он не играл и не бегал, а просто сидел, положив свою голову на колени Павла. Человек машинально тербил пса за ухом, а сам думал об инциденте, который произошел с Рыжиком, задавался вопросом: что же могло произойти с его другом. Он думал о том, что было бы, если его друг не нашелся в лесу.

На улице стемнело. Взгрустнулось. Пора было ужинать, но не хотелось. Ничего не хотелось. Было хорошо сидеть просто так, как они сидели сейчас, никуда не торопиться, как будто позабыв обо всем на свете.

— Рыжик, ты меня любишь? — неожиданно спросил хозяин своего пса. Пес не ответил, лишь неуверенно махнул хвостом в ответ. — Любишь. Я знаю. Вот только глупый ты у меня, молодой. Впрочем, наверное, как и я. Только у меня глупости другого масштаба — человеческого, у тебя — песьего.

Рыжик смотрел на хозяина, не отводя глаз, словно понимая его. Почувствовав, что от него чего-то ждут, какой-то реакции на только что сказанные слова, он еще раз неуверенно махнул хвостом и заботливо, словно сочувствуя, облизал руку Павла. А потом утешающе скулынул и приник к хозяину.

— Любишь! Спасибо, родной ты мой пес. — И, немного помолчав, Павел продолжал свой монолог:

— Так хорошо, что ты у меня есть! Просто не знаю, что бы я делал без тебя. Раньше жил я один и вроде было все в норме. Но теперь не представляю себе, как я мог жить один. Знаешь, как я сегодня испугался, когда ты пропал в лесу? Маленький мой, милый «гаденыш». Я очень испугался. И сейчас тоже, как вспомню, так и вздрогну. Просто удиви-

тельно, что через несколько месяцев после того как я тебя нашел, ты так много значишь для меня...

Вот только чего-то еще не хватает. Впрочем, почему чего-то? Ясное дело. Ты — мой друг и тебе могу сказать об этом. Мне не хватает женской любви. Эх-х-х. Вообще-то, люди все-таки странные существа. Вот тебе всего-то от жизни и надо, чтобы дом иметь, хозяина, и чтоб он кормил и любил тебя. А мы, люди не можем жить без другого человека. Обязательно надо, чтобы рядом с тобой была любимая женщина, родное для тебя существо — на всю жизнь. Конечно, есть среди людей и такие, которые не приемлют узы брака, но чаще всего это просто оттого, что они обожглись когда-то, разочаровались.

Только как можно в этом огромном мире найти именно того человека, который навсегда составил бы твоё счастье, стал бы твоей половинкой? Я молод, но мне тоскливо, потому что по-настоящему не был счастливым, не встретил счастья всей моей жизни. И найду ли его вообще, и познаю ли счастье — быть любимым и дарить счастье самому близкому человеку?..

Ах, Рыжик, Рыжик! Хорошо, что хоть ты у меня есть, — все же жить веселее и поговорить с тобой можно — ты хороший слушатель, который не перебивает и все понимает.

Пес, услышав свое имя, опять махнул хвостом. Он чувствовал, что хозяин грустит, но чем ему помочь? А помочь, утешить, поддержать очень хочется. Рыжик заскулил.

— Ну-ну, Рыжик! Не грусти. И меня прости. Взгрустнулось. Больше не буду, — Павел улыбнулся. — Ладно. Поднюхавато уже. Пошли-ка покушаем. Ты, небось, уже с голоду помираешь.

И они пошли ужинать.

Только сели, как раздался стук в дверь. Павел пошел открывать, Рыжик, естественно, увязался следом. За порогом стояла их соседка, пожилая женщина.

— Добрый вечер, — вежливо поприветствовал гостью хозяин дома.

— Здравствуй, Павлик. Ты не знаешь о случившемся? Сегодня днем Марья Петровна-то, того... скончалась! Помнишь такую — ее дом с красными ставнями.

— Вот беда-то. Да, вы заходите, что ж на пороге-то стоять.

— Ой, спасибо. — Старушка, имени которой Павел никак не мог вспомнить, зашла в дом. — Да, я-то, собственно говоря, пришла вот зачем: мы вот тут деньги на похороны собираем. Кто сколько может. Ты как? Дашь немного на похороны? Хоть чуть-чуть. «С миру по нитке», глядишь, и соберем!

— Конечно-конечно. Я сейчас принесу. — Вернувшись из комнаты, Павел протянул соседке несколько купюр. — Что-то много похорон в последнее время, вы не замечали?

— Да-да, Павлик, вымираем мы потихоньку. В селе-то и молодежи, считай, всего-то — ничего. Она же, молодежь-то, все уезжает, а мы, старики, остаемся. Свой век доживаем. Вот только, Марья, она ж совсем молодая была, всего 52 годка. А видишь, померла. Видно свой век дожила, сколько ей богом отпущено было, а больше и не положено. — Причитала соседка каким-то будничным голосом. Помолчав немного, она продолжила:

— Болела она. Потом, быстро сторела. Что-то все у нас в последнее время хворать стали чаще. Оно понятно, конечно, возраст даст о себе знать. Но все же, раньше здоровее мы были и жили дольше. Экология, может, не та?

– Да-а, – задумчиво протянул Павел.

– Ну, ладно, пошла восвояси. Спасибо, сынок. Ты, если хочешь, приходи послезавтра на похороны.

– Не могу – работа.

– Ну да, ну да. Ну ладно, всего тебе хорошего.

– До свидания.

Павел закрыл дверь и посмотрел на Рыжика. Тот прижал уши и махнул хвостом.

– Пошли, Рыжик, продолжим ужин. Эх-х, осты-
ло все!

Действительно ужин остыл, но разогревать его Павел не стал. Он жевал, задумавшись. Пес же в отличии от хозяина ел с большим аппетитом, жадно поглощая содержимое своей миски.

– Странно, – проговорил Павел, непонятно к кому обращаясь, – только за последнюю неделю уже трижды приходили собирать на похороны. Больно уж часто. Притом, что в прошлом месяце тоже помирал кто-то из соседей, причем, не один. Может, действительно что-то не так с экологией? Хотя, что может быть не так? Крупной промышленности рядом нет, машин мало... АЭС? Так наша служба внешней дозиметрии регулярно осуществляет радиометрический и дозиметрический контроль. Если бы было что-то не так – давно бы тревогу забили... Да нет, чушь собачья. Я сам видел их отчеты.

Рыжик отвлекся было на хозяина, но, поняв, что от него конкретно ничего не хотят, вернулся к прерванной трапезе.

– Экология здесь ни при чем, – продолжал Павел. – Вот жизнь сейчас не сахар, это да. Но когда было по-другому? Может, и правда, просто старость берет свое? Знаешь, Рыжик, – пес, услышав свое имя, поднял голову и прислушался, – что-то не нравится мне все это. Надо будет самому радиаци-

онный мониторинг местности провести. Может, я и ошибаюсь, но все-таки. Береженого бог бережет...

Рыжик бодро трусил по дороге. Павел уже ушел на работу. Тепло и благостно — самое время побродить в поисках развлечений. Пес уже давно не встречал ни Пятно, ни Малышку, но помнил о них. Вот и сейчас Рыжик решил поискать Малышку, чтобы поиграть с ней, побегать вволю, порезвиться. Но поблизости ни ее самой, ни запаха ее не было. Рыжик покрутился, принюхиваясь, и побежал дальше.

Наконец, уловив в воздухе слабый знакомый запах, Рыжик свернул в один из дворов. Здесь дома были двухэтажными, в несколько подъездов. Он попал в самый центр поселка, где еще ни разу не был. Все здесь было незнакомым и настораживало. Но никаких прямых угроз не чувствовалось, и Рыжик продолжил поиски, ориентируясь на этот слабый запах.

Он наткнулся на девочку, совсем еще маленькую, которая, увидев его, испугалась, потом заревела. Пес поджал уши и опустил голову, не понимая, что происходит. На крик выскочила мать девочки и закричала на недоумевающего пса. Угроза стала явной, и пришлось, поджав хвост, ретироваться.

Рыжик зашел уже далеко от дома и начинал проявлять беспокойство. Но тут, вдруг, он увидел Малышку и Пятно, которые, как оказалось, находились в соседнем дворе, так же окруженном большими домами. Пес радостно гавкнул, привлекая к себе внимание собак, и кинулся к ним, размахивая хвостом. Малышка поднялась и неуверенно пошла навстречу, а вот Пятно отреагировала на появление своего сына не так доброжелательно. Она угрожающе и совершенно недвусмысленно зарычала. Рыжик

опешил. Он остановился, поглядывая на Пятно, не понимая, чем вызвана ее недобрая реакция на его появление. Ведь он хочет всего лишь поиграть. Пятно, увидев, что пришелец не уходит, вскочила. Шерсть на ее загривке вздыбилась, обнажились зубы. Рыжик поспешил отойти подальше.

Он не подозревал, что Пятно болеет и поэтому ведет себя так. Ей было больно, плохо, ноющая боль внутри нее раздражала ее, злила. Она и Малышку-то терпела рядом с трудом. Та чувствовала ее состояние и иногда приносила еду, чтобы отдать больной.

Малышка узнала веселого щенка, который теперь стал настоящим собачьим красавцем. Поэтому, увидев, что Пятно не собирается подпускать чужака близко к ним, сама подошла к нему, влекомая интересом и инстинктом. Рыжик, обнюхав подругу, отбежал еще немного, затем обернулся, зазывая Малышку следовать за ним — ему не терпелось покинуть это место, источающее угрозу.

Они выбежали на главную улицу поселка. Остановившись на полянке у дороги, дворняги завопились, совсем как тогда, когда они были еще совсем щенками. Однако, теперь, когда Малышка была рядом, его влекло к ней, и, видимо, он тоже был ей не безразличен. Они еще долго бегали вместе по округе, пока не очутились совсем рядом с домом Рыжика. Рыжик провел свою подругу домой, благо ключей для этого не требовалось. А там Малышка, с разрешения Рыжика, похлебала из его миски. Утолив голод и успокоившись, они задремали. Мирно посапывая во сне, Рыжик не слышал, как беспокойно дремлет Малышка. Уличная жизнь, незнакомая домашнему псу, не располагает к спокойному сну...

Павел застал собак спящими, когда пришел домой с работы.

Малышка сразу же проснулась, поглядела с опаской на незнакомого человека, встала, поджав хвост. Рыжик проснулся от ее прикосновения и кинулся к своему хозяину, радуясь его приходу, волчком крутясь у ног Павла.

— Привет, Рыжик! Значит, подружку привел домой? Ох, ты какой!

Павел потянулся к Малышке, чтобы погладить ее, но она вдруг испуганно отскочила и резво юркнула мимо него к двери, выскочила в собачью дверцу, и убежала во двор. Рыжик, на мгновение отвлекшись от хозяина, посмотрел ей вслед, а потом, тут же забыв о подруге, радостно и приветливо загавкал, довольный возвращением хозяина домой.

Павел погладил пса, потрепал его по голове:

— Соскучился? Псинка моя рыжая!.. И я соскучился.

С приходом весны выяснилось, что крыша протекает. Таявший снег стал активно заливать сперва чердак, а потом и комнату, просачиваясь в потолок, минуя потолочное перекрытие. Стало очевидно, что кровля окончательно прогнила. Дом был старый и, скорее всего, его никогда и не ремонтировали. Павел мало что понимал в плотничном деле и уж совсем ничего не знал о тонкостях строительного и кровельного ремесла, но, обследовав крышу, пришел к выводу, что достаточно будет заменить несколько жестяных кровельных листов, залив щели смолой. Стройматериалы надо только купить в магазинчике хозтоваров.

Вышли из дома, когда солнце было уже высоко и ярко светило. Рыжик беззаботно трусил рядом,

временами отвлекаясь на вынюхивание чего-нибудь на обочине дороги.

— Рыжик, иди ко мне, Рыжик, — позвал Павел с порога магазина.

Пока пес с любопытством обнюхивал интересности в магазине, Павел поговорил с продавцом, рассказал о своих проблемах с крышей. Продавец посоветовал, что лучше взять из того, что есть в наличии. Тогда Павел купил листы железа и упаковку смолы. Павел с покупками, оттащив Рыжика от садового инвентаря, который «приглянулся» тому, вышел из магазина.

До дома можно было дойти по той же дороге, а можно было пройти через дворы, сократив путь. И Павел решил пойти коротким, как ему казалось, путем. Держать в руках листы железа и упаковку смолы было очень неудобно, веревка резала ладонь. Поэтому любое сокращение пути до дома казалось не лишним.

Пройдя мимо очередного двора, образованного тремя двухэтажными домами, Павел вдруг оказался лицом к лицу с пятью собаками. Он даже узнал двоих бездомных псов, которые бегают по всему поселку в поисках пропитания. Но сейчас эта свора вела себя недружелюбно — оскалив зубы, две собаки угрожающе рычали на человека. Таких псов лучше обойти стороной, стараясь не раздражать их.

Как назло, Рыжик отстал от Павла и теперь ему было страшно за своего друга, ведь на чужую собаку псы могут отреагировать куда более агрессивно, чем на незнакомого человека. Но эта свора не собиралась отпускать с миром даже человека. Псы, скалясь, приближались к нему, отрезав путь вперед. Поворачиваться спиной нельзя — это Павел знал точно. Он уже понял, что псы ведут себя слишком

неадекватно, и он находится на волоске от их нападения.

Павел осторожно отступал назад. Ему стало страшно. Свора состояла из разношерстных собак. Здесь были и черные, и по-волчьи серые псы, но все они сейчас выглядели одинаково грозно, страшно и решительно. Дворняги были разнообразными: от среднего до крупного, и справиться в случае нападения со всеми сразу не представлялось возможным.

Атмосфера накалилась до предела и... Сначала Павел услышал вскрик, вроде как женщина испуганно крикнула, потом крупный черный пес, коротко рыкнув, прыгнул на него. Павел инстинктивно поднял руки, пытаясь загородиться упакованными листами кровельного железа. Нападавший врезался в импровизированный щит, сбив Павла с ног. Упав Павел понял, что не может высвободить руку, чтобы ударить другого пса, старавшегося укусить его в ногу, а Черный теперь вцепился в рукав его куртки. Еще один пес успел впиться зубами в ногу. Стало больно, и Павел закричал. Он пытался сбросить с себя свору собак.

Когда Павел с Рыжиком возвращались домой, пес услышал запах Малышки. Она была где-то рядом. Он увлекся и отстал от хозяина, но вдруг он услышал его крик. Вернее, сначала послышался другой крик, женский, который заставил Рыжика насторожиться и прислушаться, затем послышался крик Павла, в этом не было никаких сомнений. Рыжик кинулся вперед, миновал угол дома, и увидел, как на его хозяина напали чужие псы.

«Хозяин!» — мелькнуло у него в голове, и молодой пес с боевым рыком кинулся на ближайшего врага, намертво вцепившись в его загривок. Со-

перник был мощнее и тяжелее Рыжика, но напор защитника своего хозяина был настолько силен, что Черный, вожак своры, взвизгнув, оставил в покое рукав человека и дернулся, пытаясь освободиться от вцепившегося в него Рыжика.

Но тут еще одна собака пыталась вгрызться в бок человека. И тут друг Павла рыжей молнией кинулся на помощь, намертво вцепившись в ту собаку. Рука Павла освободилась, но теперь все эти псы накинулись на Рыжика!

«Бедный мой Рыжик!» — с отчаянием подумал Павел, но у него страх прошел, и пришло возбуждение драки. Он вскочил, не обращая внимания на боль в ноге, схватил палку, (благо, что подвернулась) и с диким воплем кинулся в гущу сражения. Он с размаху размозжил ненавистную черную голову, отчего псы отскочили. Черный остался лежать. Вдруг прогремел выстрел и еще один пес, скуля, закрутился волчком.

Павел, обернувшись, увидел бегущих к ним участкового милиционера и женщину. Собаки разбежались. Павел бросился к Рыжику, который скулил от боли. Беглый осмотр показал ему, что Рыжик покусан не сильно, по крайней мере, могло бы быть и хуже. Пес поднялся самостоятельно.

Участковый милиционер приблизившись к ним, объяснил, что его позвала женщина. Она же сказала, что закричала от страха, увидев, что псы напали на человека.

— Они совсем обнаглели! — жаловалась она. — Среди бела дня на людей нападают, причем, этот случай не первый, прошлый раз на мою соседку чуть было не набросились, только и спасло ее, что стояли и разговаривали несколько мужиков и они помогли отогнать от нее свору собак. Товарищ милиционер, надо что-то с ними делать.

— Сделаем-сделаем. Ты-то как, друг? В больницу бы тебе. Мало ли что — бешенство там...

— Да, вроде я в порядке, — ответил Павел, сморщившись от боли в ноге.

— Да уж видно. А больница-то ближайшая только в городе. Отвезти тебя, что ли?

— Да нет, пойду на АЭС — там у нас свой доктор есть. Пусть он посмотрит для начала. Они там дежурят и в выходные дни.

— Ну, давай туда тебя отвезу.

— И Рыжика, моего пса? — пояснил Павел. — Он куда больше меня пострадал.

— И его отвезем. Пошли. Машина у участка.

Опершись на участкового, Павел поковылял к отделению милиции. Рыжик плелся за ними. Женщина, еще раз напомнив участковому, что вопрос с уличными собаками надо решать побыстрее, видимо, сочла свою миссию законченной и ушла. А Павел забыл даже поблагодарить женщину.

Врач с АЭС осмотрел пострадавших. У Павла серьезных ран, кроме как на ноге, он не обнаружил. Наложив шов, доктор сказал, что все равно обязательно необходимо получить курс лечения против бешенства. И уколы он будет делать сам.

У Рыжика дела обстояли намного печальнее.

— Пса надо показать ветеринару. Причем срочно.

Рыжик, словно поняв приговор врача, обреченно уронил голову на стол и скулянул.

ГЛАВА 5

Покусанный бок Рыжика противно ныл. Рыжик понуро сидел у ног хозяина на железнодорожной станции. Электричка, как всегда, опаздывала. Павел

сидел и нервничал, раздраженно подергивая ногой. Погода испортилась — стало пасмурно, а влажный, холодный ветер нагонял тоску. Что скажет ветеринар? А вдруг все плохо? Вдруг в кровь собаки попала инфекция какая-нибудь, или Рыжик заразился бешенством? А вдруг, а если...

Но вот показался поезд. Долго тормозя вдоль перрона, он, наконец, остановился окончательно и приглашающе «раззявил» двери.

— Пошли, Рыжик, — позвал Павел, встав у двери вагона. Рыжику совсем не улыбалось залазить в темную пасть вагона. Тогда Павел зашел сам и, повернувшись в тамбуре, вновь позвал пса:

— Ко мне Рыжик, иди сюда, давай, мой маленький!

Пес нерешительно запрыгнул. Двери с шипением, заставившим Рыжика испуганно дернуться, закрылись. Поезд тронулся.

Пассажиры при виде собаки обеспокоенно вжимались в спинки скамеек.

Хорошо, что свободных мест было много. Павел сел. Рыжик лег рядом. До самого конца к ним так никто и не подсел. Путь прошел спокойно, если не считать того, что при каждом торможении или ускорении состава Рыжик обеспокоенно поднимал голову, порой сползая то в одну, то в другую сторону.

Весь предыдущий день он лежал на подстилке, молча переживая свою боль. Хозяин все время был рядом. Заботливо поглаживал своего раненого спасителя, приносил еду и воду, которые оставались нетронутыми. Когда было совсем больно. Рыжик облизывал раны, и боль немного унималась. Тогда, в бою, звериный азарт заставил забыть обо всем, он не чувствовал боли от укусов собак, потому что отидекался на такую «мелочь» было бы губительно.

Те псы, впрочем, как и Рыжик, не умели драться и лезли его кусать, в основном, в бока и лапы. Если бы среди них попалась хоть одна обученная бойцовская собака, не сносить бы Рыжику головы, вернее, шеи. Но, когда, опасность была позади и разгоряченность от боя прошла, стало вдруг больно. Очень больно.

Глаза Рыжика наполнялись грустью и влажной жалобой, иногда он тихонечко скулил. Тогда Павел садился рядом и поглаживал его, успокаивал — помогало.

Чем ближе подъезжали к городу, тем сильнее набивался вагон. Собаку это немного нервировало. Но вот, наконец, объявили конечную остановку. Павел не торопился выходить, боясь попасть в тамбурную сутолоку. Они пошли к выходу лишь после того, как вагон опустел. Но на перроне еще было полно народа. Толпы прибывших и встречающих суетливо сновали, толкая друг друга. Это город.

Павел заранее узнал адрес ветеринарной клиники, и теперь оставалось только найти ее в незнакомом городе. Пришлось спрашивать постового милиционера. Получив необходимые сведения, они вышли на привокзальную площадь. Затем на остановке стали дожидаться троллейбуса.

— С собакой нельзя! — строго остановила их на подножке грозная толстая женщина-кондуктор.

— Как нельзя? Почему это нельзя? Где написано?! — Павел начинал выходить из себя. Сказывалась усталость от суеты и нервное напряжение.

— Написано, написано! Я говорю нельзя, значит, так оно и есть. Выходите!

— Что за чушь! — в сердцах вырвалось у Павла. Про себя он вспомнил словцо покрепче. Но вышел. Рыжик тоже спрыгнул, скульнув от боли в боку.

– К-коза! – расстроено процедил Павел вслед уходящему «двурогому» троллейбусу.

Пришлось ждать следующего троллейбуса, надеясь на то, что в нем кондуктора или не будет вовсе, или же он будет более человечным. В другом троллейбусе кондуктором был мужчина, который никак не отреагировал на пса, только пришлось заплатить за Рыжика.

Наконец, они оказались перед зданием клиники, облицованной белой плиткой. В регистратуре указали кабинет. Очереди, о чудо! не оказалось. Вошли сразу.

– Та-ак, – улыбнулся доктор вошедшим. – Добрый день.

– Здравствуйте.

– Кто это у нас тут? Пес. Рыжий, израненный пес. Хорошо. – Что он увидел хорошего, было непонятно, но Павел возражать не стал.

– Э-э... Понимаете, на нас бездомные собаки напали. Вот, покусали.

– Как зовут пациента?

– Рыжик.

– Ага. Ну, Рыжик, как поживаешь? – улыбающийся доктор присел на корточки и потрепал пса. Потом, аккуратно раздвигая шерсть, осмотрел бок покусанного. Рыжик, не проявлявший никаких признаков недружелюбия, настороженно обнюхал руку целителя. – Собаки были бешеные?

– Не знаю.

– На людей нападали?

– Да. На меня, например.

– Тогда должны были бы провести анализ крови этих дворняг.

– Может, кто и проводил или проведет такой анализ, но не думаю, ведь я в селе живу.

— М-да. Ну, тогда так. Сейчас я сначала обработаю раны и наложу швы — раны поверхностные, не глубокие. Заживут быстро. А потом направлю вас в лабораторию — кровь сдадите... Ну ладно. — Доктор для себя отметил что-то. — Ну, дружок, давай-ка я тебе подсоблю, запрыгивай на стол.

— Да, доктор, чуть не забыл, он вчера почти ничего не пил! И не ел! Это бешенство?

— Ну-у, голубчик, не стоит делать поспешных выводов. То, что собака не пила, еще ничего не значит — это может быть просто реакцией на боль. Вот и все, — успокаивал Павла доктор. — Да вы не бойтесь. Все будет хорошо. Вылечим, даже и не сомневайтесь.

— Спасибо.

Рыжик, как только они вошли в кабинет, сразу почувствовал силу и доброту человека в белом. Он даже было попытался махнуть хвостом, но стало больно. А потом этот человек погладил его и коснулся пальцами его раны. И Рыжик не сопротивлялся, потому что понял, что человек, наверное, хочет ему помочь унять боль. Доктор позвал его запрыгнуть на стол, помогая это сделать, а потом чем-то уколол. Стало ему легко и хорошо, а дальше Рыжик уже не помнил.

Павел беспокойно смотрел, как доктор, предвзительно сделав укол, аккуратно зашивает раны его любимца. Тяжело смотреть, но и глаза отвести невозможно. Тем временем доктор уверенными движениями наложил швы и, наконец, сказал:

— Давай-ка, помоги мне положить его на лежанку. Раны у него хоть и не глубокие, но их много по всему телу, поэтому пришлось делать общий наркоз, так что пес теперь проваляется еще несколько часов.

— Ага, — только и смог ответить Павел и кинулся помогать.

Пока Рыжик отходил от наркоза, Павел сидел в коридоре, не находя себе места, не замечая спущенных (мягко ступающих, мяукающих, вразвалочку лающих и т.д.) мимо пациентов клиники. Наконец Рыжик оклемался, и хотя туман из его головы выветрился не окончательно, и лапы заплетались, они с Павлом поспешили сдать анализы. Надо было успеть на обратную электричку, которая не часто ходила.

Врач из медсанчасти АЭС сказал Павлу, что со здоровьем у него все в порядке, только уколы ему все-таки придется сделать. Это уже успокоило парня. И когда они вновь приехали в ветеринарную клинику, он был почти спокоен. И, правда, его надежды подтвердились — у Рыжика бешенства не обнаружили. Огорчало только одно: Павла-таки профилактически кололи. Как и очень многие люди уколов он не любил, а уж сорок уколов в живот, вообще, вводили его в депрессию. Зато Рыжик с каждым днем чувствовал себя все лучше — раны быстро заживали, к нему возвращались его привычная веселость и активность. Ветеринар сказал, что надо будет посетить его еще разочек, дабы убедиться, что все зажило окончательно и без последствий.

И вот, вновь пройдя испытание электричкой, Рыжик с хозяином приехали к собачьему врачу. Рыжику в дороге теперь было гораздо легче, веселей и спокойней, чем в прошлый раз. Он даже подружился с какой-то девушкой, сидевшей рядом, и получил за это порцию ласки от нее.

Ветеринар встретил их, как старых знакомых, потрепал Рыжика и в процессе возни с ним осмотрел зарубцевавшиеся раны, честно заслуженные бойцом в драке.

– Ну, дружок, все у тебя в порядке! Остались боевые шрамы, которые, как известно, только украшают нас, мужчин, – улыбаясь псу, подвел итог осмотра доктор.

А Рыжик, которому явно наскучили пассивные ласки, теперь требовал более активной игры: размахивая хвостом, он приседал на задние лапы и подскакивал к ногам доктора, слегка кусая их. Но доктор уже не обращал на него внимания, став серьезным. Он смотрел на Павла:

– Знаете, мы тут проверили тех псов, которые напали на вас.

– Да!? ... и какие результаты?

– А результаты... хм, результаты показали, что не было у них никакого бешенства! Это очень странно. Обычно такие дворняги ведут себя спокойно и, даже собираясь в стаи, редко нападают на человека, вопреки сложившемуся мнению, если только на то есть причина.

– Так почему же они все-таки напали?

– Ну-у, причин тому может быть несколько, но как самую вероятную я бы назвал некую другую болезнь. Больные псы становятся очень раздражительными, и, бывает, ведут себя агрессивно. Это заинтересовало врачей. Я предполагал, что виной всему бешенство. И мы провели ряд анализов.

– И?

– И оказалось, что у одного из них была опухоль, раковая опухоль в области груди. У другого – такая же опухоль, только в области паха. Возможно, что-то еще, но более детального обследования мы не делали, потому что – это деньги, время. Да и трупы животных были, так сказать, в «несвежем» состоянии.

– М-да... Скажите, а часто бывают онкологические заболевания у собак?

— Да нет, я бы не сказал, у них гораздо реже, чем у людей. Но, бывает. В общем, их психическое состояние вполне объяснимо. А вы можете ни о чем не беспокоиться, здоровье вашего пса просто замечательное. Никаких последствий от травм не останется, он уже сейчас совершенно здоров.

— Спасибо вам, доктор, — искренне поблагодарил врача Павел. — Пошли, Рыжик!

Естественно, как только Павел услышал слова ветеринара, у него сразу зародилось подозрение о природе возникновения рака у бездомных псов. Все-таки рядом АЭС... Конечно, служба внешней дозиметрии и все такое, но... Павел уже давал себе зарок измерить уровень излучения в деревне, но до сих пор не собрался это сделать. Теперь откладывать было нельзя — и сомнения загрызут, и надо знать правду.

С другой стороны, почему же тогда от рака не умирают люди, живущие в деревне? Хотя, может, и умирают, он не знал этого, так как не особо интересовался ни жизнью, ни причинами смерти односельчан. Приходили же к нему несколько раз его соседи, собирая деньги на похороны, хотя, опять же, это еще ни о чем не говорит. Как бы там ни было, а подозрения, вполне конкретные, возникли и их надо было или рассеять, или подтвердить.

Насколько Павел знал по учебникам и видел теперь собственными глазами, все радиоактивные отходы перерабатываются и их хоронят на территории станции в специальных хранилищах. За хранилищами ведется постоянный радиационный контроль и, как пишут в учебниках, не было еще зарегистрировано ни одного случая, чтобы радиоактивные вещества из хранилищ попадали в окружающую среду. Те отходы, чья активность меньше предельно допу-

стимой, закапываются вне АЭС в пределах санитарно-защитной зоны. Эти участки огораживают, контролируют и никого близко не подпускают. Земля служит хорошим экраном для мизерного излучения этих отходов. При этом и на территории станции, и в пределах санитарно-защитной зоны уровень излучения намного ниже обеспечивающего предельно допустимую дозу. Соответствующие службы четко за этим следят, потому что им самим жить хочется. Отработанные топливные элементы, вообще, увозятся и утилизируются на специальных предприятиях. Откуда же при этой благостной картинке может взяться повышенный фон?!

Пока Павел, укачиваемый движением электрички, размышлял обо всем этом, Рыжика укачало окончательно и он мирно дремал у ног хозяина, свободный от тяжелых мыслей и проблем.

На следующий же день Павел, уходя с работы домой, захватил с собой радиометр.

По мере приближения к поселку радиоактивное излучение увеличивалось, но не настолько, чтобы возникал серьезный повод для беспокойства — даже на практике в институте их группа сумела найти место в городе, где излучение было выше даже предельной нормы естественного фона, и это было, можно сказать, нормой в современной удручающей городской жизни. Но люди живут, и ничего — не вымерли. Понятно, что ничего хорошего в этом нет, но и ничего смертельного, если не считать повышенного уровня онкологических заболеваний.

Так что, наличие подобного фона ничего не объясняло. Хотя его появление вдали от АЭС оставалось загадкой. Причем, на территории АЭС уровень «свечения» был в норме — он проверил. Чисто теоретически где-то в лесу могут быть залежи тяжелых элементов, но вероятность этого крайне низка. Да

если и были здесь залежи столь дорогой породы, геологи знали бы об этом, и уже давно поблизости трудились бы шахтеры.

В общем, стало ясно то, что ничего не ясно, и нет каких-либо здравых объяснений этому. Такой итог подвел Павел, пробежавшись с прибором по деревне.

Наконец, дойдя до дома, Павел вяло отмахнулся от настойчиво приветствующего его Рыжика и повалился на кровать, скинув с себя лишь куртку. Рыжику такое поведение хозяина пришлось не по вкусу — он гавкнул и, не добившись реакции, схватил зубами конец штанины Павла, пытаясь поднять его с кровати.

— Рыжик, отстань. Устал я.

— Грррр-авв! — оторвавшись от штанины, только и прорычал пес. И опять хозяин никак на него не отреагировал. — Гав, гав! Уррруйуу. Гав.

— О-о-ох! Рыжик, оставил бы ты меня в покое! Сходи, возьми что-нибудь из холодильника. — Павел не сразу понял, чего требует от собаки, а когда сообразил, то улыбнулся своей глупости. И его усталое оцепенение постепенно стало отступать. — Ну, ладно-ладно, сейчас иду.

Он поднялся с кровати, устало распрямил спину и пошел ставить на плиту кастрюлю с борщом — постепенно он научился готовить. Потом достал с нижней полки холодильника консервированную еду для собак, купленную им во время их последней поездки в город, вилкой вывалил содержимое в миску Рыжика, нетерпеливо суетившегося в ногах. Пес тут же принялся за еду.

Затем, взяв себя в руки, Павел, переодевшись, сел за стол и тоже принялся за ужин.

«А пошло оно все... — мысленно махнул рукой Павел. — Что мне, больше всех надо, что ли?»

— Да, Рыжик? — закончил он свою мысль вслух.

Рыжик приветливо посмотрел в ответ, что-то утробно проворчал и наклонился к миске.

А Павел постарался все эти тяжкие и мучительные проблемы «выкинуть» из головы и завалился спать. Еще рано, но он что-то так устал сегодня...

Дружба Рыжика с Малышкой все больше крепла. Теперь Малышка уже не боялась Павла, она иногда приходила к ним домой, и Павел подкармливал ее. А пока он был на работе, Рыжик коротал день в прогулках с Малышкой. Нежность и влечение, которое они чувствовали друг к другу, наверное, можно назвать собачьей любовью. И эта любовь развивалась естественным путем, все больше сближая дворняг, приближая их отношения к цели, предусмотренной природой.

Павел еще собирался идти на работу, а Малышка уже проскользнула в их дом через собачью дверь. Как обычно, Рыжик поприветствовал ее обнюхиванием. Сама она в ответ лишь заботливо, «по-матерински», облизнула мордочку друга. Таким образом, церемония приветствия была проведена, и теперь можно было и погулять на улице. Но сперва Малышка позавтракала остатками еды из миски Рыжика.

В кухню, где они находились, зашел Павел:

— Ну, что ж ты, рыжий неуч, так негостеприимен! Надо ж меня было позвать, коли уж сам не можешь накормить свою гостью! — С этими словами парень открыл холодильник и достал оттуда молочных сосисок. — На, Малышка, кушай. А то с этим горе-ухажером и с голоду помереть недолго.

Малышка благодарно помахала хвостом, и, осторожно обнюхав (все-таки холодное) лакомство, аккуратно куснула сосиску. Павел не стал задержи-

ваться, он и так уже опаздывал на работу. Оставив парочку псадине, он ушел, скрипнув дверью. Рыжик вальяжно прилег, ожидая пока его подруга насытится. Теперь он был не просто партнером по играм, в нем пробудился древний инстинкт сильного самца, который кормит и защищает свою подругу.

Собаки выбежали на улицу. Моросил легкий дождик, но было тепло. Вдоволь набегавшись, парочка вернулась в дом. Малышка промокла и немного подмерзла. Рыжик принялся заботливо вылизывать ее, хотя и сам промок не меньше. Малышка благодарно обернулась и в ответ лизнула его в морду. Кровь побежала быстрее по жилам пса, и он поддался естественному зову природы, который бездушные люди называют словом «инстинкт».

Когда пришел Павел, Рыжик исподлобья как-то странно и виновато посмотрел на него, при этом приветливо махнув хвостом. Малышка тоже была здесь.

— Ну-ну. Жрать-то будете? — Павел и сегодня плохо себя чувствовал, его опять одолевала усталость, но надо было приготовить ужин.

Рыжик вновь неуверенно махнул хвостом, то ли принимая предложение об ужине, то ли вежливо отказываясь. Впрочем, собака, пребывая в трезвом уме и твердой памяти, никогда от еды не откажется. Павел, несмотря на усталость, устроил для всех роскошный ужин, чем порадовал братьев своих меньших.

Шли дни. Малышка все чаще оставалась у них в доме. Павел не возражал, места в доме хватало всем. Вот так и появилась у Павла вторая собака. Малышка была куда спокойнее его бесенка Рыжика,

хотя и испуганно поджимала хвост, когда раздавался какой-нибудь резкий звук в доме или в поле ее зрения происходило какое-либо резкое движение. Это сказывалось уличное воспитание, которое заставляет собаку быть в постоянной настороженности.

Рыжик же после драки утерять свою неумную щенячью беззаботность. Нет, он все так же любил побегать утром в садике, гоняясь за брошенными палками; или повозиться со своим любимым резиновым мячом, купленным ему Павлом; любил ласку хозяина, также прыгал на него, когда тот приходил с работы. Но он потерял в этой драке свою детскую беззаботность, которая безвозвратно ушла.

Осталось главное — любовь и преданность к хозяину.

Рыжик поражал Павла своей сообразительностью, и Павел не мог нарадоваться разумности своего любимца. Рыжик с полуслова понимал все команды хозяина, и еще — он научился открывать холодильник и брать оттуда именно приготовленную для него сосиску или кусок колбасы! После того, как однажды Павел пришел с работы и обнаружил, что холодильник открыт и часть упаковки с продуктами, лежащими в нижней части холодильника, погрызена, он сначала поругал собаку. Но потом, остыв, спокойно и медленно объяснил Рыжику, что дверь холодильника надо закрывать и что брать можно только «вот из этого угла с этой полки». С тех пор Павел оставлял съестное для Рыжика только на той полке, которая предназначалась для него, и тот уже в дальнейшем не ошибался. Правда, кастрюли с супом так и остались для него недоступными. Но он и не притрагивался к ним, потому что хозяин ему ничего не объяснял на этот счет.

К тому же, пес немного стал различать слова с названиями тех или иных предметов. Если Павел

просил его принести книжку, то он приносил ее, вот только не всегда ту, что надо.

Конечно, он не человек, но был весьма развитым псом, который многое умел. И Павел старался активно развивать его способности.

Подозрения Павла о том, что Малышка не просто друг его пса или гостя в их доме, подтвердились, она ждала потомство. Очевидность этого факта привела Павла сначала в ужас, но, поразмыслив, он решил, что пусть все идет, как идет.

Рыжик, как обычно, безумно радовался приходу Павла с работы. Прыгал вокруг него, подгавкивал, всем своим видом показывая, как сильно он соскучился.

Как-то вечером Павел пришел домой еще более уставшим и разбитым, чем когда-либо и никак не отреагировал на проявления чувств своего питомца. Он лишь потрепал слегка пса по голове, затем, пройдя в спальню, прилег. Подошла Малышка, махнула хвостом и с нежностью посмотрела на человека. Павел заставил себя встать и пойти в ванную комнату, чтобы умыться. Может, хоть холодная водичка немного взбодрит его?

Окатив лицо водой, он взглянул в зеркало — выглядел не лучшим образом. Поглядев на свои взъерошенные волосы, решил причесаться. Взял в руки щетку для волос, с отвращением увидел, что она вся в запутанных волосах, и принялся вычищать щетку. Потом тщательно, с мылом, помыл ее, затем провел мокрыми руками по волосам на голове, пропуская волосы сквозь пальцы, и стал расчесываться. От излишне резкого движения почувствовал боль на голове под волосами. Он опустил расческу и, раздвинув волосы в том месте, где почувствовалась боль, стал разглядывать голову в зеркале.

«Черт! Что это?! — на удивительно маловолосом участке головы Павел обнаружил небольшую экземподобную болячку. — Откуда это? Грибок, что ли?»

Опустив взгляд, Павел ужаснулся — на расческе было полно волос. Будто он ее и не чистил.

«Лысею... — с замиранием сердца подумал Павел. — Боже, как же так! Вот уж не думал, что меня постигнет сия участь: отец до сих пор не лыс, дедушки тоже не страдали плешивостью. Что же тогда творится со мной?».

Павел очень расстроился. Для молодого человека, который не обрел свою любовь, это было просто трагедией! На глазах невольно выступили слезы. Вытерев их, Павел понуро побрел на кухню.

Накормив собак, он без всякого аппетита проглотил плохо разогретый ужин. Он сидел и страдал, изнывая от жалости к себе. Подошел Рыжик, ткнулся в бедро, положил голову на ногу хозяину. Тот автоматически погладил пса, затем сам, опустившись на колени, обнял Рыжика и заплакал... Рыжик, будто обнимая хозяина, положил переднюю лапу на его плечо и скулянул.

— Спасибо, Рыжик, друг мой. Спасибо, — сквозь слезы, уже успокаиваясь, сказал Павел. — Мне стало легче! Ведь ты меня любым любить будешь, да? — и Павел засмеялся своим словам. Рыжик лизнул его в лицо и утверждающе гавкнул. Малышка непонимающе смотрела на них, оторвав голову от миски.

На душе у Павла немного отлегло.

Уже лежа в кровати, в темноте, Павел думал о том, что его подозрения о том, что облучение бесспорно действует и на него, и на живущих рядом, было не на пустом месте. Можно попытаться объяснить происходящее другими причинами, но... разве попрешь против очевидности! И снова надо

проверять свои догадки. Обязательно надо, иначе не успокоишься. В ближайшие выходные Павел решил подойти к делу основательно. В пятницу он вновь захватил с собой прибор и теперь был во всеоружии.

В выходные дни ранним утром вместе с Рыжиком пошли в лес. Для начала прошлись по километру в каждую из четырех сторон света от поселка. Надо заметить — поселок был со всех сторон окружен лесом. Павел аккуратно записывал изменения в показаниях прибора. Выяснилось, что эпицентр излучения, если он есть, должен располагаться в направлении к северу от поселка, то есть со стороны, противоположной АЭС.

Зашли домой, перекусили, покормили Малышку, и снова в лес. Теперь шли уже в северном направлении по тропе, по той самой, что ходили весной с Рыжиком, когда он нарвался на ежа. Пожалуй, это было самое востребованное направление для походов односельчан в лес, который, как известно, тоже кормит деревню. А дары леса именно здесь были отменные: и грибы, и ягоды.

«Рентгены с бэрами», пугая Павла, тикали все уверенней. Шли около двух часов, может, чуть больше. По крайней мере, вышли за пределы зоны наблюдения контролеров со станции. Теоретически она кончалась где-то в районе его поселка, но практически — на городке энергетиков. На сей раз от проторенной дороги не отходили, чтобы двигаться быстрее.

Рыжик, что странно, далеко от Павла не отбегал — держался рядом. Это и понятно, хозяина нужно защищать. Так прошли еще с километр, и Павел заметил, что цифра на мониторе прибора начинает уменьшаться. Пора было поворачивать назад. Прошли в обратном направлении около пятисот метров, и

опять встала проблема: куда сворачивать с дороги. Доверившись случаю, Павел свернул налево от первоначального направления, в ту сторону, в которую они уже ходили, прогуливаясь по лесу.

Еще полчаса пути подтвердили правильность выбранного направления. «Рентгены росли» все стремительней, «бэры их догоняли». Друзья устали. Даже Рыжик, до сих пор резво и беззаботно бегавший кругами вокруг Павла, теперь понуро плелся рядом.

Парень решил, что пора сделать привал и остановился на небольшой полянке. Пес прилег у пня, на который сел хозяин.

— Уф, ноги гудят. Давай, подкрепимся, чем бог послал, — у Павла болели не только ноги, но и голова, которая соображала с трудом.

Словно уловив, что хозяин завел речь о еде, Рыжик вдохновенно приподнялся и замахал хвостом. Павел вытащил из своего потрепанного рюкзака миску и фляжку. Налил воды в миску и поставил перед псом, который тут же жадно уткнулся в нее. Хлебнув прямо из фляги, парень закрыл ее и поставил на землю. Достал краюху черного хлеба и завернутые в бумагу колбасу и подкопченные колбаски. Павел отдал колбаски своему питомцу, а сам стал довольствоваться бутербродами.

Рыжик очень быстро проглотил свою долю и принялся попрошайнически заглядывать в рот Павлу, провожая невинным взглядом бедной голодной собаки каждый кусочек бутерброда.

— Ну, ты и на-аглый! Обжора, — усмехнулся Павел. — Вот фиг я тебе чего дам, ты свое уже съел.

Рыжик требовательно скульнул. Ну как тут можно отказать?

— Вот гад, последний кусочек изо рта вынимает! — с напускным возмущением сказал Павел, протя-

гивая псу кружок колбасы с последнего бутерброда. Но вдруг мысль, пронзившая его сознание, заставила Павла резко отдернуть руку от тянущегося к ней песьего носа!

«Радиация!» — закричал глас разума в голове! Павел (как жаль, что уже поздно) вспомнил, что «радиоактивные продукты, попадающие в организм, особенно опасны, потому что непосредственно воздействуют на внутренние органы». Он знал об этом, знал прекрасно, но эта истина казалась ему скорее чисто теоретической и ненужной, и не про него. Ему никогда не верилось, что все изучаемые до зубрежки инструкции по ИРБ¹ могут реально пригодиться.

Павлу стало страшно! Но он быстро подавил это чувство, попеняв себе: «Ну, ничего страшного. Мы ж совсем небольшую дозу радиации могли получить, да и вообще...». Но успокаивало слабо. Махнув рукой, парень постарался выбросить из головы все мысли — частично это удалось.

Пора было двигаться дальше. Рыжик снова повеселел и опять задорно бегал вокруг Павла, который не разделял его оптимизма и бодрости и поэтому шел не торопясь.

Павел отлично знал допустимые, не критические и смертельные дозы радиации, нормы излучения. Беспокойство его все возрастало — цифры на экране прибора уже приближались к критической отметке — беккерели и кюри сходили с ума.

Вдруг чаща расступилась, и они вышли на двухколейную грунтовую дорогу. Достаточно широкую, чтобы по ней смог проехать грузовик, но было видно, что ею пользовались давно — между колеями трепыхалась на ветру трава.

¹ Нормы радиационной безопасности.

Они двинулись дальше уже по дороге, существование которой в таком месте возбудило дополнительные подозрения.

Еще километр пути вглубь леса показал, что цифры на экране прибора опять немного увеличились. Павел уже было решил поворачивать обратно — слишком опасно столь долго находиться под таким уровнем излучения, — как дорога вывела их к большому болоту. Над болотом счетчик просто взбесился!..

Лезть в болото Павел, естественно, не собирался. Подозрения его окончательно подтвердились, осталась малость — проверить, где дорога берет свое начало, то есть узнать, куда приведет противоположный конец этой дороги. Пытаясь унять волнение и страх, Павел повернулся на 180 градусов и побежал, что есть силы — эдакий рывок для сброса лишнего адреналина. Рыжик очень обрадовался и, заливаясь веселым лаем, бежал рядом с ним.

Через некоторое время Павел, запыхавшись, сменил бег на шаг. Мрачный и молчаливый он долго шел по той дороге. Стало темнеть, появились опасения заблудиться, ведь неизвестно, как далеко и куда ведет эта дорога, хотя Павел уже догадывался — куда она ведет. Путь изгибался сначала все время на запад, потом на юго-запад, и, наконец, на юг, подтверждая подозрения доморощенного детектива. Он окончательно выбился из сил, когда, наконец, увидел, что дорога прервалась, влившись в свободное от деревьев пространство широкой поляны. Следы от покрышек вели дальше. Но идти по ним уже не имело смысла — в ста метрах от этой поляны начиналась заасфальтированная дорога, ведущая к АЭС!

Павел сильно устал, не оставалось даже сил злиться. Он подумал, что завтра обстоятельно об-

думает ситуацию (благо будет воскресенье), а пока предстояло в темноте добираться до дома.

Рыжик весь путь недоумевал — куда они идут? Хозяин явно двигается целенаправленно, но куда? Впрочем, сама прогулка его радовала. По крайней мере, до тех пор, пока лапы не сковала усталость, и не появилось чувство тревоги у хозяина. Это чувство напряжения передалось и псу. Он трусил рядом с Павлом, но хозяин не смотрел на него, погруженный в свои мысли. Оставалось только следовать за ним, готовясь отразить любую опасность, ведь он был защитник своего хозяина (так он думал). Они благополучно вернулись домой, не встретив опасностей на своем пути.

Павел и его пес очень устали. Павел сразу завалился спать, не обратив внимания на увивающуюся около него голодную Малышку. А Рыжик пошел на кухню, зубами ухватился за нижний угол дверцы холодильника и, потянул ее на себя, она и открылась. На его нижней полке ничего интересного не было. Зато аппетитно пахло из маленькой кастрюльки. Он знал, что нельзя брать кастрюльку, но не оставлять же голодной Малышку!

Аккуратно отодвинув носом крышку, которая с глухим звяком упала рядом с кастрюлей, Рыжик ухватился зубами за край ее округлого ободка и, поддерживая кастрюлю снизу лапой, опустил на пол. Рядом уже вилась нетерпеливая Малышка. Пес предоставил Малышке право первой насытиться, так как кастрюлька была мала и две морды в нее не помещались.

Ему досталось совсем немного, но он довольствовался и тем, что осталось. Так закончился этот день, весьма тяжелый для обитателей дома.

В понедельник с утра Павел пошел к директору станции. Молодость вспыльчива и принципиальна, немудрая и поэтому неразумная. Парень не подумал о том, чего добьется своими обвинениями, и о последствиях своего разговора с директором.

Главным для него была истина и справедливость, за восстановление которых он и хотел бороться.

Вот только идти следовало не к директору станции, а совсем в другие государственные органы, но неразумность молодости и определила судьбу самого Павла.

Директор сразу принял его, с улыбкой поздоровавшись, — он не ожидал подвоха.

— Иван Николаевич, у меня к вам важное дело.

— Слушаю тебя, Павел, внимательно слушаю.

— Я хотел доложить вам, что... В общем, я взял на себя смелость самостоятельно провести радиометрическое обследование участков леса, находящихся за пределами зоны радиационного наблюдения, — директор нахмурился. — И, если коротко, то обнаружил явные следы захоронения радиоактивных отходов в лесу в нескольких километрах от поселка, в котором живу!.. — Павел выдержал паузу, ожидая реакции директора, но тот оставался невозмутимым. — И дорога от этого захоронения ведет сюда, к АЭС!.. Вернее, к дороге на АЭС!

— То есть ты обвиняешь руководство станции в том, что мы, нарушая все мыслимые и немыслимые нормы и законы, свозим отработки в лес и закапываем их там? Так? — зло, с присвистом, видимо, выходя из себя, процедил директор. — Ты хоть понимаешь, о чем говоришь!? Ты хоть понимаешь, в чем ты обвиняешь нас, наш коллектив и меня, в частности! Щенок!

Павел похолодел от такого оборота разговора с авторитетным руководителем, но не отступился.

— Я говорю только то, что есть, никого я пока не обвиняю...

— Ах, ты еще не обвинял! Все еще впереди?!.. И вообще, по какому праву ты вынес за территорию станции дорогостоящий прибор!? Я могу посадить тебя за решетку уже за это! — срываясь на крик, перебил его директор.

— Не орите на меня! — с трудом сдерживая, невольно от обиды наворачнувшиеся слезы, срывающимся голосом, но гордо выкрикнул в ответ Павел. — Я участник команды по радиационному наблюдению!..

— Да пошел ты, знаешь куда... Проваливай, чтоб я тебя больше не видел. Заявление передашь через секретаря и так же потом заберешь его. И еще — будешь болтать, сгною! Дверь сзади! — тихо, но зло закончил короткий разговор Иван Николаевич. Ему нисколько не было жаль этого юного идиота, который полез не в свое дело — сам виноват. Но он разозлился от того, что могли возникнуть большие проблемы. На станции все было в порядке: и фактически, и по документам. Никто ничего не сможет доказать. Но факт захоронения радиоактивных отходов отрицать будет невозможно, если этот болван не остановится и пойдет дальше, чтобы узнать правду. А Иван Николаевич прекрасно знал об их контрабандном происхождении — они шли из-за рубежа с его ведома под видом грузов для АЭС, которые по пути несколько облегчались. Оч-чень выгодное дело! И никто не позволит правдоискателям испортить его! Не жилец мальчик, не жилец... Только почему он их обнаружил — ведь в специальных герметичных контейнерах! Неужели разрушились? Невероятно!..

Павел хотел было что-то сказать, но не смог. Просто повернулся и вышел вон, хлопнув дверью, как полагается.

Запершись в туалете, он выплакался, умылся и только затем пошел на свое рабочее место. Анна Михайловна, одна из сотрудниц, приятная и обаятельная женщина среднего возраста, заметила, что глаза у парня на мокром месте (женщин не обманешь) и спросила:

– Что случилось, Павел?

– Ничего. Ничего страшного. Меня уволили, вот и все.

Тут уж повернулись к нему все сразу. Павел не выдержал пристальных, удивленных, «ошарашенных» взглядов и, сев на стул, уткнулся в кулаки. Но быстро взял себя в руки. Все уже стояли у его стола.

– Павел! Что произошло?! – серьезно и даже озабоченно спросил один из инженеров-технологов. И Павел опять не выдержал. Он, глотая слезы обиды за унижение перед директором, рассказал всю историю своим коллегам, которые всегда были к нему добры, чем заслужили его доверие.

Павел умолк, закончив свой рассказ, и в комнате воцарилась тишина. Даже Анна Михайловна во время его рассказа постоянно восклицавшая: «Не может быть! И что, что дальше?», теперь стояла, молча, в растерянности, вытаращив глаза.

Самый старший из собравшихся, инженер-технолог, тихо произнес:

– Так, Павел, зря ты это все затеял. Теперь иди домой, прямо сейчас. Сначала напиши заявление и иди. Я сам с бумагами разберусь и к тебе домой принесу. А ты сиди дома и не высывайся. Потом, как получишь трудовую, сразу и очень быстро уезжай куда-нибудь подальше и «сиди» там молча, понял?! Давай, парень, топай. А может, и трудовую не надо ждать?! Лучше сразу исчезнуть...

Все было, как в тумане. Вокруг все о чем-то говорили, слышался испуганный лепечущий голос Анны Михайловны, но он этого уже не замечал, не слышал, не воспринимал. Собравшись, Павел ушел. Словно во сне дошел до дома и завалился на свою постель. Собаки гуляли. Он был один. Почему бы не поплакать всласть?! Вот только почему-то слез теперь не было.

Стало темнеть. Павел заснул.

На следующее утро Павел, проснувшись, стал размышлять о случившемся. В основном, о том, какая у него горькая судьба. Но и о том, что теперь делать. Выходило одно – надо ехать назад, к родителям, а там уже попытаться искать новую работу. Еще неизвестно, что напишут в трудовой, хорошо бы «по собственному желанию», тогда, в принципе, проблем с поиском новой работы возникнуть не должно. А если нет... что ж, тогда будет плохо, но все равно поправимо. В конце концов, он еще молодой и может вообще не показывать новому работодателю свою трудовую книжку, сославшись на то, что все это время после института не работал. Что там ему говорили? Чтобы он плюнул на трудовую книжку, побыстрее уехал, скрылся?

Так в думах бежало время. Не хотелось ничего предпринимать. И он валялся, раздавленный апатией...

Павел размышлял, что со временем все это случившееся пройдет, должно пройти. Только бы время ускорить, чтобы все осталось в прошлом.

Сейчас то, что казалось для него таким важным – найти истину, ради которой он бросился, очертя голову, решать эту неразрешимую на его уровне проблему (не продумав до мелочей все возможные варианты, которые могли произойти) – теперь пред-

ставлялось Павлу малоинтересным. Он считал, что совершил глупость. Зачем? Жил бы себе, да и не лез в это дело. Все равно, если это дело рук директора, то рано или поздно такие преступные махинации, всплывут на поверхность и без его, Павла, участия. И даже если директор и еще несколько человек из руководства «делали» на этом большие деньги, то, как это доказать? Ему ли это под силу? Это не узнать. И лучше не знать, потому что в криминальных босвиках демонстрируют сцены показывающие, как обращаются с теми, кто слишком много знает. Никогда Павел не верил в правдоподобность этих сценариев — слишком уж бесчеловечными казались бандитские разборки, когда устранялись ненужные свидетели и тому подобное. Но страх способствует обострению чувств самосохранения. Лучше быть на чеку и бдительным. Но, в конце концов, все, о чем он размышляет — это всего лишь предположения.

Однако его совесть шептала о том, что он все сделал правильно или, по крайней мере, сделал все, что мог. Но это не утешало, так как не хотелось кардинально менять свою жизнь, увольняясь с любимой работы, уезжать из этого таежного края, ставшего для него второй родиной.

Рыжик с Малышкой крутились рядом. Рыжик весь вчерашний вечер и утро тщетно пытался расшевелить хозяина. Павел с утра покормил собак и опять лег на кровать. Пес всем своим нутром чувствовал, что с Павлом случилось что-то нехорошее, но, как ни старайся, он ничем помочь не мог. Павел лежал безучастный ко всему, с угрюмым видом глядя в потолок.

Минул полдень, Павел, наконец, поднялся. Для него — весь свет был не мил, все, грубо говоря, осточертело.

Его потянуло в лес. Может, подспудно он понимал, что там найдет умиротворение. Нехотя поев, он стал одеваться. Малышка и Рыжик убежали погулять на улицу. Павел вышел из дома и пошел к лесу, в противоположную сторону от найденного радиоактивного захоронения. Уже у самой кромки леса он услышал лай и увидел, что к нему со всех ног бежит Рыжик, а за ним и Малышка.

— При-иве-ет, мои дорогие! У-у, ты мой Рыжик, хороший песик! — искренне обрадовался Павел появлению своих друзей. С ними будет не так одиноко. — А я вот погулять решил, развеяться. Пойдете со мной?

Рыжик всем своим радостно-суесящимся видом показывал, что они с радостью пойдут за ним куда угодно. И они втроем скрылись в чаще леса.

Анна Михайловна сидела на работе под сильным впечатлением после рассказа Павла, и хотя инженер-технолог Игорь Александрович предупредил всех о том, что не стоит распространяться об услышанном, она не могла удержаться, чтобы не поделиться с подругами из бухгалтерии такой жгучей информацией.

Рассказ Павла быстро распространился среди работников АЭС. В пультовом помещении совершенно спонтанно собрались все рядовые сослуживцы, возмущенные происходящим. Их протест был вызван не столько самим фактом незаконных деяний начальства, — хотя никто и понятия не имел, законные они или нет, и начальства ли это делишки, — сколько страх того, что все они и их семьи находятся под постоянным воздействием излучения. Страх требовал выхода, и перерос в стихийный митинг. Теперь все побросали свои рабочие места.

Ждать руководства работникам пришлось недолго — сначала появилась охрана, которая тут же

оттеснила людей от самого пульта, оставив около него только дежурных. И затем появились директор с заместителями и главным инженером.

— Так, граждане-работнички, дорогие мои, — громко начал директор, — по какому поводу бастуем? Может, забыли, что вы не имеете такого права, работая на стратегическом предприятии, и можете быть наказаны за это.

— Вот только не надо угрожать, — кто-то выкрикнул из толпы, — пуганые.

— Да?! Это кто там пуганый у нас? Впрочем, ладно, не имеет значения. Станция — это особый объект, поэтому провоцировать надуманные перемены в работе не позволю! Давайте-ка расходитесь! А если кто будет возражать — уволю! — вкрадчиво, ласково произнес директор в полной тишине.

— Ах, вот как! А мы, значит,дохни молча, да?! — зло возмутился голос в толпе. И тут все как с цепи сорвались, прорвалась плотина человеческого страха. Все разом загомонили, а особо горячие из первых рядов подались вперед, угрожающе размахивая руками перед директором.

— У меня дочка с лейкозом! Кто за это ответит и лечение оплатит?!

— А у моей жены рак груди!

— А у меня муж умер, сгорев от болезни за два месяца! Сказали рак!

У каждого нашлась своя беда, вдруг отыскавшая виновника. И людям было плевать на отсутствие доказательств. У них наболело.

Охранник оттолкнул одного из наступавших. Тот, споткнувшись о ноги стоящих позади людей, грохнулся на край стола одиноко стоящего в этом помещении. Стол был старым. Уже давно столешница у него лишь лежала на всем остальном, без всяких креплений. На одном его краю именно в тот момент

и оказалась чья-то чашка с чаем, а на другой край этого стола и упал агрессивный сотрудник. Столешница сработала как катапульта, а зарядом послужила чашка, которая врезалась в лицо директора. Тот взревел от боли и возмущения, вытирая с лица потеки чая. Взыл и упавший на стол сотрудник, получивший сильный удар столешницей по голове.

Охрана поняла, что наступило ее время, и самовольно, без приказа руководства принялась сминать «забастовщиков». Те не остались в долгу. Началась серьезная стихийная «потасовка-молотиловка».

Что произошло дальше, доподлинно никому не известно. И теперь уже никогда не будет известно. Есть только версии прокуратуры и гипотезы ученых, моделировавших ситуацию. Никто никогда не узнает и о всплеске народных эмоций, которые так или иначе стали, если не причиной, то уж достаточным невольным условием катастрофы. То ли внимание дежурного персонала АЭС было не там, где положено, то ли в драке повредили пульт, то ли кому-то срочно понадобилось удалить из цепи поврежденное звено... и он заранее подготовился к этому... Кто знает?!

Так или иначе, но...

Нейтрон выскочил из ядра и «игриво» полетел в неизвестность. Весело уворачиваясь, миновал чужое ядро — одно, другое. Но очередное оказалось прямо на его пути и увернуться не получалось — столкновение! Большое, тяжелое ядро изотопа урана сотряслось, будто в судороге, раздраемое своей неустойчивостью, и распалось. Подрагивая «бедрями», прочь унеслась волна, медленно разлетелись «ядра-дочки». Но кроме них «мать-ядро» породила и еще несколько нейтронов, которые, радуясь свободе, разлетелись. Обычно жизнь каждого из них,

кроме одного, коротка — их захватывают и вновь пленяют, и лишь один бежит дальше, порождая волну делений тяжелых ядер. Но сегодня нейтронам повезло — они летели свободно, разрушая ядро за ядром. И каждое из ядер порождало все больше «убийц» самих себя...

Система управления и контроля АЭС попыталась среагировать — запоздавший сброс стержней в раскаленное реакторное пространство, где с урановых таблеток уже стекла расплавленная циркониевая оболочка и сам уран образовал раскаленную лужу на дне активной зоны, быстрый ввод отрицательной реактивности, перевод реактора в подкритическое состояние, остановка ядерного реак...

Но поздно... Нейтроны были быстрее.

Сначала стало светло, словно сумерки передумали и откатились назад, на запад. Павел остановился и повернул голову в сторону света. Псы беззаботно сустились рядом. Свет на секунду померк и раздался грохот, земля содрогнулась. Павел упал. В груди заскрежетал ужас. Взрыв!

«Это не может быть атомным взрывом! — пытался убедить себя Павел. — Пар?! Водород?! Но светящийся столб!.. Выброс, может убить все живое вокруг!..»

ГЛАВА 6

Во время взрыва Рыжик потерял опору под ногами и свалился набок. Стало жутко. Совсем рядом испуганно выла Малышка, Павел что-то кричал. Хотелось подбежать и к тому, и к другому, но не получалось — почва уходила из-под ног, заставляя нелепо кувыркаться. Грохот все нарастал, хотя ка-

залось — куда уж громче. Звук его подавлял все чувства, оставляя лишь одно — ужас! Животный страх смерти темными когтями впивался в мякоть сознания, больно корябая плоть ощущений. Рыжик не выдержал и завыл от страха тоскливо и безысходно. Он уже не рвался ни к кому на помощь, парализованный приближением смерти.

Павел сильно ударился при падении и чуть не потерял сознание. О, это было бы спасением. Спасением от ощущений, которые лучше бы никогда не испытывать. Но сознание упорно не покидало его, немилосердно и жестоко заставляя его чувствовать боль на все «сто процентов». Затрясло еще сильнее. В этот момент сверху, прямо на него что-то упало. Эта была коряга. Павел видел, как она летит прямо на него, но увернуться не хватило сил. Удар! Нестерпимая боль!

«Господи! Что же я натворил! Все... Все погибло», — была его последняя мысль и забытье окутало Павла...

Рыжик был в сознании. Мало того — сознание, как ни странно, прояснилось. На короткие секунды гул утих и пес бросился к хозяину. Тот лежал недвижим под большой тяжелой сухой веткой упавшего дерева, и Павел был наполовину завален еще и лесным мусором из ветвей, разворошенной земли, камней, листьев.

Рыжик облизнул хозяина, скульнув, — никакой реакции. Дышит? Жив? Не показалось?

Пес бросился к Малышке... Она тоже лежала неподвижно. Отчего же так трудно стало дышать? Рыжик громко, в полный голос взвыл. И тут до них докатилась уже ослабшая взрывная волна. Все полетело кувырком. Луч сознания померк...

...И, слабо разгораясь, возжегся вновь. Странно пахло. Нет, не столько пахло, сколько странно

ощущалось — незнакомо. Все вокруг было окутано дымкой. Рыжик потерял себя в пространстве и судорожно пытался осознать происходящее. Трудно. Наконец, с трудом поднявшись на лапы, он осмотрелся, принюхался и, учуяв Малышку, подполз к ней.

Бедная дворняжка лежала без движения, заваленная лесным хламом. Рыжик гавкнул, зубами, лапами стал разгребать мусор. Прочь, прочь камни, ветки, грязь, листья. А вокруг тишина... Лишь потрескивает где-то горящий лес. Малышка молчала. Докопался. Пес стал облизывать ее, скулил, требуя, чтобы она очнулась. Но тщетно. Она израненная лежала вся в крови, еще горячей, липкой, солоноватой.

Люди могут не поверить очевидному, собаки — не могут. Природа не наделила их таким видом психологической защиты. Беспощадная реальность. Мертва, понял Рыжик. Сел рядом и протяжно, долго заскулил!

Он провожал тоскливой песней свою подругу и не родившегося своего щенка в «Заокраинное море», откуда нет возврата никому.

— А-а-гкх, Ры-ыжи-икх! — еле слышно раздался голос Павла.

Рыжик бросился на раздавшийся стон Павла. Он истекал кровью, но был еще жив и в сознании. Пес обрадованно твякнул и снова стал разгребать мусор, заваливший его. Павел попытался было помочь ему, но тщетно — не было сил.

Рыжик все равно не мог помочь хозяину — туловище и ноги Павла придавили ветки старого засохшего дерева, упавшего на него. Как ни пытался Рыжик сдвинуть корягу или вытянуть за одежду хозяина — ничего не получалось. Рыжик лизнул его в щеку, радуясь, что он жив.

Павел дотянулся свободной рукой до своего верного любимца, запустив пальцы в его густой загривок.

— Милый мой Рыжик! Милый мой песик! Какой же ты у меня молодец, — всхлипывал Павел, уворачиваясь, от языка песика.

Большие тяжелые ветки дерева давили на его грудь и живот, но если бы это был его ствол, то он моментально раздавил бы человека. Наверное, он остался жить, чтобы попрощаться с другом. Невыносимо болела раздавленная нога. Видимо, ему раздробило кости. Он задышался под корягой, еще мог дышать, но было нестерпимо больно. Он понял, что не выживет.

— Спасибо тебе, спасибо, мой спаситель. Теперь мне намного легче. Как жаль умирать! Как жаль...

Павел продолжал смотреть на Рыжика, который облизывал его, пытаясь подбодрить и успокоить. Парень все время что-то бормотал сквозь слезы, но мысли его путались, и наружу вырывалось лишь бессвязное тихое лепетание. Постепенно, смирившись или просто устав страдать, парень успокоился и с надеждой посмотрел на пса:

— Рыжик! Подожди, дай мне сказать! Ну же! — Пес перестал слюнявить лицо хозяина и внимательно посмотрел на него. — Вот молодец. Рыжик, я, наверное, скоро умру. Мы с тобой, должно быть, получили такую дозу облучения, что не доживем и до утра. Странно, что мы вообще живы. Если бы это был атомный взрыв, от нас и от всего вокруг остался бы только пепел. Это водород, раскаленный пар, еще какие-то газы, может, и бензин в гараже. Может, и автоматика смягчила реакцию. — объясняя то ли собаке, то ли себе, бормотал Павел. — Но реактор не мог взорваться! — и опять сорвался на истерику:

— Я хочу жить! Я хочу жить, Рыжик!!! Я такой молодой. Боже, как все это ужасно! Рыжик, беги в поселок, приведи кого-нибудь на помощь. Ты понял, милый мой песик, понял?.. Мне больно! Рыжик, помоги мне, умоляю тебя! Беги!

И верный пес понял хозяина, повернулся было в сторону, но в нерешительности остановился — очень уж не хотелось ему вот так бросать Павла.

— Беги-беги, Рыжик! Я буду ждать тебя здесь, — подбодрил его Павел. И Рыжик побежал.

Павел остался один на один со своей угрюмо и неотвратимо приближающейся смертью. Несло гарью — горел лес. «Как бы не сгореть заживо», — подумал Павел, ведь опасения его были вполне оправданны. Но пока ветер дул в другом направлении, он давал небольшую отсрочку призывнику армии покойников.

Мимо проковылял заяц, даже не обратив внимания на лежащего человека, поглощенного спасением своей жизни. Бок косого был заляпан кровью — неизвестно, своей или кровью зайчат и зайчихи, которые где-то там, в заячьей норе нашли свою гибель, став жертвами человеческой беспечности и всепожирающей жажды подмять под себя все, не считаясь с другими живыми видами, живущими по соседству на земле. В лесу находились и другие жертвы людей, злостно нарушающих все мыслимые законы равновесия, установленные природой.

Рядовой МЧС Кирейко сосредоточенно пытался придать разогнутой стальной скрепке первоначальный вид. Из того периода детства, от которого у взрослого остаются лишь отдельные, не связанные воедино яркие картинки-воспоминания, у него и

взросла такая идея. Давным-давно, лишь раз, он наблюдал как незнакомый высокий, густо загоревший парень пальцами одной руки сначала превращал такую скрепку в совершенно прямой отрезок стальной проволоки (не велика хитрость – это и мы теперь можем). А потом все теми же пальцами одной руки возвращал бывшей скрепке первоначальный вид – а-ап, и вот скрепочка-то уже как новенькая. И как это у него так ловко получалось?! Этот вопрос сейчас и мучил молодого паренька, гордого своим званием рядового службы спасения. Скрепка поддалась, но стала уродливо кривой! Секрет остался секретом.

Раздался звонок, дежурный схватил трубку, злосчастная скрепка выскользнула из руки и еле слышно звякнула о пол. Не до нее – звонил телефон прямой связи с военной частью округа. На другом конце провода говорили из кабинета генерала:

– Рядовой Кирейко слушает!

– Рядовой, быстро начальство давай! – резко отчеканил голос в трубке.

– Есть! – по уставу ответил Кирейко и схватил другую трубку:

– Товарищ полковник, генерал на связи! Прикажете соединить?

– Соединяй.

Дежурный переключил тумблер на пульте коммутатора и положил трубку. Облегченно вздохнул – разговоры с высокими чинами занятие нервное – и пригнулся, пытаясь найти упавшую скрепку. «А, черт с ней», – подумал он после нескольких секунд безуспешных поисков и взял в руки новую.

Тем временем полковник слушал генерала и медленно опускался на стул.

— Слушай, полковник! Сядь, если стоишь, — многозначительно говорил генерал. — У нас с тобой серьезное ЧП. Две минуты назад загорелась лампочка тревоги на АЭС. Впрочем, и без нее все видно прямо из моего кабинета — АЭС взорвалась! — сорвался на крик генерал.

— Да вы что! Не может этого быть!.. — ошарашенно забормотал полковник МЧС.

— Не может?! Может или не может, а случилось. Слушай, головы полетят — это точно. И наши с тобой шеи тоже кандидаты на эшафот. Короче, худо дело! — Генерал выдержал паузу, вздохнул и, немного успокоившись, продолжил: — Давай, Борисыч, собирай своих ребят. Там же село рядом — это твоя работа, спасатель. А я уже распорядился, мои солдатики все оцепят в радиусе пятнадцати километров.

— Не может быть! — все никак не мог прийти в себя полковник.

— Борисыч, ты чего?! Давай, говорю, ноги в руки и бегом!.. — проорал генерал и бросил трубку. А полковник еще целую минуту держал трубку, из которой слышались гудки. Он никак не мог понять простых слов генерала — в голове не укладывалось, сознание упорно сопротивлялось, не воспринимая услышанное. Непозволительная роскошь для полковника МЧС в минуту этой самой чрезвычайной ситуации! Минутное замешательство — и он очнулся, поднял трубку и крикнул в нее:

— Дежурный! Всех офицеров ко мне! Быстро! И тревогу включи.

Кирейко от неожиданности подпрыгнул и вытянулся по стойке смирно, зачем-то отдавая честь телефону. Разогнутая уже скренка больно уколола висок и ладонь — рядовой инстинктивно дернул рукой и от боли хриловато ответил:

— Есть!

Пока собирались спешащие по тревоге офицеры, полковник успел окончательно успокоиться и теперь вел себя, как и подобает настоящему командиру в критической ситуации — собранно, четко, быстро и адекватно отдавая приказы по телефону.

— Ангар? Вертолеты — в готовность!.. Петров? Сколько машин полностью укомплектовано?.. Мало! Эти все будем высылать прямо сейчас, а остальные... Петров, чтоб через два часа еще пять экипажей были готовы! Как? Ты меня спрашиваешь?! Это твои проблемы! Да-да, полностью, весь комплект оборудования... медикаменты тоже, да и костюмы... Дежурный, почему Ванько все еще не у меня в кабинете?..

Наконец, явился запыхавшийся Ванько — все в сборе. Полковник мрачно поглядел на них исподлобья. Они пока ничего не знали и только молча недоумевали.

— У нас страшнейшее ЧП. Как вы, должно быть, знаете, в нашем секторе есть АЭС. Так вот... ее больше нет! Она взорвалась! — кто-то шумно всхлипнул, остальные молча побледнели.

— Да-да, елы-палы, это страшно. В общем, это все, о чем я хотел сообщить вам, я не знаю, что там и как. Теперь дело за вами. Полевой лагерь, эвакуация и прочее — что надо делать, вы знаете не хуже меня. Армейские ребята уже оцепляют местность. Поторопитесь. Отряды Ванько, Васильева и Гордеева вылетают на вертушках, остальные по земле. Алексей, связывайся с больницами, пусть готовятся принимать раненых. На месте первым делом поиск и спасение людей. И помните — ближе, чем к городку энергетиков к АЭС не приближаться. Всех обеспечить спецкостюмами! Надеюсь, это и так ясно. Я сам подъеду чуть позже. Все — действуйте!

Через минуту комната опустела.

Полковник устало обхватил голову руками, вздохнул и решительно поднял трубку красного аппарата:

— Товарищ министр, у нас ЧП...

Рядовой Беркут⁸ Алексей, Лешик обрадовался звуку воющей тревоги. Новобранец жаждал приключений. С детства бредивший приключениями и военной формой, в армию он, однако, не пошел, опасаясь всего того, за что армию ругают — дедовщина, бедность, унижения и прочее. Нет, попасть в горячую точку или умереть за родину он, как раз, не боялся. Поэтому и выбрал верный способ «отмазаться» от призыва — пошел служить в МЧС. Здесь присутствовала вся романтика службы, вся ее почетность, но при этом не было ни дедовщины, ни унижений. Хорошо кормили, одевали, тренировали в меру. В общем, практически рай.

И вот, наконец, судя по переполоху, настоящее приключение. Класс! Бригада оделась за минуту, еще несколько минут ушло на погрузку всего необходимого в вертолет, и вот уже бойко, совсем как на учениях, цепочкой друг за другом запрыгивали в вертолет и сами МЧСовцы. Гул усилился, вертолет дернулся и грузно оторвался от земли. Вперед! Навстречу приключениям! Лешик не мог сдержать довольную улыбку.

Ему посчастливилось расположиться у иллюминатора (далеко не всем достались такие удобные места) — под брюхом вертолета проплывал лес, изредка перечеркнутый лентами дорог. Справа о чем-то самозабвенно спорили два сослуживца. Они, явно надрываясь, орали, но разговор полностью заглушался шумом несущего винта. Кто-то сидел, насупившись, другие что-то бормотали себе под нос,

наверное, молились, третьи, уставившись в одну точку невидящим взглядом, нетерпеливо постукивали ногой.

Вертолет постепенно снижался. Уже было видно впереди деревню, а чуть дальше — лесной пожар. Еще чуть дальше тоже виднелся дым, но здесь он столбом возвышался над лесом. Красивая картина — зрелая зелень смешанного леса, затем пространство, окутанное светло-серым с синевой дымом пожара, и, наконец, зловеще темный бугор, рожденный взрывом.

Стремительное снижение. Перед самой землей командир встал у выхода и жестом показал: «Все на выход». Спасатели один за другим спрыгнули на землю. С прибытием. Высадка производилась в двухстах метрах от первых домов поселка. Рядом приземлялись еще три вертолета. Высадили спасателей с грузом и тут же поднялись обратно в воздух, чтобы быть готовыми принимать эвакуируемых. Уже было видно, как из леса на поле выбегали далекие фигурки военных. Алексей засмотрелся и очнулся от приказа командира:

— Заснул что ли, рядовой?! Помогай разбивать лагерь.

Лешик обернулся и увидел, что часть МЧСовцев бежит к поселку, а оставшиеся возятся с палатками. Требовалось только установить их. Дальше палатки поступали в распоряжение бригады полевых медиков, прилетевших на другом вертолете.

Пять минут, и дело сделано — теперь и их отряд бежал к поселку. Со всех сторон несло дымом. Над головой уже пронесся вертолет, следующий в обратном направлении, к городу. В первом доме были выбиты все стекла, крышу снесло, сам домик покосился, местами тлела пожухлая трава. На земле лежал труп женщины средних лет. Алексея затошнило. Еле успел стянуть противогаз...

За это первое «приключение» в его профессиональной жизни Лешик расплачивался всю оставшуюся жизнь почными кошмарами и больной щитовидкой.

Рыжик стремительно несясь сквозь бурелом. Местами дорогу ему перегораживал огонь, приходилось его обегать. Чем ближе к деревне, к людям, к помощи, тем значительнее были следы урагана, пронесшегося в лесу. Но цель поставлена и оставалось только прорываться к ней. Удивительно, но пес совершенно четко понял, чего хочет от него хозяин. Привести других людей на помощь.

Тяжело дыша, он, в очередной раз высоко подпрыгнув, миновал ствол упавшего дерева и увидел, что лес кончается. Сквозь него был виден «язык» поля и дома за ним. Еще немного. Стал слышаться запах людей, смешавшийся с противным чадом пожаров. До слуха доносились далекие голоса.

Человек где-то совсем рядом. Рыжик подбежал к кустам на опушке — кто-то лежит в них, не двигаясь. Обнюхав, пес понял, что человек мертв. Здесь помощи не найти, значит бежим дальше. Жаль, усталость наваливается все сильнее. Но ничего, осталась самая малость. Вперед! Рыжик миновал поле, обогнул труп коровы, и, наконец, вступил в поселок. Здесь творилось нечто невообразимое. На него обрушилась гамма криков: злых, криков боли и страдания, раздражения. Но где искать помощь? Как обратить на себя внимание?

Большинство домов были полностью разрушены. Многие горели. Здесь слышался запах смерти. Рыжик бросился к ближайшему человеческому жилищу — тлеющая крыша чудом держалась на покосившейся коробке здания. В доме кто-то был. Живой. Но и мертвые тоже. Пес пересек дворик дома, спра-

ва догорал сарай, из которого вкусно пахло жареной курятиной, и вбежал в открытую дверь дома. Лестница на второй этаж была разрушена, она рухнула, не выдержав деформации здания. У дальней стены, рядом с обломками лежал еще один человек. Рыжик подбежал к нему, обнюхал и скулянул, поняв, что он мертв.

Но кто-то был наверху, в ловушке.

— Ма-а-амаа-а! А-а-а, у-у-у! — протяжно заплакал детский голос.

— У-у-у-у-у, — в тон ему затаил Рыжик. Плачь умолк, пес тоже замолчал, чего-то выжидая.

— Помогите! — робко, с надеждой в голосе крикнул ребенок.

Рыжик больше не раздумывал — он бросился на помощь. С трудом вскарабкиваясь по обломкам лестничного пролета, пес несколько раз оступался, больно соскальзывая грудью или животом, но упрямно лез вперед. Ребенок хныкал где-то наверху.

Наконец, последний удачный прыжок, и пес оказался на твердой плоскости второго этажа. Теперь надо было добежать до комнаты, откуда доносился голос. На повороте его занесло — скользкий линолеум. Оказавшись у двери комнаты, пес толкнул дверь передними лапами, как привык это делать дома. Но она не открылась. Толкнул еще раз, сильнее — тот же результат. И еще раз, и еще. Нет. Не получается, бесполезно! Навязчивый дым нещадно терзал глаза собаки.

— Ма-а-амаа, я боюсь! Мне страшно, — плакал детский голос за дверью.

Рыжик глянул повыше и увидел выступающую изогнутую ручку двери. У них с Павлом дома такой не было, но Рыжик вспомнил, как Павел нажимал на такую же ручку двери, когда они входили в кабинет доктора-ветеринара. Пес встал на задние

лапы, опустив передние на дверную ручку, и под нажимом его лап дверь открылась. Здесь концентрация дыма была меньше, поэтому и дышалось легче. Чихнув, Рыжик огляделся — в углу между шкафом и дальней стенкой сидел ребенок, маленькая девочка. Пес подбежал к ней.

— Песик! Хорошенький! Песик, — обрадованно всхлипывала девочка, обняв Рыжика. — А где мама?

Рыжик не ответил, лишь успокаивающе лизнул девочку в щеку.

— Пойдем на улицу, да? Наверное, мама там! — сказала девочка. Бедный ребенок не знал, что мама ее погибла и лежит внизу. Женщина торопилась попасть на второй этаж, когда все началось... Когда она поднималась, лестница ушла у нее из-под ног. Падение обернулось для нее летальным исходом. А девочка так и осталась одна в комнате на втором этаже. Все вокруг падало и громко гудело — ей было страшно, и она, забившись в угол, звала, звала, звала маму. А теперь появление Рыжика немного успокоило ее, вывело из шокового состояния. Положив маленькую, по-детски, пухленькую ручку на холку пса, она послушно пошла за ним к выходу.

— Ой! А как же мы выйдем на улицу? Лестница-то поломалась, — вскрикнула девочка, увидев разрушения.

Рыжик рыкнул и прилег перед девочкой, призывно глядя на нее.

— Ты хочешь меня повезти, как лошадка, да? Хорошо. Сейчас я залезу тебе на спинку.

И залезла. Ребенок был тяжелым для Рыжика, но он смог подняться и, очень осторожно наступая лапами на обломки лестничной пролетки, стал спускаться вниз. Дом был окутан дымом. Это заставило его закрыть глаза и остановиться. Девочка больно вцепилась в его шерсть и тоненько чихнула.

Сзади них разгоралось пламя. Чуть погодя, когда дым немного рассеялся, Рыжик продолжил спуск. Ему надо было торопиться покинуть дом.

Двигались вниз по обломкам лестницы с большим трудом. Прежде чем сделать следующий шаг пес несколько раз осторожно протянутой лапой прощупывал опору. Когда же до пола оставалось полметра, пес прыгнул. Девочка вскрикнула от испуга. Приземлились. Но тут у Рыжика подкосились лапы от тяжести его ноши. Пес еле выдержал. Девочка слезла, освободив Рыжика. Дым, тем временем, все сильнее заволакивал уже и первый этаж, и они торопливо выбежали на улицу. Девочка не увидела труп матери. Это на какое-то время уберегло ее от психологического шока.

— Песик, я побежала искать маму! Пойдешь со мной? — Рыжик взглянул на улыбающуюся девочку, махнул хвостом и побежал прочь. Эту задачу он выполнил, однако, своей цели еще не добился.

Суэта в деревне усилилась. Люди носились кто куда с визгами и воплями, плачем и причитаниями. Эти крики напугали Рыжика — было ясно, что здесь он помощи не найдет.

В поселок, как раз с той стороны, где стоял Рыжик, вбегали одинаково одетые люди. Сильные и уверенные. Пес понял, что именно у них надо искать помощи. Спасатели по два-три человека разбегались по деревне оказывать помощь. На пса никто не обращал внимания — просто пробегали мимо, только успевай уворачиваться.

«Жужжалки» опускались на землю, в которую люди в форме сажали плачущих, кричащих от боли, а то и глухо молчавших жителей, и эти вертушки поднимались обратно в небо, быстро уносясь прочь.

Некоторых пострадавших уносили куда-то в сторону полей.

Рыжик громко залаял. Но, по прежнему, внимания на него никто не обратил. Он увязался за двумя людьми, несущими безвольно обвисшее тело человека, но один из них крикнул ему: «Пошел вон отсюда!». Но Рыжик не унывал, продолжая пытаться привлечь к себе человеческое внимание, перебегая от одного к другому.

Лешик отбежал от вертолета, загрузив в него очередного пострадавшего, потерявшего сознание, а может, уже его труп. Вертолет оторвался от земли и как бы нехотя полетел прочь. Алексея мучило, а надо было продолжать работу. Все вертолеты, переполненные ранеными, улетели, и теперь пострадавших переносили во временный лагерь. Время не ждет, торопит, подгоняя страхом получить смертельную дозу облучения, но Лешик больше не мог вынести уродство неестественной смерти, обожженную плоть человеческих тел, не мог больше слышать их крики боли и ужаса. Он оперся на деревянную стену сруба, и его стошнило — уже второй раз.

И вдруг почувствовал, что его тянут за штанину. Обернулся, рядом нетерпеливо переминался с лапы на лапу крупный рыжий пес. Рыжик гавкнул, отбежал, призывая человека пойти за ним, обернулся в ожидании и снова гавкнул.

— Псина, — устало, но с нежностью сказал Лешик. — Бедный! Тебя-то никто не спасает, да? Прости, я бы хотел увезти отсюда и тебя, но не могу. Сегодня мы спасаем только людей.

Рыжик понял, что его не понимают, и опять подбежал. Спасатель, присев на корточки, погладил его по голове:

— Ну, чего ты от меня хочешь? Ты же все равно не понимаешь, что тебя надо спасти, значит, и не о спасении просишь. Чего ты хочешь? Еды у меня

нет, по крайней мере, для тебя. Прости еще раз. Иди, попытайся выбраться самостоятельно. Беги отсюда, покуда есть силы.

Рыжик заскулил — его не понимают, как объяснить? Надо торопиться, хозяину срочно нужна помощь! Тогда пес попытался объяснить еще раз — он подбежал к спасателю сзади и принялся толкать его.

— Эй! Ты чего? А ну отстань от меня — возмущился такой настойчивости Алексей. — Беги отсюда, не трогай меня, а не то сейчас разозлюсь!

Рыжик просто взвыл от досады! Почему эти люди его не понимают! Ну, как же ему объяснить, что надо идти за ним, что надо спасать хозяина! А Лешику полегчало, да и один из МЧСовцев, проходя мимо, крикнул ему, чтобы он не отлынивал. Пора идти работать дальше, как бы ни была мучительной эта работа, ее необходимо делать.

Увидев, что единственный человек, который обратил на него внимание, уходит, Рыжик с возмущенным, почти злым лаем бросился к нему. Это уже было слишком:

— А ну, пошел вон! — зло, с надрывом крикнул на него человек и замахнулся ногой. Но Рыжик смог вовремя отскочить в сторону. Ему стало понятно, что все его усилия бесполезны, и помощи от людей он добиться не сможет.

Совсем стемнело. Спасатели продолжали работу при свете прожекторов. Один за другим отлетали вертолеты, каждый из которых сделал уже несколько ходок со своим скорбным грузом. Мертвых не трогали — время поджимало.

Рыжик, все еще надеясь на успех, бегал, надрывно лаял, пытался тащить людей насильно, но все тщетно.

Все найденные живые были эвакуированы. И теперь уж солдаты МЧС торопились улететь или уехать подальше от невидимой смертельной угрозы. Многие понимали, что все они уже получили свою дозу облучения, и теперь не скоро оправятся от нее. Люди покидали разрушенный район.

Рыжик очень сильно устал. Уже молча, он подошел к последнему вертолету с последними улетающими спасателями. Кто-то крикнул:

— Эй, рыжий! Давай заскакивай к нам! Ну же, иди сюда, бобик!

Пес понял, что его зовут, но остался стоять и залаял, пытаясь в последний раз попросить людей пойти с ним. Никто не вышел из вертолета. Дверь закрылась, винт ускорил вращение. Вертолет улетал. А Пес посмотрел ему вслед и отчаянно взвыл в небо, уносящее с собой последнюю надежду на спасение Павла.

Рыжик понуро, через «не могу», брел обратно, к Павлу. Как он там?

Пес подвел хозяина, он не смог позвать на помощь. Люди отказались понять его.

Рыжик не боялся заблудиться — по своим собственным следам он легко находил дорогу назад. Вот только сил совсем не осталось. Хотелось лечь прямо здесь, никуда не идти, отдохнуть, поспать. Но долг, собачий долг перед хозяином упрямо вел его вперед.

Светало. Пошел дождь. Дышать стало легче. Но огонь все еще не унимался. С вечера он успел охватить приличную площадь лесного массива. И чем ближе Рыжик подходил к тому месту, где оставил Павла, тем труднее становилось обходить огонь.

Когда пес наткнулся на своего хозяина, он неподвижно лежал на земле, но уже дальше от того

места, где они расстались. Он был без сознания, но живой.

Когда его верный пес убежал за помощью, Павел потерял сознание — то ли сон сморил его, то ли сознание решило дать возможность отдохнуть измученному болью телу. Очнулся он глубокой ночью, но почувствовал себя немного лучше. И хотя тело его по-прежнему болело, Павел кое-как сумел сесть и попытался освободиться от придавившей ноги толстой ветки. Не тут-то было — не хватало сил. Осмотревшись вокруг, он увидел лежащую недалеко от себя дубинку, обломок сосновой ветки. Дубина послужила как рычаг — спасибо Архимеду — тяжесть ветки поддалась и прежде чем рычаг сломался, Павел другой рукой успел вытащить из-под дерева свои ноги, которые были в крови. Вот и долгожданная свобода! Но его ноги не двигались. Впору было молиться за упокой души. К тому же все ближе к нему подбирался огонь — становилось жарковато.

Вспомнилась прочитанная в далеком безмятежном детстве книга «Повесть о настоящем человеке». И вспомнилась она вовремя, ведь человек на многое способен благодаря своей силе воли! Надо ползти. И он пополз. Каждое движение измученного тела отдавалось болью, но Павел не собирался сдаваться так быстро. В конце концов, ему не надо было повторять подвиг Алексея Мересьева, требовалось проползти километра два, если не меньше. «Справлюсь, — от боли процедил сквозь зубы Павел. — Осилим!..». Почему-то вспомнился странный персонаж полудека-полудуха из прочитанной им книги, который знал только одно слово: «Осилим!» И сейчас Павел повторял это слово, ставшее для него очень важным. Сейчас только упорство могло спасти его.

Он сумел проползти около сотни метров, когда вновь потерял сознание. Сказывалась большая потеря крови и полученная им доза облучения. Здесь его и нашел Рыжик. Нашел и облизнул. Павел очнулся — муть в глазах не сразу позволила понять, что перед ним его любимый пес.

— Рыжик, — чуть слышно пролепетал он. — Песик мой! Умираю я.

— Уу-уу, — не согласился со сказанным пес.

— Умираю-умираю, не спорь. Только, прошу тебя, побудь со мной.

Верный друг не возражал. Печальный и истощенный, он опустился рядом с лежащим хозяином, положив голову на его руки. Руки отреагировали, слегка погладив Рыжика. Павлу становилось все хуже и хуже, жизнь медленно и неумолимо покидала его тело. Пес чувствовал это и легонечко покусывал.

— Я уже не чувствую боли, Рыжик. Это верный признак того, что мне немного осталось, где-то я об этом читал, — с трудом выговаривая слова, сказал Павел. И, помолчав немного, продолжил: — Это ведь я виноват в том, что произошла эта трагедия. Это я виноват в том, что погибли люди. Наверное, многие из поселка умерли и уж точно все, кто был на АЭС. Знаешь, почему я? Потому что, наверняка, что-то на станции пошло не так после моего рассказа о захоронении отходов! Я почти уверен в этом, не бывает таких совпадений. Я во всем виноват! Как же горько мне умирать, осознавая это. Как горько, — он уронил голову и замолчал. Но спустя минуту заговорил вновь:

— Мне так не хочется покидать этот мир! Ведь я так молод, так хотелось прожить долгую и счастливую жизнь, а мне выпало прожить лишь меньшую,

причем, не лучшую ее часть. Не лучшую... Я так и не познал любви, истинной любви, ради которой, наверное, и стоит жить! Я не посадил дерева, не вырастил сына... — Павел грустно улыбнулся, вернее, скорчил гримасу, которую с трудом можно было назвать улыбкой. — Я ничего не сделал! Хотя нет, я успел натворить такого, что даже в голове не укладывается. Пустая жизнь. Я прожил пустую жизнь, — Павел горько заплакал.

Рыжик плакал вместе с ним. Он мало что понимал из слов своего хозяина, но догадался, что тот сожалеет, что тот жалуется на жизнь и очень не хочет умирать.

— Не плачь, Рыжик, не расстраивайся. Ты стал самой светлой частью моей жизни за последний год! Я очень рад тому, что судьба подарила мне тебя. Очень рад, — улыбнулся сквозь слезы парень. — Ты почти не пострадал от взрыва. Может быть, ты еще будешь жить! Долго-долго. Найдешь себе нового хозяина. Я знаю, найдешь — ты красивый и очень умный. Такими псами не разбрасываются. Как я рад, что хоть ты будешь жить дальше. — Тут Павел запнулся, он понял, что, скорее всего, Рыжик умрет очень скоро. Он был обречен умереть от лучевой болезни. Но вслух Павел ничего не сказал, подспудно боясь, что пес поймет его. — Малышка твоя погибла, но все хорошее у тебя еще впереди...

Рыжик дернулся, услышав имя родного для него существа. Больно.

— И все у тебя будет. Все будет... Бедные-бедные животные! Бедная природа. Как же мы, люди, корёжим ее, мучаем ежесекундно все живое на Земле. Мучаем своим присутствием, своим равнодушием, своими ошибками. Наверное, планета с великим удовольствием освободилась бы от нас и, наконец,

расправила свои плечи... Боже, о чем это я! Как это все неважно. — Павел опять заплакал.

Рыжик лежал рядом. Он понял почти все, о чем говорил хозяин. Он тоже горько-горько плакал, скуля и подвывая.

Рыжик выл и выл. И не заметил, упустил тот момент, когда ниточка жизни Павла оборвалась окончательно. А когда обнаружил, что хозяин мертв, то завыл в полный голос. Боль! Великая боль была в том вое!..

Мокрый, несчастный, истощенный пес заснул только к вечеру следующего дня. Дождь потушил огонь, и псу не надо было больше бояться его. Впрочем, он уже ничего не боялся и ни о чем не думал.

ГЛАВА 7

Кап-кап-кап... капали с листочка капли дождя на нос Рыжику. «Я проснулся», — понял он. Вокруг было светло, солнечно и свежо. Вчерашнее... позавчерашнее... прошлогоднее? Все вспоминалось с ощущениями тяжелого страшного сна, с трудом. Пес зевнул и поднялся с земли. Надо идти! Куда? И надо ли?

Тело Павла лежало рядом, его остекленевшие глаза были устремлены в небо — в бесконечность. Может быть, взгляд потянулся за душой?.. Рыжик положил голову на грудь мертвого хозяина и вздохнул — совсем, как человек. Потом лизнул его в последний раз и поплелся прочь.

Его что-то гнало отсюда, надо было уйти из этого места. Просто вперед, куда глаза глядят. За-

чем и для чего — эти вопросы не трогали Рыжика. Он, вообще, ни о чем не думал и почти ничего не ощущал. Даже голода... Пес просто пошел прочь, оставив тело хозяина, но прихватив с собой кусочек его души.

Разбросанные «ураганом» ветки-обломки уже не вызывали в нем ощущение хаоса и страха. Они утратили вчерашний трагизм и теперь поблескивали на солнце лоснящимися от влаги боками. Искрился зеленью подлесок, играли бликами света мокрые листья деревьев. И только птицы не пели свои обычные лесные песни.

Несмотря на полученный отдых, лапы Рыжика передвигались с трудом. Он шел по малозаметной тропке, которая еще сохраняла легкий запах человеческих ног. Прихотливые изгибы тропинки постоянно прерывались упавшими, полуобгоревшими крупными ветками, а то и стволами деревьев, пострадавших, как и многое в округе, от взрыва. Рыжик упрямо обходил такие места, вновь возвращаясь к тропе.

Вскоре сквозь чащу леса показался родной поселок. Но пес, только учуяв его приближение, свернул в сторону, стремясь обойти печальное пепелище. Донесся и тихий запах дома — их с Павлом дома. Рыжик повел носом по ветру, задумчиво смотрел в сторону поселка...

Минута сомнений — и пес отвернулся. Что он там найдет? Опустевший дом без своего хозяина.

Хотя зачем и куда идти?

Рыжик брел — перебирал лапами, которые упрямо тащили его в неизвестность будущего. «Павел — мой любимый хозяин... Почему я не остался с ним? Куда я иду? Сам не знаю, но что-то толкает меня прочь. Как страшно одному! Кому я теперь

нужен?.. Почему так болит задняя лапа! Лес, такой мрачный и пустой... Наверное, надо дойти до людей. Не могу без них. Люди. Кто они? Для меня мой хозяин был самым главным, самым важным существом. А как же хорошо он относился ко мне! Найду ли я такого же второго друга как Павел? Сколько доброты, тепла доставалось мне от этого двулапного создания! Павел что-то говорил про то, что это он виноват во всем! В чем? В этом страшном звуке, в обжигающем сиянии, которое охватывало деревья, в смерти... Почему он? Почему, вообще, все это случилось? Непонятно. Да и что это было такое страшное? Тоже непонятно. Ничего не понимаю. Малышка... Именно так почему-то называл ее Павел. Это что-то ласковое, хорошее слово».

Вдруг Рыжик почувствовал запах чужака. Он насторожился и застыл, пригнувшись к земле. До слуха донеслось слабое шуршание. Впереди кто-то двигался к нему навстречу. Не человек. Такого запаха Рыжик еще не знал. Рыжик стал ждать.

Ждать пришлось недолго. Впереди показалось незнакомое и крупное существо, которое продолжало идти вперед, будто не чуя пса. Когда он показался из-за ветвей деревьев, то пес увидел крупную, худую корову (каких пес немало видел в деревне), но с крупными, развесистыми рогами. Внешне существо напоминало смесь коровы и лесного дерева. Это был лось. Спотыкаясь и застревая копытами среди веток и развороченных корней деревьев, лось надвигался прямо на застывшего от удивления пса, который предупреждающе гавкнул. Оглушенный и одолеваемый болью в голове и груди, лось бесцельно брел по опустевшему лесу. Его глаза застилал туман. Он ослеп, поэтому все время мотал головой, пытаясь прояснить зрение.

«Кто это?» — спрашивал себя Рыжик, с интересом разглядывая лося. Коровы, которых лось напоминал ему, всегда с опаской сторонились пса, а этот, будто его не видит.

Тут в голове у лося помутилось окончательно, и он тяжело опустился на землю. Рыжик отпрянул назад, но почувствовал всю ту боль, которая терзала лося, и подошел поближе. «Надо помочь», — привычно подумал он и принялся облизывать морду неизвестного существа.

Лось открыл один глаз и благодарно ухнул. «Несчастный», — скульнул пес. Лось больше не отвечал. Он умирал. Тяжело вздымалась его грудь, с трудом прогоняя кислород в легкие... Последний вздох и лось перестал дышать. Рыжик заскулил. Ему было жалко это существо. Поднялся ветер, заскрипели стволы вековых сосен. Мать Природа оплакивала дитя леса, погибшего не по воле природы.

Рыжик прижал уши, поджал хвост и, как бы извиняясь, пригибаясь к земле, поплелся прочь.

Лес поредел, запахло металлом и еще чем-то смутно знакомым. Пес ускорил шаг. Деревья раздвинулись, и он вышел к железнодорожному пути. Двойная колея протянулась поперек леса широким шрамом.

Рыжик вспомнил этот запах. Так пахло, когда они с Павлом ехали к Доктору... Павел! У пса защемило сердце.

Пес вспомнил их прошлое: «Тогда было больно и душно. А еще был добрый Доктор, который помог мне».

Да, дорога ведет от людей опять же к людям. Это стало понятно одинокому псу. Если он хочет попасть к ним, надо просто двигаться вдоль этого

железнодорожного пути. Вот только куда? В каком из двух направлений? Встав передними лапами на шпалу, Рыжик поворачивал голову то в одном, то в другом направлении. В это время где-то пронзительно вскрикнула птица. Рыжик резко повернул голову в ту сторону, откуда донесся крик птицы. Ее он не увидел, но глаза выбрали путь, которому пес и доверился.

Рельсы, шпалы... Стало темнеть. Рыжик, сначала неторопливо бежавший вдоль железной дороги, теперь окончательно выбился из сил и шел медленным, понурым шагом. В душе было пусто и тоскливо, физическая усталость вытеснила тяжелые мысли. И даже дышать стало чуть легче.

Дорога в какой-то мере дала «разрядку» его душе: линия между вчерашним и сегодняшним — настоящим была резко очерчена. В прошлом осталось все, а в настоящем — только рельсы и шпалы. Но именно эта пустота и облегчала мировосприятие пса, словно он стал свободным от ошейника потерь. Не было больше этих потерь, так как не было больше прошлого. Оно скрылось за горизонтом, где-то там, за спиной.

Стемнело. Больше не осталось сил, Рыжик свернул в сторону леса и устроился у основания откоса. Появилось чувство голода, но утолить его было нечем, и оставалось только спать. Постепенно усталость вытеснила чувство голода и пес провалился в безликий сон.

Проснулся пес внезапно, словно от какого-то резкого звука. Поднял голову, огляделся и прислушался. Ничего. Тишина. Может, это приснилось? А может, и вправду, был какой-то звук.

Рассвело. Легкий ветерок шевелил скупую придорожную травку. Все было тихо и спокойно. Ры-

жик принюхался и не почувял ничего особенного. Снова захотелось есть. А о том, чтобы поискать еду, он даже и подумать не мог. Сначала надо выбратья к людям, все остальное потом. А потом... «Вот только что потом?» — подумал пес и грустно-грустно вздохнул.

Вздохнул и поднялся. В путь!

И снова рельсы и шпалы, снова противный запах машинного масла и ржавого железа. Ветерок нежно поддувал со спины, растрепав его шерсть и легонечко подталкивая его — беги-беги, ты на правильном пути. И он бежал, легко и резво, стараясь не обращать внимания на нестерпимый голод. У него перестала болеть задняя лапа, а на душе было пусто и свободно...

Погруженный в эйфорию бега, Рыжик не чувствовал, как мелкой дрожью затряслась земля. Но вслед за дрожью уже спешила звуковая волна. Резкий звук гудка так внезапно хлестнул бегущего по шпалам пса, что он инстинктивно опрометью бросился в сторону. И это его спасло.

Рыжик смотрел вперед на уже удаляющийся сдвоенный локомотив. Первое за эти дни появление чего-то человеческого, хоть и испугало его поначалу, но теперь радовало и вселяло надежду. Пес благодарно махнул хвостом, глядя вслед локомотиву, и еще веселее побежал следом. Бежалось легко, а потому и умные думы неудержимо лезли в лохматую баншку дворняги.

«А зачем есть я? Нет, не зачем я куда-то бегу, это-то как раз понятно — привык я к людям, не могу без них, вот и стремлюсь снова оказаться среди них. А вот зачем я живу? Кому нужен? Для чего?» — наивный пес, знал бы ты, что подобные вопросы мучают многих и многих мудрецов... Никогда прежде перед ним не вставали такие во-

просы. Только полусознанные желания, инстинктивные потребности да эмоции. Но чтоб мыслить, думать!..

«Раньше, наверное, жил, чтобы служить и радовать хозяина, а теперь? Может, служить хозяину и есть наше, собачье, предназначение? Скорее всего. Тогда, что мне остается? Искать нового хозяина? Да, наверное, так. Что ж, буду искать. Хотя... Разве может кто-то занять место Павла? А может, теперь мне и жить незачем? Раз он умер, то и мне пора за ним? Но, ведь у Малышки не было хозяина! Для чего тогда она жила?».

Пришлось задуматься над этим вопросом, напрягая нетренированный мыслительный аппарат.

«А, может, для того, чтобы родить новых собак? И опять-таки зачем? Чтобы они размножались дальше? Какой смысл?.. Ничего не понимаю!»

Рыжик настолько погрузился в мысли, что сам не заметил, как остановился. «Нет, так не пойдет!» — решил он и, выбросив все свои песьи размышления из головы, побежал дальше.

Наконец, нес почувствовал, что где-то недалеко есть человек.

И точно, на горизонте были различимы далекие строения. Это была железнодорожная платформа на окраине одного из редких сибирских поселков. Запах людей доносился явно, однако их самих не было видно. А их и не было! Несколькими часами раньше МЧСовцы вкупе с военными уже эвакуировали население поселка. Добровольно или принудительно, но всех без исключения вынудили покинуть насиженное место, и отправиться в «неизвестность» ближайшего города.

Но Рыжик этого не знал и, достигнув платформы, свернул со своего пути вглубь поселка. Размером этот поселок был чуть меньше, чем тот, в

котором когда-то жил пес, но все-таки на то, чтобы убедиться в полной его безлюдности, у Рыжика ушло некоторое время.

Зато повезло с другим — здесь было полно всяческой еды!

Бедолага не подозревал о том, что с ним будет завтра. Мясо, правда, уже отдавало душком, но с голодухи пес этого не почувствовал. А если и почувствовал, то не придал этому никакого значения. И зря...

Стемнело. Рыжик лежал, разбросав лапы, в небольшом уютном подвальчике незапертого дома. Он спал, сишло похрапывая. Тем временем его несчастный желудок совершал титанический труд, пытаясь переварить столь внезапно свалившееся «счастье». Его лапы изредка подрагивали во сне, задевая шкурки найденных Рыжиком на кухне подкопченных сарделек, рядом валялась полуобглоданная кость, оставленная на десерт, но так и недоеденная утомленным псом.

Теперь Рыжик опять плелся еле-еле. Организм все еще никак не мог окончательно оправиться от позавчерашнего пира. О, вчерашнее запомнится ему надолго! Весь день пес был вынужден пролежать в том самом подвальчике, мучимый беспощадными спазмами взбунтовавшегося желудка. И только под вечер он слегка почувствовал себя нормальной собакой. Вид еды теперь вызывал у него чувство отвращения, а ее запах провоцировал внутренности на самые неприятные позывы.

Сегодняшним утром пес заставил себя выбраться из подвала и отправился в путь.

Рыжик наострил уши — слабо доносился многоголосый лай, который стал приближаться. Вдруг из подлеска выскочило два крупных серых пса. Нет не псы! Волки!

Древние инстинкты, по которым волк, хоть и был дворняге родственником, являлся для него одним из самых главных врагов, заставили вздыбиться шерсть на загривке Рыжика и оскалить пасть. Рыжик был готов не только защищаться, но и нападать! Волки, мельком взглянув на него, сиганули через рельсы в лес. Но не успели они скрыться, как за ними следом на открытое место выскочила целая стая дворняг. Это их лай слышал Рыжик.

Схватку с подобной стаей он помнил хорошо. Волки тоже его враги, которых он, кстати, встретил впервые. Пробежавшие волки — враги, которые не напали на него, а ватага разъяренных псов — опасность реальная! И не зря Рыжик так плохо думал о своих собратях — псы, увидев его, бросились на него. Пасть первого клацнула у самого хвоста Рыжика, разумно решившего ретироваться. Он побежал вслед за волками, преследуемый их врагами — ничего не скажешь, удружили «родственнички»!

То ли волки подустали, то ли Рыжик был более прыток, но вскоре он бежал рядом с волками, а на хвосте упорно «висели» обозленные псы. «Быстрее, быстрее, быстрее!» — упорно твердил себе Рыжик, прорываясь сквозь подлесок. Рядом тяжело дышали волки, теперь уже не отстающие от своего невольного собрата по несчастью. Погоня отставала, и убегающие совсем уже было уверились в удачном исходе дела, как вдруг путь им перегородил плотный дощатый забор с настежь распахнутой калиткой. Почему-то решив, что спасение близко, преследуемые кинулись опрометью прямо в проход калитки. Увлеченные улепетыванием, они не заметили, что эта огороженная территория имела только один вход. А выхода-то не было! Вернее было — тот самый, через который они сюда попали, но его уже

перекрыли собаки. Ловушка захлопнулась. Удача, казавшаяся столь близкой, опять превратилась в сомнительную перспективу.

Драка была неминуема. Причем, расклад сил склонялся в сторону противников! Это понимали и волки, и Рыжик. Однако все трое были «неробкого десятка» и они грозно оскалились на врагов. Те не спешили, только лаяли, пытаясь, запугать противников.

Псы окружили троицу плотным полукольцом. Заливаясь неистовым лаем, то один, то другой бросались в ложном броске на готовых умереть волков и Рыжика. По-настоящему атаковать не решался никто. Крупный, грязно-серый пес, явно вожак, «изрыгал проклятья» прямо в глаза Рыжику. Вся эта безвыходная ситуация очень нервировала Рыжика. «Скорее бы уже...», — подумал он, огрызаясь на очередной выпад Серого.

Тут один из волков, испуганно дернулся в сторону, будто забыв об угрожающих челюстях стаи бродячих «головорезов», но сразу же вернулся в прежнюю позицию, чуть не укушенный «клацнувшими» перед его мордой челюстями. Рыжик уже и сам почувствовал легкий запах человека, а может, и нескольких людей. «Вот что беспокоит волка!» — догадался он и был прав. Людей волк боялся очень сильно, сильнее, чем тех, кто служит человеку — псов, пусть и одичавших. Но убежать не мог. А люди приближались...

Стая, наконец, решилась и бросилась вперед — все и сразу! Волки яростно кинулись в ответную атаку, моментально выведя из состояния боеспособности двоих противников. Рыжик схватился с третьим. Но уже через мгновение на каждом из оборонявшихся повисло по несколько противников. Все должно было закончиться в считанные минуты!

Как бы сильны и храбры ни были волки, как бы умен и ловок ни был Рыжик, им было не то, что не справиться — они не смогли бы продержаться и пары минут боя, если бы не...

Вдруг раздался громкий звук автоматной очереди! Стреляли прямо по куче дерущихся. Страх пришел на смену остервенению схватки, и все «сражающиеся» моментально бросились в разные стороны! На земле остались лежать несколько скулящих от боли псов, а некоторые и вовсе не шевелились.

А выхода-то как не было, так и не появилось! Тот единственный заняли люди со страшными «жгущими на расстоянии палками», и теперь отстреливали всякого приближающегося в их сторону пса. Волки бросились к противоположной стороне забора. Дикий страх придавал им силы, и, несмотря на свои ранения, один из них врезался всей тяжестью своего тела в забор. Доска неожиданно поддалась и отошла. Еще один бросок, удар и доска отлетела прочь. Путь на свободу был открыт. Волки бросились в лес, Рыжик за ними. Может быть, образовавшимся проходом воспользовались и некоторые из их недавних врагов, но никакого преследования за ними теперь не было. Рыжик с волками благополучно избежали двойной западни.

Бешеное сердцебиение умиралось, а вместе с этим возвращалась способность нормально мыслить. Как волкам, так и псу теперь удивительным становилось их взаимное соседство. Оно родилось в стрессовой ситуации, но не могло больше существовать. У Рыжика появился липкий страх, а что, если теперь еще и волки на него накинутся? С ними ему точно не справиться. И помощи ждать неоткуда. Но нет, волки не повели себя с ним агрессивно, лишь подозрительно поглядывали на него.

Рыжик остановился, волки нет. Они продолжали бежать, и вскоре лишь слабый дух напоминал о встрече с ними. Пес вновь остался один, предоставленный самому себе.

Люди, к которым так стремился беженец, опять были далеко. И возвращаться к ним совсем не хотелось. И как теперь выбраться обратно к железной дороге?

Стемнело. После напряженного дня нестерпимо захотелось есть. Да уж, проголодаешься тут! Со всеми этими погонями и драками.

Полученные впечатления медленно, нехотя укладывались в не в меру сообразительной рыжей голове. И, естественно, появилась целая куча вопросов, которые, впрочем, в большинстве своем оставались без ответа.

«Почему и как я оказался на одной стороне с волками? Почему стреляли люди? Почему волки не напали на меня после драки?»

Много «почему» с треском разбивались о «непонятно». Осколки всех этих вопросов раздражали мыслящую душу.

«Нет, так не пойдет, надо расставить все по порядку! Почему стреляли люди – может, потому что боялись, что нана потасовка с собаками может обернуться и против них? Значит, боялись. Волки и я тоже боялись собак, и поэтому дрались. Но мы были в таком безвыходном положении. И сами мы не нападали – мы только защищались! Значит люди, когда боятся, сами нападают? Как тот колючий, который на меня в лесу напал. Он тоже напал, потому что боялся. Может, так и надо – боишься, нападай первым! Да нет, это глупо. А вообще-то, кто их, людей, разберет...»

Рыжик увернулся от низкой ветки и продолжил путь, ориентируясь на запах железа. Этот запах,

как он думал, должен был привести его к железной дороге.

Он продолжал размышлять: «Непонятно. Ну ладно — людей мне явно не понять. А волки? Почему они так странно вели себя? Я точно не чувствовал их ненависти к себе. Наоборот, они словно приняли меня как себе равного! Все-таки, эти лесные животные какие-то... более честные, что ли...»

Запах железнодорожной колеи становился все более явственным, и пес отбросил все мысли, сосредоточившись на поиске выхода из густого леса на дорогу.

Вскоре он вышел к рельсам. Но сил не осталось, и Рыжик свалился у привычного уже откоса. И заснул.

Весь следующий день прошел спокойно, без происшествий. Пес упрямо брел вперед, временами переходя на бег. По дороге ему не встретилась ни одна живая душа, хотя запахи говорили о том, что лес перестал быть безжизненным. Его темнота скрывала активность тамошних обитателей, но Рыжик чувствовал их присутствие так же явно, как ранее не чувствовал ничего. Опять пели птицы. Вернее, они пели здесь — безжизненный участок остался позади.

Сил у него оставалось все меньше и меньше. На поиск пищи Рыжик не отвлекался. Да и как это сделать псу никогда не кормившемуся в лесу, да и не заботившемуся никогда о собственном пропитании! И вот теперь все блага «домашней жизни» выходили ему боком.

За день он миновал еще две станции и, соответственно, два поселка, но здесь пожить ничем не удалось — видимо, отсюда люди уезжали более организованно и все дома были наглухо заперты. В этих дворах уже похозяйничали местные дворняги.

К следующему полудню голод окончательно превратился в чудовище, терзающее его внутренности, и пришлось баловню домашнего очага уже вплотную задуматься над решением проблемы утоления голода. Лес скрывал много интересного – пришло время воспользоваться его дарами. «Все-таки, – подумал Рыжик – я охотник! Что мне стоит поймать кого-нибудь не особо крупного! Главное, взять след».

Взять след, подумаешь, делов-то псу на пару минут. И то правда – след он взял быстро, едва углубился в чащу. Еле заметные отметины на влажной земле указывали на небольшие размеры оставившего след существа. Запах был знакомый, но кому он принадлежал, пес точно не знал. Да и какая разница – вот догоню, думал он, и узнаю, что это за чудо. Однако догнать оказалось не так просто. Вернее не догнать, а хотя бы для начала найти!

Рыжик шел по следу, все больше углубляясь в лес. Запахи обитателей леса плотной струей ударили в нос псу, но он сумел сосредоточиться на нужном, как «заправской охотник». Раз за раз путь его жертвы пересекался с другими следами, но неизменно отпечаток лапы жертвы оказывался поверх других следов, оставленных обитателями леса. Значит искомый след оставлен недавно, решил Рыжик и воспрянул духом.

«Лишь бы не нарваться на колючего!» – вспомнил Рыжик про ежа. Он почувствовал, что жертва уже близка.

Охотник вынюхивал, низко опустив глаза, поэтому не заметил, как слегка подернулись кусты впереди. И подошел уже почти к самым кустам, как вдруг из них выскочило что-то маленькое и пушистое. Это был заяц. Упитанный русак, опрометью бросился убежать от своего преследователя.

Рыжик растерялся на мгновение. Дурак, он упустил драгоценное время! Затем пес с глупым лаем бросился вдогонку. Теперь принюхиваться уже не надо было — жертву было видно, и все зависело только от быстроты его лап.

Заяц прожил немало в жестоких условиях леса, «по законам джунглей», он знал, что «не успеешь убежать, съедят», поэтому выкладывался на все сто! Но и Рыжик уже понял, что еще чуть-чуть, и он опять останется голодным. Этого допустить было нельзя! И он бежал, бежал, бежал!..

Расстояние практически не сокращалось. Рыжик не привык загонять зайцев, а вот заяц убежать от «всяких таких-растаких» хищников привык. Голодный Рыжик был сильнее зайца и победа должна была бы остаться за ним. Должна была бы...

Волк, мрачно бродивший неподалеку, услышал шум (Рыжик, непривычный к лесу, шумел ужасно) и решил узнать, кто это шумит на его земле.

Вдруг Рыжик почувствовал как что-то ударило его в бок на полном ходу, первые мгновения он не понял, что случилось. Пес упал. Поднялся и увидел серый хвост. Волк просто нагло оттолкнул его и сам продолжил погоню, так сказать, перехватив эстафету.

«М-да, в драке друг, а миски по-отдельности», — грустно подумал Рыжик, стараясь успокоить дыхание, и, пошатываясь, побрел обратно по своим следам. Пытаться начать охоту заново не имело смысла — на это просто не хватило бы сил.

Злость. Злость и голод — два мучителя жгли душу и тело пса. Но не было той шайки-лейки, из которой можно было бы залить этот огонь. Однако, именно это пламя и позволило ему дотянуться до железной дороги.

«Больше ни шагу в сторону», — решил пес и с этой мыслью заснул, хотя было еще совсем светло.

И опять — рельсы, шпалы... Тишина. Никого. И совсем нет сил. Не было сил думать, искать, радоваться или горевать. Рыжика хватало только на то, чтобы медленно, но упорно плестись вперед, и только вперед.

Однако уже к вечеру следующего дня пес почувствовал, что люди совсем рядом. Где-то там за железной дорогой пахло жильем. Но он решил по-прежнему не отклоняться от своего пути. Лес поредел, уступив место полям и огородам. Вдалеке уже виднелись одиночные домики. Над крышами вился легкий дымок.

Стемнело. Рыжик устроился на ночевку.

А уже утром, пройдя всего-то ничего, он увидел, что виднеются дома людей, здесь их было побольше, и они жались к железной дороге. Во дворах сутились люди. Люди! Наконец-то.

Пес забжал в первый же открытый двор. На лавочке сидели две женщины. Рыжик, усиленно размахивая хвостом и прижав уши в голове, подбежал к ним. Одна из женщин заметила его:

— Ух ты, посмотри, какой милый песик. Шарик, Рыжий, Песик, иди сюда, хороший! — Рыжик всем своим видом старался показать, как он рад встретить людей, как он их любит и чтит.

— Какие глаза! Грустные. Какой бедненький! Ласковый, — удивлялась женщина, потрепав Рыжика, позволившего гладить себя. Он тоже выражал свою радость и добрые намерения, «извиваясь» ужом у ног благодетельницы. — Ты же, наверное, есть хочешь?

— Ав-ав! — самым настойчивым образом подтвердил Рыжик. — «Еще как хочу!».

— Да будет тебе блудных псов-то подкармливать. Один раз покормишь, потом проходу от них не будет, — строго заметила другая женщина.

— Да, что ж ты, Оленька, такая злая-то? Видишь, какой красивый, хороший! Пе-есик, — отвлеклась первая. — Хороший! А худой-то какой. Мама родная, кости да кожа! Сейчас, сейчас я тебе принесу чего-нибудь из дома.

Женщина ушла, и Рыжик переключил свое внимание на Олю. Та с недоверием и опаской смотрела на него, однако, острого неприятия пес не почувствовал и, размахивая хвостом, подошел и к ней. Та осторожно погладила его, и Рыжик, изголодавшийся по человеческой ласке, аж глаза закрыл от удовольствия. В этот момент хлопнула дверь и Оля резко отдернула руку. Рыжик открыл глаза.

— На! На, песик, покушай, — первая женщина положила на землю два больших куска свежего хлеба и большую кость с остатками говядины на ней, которую женщина вытащила из супа. Рыжик тут же набросился на еду.

Пока он грыз мосол, женщины вернулись к прерванному его появлением разговору.

— Ты представляешь, Надя, какой все-таки ужас — все то, что случилось на АЭС — не укладывается в голове. А мои-то совсем неподалеку жили...

— Ой-ой-ой! — схватила за голову Надя. — И правда ведь, а я и забыла, что они там рядом совсем.

— Да! Были рядом. Эх-хе-хе. Теперь их сюда привезли. Хорошо еще, что у нас есть свой дом, есть, где их разместить! А ты представляешь, какво тем, у кого в городе никого нет! Многим просто некуда податься. А эти, власти-то, привезти-то их всех привезли, а где жить — не сказали.

— Ой, горе-то горе! — запричитала Надя, — Да и моим-то теперь как? Все, что нажили за жизнь свою, все там осталось! А ведь не вернешься уже! И деревья там, говорят, уже чуть ли не сами ходят

и всех подряд хватают! Радиация, говорят, такое творит! Зверье в лесу ведет себя непредсказуемо, а волки – страх божий! Чудища, да и только.

– Да-да, мне соседка, Маня, – ты ее знаешь, говорила, брат ее по грибы в лес ходил, да еле ноги унес! Как бросится на него чудище! Клыки – во! Пасть – во! Глаза горят! Ужас, да и только!

– Не могут люди жить по-людски! Ой-ой-ой, ведь на Чернобыле уже была авария, был взрыв. Сколько тогда народу погибло, да сколько земли было сгублено! После такого примера, людям бы взяться за ум. Ан нет, лишь бы супротив Бога лезть! Вот и получили...

– И то правда...

Рыжик, тем временем, с огромным удовольствием проглотил хлеб, обглодал кость и теперь чувствовал себя гораздо лучше. Женщины увлеклись разговором и совсем забыли про него. Пес понимал отдельные слова из их разговора, но смысла толком не уловил. Он, услышав слово «АЭС», насторожился и стал прислушиваться. Но не понял, что такое «Бог», и какие такие чудища водятся в лесу. Ну и ладно, решил он, и незаметно покинул гостеприимный двор.

Оля бросила на уходящего пса задумчивый взгляд и вернулась к разговору. А Рыжик пошел дальше.

ГЛАВА 8

Город. Граница его осталась позади, но Рыжик продолжал идти вперед по железной дороге. Иногда мимо медленно проползали локомотивы и даже целые составы. Тогда пес заблаговременно сходил с путей, пропуская «железных слуг» человечества, и провожал состав взглядом. Почему-то поезда вызывали у него радость.

В городе людей было много. Они деловито пересекали железнодорожные пути, иногда перетаскивая большие сумки, а иногда — налегке. Все куда-то суетливо торопились по своим, человеческим, делам. И никому из них не было никакого дела до одинокой бездомной собаки.

Поначалу Рыжик, помахивая хвостом, подходил чуть ли не к каждому человеку, просто для того, чтобы поприветствовать его, может быть, поиграть, может, просто отдать скопившееся душевное тепло и получить взамен и себе немного того же тепла. Вот странность, почему-то это тепло переполняло его, но оно не помогало, не доставляло удовлетворения, скорее, наоборот, оно тяготило — хотелось как можно скорее поделиться им. А взамен получить что? То же самое добро, ту же теплоту, но... немного другую. А зачем ему другая, если уже есть своя? Вот в этом-то и состоит вся странность. Только круговорот добра — отдай-получи — способен доставить удовольствие.

Рыжик не знал, куда именно идет и чего хочет. Он просто шел, пока вопрос «куда?» окончательно не сформировался в его поумневшей голове. Он думал, но не мог ни придумать, ни пайти ответа на этот вопрос. А это ведь так плохо, так неуютно, когда не имеешь цели! Когда словно оказываешься подвешенным в воздухе. Нет, решительно Рыжик долго так существовать не мог.

В самый разгар его размышлений впереди показались очертания платформы — станция! Когда пес подошел поближе, он узнал это место — именно сюда прибывали они с Павлом на поезде, когда ездили к доктору.

«Доктор! — внезапно осенило Рыжика — Мне надо к нему! — решил пес для себя. — Доктор добрый и хороший, он не выгонит меня, может быть,

даже станет моим новым хозяином!» — От такого благоприятного разрешения собственных сомнений ему стало совсем хорошо, и он резво побежал к платформе. Прыг, и он уже на ней.

На платформе было полно народу. Больше всего солдат — людей в форме. Эти вели себя очень деловито. Немногочисленные гражданские явно чувствовали себя растерянно. Все они только что прибыли в город. Не было и толпы встречающих — их не пускали на станцию. Не наблюдалось шума-гама, который при таком скоплении людей был обязательным явлением. Лишь редкие вопрошающие вскрики, лаконичные команды, да шарканье множества ног.

Пес, растерявшись, сунулся было с приветствием к проходящему мимо солдату, но тот лишь молча увернулся от него и пошел дальше. Рыжик решил просто пробраться к выходу, который, как он помнил, должен быть с другой стороны платформы. Пробираться получалось с трудом — только поистине звериная реакция позволяла ему успешно уворачиваться от солдатских сапог. И не всегда успешно.

Сначала боль пронзила его заднюю лапу! Рыжик громко взвизгнул.

— Чтоб тебя ... гадина, — выругался в сердцах рядовой, наступивший на пса. — А ну шел вон, паскуда! — на этот раз увернуться не получилось, сапог солдата ударил его в бок! Пес, не ожидавший такой подлости, захлебнулся от неожиданной острой боли. Взвизг так и остался в груди. Поджав хвост, он поспешно затерялся среди ног, стараясь как можно дальше уйти от обидчика. А солдат, что пнул собаку, уже и думать о нем забыл...

В конце платформы, как раз у входа в здание вокзала, Рыжика ждало еще одно препятствие, и

опять в форме — кордон военных регулировал поток входящих-выходящих.

«Люди в форме! Злые? Скорее да, чем нет. Хотя... разве это другие люди? Вроде бы нет — обычные, только одетые одинаково. А может, одинаковость пробуждает в людях злость?» Размышляя так, пес настороженно, опасаясь очередного всплеска агрессии со стороны людей в форме, подошел к солдатам.

— О, ты посмотри, Леха! Какой «двортерьер» к нам пожаловал, — широко улыбнулся светловолосый парень мощного телосложения. В отличие от остальных он был без головного убора, да и звезд на его погонах было побольше, но этого Рыжик, конечно же, заметить не мог. Он почувствовал, что бить-пинать его никто не собирается, и все же вел себя настороженно.

— Прикажете отогнать, товарищ майор? — спросил Леха.

— Что же вы все за «зверье-то» такое! — хмыкнул майор. — Что он тебе, в задницу вцепился что ли? Отставить отогнать! — И, переключив внимание на Рыжика, сказал:

— Иди сюда, Рыжий!

Рыжик подошел, все еще немного опасаясь и глядя исподлобья, но уже неуверенно помахивая хвостом в знак расположения. Майор потрепал его за ухом.

— Отставить бояться, Рыжий! — Еще шире улыбнулся он. — Мы мирные солдаты, животину не обидим.

Пес смиренно позволил погладить себя. Голос человека расслаблял.

— Товарищ майор! — раздался чей-то голос. Майор отвлекся от Рыжика и отошел в сторону голоса.

Пес посчитал разговор законченным и прошел мимо застывших постовых в здание вокзала.

Здесь было не таклюдно и ничто не воспрепятствовало ему выйти на улицу.

Знакомая остановка сегодня была почти пуста. Он хорошо запомнил дорогу к клинике, поэтому прилег рядом с пустой скамейкой и стал ждать троллейбуса. Вот только он не подозревал, что троллейбусы бывают разные, он не знал, что маршрут транспорта определяет номер, указанный на нем.

Несмотря на внештатную работу вокзала, троллейбусы ходили, как и в обычный день. Рыжик увидел подъезжающую убогую стальную коробку и приготовился войти в нее.

— Эй, а ты куда собрался, блохастый! — искренне удивилась женщина-кондуктор, увидев взбиравшегося в троллейбус пса. — А ну, пошел вон!

Женщина говорила совершенно незлобно, скорее удивленно, ошарашенно, но требование ее было предельно понятно Рыжику. Однако он не стал так вот сразу сдаваться — подойдя к женщине, пес просящее скульнул и помахал хвостом, застыв в ожидании ответа.

— Не-не-не, давай-давай, топай отсюда! Кто за тебя платить будет? А? — Рыжик, непонимающе удивленно воззрился на нее. — Ну, чего смотришь-то так?! Иди. Иди, говорю! Собак не возим!

Эх, если бы смог Рыжик, как кот Бегемот (персонаж из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита») ответить кондуктору... но он не мог. А потому Рыжику не оставалось ничего, кроме как сойти обратно. Умей он притворяться, он бы не подал виду, что понял, что ему сказано, и нагло остался бы, надеясь на то, что женщина просто махнет рукой на такого странного «зайца». И, скорее всего, она бы так и сделала, но он не умел притворяться.

Однако, надо заметить, что судьба в лице кондуктора, скорее, помогала Рыжику, нежели мешала — номер маршрута-то был другим!

Такая же история повторилась и со следующим троллейбусом, и еще с одним. В последнем случае Рыжик проявил поистине героическую настойчивость, но и противник ему достался более, чем упрямый! Пассажирка в лице бабушки принципиально стояла на своей позиции и Рыжику, уже в третий раз, пришлось вернуться к пустой остановке. Бедный пес...

Ему было очень неприятно, тоскливо и... он злился! Злился на то, что его все время выгоняют. Как же тогда попасть к доктору? Все эти мысли-эмоции слились в едином тоскливом, протяжном, почти волчьем вое. Проходящий мимо человек с ужасом отшатнулся, осторожно, боком, по краю тротуара, прошел опасное, по его мнению, место и, все более ускоряя шаг, скрылся за поворотом.

При появлении следующего троллейбуса, он не стал даже пытаться зайти в него, как честный безбилетный пассажир, он просто дождался, пока тот тронется, и побежал за ним. И опять судьба проявила к нему благосклонность, это был как раз его троллейбус.

Бежать пришлось долго. На его счастье, троллейбус ехал медленно, часто останавливаясь. Так что, Рыжик вполне поспевал за ним. На него никто не обращал внимания, разве что водители автомобилей ругались на дурного пса, которого боялись ненароком сбить.

На очередном перекрестке выстроилась внушительная очередь из автотранспорта, ожидающего зеленого сигнала светофора. Пока очередь дошла до троллейбуса, загорелся желтый. Водителю троллей-

буса очень не хотелось ждать следующего зеленого сигнала светофора, поэтому он начал проезжать перекресток – ничего, общественный транспорт штука важная, автомобилисты подождут минуту.

По дороге, пересекающей путь троллейбуса, ехал бежевый старенький автомобиль «Москвич». Путь был практически свободен, впереди уже горел зеленый, только троллейбус, медленно переваливаясь задними колесами на дороге в рытвинах, перегородил половину перекрестка. Водитель «Москвича», прикинув расстояние, решил, что снижать скорость не имеет смысла – троллейбус вполне успеет освободить дорогу...

Рыжик, бежавший немного слева от троллейбуса, перестроился в хвост своему «путеводителю» и оказался прямо на пути «Москвича». А дальше пес толком ничего не понял. Вдруг выскакивает машина, визг колес, удар, боль. Он покатился по асфальту проезжей части, судорожно пытаясь осознать себя в пространстве.

Водитель «Москвича» опешил. Откуда взялся этот пес! Он только и успел врезаться по тормозам, как раздался глухой удар. Вроде несильный – все-таки скорость при пересечении перекрестка, пусть и пустого, была невысока. И, слава богу, – это спасло Рыжику жизнь! Водитель ошарашенно огляделся, подавив в себе желание немедленно покинуть злополучный перекресток, и увидел пострадавшего. Пес, рыжий, лохматый и довольно грязный, поднявшись, доковылял еле-еле до тротуара и привалился к столбу. Выглядел он несчастным, обиженным, но вполне живым.

– Уф-ф-ф, чертова дворняга! – облегченно вздохнул водитель. Он любил животных, у него у самого дома жили пес и попугай. Ему, действительно, было

очень жаль сбитого пса, но, видимо, с ним было все в порядке, разве что испугался немного. Так что, можно ехать дальше со спокойной душой — решил про себя водитель «Москвича».

Рыжику было очень и очень страшно, но, на его счастье, он действительно отделался весьма легко. Хотя мог бы потерять жизнь, и исключительно по собственной глупости и по незнанию человеческих правил городской жизни.

Мысли, продиктованные страхом, болью и растерянностью, со страшной скоростью роились в его голове. Но мысли вдруг оборвались, когда он увидел вывеску «Ветеринарная клиника» — пес прекрасно помнил ее и теперь понял, что добрался до своей цели. Доктор был здесь! И радость этого открытия вернула его в нормальное состояние. Осталось только зайти внутрь.

В фойе никого не было. Бабушка из регистратуры увлеклась чтением книги и не обратила внимания на одинокого рыжего пса, неуверенно остановившегося у дверей. Рыжик посмотрел на окошко, учуяв там человека, оглянулся вокруг и направился по лестнице на второй этаж — так Павел вел его к доктору. Небольшое пространство зала на втором этаже, напротив, было заполнено до отказа. Но не потому что было много ожидающих приема, а потому что пространство было очень ограничено. Пес сразу же почувствовал, сколько боли и страха животных, беспокойства людей витает в воздухе.

Кошки, собаки, птицы, одинокая хрюшка... Все это скулило, мяукало, верещало, хрюкало. Впору и самому завывать! Но Рыжик сдержался, и лишь подойдя к рыжей таксе, молча терпевшей боль, ободряюще лизнул ее.

— Эй, уберите собаку! Кто хозяин! — испуганно закричала дородная тетя, хозяйка таксы. — Кто пустил сюда эту дворнягу? Она же в момент блох на всех напустит!

Все молчали.

— Кто хозяин рыжей дворняги? — вновь спросила тетя.

— По-моему, она одна сюда пришла. Может просто живет здесь, на территории клиники? — неуверенно ответил молодой человек с птичьей клеткой в руках.

— Пшел, пшел отсюда! — брезгливо заверещала тетя.

— Ну, шо вы гоняете псину-то? — возмутился мужик с хрюшкой, (хрюшка согласилась, хрюкнув). — Он вон вашей «сосиске» помогает запросто так...

А Рыжик, получив благодарный взгляд от таксы, растерянно вслушивался в разговор. Он понял, что дородная тетя его гонит, но не уходил. Он пришел к доктору!

Тут показался и сам доктор, пропуская перед собой посетителя, питомца которого он уже осмотрел.

— И не забывайте, что ласка для кошки такое же лекарство, как и все остальное! — сказал ветеринар посетителю.

— Спасибо, доктор.

— Не за что, до свидания. Та-ак, что тут у нас за шум?

Рыжик не дал никому ответить на этот вопрос, бросившись к доктору! Доктор был для Рыжика чужим человеком, но теперь для него не было никого ближе, чем он! Доктор не растерялся, а публика испуганно ахнула — видимо, решив, что дворняга бросилась на врача совсем не с добрыми намерениями.

— А это еще кто? — весело, непонятно у кого спросил доктор. — Кто это так меня любит? — он-

то понял, что пес кинулся на него, радостно приветствуя.

— Это просто возмутительно! — вклинилась-таки тучная «тетя-сосисочница» — Этот бродяга, — с нескрываемым отвращением сказала она, — ходит тут, пристаёт к моей Тилечке, гад блохастый. Что за безобразие! Как только у вас таких пускают?

Доктор недовольно скривился, но спорить не стал. Потренировав Рыжика за ухом, он пригласил его в кабинет:

— Заходи.

Рыжик зашел, и доктор закрыл за ним дверь.

— Та-ак! Кажется, я тебя вспомнил, красавец. — Рыжик замахал хвостом. — Ты был здесь с парнем, и вас тогда покусала свора собак. Да?

Рыжик был бы рад подтвердить, но не мог, а потому лишь гавкнул.

— Ага, соглашаешься. Ну и где же твой хозяин? М-м-м, кажется, Павел!

— Гррр, гав-гав-гав, — попытался объяснить пес и заскулил от мучительных воспоминаний. «Да-да, Павел! — пытался он сказать — Мы были здесь, а теперь Павел умер, и я пришел. Мне некуда больше идти, и я пришел к тебе! Я помню твою доброту». Но кроме «гава» ничего не выходило.

А доктор обладал просто удивительной памятью. Он вспомнил и сообразил:

— Слушай, брат! Да ведь вы были из того поселка, который совсем рядом с АЭС... — осенило его. — А как же тогда... Э-э, дружище, теперь я все понял.

Доктор горестно вздохнул:

— Ты хочешь мне сказать, что у тебя больше нет хозяина?

«Да-да-да!» — прогавкал пес.

Человек сочувственно потрепал пса, не зная, что сказать, помолчал и все-таки произнес:

— Бедный, бедный пес!.. Ладно, знаешь что, до конца приема осталось совсем немного, так что ты пока посиди здесь, под креслом, а я закончу прием. Вижу, тебе пришлось нелегко в пути. Господи, да как же ты вообще нашел дорогу ко мне? Как только освобожусь, займусь тобой, лады?

Рыжик послушно улегся под указанным креслом и свернулся калачиком.

— Вот тебе мой бутерброд. Жена на обед даст, да сам видишь, некогда его съесть. Сиди тихо, понял! — Рыжик понял и, утвердительно рыкнув, принялся за бутерброд.

Врач устало потер лицо. Постоянные перебои с электричеством вынуждали часто прерывать работу, поэтому возникла длинная очередь на прием. А уже наступил вечер...

Доктор высунулся из двери (заметил, что тети с такой уже нет, ну и ладно) и сказал, что примет еще двоих, остальные пусть приходят завтра. Народ зароптал, но подчинился. И уже через час (Рыжик тем временем вздремнул) доктор был свободен.

— Рыжик, поди сюда! — Пес резво выскочил из-под кресла. — Давай-ка мы теперь тебя осмотрим. Ага, ага, а что у нас здесь, о-о-о, гематома, царапина... та-ак, но кости целы, значит, ничего страшного.

От мерного голоса доктора и его деловитых, но осторожных прикосновений по телу пса разливалось успокоение.

— Пойдем-ка, друг, в лабораторию, возьмем у тебя анализы, сделаем УЗИ, обследуем, что да как! — Доктор понимал, что, скорее всего, пес не жилец на этом свете, несмотря на отсутствие внешних признаков — полученная им доза облучения уже должна

была сделать свое черное дело. Но так как «прощупывание» и осмотр ничего не выявили — никаких опухолей, язв, проплешин и других признаков лучевой болезни, то врач решил сделать полное обследование. Понятное дело, за это некому платить, но доктор готов был возместить затраты сам — ему было любопытно, как профессионалу узнать о результатах и, просто по-человечески, жалко этого умного и доброго пса, который, судя по всему, очень на него, доктора, надеялся. Возможно, подумал человек, пес чувствует, что болен, поэтому и пришел к нему.

Доктор ошибался. Рыжик пришел совсем не за тем, чтобы лечиться. Он пришел в поисках нового хозяина.

В лаборатории уже никого не было. «Эх, лоботрясы» — беззлобно высказался доктор. Но отсутствие коллег было даже на руку, так как не надо было объяснять им причину его посещения лаборатории.

«Как неприятно пахнет, — промелькнула мысль в голове у Рыжика. — А все-таки как же хорошо, что доктор меня взял к себе». — Наивный пес думал, что это и есть жилище доктора. Кстати, Доктором он его называл, считая, что это его имя. Павел так обращался к нему.

Затем доктор еще какое-то время приводил Рыжика в полное недоумение своими действиями. Сначала он привязал какую-то баночку между ног Рыжика, потом отвел гулять (к слову сказать, пес действительно уже очень хотел бы сходить «в туалет»), но с этой баночкой было очень неудобно, пес вопросительно поскулил, но доктор лишь одобрительно сказал: «Давай-давай, не обращай внимания, это для анализов». Что такое анализы, пес не понял, но то, что так нужно, — понял, и все прошло успешно.

Затем врач отвел его обратно в нехорошо пахнущую комнату, зачем-то довольно больно уколол, а потом начал делать что-то уже совсем непонятное — водить по телу «холодной штукой». Зачем? Все это весьма удивляло пса, но он не сопротивлялся, так как чувствовал, что человек желает ему только добра.

Доктор озабоченно что-то там перебирал на столе, угрюмо что-то писал, но не забывал приговаривать: «Ничего, все будет хорошо, все будет хорошо у тебя, брат, уж можешь мне поверить». И пес верил.

Затем человек отвел его обратно в кабинет. «Интересно, где здесь кровать? Где Доктор будет спать? И где тут моя подстилка?» — размышлял Рыжик.

— Ну, рыжий, ты тут располагайся, а я пойду домой. Засиделся тут с тобой. Не скучай, завтра утром я вернусь, а там посмотрим.

И вышел. Щелкнул замок, и стало тихо-тихо... Темно и немного неуютно. Но пес не поддался грусти и тоске, а просто прилег под привычное кресло и потихоньку сон сморил его.

Минула ночь. Рыжик уже полчаса как стоял под дверью и скулил. Ему было очень грустно и непонятно, почему доктор, такой добрый и хороший, бросил его на ночь. Псу было одиноко, страшно и очень хотелось «в туалет». «Неужели я теперь здесь все время буду один?» — спрашивал он себя.

Но страхи его, естественно, не оправдались — доктор вскоре пришел. По дороге он уже успел получить легкую взбучку от начальства, кабинет которого был напротив — истошно воющая собака за дверью очень не понравилась главному врачу, появившемуся раньше нашего доктора.

Рыжик почувствовал приближение своего благодетеля и радостно заскребся в дверь. «Доктор,

Доктор! Пришел! Я здесь, здесь! Наконец-то! Я так ждал!». Не успел человек открыть дверь, Рыжик бросился на него, распираемый радостью встречи, облизывал благодетеля, облаял и обтерся об него.

Негатив, полученный вестеринаром от своего начальства, тут же прошел. Он засмеялся и принялся сурово трепать пса, играя с ним. Потом вывел его на прогулку, накормил, обласкал, и грустные мысли пса прошли, не оставив о себе воспоминаний.

Начался прием, и Рыжик опять мирно устроился под креслом, на которое иногда садился сам доктор, чтобы что-то написать. В эти моменты Рыжик стучал хвостом по полу, ему было хорошо от близости этого человека. Псу казалось, что уж теперь-то все будет хорошо, уж теперь-то они с Доктором будут вместе, как нормальный хозяин и его верный пес.

«Доктор — хороший друг, он хорошее дело делает и для других, — с удивлением пришел к выводу Рыжик, наблюдая за работой человека, — он со всеми так же добр, как со мной, хотя... им больно. Но как же я? Почему он занимается ими, оставив меня здесь одного? Ведь ему теперь не надо искать себе никого — у него есть я». Так «по-собственнически» размышлял Рыжик, лежа под креслом в ожидании редких мгновений, когда доктор отвлекался от работы и обращал внимание на него.

«Нет, так нехорошо. Этим собакам и кошкам очень больно, а мне нет! Они больше меня нуждаются, а значит, Доктор делает все правильно. А потом, когда он поможет всем, он останется только со мной». Придя к такому заключению, Рыжик решил помочь врачевателю и, подойдя к очередному пациенту (роскошной пушистой белой кошке, которая истошно мяукала, возмущаясь), принялся было облизывать ее, но кошка вдруг зашипела и еще сильнее стала вырываться.

— На место, Рыжик! — зло крикнул доктор. И Рыжик вернулся под кресло, обиженный — ведь он всего лишь хотел помочь.

Когда прием закончился, доктор забрал результаты анализов пса из лаборатории. Рассеянно потрепывая пса, он долго изучал бумажки, а потом весьма удивленно воззрился на пса:

— Друг, да ты практически совершенно здоров! Ничего не понимаю! Может, тебя там не было, а? — Пес не понял вопроса, поэтому ничего не ответил, лишь неуверенно махнул хвостом. — Абсолютно ничего похожего на последствия получения большой дозы облучения, никаких опухолей, ничего! — тут доктор немного слукавил. Он был не уверен, но, скорее всего, у Рыжика была нарушена работа простаты. Попросту говоря, пес больше не мог иметь потомства. Но доктор не был до конца уверен в этом, для точной диагностики потребовалось бы совсем другое оборудование, однако, судя по анализу крови и мочи... Но, все равно, в остальном пес был совершенно здоров и это удивительно.

— Ну да ладно, хорошо, что все хорошо, да, друг?! — Рыжик согласился, весело гавкнув. — Ну, пойдем со мной. Сегодня я оставляю тебя ночевать в фойе, а завтра решим, что с тобой теперь делать. Кстати, ведь мы с тобой так и не познакомились! Ну, тебя-то я знаю, как зовут, а меня Олег. — Олег усмехнулся. — Приятно познакомиться, Рыжик.

— Гав!

Доктор опять усмехнулся — смешно, пес будто понимает о чем идет речь.

— Ну, тогда пошли!

Олег отвел Рыжика в фойе и поручил его вахтерше, которая и сама должна была все закрыть и уйти домой. Затем доктор тоже ушел. Рыжик

расстроился — он решительно не понимал, почему Доктор все время уходит на ночь! Это неправильно.

Прошла еще она ночь. Наутро доктор не пришел на работу. Он заболел и остался дома, но Рыжик об этом ничего не знал. И на следующий день доктор тоже не появился. Рыжика немного подкармливала вахтерша, но тоскливые мысли множились в его голове, порождая беспокойство.

«Почему же доктор бросил меня? Зачем же тогда я так стремился к нему? Чтобы он взял меня к себе, однако, этого не произошло. И что же мне теперь делать? Доктор отказался от меня, а здесь, без него, мне не место. Не хочу. Но где же мое место? И как найти его? — Вопросы без ответов мучили пса похуже всякой пытки. — И зачем только я умею задавать вопросы! Лучше бы, как раньше, я не умел этого делать.

Раньше все было хорошо и просто, но если я это понимаю, значит, все-таки я изменился. Тогда почему я не знаю, что мне делать? Потому что я, наверное, ищу такого же доброго хозяина как Павел? Куда мне теперь идти и где искать такого?»

То, что он старался искать человека доброго и хорошего, и толкало Рыжика идти вновь на поиски друга. Был бы обычный пес, приспособился бы к этому месту.

Но Рыжик искал настоящего друга — человека, готов был ему служить до последнего и это вызывало нетерпение его собачьего сердца и гнало вперед — в дорогу.

Его сомнения в процессе рассуждений все больше сменялись необъяснимой и твердой уверенностью, что его где-то там, кто-то ждет: «Я чувствую,

что словно меня кто-то зовет. Но кто?» — задавался вопросом пес.

Новый вопрос, на который необходимо было найти ответ. И ощущения, и чувства подсказали этот ответ, что когда он найдет этого Кого-то, то тогда и узнает — Кто он. Правильное решение! Выходило вроде все просто и, таким образом, разрешились сомнения Рыжика относительно его дальнейшей жизни. Оставаться в клинике он больше не захотел. Надо было уходить! Идти в неизвестность, но с надеждой.

А доктор Олег остался в жизни пса всего лишь эпизодом — отдельным небольшим происшествием, а могло бы сложиться, что доктор стал бы его смыслом жизни. Для Рыжика он навсегда остался просто Доктором, не став Олегом — другом.

Пес вышел на улицу. Задался вопросом: «В какую сторону?» и подумал: «Наверное, куда глаза глядят, только не назад — там осталось только плохое!». И побежал.

К вечеру он дошел до шоссе, которое из городка вело на местность за его пределами. Остановившись, повел носом по ветру. И как-будто внутренний голос ему шепнул: «Да, ты идешь правильным путем!».

На душе Рыжика сразу стало легко, даже назойливое «посасывание» в пустом желудке не могло заглушить то чувство, которое сулило столько нового, интересного, хорошего, и... светлого! Рыжик почему-то был твердо уверен в этом.

Широкой серой лентой перед ним лежало будущее. И Рыжик пошел, побежал навстречу ему.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 1

Хорошо, что ветер утих! Зато пошел снег, покрывая крупными хлопьями землю. Вчера было совсем тяжело — мела метель, и Рыжику пришлось забиться в неглубокую ямку под всковой сосной.

Холодно! Жуть как холодно, но, все же, лучше, чем вчера. Намного лучше. Сегодня можно попытаться поохотиться или, по крайней мере, просто побегать, поискать еды. Пес давно жил впроголодь. Собственно, он уже и не помнил, когда в последний раз нормально ел.

Бродячая жизнь придорожной дворняги превратила Рыжика из красавца в худого, грязного, замерзшего, облезлого пса. Впрочем, его жалкий вид иногда помогал — случайные люди, чаще всего водители, порой останавливающиеся для того, чтобы заглянуть под капот или просто отдохнуть от тугой баранки, сжалившись над псом, кидали ему кусочек сухого хлеба, а то и чего посуше. Правда, несколько раз Рыжик сворачивал с шоссе на проселочные дороги, ведущие к небольшим поселкам. Там добыть пропитание было проще. Но, во-первых, поселки попадались редко, а во-вторых, его почему-то неудержимо тянуло пройти мимо, не отвлекаться от дороги на пути к цели.

А в чем его цель? Сам Рыжик уже давно не думал об этом. Он просто шел, плелся, бежал трусцой, стремясь к ней — загадочной, понукаемый беззвучным зовом.

Все было ничего, пока не пришла зима — суровая, русская «Зимерзла-старуха».

Рыжик так толком и не научился охотиться. Правда, пару раз у него все же получалось догнать полузамерзших зайцев, но это лишь ненадолго спасало его от мук голода. Иногда пес разгребал лапами снег и доставал из-под него заледеневшую травку. Однако без сердобольных водителей он, скорее всего, уже помер бы.

Рыжик, поживаясь, стоял у дороги, с надеждой вглядываясь в проезжающие машины. Его шерсть скаталась в сосульки, и от этого пес мерз еще сильнее. Снежинки щекотали замерзший нос, вынуждая пса раздраженно встряхивать головой. Из-за очередного такого «встряха» он чуть было не пропустил грузовик. Тот, пофыркивая покрывкой и постепенно замедляя ход, проехал мимо, скрывшись за поворотом. Но Рыжик понял, что грузовик намерен остановиться, и побежал следом.

И действительно, забежав за поворот, он увидел впереди, метрах в пятидесяти, остановившийся у обочины многотонник. Дверь кабины открылась как раз в тот момент, когда Рыжик подбежал к грузовику, полный надежд на съедобную подачку. Из кабины вылез грузный, небритый мужчина в грязной вязаной безрукавке землисто-серой расцветки поверх потрепанной когда-то, вероятно, белой рубашки.

— Бли-ин!.. — стал ругаться водитель, пнув спущенное колесо. — Это ж надо, посреди тайги! Возись теперь на морозе, так его, растак. Эдак я себе всю задницу отморожу, пока все сделаю. Вот черт!

Рыжик уловил его раздражение, однако надежд своих не оставил и, подбежав вплотную, легкомысленно завилял хвостом. Но водителю было не до бродячих псов:

— А тебе чего надо? А ну, пшел! — и замахнулся на Рыжика.

Нарываться пес не стал и неспешно отодвинулся немного назад, приготовившись повторить попытку чуть позже.

Мужик, чуть успокоившись, смотрел на колесо, видимо, прикидывая, с какого края подступиться, и негромко ворчал себе под нос:

— Ну, помощи в такой дыре можно ждать до скончания века... Чтоб его!.. Хорошо — не поленился запаску свеженькую со склада притаранить, а то куковал бы сейчас на придорожном сугробе.

Затем он скрылся в кабине, заставив Рыжика обеспокоенно встрепенуться — уж не уезжать ли собрался? Но вскоре вылез обратно с чемоданчиком инструментов в руках. И тут же залез под днище грузовика, чтобы освободить запаску. Пес терпеливо наблюдал за ворчливым мужиком.

Освобожденное колесо гулко грохнулось рядом со своим освободителем — видимо, колесу не улыбалось таскать на себе груженный многотонник, стирая свою резиновую кожу о наждачное с морозу полотно дороги. Однако мужик легко увернулся, и по всему было видно, что колесу своей участи не избежать.

Поднатужившись, водитель вытащил запаску из-под брѹха грузовика и поставил его в вертикальное положение. Облокотив колесо о борт, дальнобойщик со вздохом повернулся к спущенному колесу. М-да, тут так просто проблемы не решишь.

Вытащив гидравлический домкрат, мужик принялся его прилаживать. Затем отошел в сторону, окинув хозяйство критическим взглядом — выдержит ли?

— А! — махнул он рукой, — авось.

И начал поднимать левый борт. Опять отошел, теперь поглядев с опаской.

— Вроде держит, — попытался он поддержать себя. — Ладно, была не была.

Но, взяв в руки полураскрытый чемоданчик с инструментами, шофер вдруг почувствовал, что его нога, как раз та, на которую приходился в этот момент основной вес, заскользила на снегу.

Рыжик удивленно воззрился на водителя, «танцующего» в тщетных попытках удержать равновесие. Если бы пес был человеком, то, возможно, он не удержался бы от смеха.

Но, к сожалению, комичностью сцены насладиться было некому. А вот ее трагичность в полной мере вкусил бедный водитель. Мало того, что он, оглушительно матерясь, свалился в грязный придорожный сугроб, так еще и инструменты из открытого чемоданчика улетели в кювет, моментально и бесшумно скрывшись где-то в толще снега.

— Ёклмн!.. — только и произнес мужик, выбравшись из сугроба и оглядываясь вокруг в поисках инструментов. Да, было от чего схватиться за голову — буквально все гаечные ключи, шайбочки, винтики, болтики скрылись под снегом, и найти их для замены колеса не представлялось возможным.

Горемыка сел на сугроб, из которого только что вылез и, пригорюнившись, задумался. Что делать?

И тут мужик почувствовал, что его руки коснулось что-то холодное. Повернувшись, он увидел, облезлого рыжего пса с гаечным ключом «девять на двенадцать» в зубах.

— Вот так новость! — опешил бедолага, автоматически добавив:

— Спасибо, рыжий.

Рыжик в ответ уверенно махнул хвостом — теперь-то уж точно без корки хлеба его не оставят.

Однако ключ был не того размера и водитель, с надеждой посмотрев на пса, попросил:

— Слушай друг, поищи еще, а!

Нет проблем — пес слово «искать» и его производные понимал прекрасно, поэтому тут же кинулся на поиски. В течение получаса он бегал, внюхиваясь, по снегу и с интервалом в пару минут приносил найденное человеку. А тот, тем временем, пытался остановить проезжающие машины, но тщетно.

Наконец большая часть инструментов и, в том числе, необходимый водителю гаечный ключ, были найдены, и он принялся за дело. Однако дело явно грозило затянуться, и Рыжик требовательно гавкнул. Человек в ответ лишь доброжелательно потрепал его по голове и вернулся к своему колесу.

Форменное безобразие!

— Гавк! Гавк! — настаивал на своем наглец, растерявший всякий такт. Человек, наконец, отвлекся, вдумчиво поглядев на пса — видимо, пытался понять, чего тот от него хочет. Ох, и бестолковый попался Рыжику человек!

— А-а, жрать, что ли, хочешь? Ну, так бы сразу и сказал!

«Я так сразу и сказал», — ответил бы Рыжик, если б умел. И про себя добавил: «Ну, и попадаются же люди».

А мужик, тем временем, бросив: «Сейчас, погоди, найду чего-нибудь тебе», забрался в кабину и принялся чем-то шуршать. Рыжик ждал.

— На, остатки колбасы!

Поймав колбасу в воздухе, Рыжик старательно вгрызся в нее. Потом мужик бросил ему еще кусок черствого хлеба («Тоже годится — давай еще! Давай-давай!») и половину слегка подсохшего пирожка.

Затем человек вернулся к ремонту, а Рыжик пировал. «Пир» удался на славу, но быстро кончился.

Когда, наконец, записка была установлена, уже начало темнеть. Робко и ненавязчиво сумерки стали окутывать грузовик и водителя с собакой. Рыжик, уже давно расправившийся с подачкой, все еще сидел рядом. Уходить не хотелось.

Водитель грузовика, вытирая тряпкой запачканные руки, задумчиво глядел на пса.

— Рыжий, слушай, а что ты, вообще, здесь делаешь-то? — Рыжик, услышав свое имя, встрепенулся и неуверенно махнул хвостом. Что он мог ответить? Знать бы самому. — Ни разу не встречал псов, живущих у дороги, если конечно эта дорога не соседствует с каким-нибудь поселком или городом. Ты потерялся, что ли?.. М-да, судя по твоему состоянию, произошло это давно. Бедолага.

Рыжик сочувствие в свой адрес не принял, но, все же, благодарно помахал хвостом. Мужик бросил тряпку в салон и, обернувшись к псу, сказал:

— Ладно, чего тебе здесь мерзнуть, запрыгивай в кабину. Путешественник, блин!

Рыжик, неуверенный в том, что правильно понял приглашение человека, приподнялся и посмотрел на водителя.

— Прыгай-прыгай, пока я не раздумал.

В третий раз просить пса не пришлось. Подобрав впалый живот, он резво запрыгнул в теплую кабину грузовика и устроился на сидении.

— Э-э, нет, брат, полезай-ка назад! — указывая место за спинками сидений, приказал водитель.

Когда Рыжик удобно устроился сзади, мужик, побряхтев, закрыл дверь и завел грузовик. Поехали.

— Уф-ф, ну и «наломался» же я нынче с этим колесом. Вот невезуха! Хорошо хоть тебя нашел — какой-никакой, а, все ж, помощник, — завел водитель привычно долгую беседу с молчаливым попутчиком. — Кстати, ну, ты-то понятно — Рыжий, а я

не представился, — он усмехнулся. — Макарыч меня зовут. Хотя зачем это тебе, ты ж пес!

Макарыч засмеялся, а Рыжик, тем временем понял, о чем речь. Безусловно, умный пес понимал далеко не все — просто-напросто ему не хватало словарного запаса. Но многое он все же понимал. Причем, самому Рыжику это казалось вполне естественным. Он был догадлив и доходил своим умом до сути многих вещей и обстоятельств благодаря своей развитой интуиции, по тону голосов людей, по выражению их глаз, лица и по тому, что вполне естественно бывает у животных — умение распознавать добро и зло, то есть «ощущать» добрых людей с положительной энергетикой и людей недобрых, злых, корыстных.

Слушая Макарыча, он постепенно погружался в дремотное состояние от тепла, сды. А человек все говорил и говорил:

— Вот не зря я все-таки не люблю ходить в рейс в одиночку. Летом не люблю, а уж зимой и подавно. И не зря ведь. Да только что толку — Макс, напарник мой, ушел и не вернулся. Говорю ему: вернись, я все прощу. Хо-хо, ан — нет! Надо было, конечно, погрузить его в кабину и увезти, по пути бы и протрезвел. Хотя нет — правильно, что так и не взял его. Во-первых, он бы мне тут та-ак надыхал, что «мама не горюй»! А во-вторых, запой, брат, дело такое — просто так из него не вылезешь. А ежели насильно, то только хуже будет!

М-да... Но все-таки Макс оказался подлецом. Знал же ведь, что на днях ехать надо будет!.. Что говоришь? Другого напарника взять? Нет, нельзя. Это ж к начальству надо идти, просить. А что я им скажу? Мол, Макс того, в «заплыве»? Хо-хо-хо. Они его тут же и уволят. А Максу нельзя работу терять — у него семья и все такое. Вот я ему гово-

рю — ну, зачем женился? Ни тебе погулять, ни тебе расслабиться. Ответственность! Фу, гадость.

Хотя, с другой стороны — ну, подумаешь — в запое. Сейчас он, а потом я! Вот и сочтемся. «Дружбанов» прикрывать надо — это факт. Добро, оно ж ведь всегда возвращается, — авторитетно произнес Макарыч, глянув через плечо.

А Рыжик уже давно бросил попытки понять речь водителя грузовика. «Какой такой «запой»? — думал он. — И что плохого в том, чтобы выпить? Я тоже пью, когда хочется. И что такое заплыв? Ничего не понимаю. Все-таки, иногда люди становятся такими странными. Очень трудно понять их».

Макарыч продолжал говорить о чем-то своем, а пес уже не мог его слушать — он спал.

Проснулся пес глубокой ночью. Грузовик дернулся, резко затормозив, и Рыжик не полетел в лобовое стекло только благодаря удержавшей его спинке сидения за водителем. Разбуженный укоризненно взглянул на Макарыча.

— Все, приехали, — ответил тот сам себе, — ночь пришла, пора бай-бай. Ну-ка, дружно — вылезай!

Водитель пребывал в хорошем расположении духа. День, трудный и хлопотный, подошел к концу. Теперь можно и расслабиться — поесть, поспать, а потом... Макарыч не любил далеко загадывать — утро вечера мудренее, чего тут думать!

Через минуту Рыжик остался в кабине в одиночестве. Сквозь стекла, покрытые изморозью, пес увидел, что они прибыли в какой-то городок, а может быть, и в поселок. Виднелись, мерцающие пугливыми огоньками, кафе, рядом — стоянка, заполненная такими же, как у них, грузовиками, и спящиеся немногочисленные фигуры людей.

Впрочем, Рыжик не особо заинтересовался тем, что происходит снаружи, и продолжал досматривать свои собачьи сны, полные вкусной еды и хозяйской ласки.

Ему хотелось, чтобы приснился еще раз один любопытный, чарующий сон, который с некоторых пор иногда снился ему. Там был кто-то загадочный, всесильный, невидимый, безмолвный, но добрый и мудрый. И этот «кто-то» показывал Рыжику путь. Путь не абстрактный, а конкретный жизненный путь — тропинку к вечной радости. Просыпаясь, Рыжик мало что помнил, только оставалось ощущение чего-то чрезвычайно важного, бесконечно нужного, но чего-то упущенного, недопонятого, недосмотренного.

Не успел он погрузиться в дрему, как дверь открылась, и в кабине показалась крупная голова Макарыча.

— Эй, «Собакевич»! Рыжий, беги сюда, я тебе жрать принес.

Вечно голодный пес моментально вскочил, забыв до поры про всякие там сны, и выпрыгнул на улицу. Макарыч, стоически выдержав бурные проявления радости со стороны Рыжика, положил на притоптанный снег целлофановый пакет мясных субпродуктов.

О-о, радость Рыжика была, просто, неопишима.

А Макарыч, тем временем, стоял рядом, покуривая сигаретой, или прохаживался туда-сюда, разминая затекшие ноги.

Рыжик, разделавшись с ужином, с благодарностью посмотрел на человека-благодетеля.

— Ну, поел, значит? Отлично. Давай-ка, лезь в кабину, грейся, отдыхай. А заодно и охранником поработаешь — надо же тебе харчи халявные отрабатывать. А я вскорости вернусь, — инструктировал Макарыч пса, пока тот залезал в грузовик.

Дверь закрылась, и дальнобойщик вразвалочку двинулся к кабаку — отужинать-с.

Рыжик прилег на свое остывшее уже место. Не спалось. Но заполненный желудок брал свое — сознание затуманилось, погрузив пса в некое пограничное между сном и бодрствованием состояние.

«И все-таки, люди — существа не плохие. Не зря они есть! — потекли вялым ручейком мысли. — Не зря. Вот тоже вопрос — а зачем есть люди? Все-таки, наверное, не для того, чтобы кормить таких, как я. Скорее, наоборот, мы людям помогаем, то есть мы им нужны. Так? Р-р-р, ничего не понимаю. Ну, пусть даже собаки (а также кошки, коровы и все остальные) созданы для того, чтобы помогать людям. Но для чего тогда созданы сами люди? Ведь, если есть смысл, ради которого они существуют, какая-то цель, значит, и я существую для достижения той же цели! Вот бы понять, что это за цель такая... А может, все это неправильно? Может быть, мы не для того совсем созданы, чтобы человеку жилось легче, и может, все-таки и у нас, у псов, есть своя задача? Свой смысл существования? — Рыжик тяжело вздохнул. — К примеру, те же волки, людей почему-то очень сильно не любят. Может быть, это от того, что волки не помогают людям, не приносят им пользы, не живут рядом с людьми?

Только я не уверен в том, что люди, действительно, самые главные, и мир существует для них. Зачем и для чего есть люди? А может — люди, просто, существуют и все — мир принадлежит им и создан для них? Опять же, кем создан? Наверное, людьми! Но если они — главные во всем, то в чем моя задача?... Павла больше нет, — Рыжик опять вздохнул, еще тяжелее, — что я теперь значу для мира? Хотя, может быть, я — уже зря существую-

щее создание, ошибка природы? Такое интересное слово — природа. Павел называл природой тот лес, в который мы ходили. Или природа и лес — это одно и то же? Тогда почему говорят «ошибка природы»? Неужели природа сильнее человека если она позволяет ему ошибаться?».

Вконец запутавшись, Рыжик встряхнул головой и посмотрел в окно. Снаружи никого не было. Положив голову на лапы, пес задремал.

Рыжик издавек учуял приближение Макарыча. К тому же, от водителя несло спиртным так, что и мертвая собака унюхала бы.

Макарыч, пошатываясь, приближался к грузовику, но, так и не дойдя до него, плюхнулся на снег.

«Что это с ним?» — забеспокоился Рыжик. Он уже встречал людей «под мухой». Однако доселе не понимал, почему спиртное в больших количествах так действует на человеческий организм, меняя его поведение и состояние. Рыжику был противен этот запах, но относиться к людям плохо, если от них дурно пахнет, он считал неправильным.

Тем временем, Макарыч так и лежал на снегу. А Рыжик совсем забеспокоился, глядя на него: «Шерсти у него нет! А то, что на тело надето — от мух, разве что», — размышлял пес.

Водитель действительно был одет легко — рубашка, а сверху безрукавка, штаны, вместо саног — потертые кроссовки. Ужас!

Пес попытался толкнуть дверь, но та даже не шелохнулась. Рыжик, заскулив, поскребся в окно, но тщетно. Что делать? Мысль пса работала, но вразумительного ответа на этот вопрос пока не находила. Он умел открывать обычные двери, если конечно они не были заперты на ключ, но здесь не было ручки, на которую достаточно было нажать

сверху. Вернее, ручка-то была, но вот вниз она не опускалась.

Беда. Пес жал на ручку, пытаясь понять, как она работает. Ничего не получалось, и он, обремененный чувством бессилия, вцепился в несчастную хромированную ручку зубами — и ка-ак дернет!

О, небо! Дверь открылась!

— Гав! — Рыжик бросился к Макарычу. — Гав, гав!

Но тот лишь дернулся, не просыпаясь, и перевернулся на другой бок. Пес настойчиво продолжал попытки разбудить пьяного добродетеля. Он толкал бесчувственное тело, облизывал лицо Макарыча, лаял. «Оборона пьяного сна» не выдержала такого натиска — водитель проснулся, и остервенело уставился на пса, посмеявшего разбудить его.

— А ну, пшел, каз-зел рыжий! — крикнул он.

Голова мужика качалась из стороны в сторону, но он сумел подняться на ноги. Рыжик, радуясь, подбежал к нему, но Макарыч вдруг, зло скорчившись, изо всех сил пнул пса в живот.

Рыжик, не ожидавший такого, пронзительно взвизгнул от боли, отскочил и, испуганно поджав хвост, отбежал от пьяного, оскорбленно поскуливая: «За что?»

Тем временем Макарыч, не обратив на возмущение пса никакого внимания, зябко поежился и залез в кабину грузовика. Удивительно, но сделать это ему удалось с первой же попытки.

Дверь грузовика закрылась, и Рыжик остался на морозе. Он ошарашенно смотрел в сторону кабины многотонника, даже не пытаясь попроситься внутрь. Ведь он, всего лишь, хотел, как лучше!..

Через некоторое время мысли разумного пса пришли в некоторый порядок, и он скромно пристроился на ночь под грузовиком.

К утру Рыжик замерз и чувствовал себя совершенно потерянным. Он все никак не мог решить — то ли двигаться дальше самостоятельно, то ли ждать милости от Макарыча.

А тот все спал.

Прочие водители, в большинстве своем, уже разъехались, и стоянка опустела. Кафе казалось вымершим. И только шум пронсящих по трассе автомобилей создавал ощущение какой-то жизни.

И когда Рыжик решил уже было двигаться дальше и даже поднялся на ноги, дверь грузовика, наконец, открылась и оттуда вылез помятый водитель. Окинув мрачным взглядом стоянку, Макарыч долго смотрел на Рыжика, потом двинулся к нему. Пес слегка напрягся, недоверчиво глядя на приближающегося человека, но не сдвинулся с места.

— Здорово, Рыжий, — как-то смущенно пробормотал Макарыч, подойдя. И продолжил, опустив глаза. — Ты того... не серчай, прости уж меня. Перепил я вчера, понимаешь.

Увидев, что Рыжик не боится, водитель подошел вплотную и потрепал пса по голове.

— Да ты, я смотрю, уже, небось, ничего и не помнишь! — Макарыч облегченно хохотнул и, воспрянув духом, уже громко и уверенно предложил:

— Давай-ка, брат, завтракать что ли! А то у меня в животе, будто банку гвоздей рассыпали.

Рыжик, почувствовав волну расположения со стороны человека, моментально простил тому все прегрешения. И, конечно же, пес ничего не имел против завтрака.

Кафешка пустовала, и Рыжик с Макарычем потчевались в скромной компании друг друга. Сонный официант лишь принес им заказ и опять скрылся

за ширмой. Завтрак показался Рыжику необычайно вкусным — давненько он не ел пищу человека.

Позавтракав, человек и пес, довольные жизнью и друг другом, удобно устроились в кабине грузовика и тронулись в путь.

По пути Макарыч опять завел разговор:

— Хорошо все-таки, что ты пес и мало что понимаешь, а то бы обижался сейчас на меня. А чего обижаться-то? Сам понимаешь, зашел я в эту кафешку, уставший, после отвратительного дня — как тут не выпить? Ну, и выпил, конечно. Хотел немного, так, для расслабухи и улучшения аппетита. А получилось, как обычно. Хо-хо!

М-да, выпить я люблю, грешен. А что поделаешь — природа у нас, у русских мужиков такая. Да и, по большому счету, ничего тут такого зазорного и нет. Главное ведь что? Главное, чтобы было, кому пьяного до дома дотащить, хо-хо-хо, а остальное по барабану.

Вот только не всегда найдется рядом друг, это да. Иногда это проблема. Но ты же был со мной! И я на тебя рассчитывал, вот и расслабился. И ты — молоток, не подвел! Хвалю! — усмехаясь, посмотрел Макарыч на своего хвостатого друга.

А Рыжик в ответ только грустно махнул хвостом.

Макарыч замолчал и сосредоточился на дороге. Какое-то время ехали молча. Пока впереди не замаячила легковушка постового автодорожного инспектора.

— Черт! — Макарыч снизил скорость. — Ну, точно сейчас остановит! А от меня еще со вчерашнего несет. Вот напасть-то.

Рыжик непонимающе посмотрел на водителя. Почему он недоволен?

Тем временем, Макарыч-таки накликал беду — из-за раскрашенного в полоски автомобиля показался инспектор. Он поднял жезл, и Макарыч, проклиная все на свете, нажал на тормоз.

Водитель вышел и направился к «гаишнику», оставив дверь открытой. Рыжик выпрыгнул наружу вслед за ним.

— Командир, здоровья тебе огромного, что случилось? Чем помочь могу, уважаемый?

— Документы, пожалуйста, — сухо ответил заискивающему водителю «гаишник», отдав честь, но не представившись и не показав своих документов, как полагалось.

— Конечно-конечно, никаких проблем, вот документы! У меня все в порядке, уж поверьте, законы чтим неукоснительно, — продолжал расшаркиваться Макарыч.

Рыжик наблюдал. Он почувствовал скрываемую Макарычем враждебность по отношению ко второму человеку, и тоже смотрел на него с подозрением. Люди разные бывают — уж это-то Рыжик знал хорошо.

Тем временем инспектор устало просмотрел документы, данные ему Макарычем, и поднял глаза:

— Что везем?

— Технику. В Москву. Накладная в порядке — во-он там у вас она, внизу.

— Откройте кузов — посмотрю.

Макарыч засуетился, кинулся к кузову. «Гаишник» шел позади, всем своим видом показывая свое превосходство и презрение к дальнбойщику. Макарыч отворил створки, «гаишник» заглянул во внутрь, что-то пощупал, даже понюхал, но, к радости водителя, глубже копать не стал. «Стоило вообще открывать, — удивился Макарыч. — Эх-эх-эх, ментяра!»

Однако «гаишник» не обратил никакого внимания на перегар, исходящий от водителя грузовика, несказанно порадовав этим Макарыча.

Вернув документы, инспектор лениво козырнул и презрительно выдал:

– Свободен.

– Ой, спасибо! Всего доброго вам и семье вашей... – слегка кланяясь и отходя спиной к кабине, обрадовано лопотал Макарыч.

Рыжик, поняв, что они уезжают, запрыгнул в кабину. Водитель забрался следом. Тронулись.

– Ничего не понимаю, – удивился Макарыч, как только фигура инспектора, терзающего рацию, скрылась за поворотом. – Зачем остановил, почему за «запах» денег не взял? Первый раз со мной такое! Хм... Даже подозрительно как-то, ей богу.

Рыжик был совершенно согласен с водителем – он тоже не понял, зачем они останавливались? Почему Макарыч так боялся человека в форме? Непонятно... «Люди!...».

Но они недалеко уехали! Прямо посередине дороги стоял человек и недвусмысленно вынуждал водителя грузовика остановиться. На обочине яркой краской сверкала иномарка.

– Это еще что за блин такой?! – воскликнул Макарыч, вжимая в пол педаль тормоза.

Остановившись, он мрачно выкрикнул, высунув в окно голову:

– Ты чего, братан?

– Слышь, друг, помоги, а! Посмотри машину, а то я ни фига не понимаю в этом. Не едет, блин, и все тут! Мне бы до сервиса дотянуть!

Макарыч тяжело вздохнул, но, все же, осторожно припарковав грузовик на обочине, вышел из кабины. Рыжик за ним.

Дальнейшее происходило столь быстро, что даже Рыжик с его реакцией не смог уследить за событиями, последовавшими за этим. Человек, остановивший грузовик, бросился на Макарыча и свалил его с ног. Выскочили еще трое, спрятавшиеся за иномаркой! Ударивший Макарыча вознамерился было закрепить успех, не дав ему подняться на ноги, но тут вмешался Рыжик — он бросился на обидчика своего друга и вцепился в его ногу. Человек заорал. Это позволило Макарычу подняться на ноги до того, как подбежали остальные бандиты. Он бросился к кабине. Рыжик кинулся на нападавших — его не волновало то, что противников трое и что они люди.

Бандиты на мгновение замешкались, увидев бросившегося на них лохматого рыжего пса с оскаленной пастью. Но лишь на мгновение. Это позволило псу свалить одного из нападающих, сбив его с ног и кинуться на другого, вцепившись в его ногу, заставив его вскричать от боли.

Шум грузовика, газующего на месте, заглушил крики. Рыжик попытался оглянуться и в этот момент один из бандитов пнул его со всей силой под брюхо. Рыжик, взыв от боли, отлетел. Но тут же поднялся на ноги и вновь кинулся в атаку!

В следующее мгновение произошло сразу два события — грузовик с Макарычем рванул, визжа покрывками, а Рыжик услышал громкий хлопок и почувствовал дикую боль-ожог.

Нападавшие вскочили и помчались наперерез грузовику. Но Макарыч и не подумал притормозить! Раздались выстрелы — стреляли вслед уезжающему грузовику.

Но Рыжику было все равно. Дикая боль, пронзившая тело, не позволяла вздохнуть. Вопль комом застрял в его горле. И лишь жалкий визг вырывал-

ся наружу. Пес бежал прочь с этого места «со всех лап», которые с трудом подчинялись ему. Бежал к лесу на одних инстинктах.

Рыжик почувствовал, что больше не может терпеть боль, и отключился.

ГЛАВА 2

Несколько раз он приходил в себя, и каждый раз хотелось взвыть от боли. Не зная, как себе помочь, Рыжик лишь отползал, теряя кровь и силы, все дальше в лес. На его счастье пуля попала на вылет, видимо, не задев внутренние органы, иначе пес давно бы уже скончался. Пока он спал, кровь останавливалась, но как только пес начинал двигаться, кровь опять начинала сочиться.

Сидеть бы ему, дураку, на одном месте и ждать пока рана заживет достаточно, чтобы можно было передвигаться. Но что-то заставляло его упорно забираться в лес поглубже. Возможно, это был инстинкт, который заставлял понадежней скрыться от людей — сейчас Рыжик считал своими главными врагами именно их, ведь никогда он еще не страдал так сильно от физической боли, как от недавней раны, нанесенной человеком.

Псу казалось, что прошло очень много времени. Но, на самом деле, он часто отключался от потери крови. Его ранили, всего лишь, вчера.

В очередной раз пес пришел в себя от того, что кто-то облизывал его бок. Рана пощипывала, но Рыжику становилось заметно легче. Боль уже не казалась столь сильной. Рыжик слегка поднял голову и огляделся. Рядом с ним, прервав «лечение», стояла волчица. Запах ее был приятен.

Пес хорошо относился к волкам, хотя их поведение в прошлом не раз его удивляло. Но, все же, во многом волки были своими, близкими ему как по духу, так и внешне.

Волчица была совсем молодой. Она немного настороженно смотрела ему прямо в глаза. Взгляд ее был полон непонятной Рыжику нежности, сочувствия.

«Почему она помогает мне?» — промелькнуло в голове. Но потом Рыжик понял, что и сам, оказись на ее месте, помог бы страдающему сородичу. Рыжик попытался подняться на ноги, не зная, что при ранении лучше лежать. Волчица отпрянула от него, в глазах ее появился легкий страх, опасение. Рыжик благодарно и в тоже время ободряюще скульнул, как бы одновременно говоря и «спасибо» и «не бойся». Волчица забавно прижала свои серые ушки и подошла поближе к псу.

Рыжик почувствовал облегчение и радость. И заснул.

В этот раз он спал долго и глубоко. Силы восстанавливались, рана заживала. Проснувшись, Рыжик вновь увидел волчицу. Казалось, что она все время, пока он спал, провела рядом. Но, на самом деле, это было не так: она уходила, и вернулась, принесла больному псу поесть — пойманного ею на охоте зайчишку.

Рыжик был очень благодарен спасительнице, о чем и сообщил ей, разделившись с зайцем — он благодарно посмотрел на нее, потом приподнялся и приблизился к ее мордочке. Волчица опять сконфуженно прижала ушки к голове, но не отодвинулась. Тогда благодарный пес лизнул волчицу в нос и скульнул.

Когда Рыжик попытался подняться, то у него сильно закружилась голова, он вновь улегся на зем-

лю. Волчица легла рядом. Через некоторое время она заснула, а он бодрствовал, охраняя ее сон.

Так прошло несколько дней — Рыжик почти не двигался, позволяя ране заживать, а волчица подкармливала его, охраняла, даря ему нежное спокойствие и умиротворение. Постепенно пес начал возвращаться в нормальное состояние. Он стал понемногу подниматься на ноги, двигаться — рана почти не беспокоила его, осталась только небольшая слабость.

Волчица каждый день оставляла пса одного и через некоторое время возвращалась с добычей. Иногда ее не было подолгу, и Рыжик начинал тихонько поскуливать. Иногда она возвращалась без добычи, и тогда они засыпали голодными. Волчица всегда приносила Рыжику добычу нетронутой, но только в первый раз он позволил себе съесть все, теперь же пес съедал лишь часть, оставляя остальное своей новой подруге.

Один раз они поспорили из-за еды. Волчица, как обычно, положила свою добычу перед ним. На этот раз это была тушка птицы — не совсем свежая, но выбирать не приходилось и поэтому она была вполне съедобной. Видимо, волчица нашла ее трупики. Но Рыжик не стал есть ее, он носом отодвинул птицу к волчице и негромко рыкнул, говоря: «Ешь ты». Волчица не послушалась и опять подвинула добычу псу. Тогда он даже гавкнул на нее несильно. Но победа, все равно, осталась за волчицей — Рыжику пришлось есть первым, он лишь постарался съесть меньше половины, чтобы подруге досталось побольше мяса. Потом они еще долго лежали, лениво поглаживая косточки.

Наконец, пес окончательно восстановил свои силы, боль прошла, и сил вполне хватало на то,

чтобы двигаться достаточно проворно. И как-то раз, когда волчица в очередной раз направилась на охоту, Рыжик поднялся и последовал за ней. Волчица оглянулась и одобрительно посмотрела на пса. А он в ответ махнул хвостом.

Они долго трусили по снегу, волчица все время принюхивалась. Рыжик тоже пытался учуять хоть что-то, что сгодилось бы в пищу, но пока не находил в воздухе нужных запахов.

Волчице приходилось трудно. Приход весны был уже не за горами и днем снежный покров слегка подтаивал, а ночью замерзал. Таким образом, образовывалась твердая корка, которая легко выдерживала вес мелкой живности. Поэтому следов почти не было, разве что совсем «застарелые», вмерзшие в снег.

Наконец, волчица учуяла сначала запах, а потом услышала и шорох, остановилась, замерла неподвижная, пытаясь в то же время точно определить местонахождение добычи и понять — кто именно там копошится, и что это за зверь.

Рыжик учуял зверя чуть позже нее. Заметив перемену в поведении спутницы, он тоже остановился, принюхиваясь. А потом, глупец, зачем-то тихонько зарычал на шорох. Совсем-совсем негромко, но ведь и у того зверя тоже есть острый слух. Жертва вдруг затихла и через мгновение выскочила из-за веток и бросилась наутек! Это была кошка, дикая или, может быть, одичавшая.

Волчица и Рыжик бросились было за ней, но кошка вдруг прыгнула на дерево и, зацепившись когтями за его ствол, быстро полезла вверх.

Охотники остановились. Рыжику стало стыдно за свою несдержанность и он, поджав уши, жалобно посмотрел на волчицу. Рычание пса было произвольным, инстинктивным — он совершенно не умел

охотиться и не знал, что самое важное в охоте — это незаметно приблизиться к жертве.

Теперь он понимал, почему запах показался ему слегка знакомым. Но от этой кошки пахло иначе, чем от тех, которых он встречал раньше.

Волчица не обозлилась на партнера. Она лизнула его и бодро потрусилась прочь, потому что ей было знакомо чувство разочарования, которое появляется, когда жертва уходит от преследования, она-то понимала, что надо приложить немало усилий, чтобы достичь успеха.

Рыжик пришибленно поплелся следом. Однако вскоре он уже и думать забыл о неудаче, и вновь был поглощен азартом охоты. В этот день волчице все-таки удалось поймать зайца довольно упитанного. Охота была удачной. Рыжик почти не смог помочь ей, так как резкие движения бегущего зайца, который бросался то в одну сторону, то в другую, все время сбивали его с темпа. Но польза от пса, все же, была — он загонял зайца, отвлекая все внимание преследуемой жертвы на себя, а волчица, тем временем, смогла зайти на него с другой стороны, тем самым поймав косого.

Так прошло два месяца. Рыжик жил в лесу с волчицей. Он научился сносно охотиться, читать следы и понимать тактику погони. Он привык к волчице, привязался к ней, а она к нему. Два-три раза Рыжик натыкался на других волков, те не проявляли дружелюбия, но и не трогали пса. Волки чувствовали исходящий от него запах волчицы, поэтому хоть и не принимали его за своего, но, по крайней мере, и не видели в нем врага.

Пес на некоторое время забыл о своем путешествии к далекой и призрачной цели, он просто жил, наслаждаясь спокойствием и заботой новой подружки.

Рыжику хотелось рассказать волчице о людях, но у него ничего не получалось. Его погавкивания и поскуливания не могли что-либо вразумительное объяснить волчице. И в эти моменты Рыжик очень сильно жалел, что не умеет разговаривать, как люди. Он умел только думать, размышлять о происходящих событиях, по-своему делая выводы — «что хорошо, а что плохо».

Рыжик считал, что все собаки, волки, а может быть, и другие животные, могут, как он, думать. Он не знал, что отличается от других четвероногих.

Прошло три дня, а они все не могли найти себе пропитание. Они перебивались чем могли: травками, корой и прочей ерундой и все заметнее страдали от голода. К вечеру они забрались очень далеко от обычных своих мест охоты и почевки. Волчица из-за этого начала проявлять беспокойство, и Рыжик понял, почему — он почуял далекий запах человеческого жилья.

Пес ободряюще помахал хвостом, глядя на волчицу, и отбежал вперед, призывая ее следовать за ним. Он надеялся найти съестное там, где живут люди. Но волчица осталась стоять, всем своим видом показывая, что идти туда не собирается. Рыжик не понимал ее страха и призывно гавкнул. Волчица ответила ему жалобным взглядом, выражающим страх и недоверие. Пес подбежал к ней и нежно ткнулся носом в ее мордочку: «пойдем, не бойся», но она опять не тронулась с места. Тогда Рыжик решил сходить к людям сам, найти там еды и вернуться к подруге.

Отбежав на несколько метров, он повернулся, чтобы убедиться, что волчица осталась на месте — она стояла и очень грустно смотрела на него, тихо-

нечко поскуливая. Пес в последний раз ободряюще гавкнул и побежал дальше.

Приближаясь к человеческому жилью, он все явственнее чувствовал запах еды. Голод и жизнь в лесу сильно обострили его и без того чуткое обоняние. Он был уверен, что найдет достаточно еды и для себя и для волчицы, поэтому бежал весело и бодро.

Вскоре лес поредел, затем и деревья расступились, и пес оказался на краю поля. Местами здесь еще лежал снег, но земля превратилась в вязкую слякоть. Когда он пересек поле, то все его лапы и брюхо вымазались в грязи. Конечно, и вид его был весьма жалкий.

За полем была проложена асфальтированная дорога, за которой начинались дома — одноэтажные, убогие деревянные домики перемежались с большими двухэтажными кирпичными домами-коттеджами. Последние были окружены высокими заборами, и пробраться туда не представлялось возможным. Зато в заборчиках, огораживающих простые домики, нашлось множество прорех, в одну из которых пес легко смог пролезть.

Уже начало темнеть. Людей почти не было видно, но чувствовалось их присутствие. В первых дворах домиков Рыжик не встретил никого, да и не нашел ничего съедобного. Потом на улице он натолкнулся на одного человека. Тот шел пошатываясь по тропинке вдоль домов. От этого человека отчетливо пахло алкоголем — Рыжик хорошо запомнил этот запах и неадекватное поведение Макарыча, когда от того пахло точно так же. Поэтому он предусмотрительно отбежал в сторону, пропустив человека. А тот и не заметил пса.

Продолжая поиски, Рыжик еще дважды столкнулся с людьми. В первый раз это была девочка,

которая его погладила (надо заметить, для Рыжика это было не без удовольствия), но у девочки оказалось, что нет ничего, что мог покушать «пёсик». И Рыжик побежал дальше. Потом он встретил женщину. Пес с надеждой подбежал к ней и стал размахивать хвостом. Но женщина на него никак не реагировала. А когда он призывно гавкнул, она отогнала его со словами: «А ну, пошел отсюда, вшивый!».

В одном из дворов он встретил другого пса. Тот меланхолично лежал рядом с будкой и при появлении Рыжика зарычал. Угроза была понятна, и Рыжик ретировался.

Так он оказался в самом центре небольшой деревни. Людей в ней оказалось мало — многие дома, особенно, большие и красивые, стояли пустыми. Эти дачные дома принадлежали жителям столицы, которые в это время года еще жили в городе и ждали, когда весна вступит в свои права.

Наконец Рыжик нашел место, откуда пахло едой. Это была небольшая свалка, состоящая из двух железных баков, полных под завязку, и небольшой кучи мусора рядом. При его приближении две кошки вдруг выскочили из баков и юркнули в сторону. Кроме кошачьего, здесь чувствовался и запах собак — видимо, к свалке приходило немало четвероногих. Сейчас тут никого из «конкурентов» не было, и пес спокойно принялся копаться в мусоре.

Свалка не разочаровала его, и уже очень скоро, заморив червячка двумя кусочками свиной шкурки (по-видимому, оставшимися от соленого сала) и сложив перед собой множество мелких съедобных кусочков (потрошки, куриные косточки, шкурки колбасные и т.д.), пес собрался было бежать к поджидавшей его волчице, но оказалось, что он не знает как это унести с собой в лес. Если бы он нашел один большой съедобный кусок, то просто

взял бы его в зубы и все, но проделать подобное со множеством мелких кусочков не получится...

Пес задумался, печально глядя на свою добычу, оглянулся и схватил зубами полиэтиленовый пакет. Через пять минут, помучившись, он, наконец, смог запихать все кусочки в пакет и, зажав его в зубах, побежал назад, в лес.

Встретив волчицу именно там, где они расстались, Рыжик испытал глубокое облегчение — подспудно его мучил страх потерять ее. Но она дождалась его и теперь с удовольствием поглощала добычу, которую добыл ее необычный друг.

Они не стали возвращаться к своему обычному месту ночевки. Насытившись, парочка расположилась прямо здесь. Волчица, преисполненная благодарности за утоление голода, пристроилась рядом с Рыжиком и вскоре заснула. Он же еще некоторое время охранял ее сон и не заметил, как и сам заснул.

Во сне пес бежал по дороге. Мимо проносились автомобили, и в каждом из них он видел Павла, который смотрел на него через стекло. Но машины, не притормаживая, проносились мимо, а Рыжику оставалось только лаять им вдогонку. Бег почему-то получался раздражающе медленным. Он вроде бы прилагал огромные усилия, но двигался еле-еле!

Потом дорога исчезла. Вокруг царствовала нескончаемая белая пустыня. Рыжик продолжал бежать, хотя уже совсем не понимал, куда и зачем бежит. Но что-то в подсознании указывало ему верный путь, и он бежал. Перебирать лапами стало гораздо легче, появилось ощущение робкого счастья, приближения к заветной цели.

Небо над ним постоянно менялось, краски — от темно-серого до ярко-оранжевого — хаотично переме-

шивались, но не растворялись друг в друге. Пятна света без всякой логики и закономерности вспыхивали над головой пса, освещая его путь. А потом вдруг облака, если это были облака, начали формироваться в фигуру человека. Рыжик остановился и, не отрываясь, смотрел на это небесное зрелище, которое завораживало! Постепенно облака окончательно превратились в человека. Это был бородастый мужчина средних лет. Он с лукавой усмешкой наблюдал за псом. А потом широко улыбнулся, и Рыжик, пронзенный чувством нестерпимого счастья, остановился и, припадая на задние лапы, звонко залаял. Мужчина протянул руку и погладил собаку... Появилось такое ощущение счастья, что пес даже проснулся.

Это волчица облизывала его морду. Он лениво поднялся, потянулся, зевнул и приветливо помахал подруге хвостом. Сон уже вылетел из песей головы. Предстоял тяжелый день в поисках пищи. Пока не наступит крайняя необходимость, пес решил не ходить к людям, чтобы не бросать волчицу. Он чувствовал себя спокойно в ее присутствии, совсем как когда-то с Малышкой.

День опять прошел не особо удачно. Удалось поймать лишь небольшую мышку, которая, видимо, забежала по глупости в лес, покинув родное поле. Мышка была совсем маленькая и только раздражила чувство голода волчице. А Рыжика, отказавшегося от своей «доли», стал еще больше одолевать голод.

И на следующий день охота не принесла результатов. Зима — тяжелое время года, а близость человеческого жилья отпугивала добычу. Да и просто не везло. Как бы там ни было, кушать хотелось нестерпимо! И пес вновь вспомнил о богатой на объедки свалке в поселке.

Рыжик побежал по направлению к деревне, волчица за ним. Но когда до деревни осталось совсем немного, она опять остановилась, всем своим видом демонстрируя нежелание идти к людям.

Пес вздохнул и умоляюще гавкнул — очень уж ему не хотелось вновь бросать подругу в одиночестве.

Волчица тоже помнила, как ждала его в лесу, ставшим вдруг таким пустым без него. И ей тоже не улыбалось отпускать его одного — кто знает, что может случиться при встрече с людьми, главными врагами волков. Поэтому она робко, преодолевая страх, подошла к Рыжику, давая понять ему, что если нужно, то и она пойдет вместе с ним. Пес обрадованно лизнул подругу и побежал вперед. Он чувствовал, что волчица безропотно следует за ним, и радовался этому. Рыжик совершенно не понимал ее страха, хотя и ему люди сделали немало плохого в прошлом, но и куда больше хорошего.

Вот уже и поле. В дальней его части копошился человек, Рыжик не обратил бы на него внимания, если бы не реакция волчицы, которая вдруг опять остановилась, поджав ушки. Пес оглянулся на нее и ободряюще скульнул. Помогло — побежали дальше.

Солнце уже клонилось к западу, наступил вечер. Рыжик заметил, что в деревне было более оживленно по сравнению с прошлым посещением. С трудом им удавалось оставаться незамеченными — пес потакал стремлению волчицы не попадаться людям на глаза, поэтому они передвигались крадучись, от укрытия к укрытию.

Залаяла собака, почуяв чужаков, может, ее возмутил запах волчицы.

Перебегая улицу, они таки наткнулись на женщину с ребенком. Женщина, увидев волка, от не-

ожиданности не сразу поняла, что перед ней не серый «двортерьер», а когда сообразила, то отбежала в сторону, схватив своего ребенка. А Рыжик с подругой уже пробежали мимо.

Забежав первой в очередной двор через дырку в заборе волчица неожиданно столкнулась с людьми. На лавочке перед домом сидели два мужика, третий, нагнувшись возился с инструментами. Волчица в панике бросилась было назад, но в этот момент в дырку забора, через которую она попала во двор, пролезал Рыжик. Тогда, окончательно растерявшись от страха, она в панике бросилась на мужиков, сидящих перед домом.

Мужики, видимо, тоже струхнули, но один из них сообразил сразу, что к чему и, вытащив тяжелое полено из кучи дров, кинул его в волчицу!

Рыжик растерялся, столкнувшись нос к носу с испуганной до полусмерти волчицей. Он всем своим нутром моментально прочувствовал раздирающий ее ужас, и этот страх передался и ему, а заметив полено, летящее в его подругу, бросился на одного из людей.

Чурка сбила волчицу, острым краем попав ей прямо в глаз. Она упала, скуля, у ног опешивших мужиков. Вдруг пес, сделав несколько прыжков, вцепился в обидчика подруги, свалив его с ног! Мужик заорал, а пес почувствовал боль, пронзившую правый бок — его пнул второй человек. Но пес не ослабил хватки. Он уже почувствовал солоноватый вкус крови, но не отпускал жертву!

И тут тьма накрыла его!

Это оказавшийся в стороне третий мужик сообразил накинуть на остервеневшего пса мешок.

Рыжик почувствовал удар, потом еще один, потом еще, еще... и на короткое время потерял сознание.

Пес услышал жалобное верещание волчицы! Она плакала от боли! Ее продолжали бить палками!

Рыжик стал бешено работать челюстями и лапами, пытаясь выбраться из мешка, и у него это почти получилось — он увидел спины трех мужиков, увидел, как руки их поднимаются и опускаются, обрушивая на волчицу удары. Палки, которые они держали в руках, местами покрылись кровью. Но теперь волчица молчала...

Рыжик изо всех сил пытался окончательно освободиться из мешка, но мужики заметив, что он пытается выбраться, вновь стали его бить. Потом стало темно.

Удивительно, но Рыжик очнулся. Вокруг было темно — дело не только в мешке, мешковина все же пропускает немного света, дело было в том, что и сам мешок находился в темноте.

Боль равномерно распределялась по всему его телу. Кости ныли и болели. Пес знал, что такое боль, поэтому стойчески переносил свои несчастья. Внутри завязанного мешка было трудно дышать, было тесно, практически нельзя пошевелиться. Рыжик постепенно, с трудом приходил в себя, вспомнил волчицу — где она теперь? Что с ней? Пес был в растерянности, потому что никак не мог понять поступки людей. Ему было невдомек, что его представление о животных и людях не совпадает с представлением людей об этих же волках, собаках, и что люди не всегда понимают, почему некоторые дикие животные приходят зимой близко к поселениям людей.

«Но волчица первая напала на людей», — промелькнула здравая мысль у Рыжика. Он не понимал и ее страха. «Зачем она бросилась на того

человека? Что плохого он ей сделал? Люди точно также испугались, увидев ее, как испугалась она, наткнувшись на них. Значит, она бросилась на них из-за страха?» – вполне логично заключил Рыжик.

Действительно, столкнулись два страха, ничем не обоснованных, и вот что из этого вышло!

«Но зачем же было так сильно бить?» – думал пес.

Страх не делал поведение людей в достаточной мере адекватным – страх страхом, но защищались люди неоправданно жестоко.

«А волчица, была бы такой же жестокой с людьми, повернись к ней удача?» – спрашивал себя Рыжик. Вспомнив о ее состоянии, он подумал, что, скорее всего, она загрызла бы человека, если бы смогла!

Размышляя, пес осознал, что может понять мотивы каждой из сторон, за исключением корня всех бед – причины страхов. Он злился, скулил от отчаяния, но, все же, не мог заставить себя возненавидеть людей!

Он понимал, что волчица, скорее всего, мертва. И это сильно мучило Рыжика.

Направляясь в деревню, он был уверен в том, что люди не тронут их, что страхи волчицы не оправданы, а она ценой своей жизни заплатила за его ошибку.

Пес долго мучился, но потом наступила апатия. Ему стало все безразлично.

Боль, подчиняя его сознание, вытеснила всякие мысли. Он заснул, измученный ею.

Рыжик потерял счет времени. Темнота поглощала всякое ощущение движения минут, часов, дней. Он был голоден. Но голод преследовал его и до плена. Очень сильно хотелось пить. Очень сильно.

Где-то наверху что-то все время шуршало. Раздавались шаги, слышались издали приглушенные человеческие голоса. Где-то рядом «шутукались» мыши — пес чувствовал их запах.

Он часто проваливался в небытие. Не всегда мог уже различить — происходит все в каком-то кошмарном сне или наяву. Иногда начинал подвывать...

Потом появился свет! Несмотря на мешковину, свет вызвал боль в глазах. Послышались шаги — людей было трое. Один из них обладал уже знакомым Рыжику запахом, с двумя другими пес не сталкивался раньше.

Кто-то из них слегка пнул его. Пес заворочался.

— О, живой еще!

— Ну да, я его, правда, не кормил — боялся, вдруг бешеный, но и убить рука не поднялась! Волчицу-то его мы забили, а его нет. Пес, как никак, друг, так сказать...

— Ладно, мужик, не переживай. Доставим твоего пса, куда полагается.

— Да не мой он! Говорю же вам, из лесу прибег с волчицей! Мы еще удивились, как так — пес с волком ходит, словно кумовья...

— Ладно-ладно, поняли мы все, поняли! Витек, давай, хватай с другой стороны.

В ответ послышалось мрачное «угу», и Рыжик почувствовал, как его поднимают с пола. Он и не стал сопротивляться, да и сил все равно не было.

Двое незнакомцев положили пса в мешке в машину — тот сразу понял это, учуяв набор характерных запахов, потом хлопнули дверцы, и автомобиль тронулся.

Машину трясло нещадно и без передышки. А пес сильно ослаб, и от этого «путешествия» его голова кружилась, его мутило, в глазах стали прыгать цветные «мушки». Но, несмотря на это, апатия, в

которую внал Рыжик, стала постепенно уступать место надежде!

Сквозь тарахтение двигателя до ушей пса доносились обрывки разговора.

— ... Ну, дает дед... Не лень же было... вызывать... пень...

Раздался громкий хохот.

— Да уж, легче было пристрелить... в такую даль...

— ... питомник... бешенство...

Рыжик прислушивался какое-то время, но потом бросил это дело — слышно было плохо, а то, что удавалось услышать, было непонятным. Он выкинул все мысли из головы и просто ждал дальнейшего развития событий.

Ехали они довольно долго, Рыжик успел основательно измучиться. Но, в конце концов, машина сначала сбросила скорость, а потом и вовсе остановилась.

Пес понятия не имел, куда его привезли, но одно было ясно: здесь собралось много собак. Об этом свидетельствовал запах и многоголосый лай.

— Куда этого?

— Тащите в ветеринарную. Надо его сразу проверить.

Рыжик почувствовал, как его опять несут. Стало теплее, и звуки шагов изменились — они вошли в здание. Лай других собак постепенно удалялся, пока совсем не стих. Пахло совсем как у Доктора. Это успокаивало и внушало надежду на то, что все будет хорошо, что его не будут обижать здесь.

Раздался стук.

— Войдите, — голос принадлежал женщине. — Что ж вы бедолагу в мешок-то засунули, мальчики?

— Да это не мы, это дед, который его поймал.

— Поймал? Ну-ка, ну-ка...

— Ну, короче, того, э-э, дед, у которого мы забрали пса, рассказал, что из леса прибежали волк и этот рыжий пес и набросились на него и других мужиков. Э-э, волчицу они того, забили насмерть (Рыжик тихонечко скульнул), а пса в мешок засунули и в подвал кинули. Ну, а потом уже нам позвонили...

— Так-так, набросились, значит.

— Ага, дед сказал, что точно бешеный пес. Искусал одного мужика, вел себя... э-э, неадекватно, во.

— Ну, хорошо, покусанный к врачу обратился?

— Не знаю.

— Ну, народ! Вот безалаберность! А если пес действительно бешеный?

В комнате повисла пауза. Потом голос женщины продолжил.

— Ладно, сначала помогите мне с псом, а потом дуйте к секретарю, пусть найдет в журнале номер телефона вашего деда и позвонит ему.

— Хорошо, Наталья Владимировна.

Рыжика крепко схватили за голову, сжав ее так, чтобы он не мог ею двигать, не мог открыть рот. Потом мешок развязали, и он на некоторое время вынужден был закрыть глаза от яркого света.

Пес еще не успел толком опомниться, как его морду что-то сжало. И тут же его отпустили. Павел никогда не надевал ему намордник, поэтому ощущение постороннего предмета на морде было для него в новинку. Непривычная несвобода раздражала — он дернулся несколько раз, попытался лапами снять намордник, но у него, естественно, ничего из этого не вышло. Пришлось Рыжику смириться и с этим, и он затих.

Те двое, которые его притащи, вышли из комнаты. А женщина-доктор сделала ему укол, и он заснул.

Очнулся Рыжик в клетке. Клетка была маленькая, даже одному ему было бы здесь тесно, но Рыжик оказался не единственным жильцом: у сетки сидел и заливался лаем другой пес, грязно-серый, размерами чуть меньше Рыжика, явно еще совсем молодой, первогодка.

Три из четырех стен в камере были деревянными, а одна — из стальной сетки. В углу стояли две чашки с водой и две чашки для еды. Еды не было в обеих, а вода оставалась лишь в одной. Рыжик жестоко страдал от жажды и первым делом с жадностью выпил все, что было в чашке, и опять лег.

Серый пес, поняв, что Рыжик проснулся, подбежал к нему (сделал всего три шага) и, дружелюбно размахивая хвостом, принялся знакомиться — принюхиваться. Рыжик устало махнул хвостом, но энтузиазма не проявил.

Он плохо понимал, где он и как тут оказался.

На самом деле, пока Рыжик спал под действием снотворного, доктор взяла у него кровь на анализ, а потом его поместили в клетку. Он, как подозреваемый носитель бешенства, должен был сидеть в одиночку, но мест в подмосковном питомнике не хватало, вот и поместили его вместе с другим новичком, у которого тоже взяли кровь для анализов.

Результат ожидался через две недели, а тем временем пса собирались держать в клетке. Если бы Рыжик заболел бешенством, то у него уже появились бы явные признаки заболевания. Но так как пес не был инфицирован (теперь бы только в питомнике не подхватить какую-нибудь инфекцию), то ему оставалось просто прожить в питомнике две недели, а потом пса отправили бы туда, где его забрали. Но Рыжик обо всем этом не знал. Он недоумевал — зачем он здесь, и как долго его продержат в этом, неприятном для него, месте.

Серый пес, тем временем, не терял присутствия духа и лаял весь день напролет, пока вечером не принесли еду! Несмотря на голод, Рыжик был не в состоянии есть быстро, поэтому Серый справился со своей порцией быстрее его и тут же попытался приложиться к миске своего соседа.

Рыжик отогнал его грозным рыком и, не спеша, но теперь уже под пристальным взглядом Серого, доел свою порцию.

Отощавший, побитый, обессиленный Рыжик тут же провалился в сон.

Прошло несколько дней. Рыжик стал медленно приходить в себя. Режим их содержания не предполагал прогулок, поэтому, лишенный движения, пес набирал вес. Кормили их неплохо.

Но было скучно проводить весь день вдвоем в маленькой клетке, рассчитанной на одного. Серый часто пытался приставать к Рыжику с играми, но Рыжику не хотелось резвиться с молодым псом в столь ограниченном пространстве. Он, потрепанный жизнью, окончательно потерял щенячий задор.

Несмолкаемый лай, несущийся со всех сторон, здорово раздражал, не позволял сосредоточиться на своих мыслях. Рыжик пытался размышлять о том, что ему делать дальше, но ничего путного в голову не приходило.

Он привык и к обществу Серого, даже подружился с ним. Молодой пес своим лаем и суетой постоянно о чем-то рассказывал Рыжику, который не понимал его. Впрочем, тому, похоже, и не требовалось ответа: он просто делился своими эмоциями с соседом.

Наконец, прошло две недели.

Никакого бешенства ни у Рыжика, ни у Серого не нашли. Рыжика должны были бы отвезти обратно в ту деревню, откуда его забрали, но по каким-

то причинам Рыжика повезли вместе с Серым в Москву, чтобы там выпустить на волю.

Фургончик выгрузил их в одном из московских дворов. Оказавшись на свободе, Серый тут же разразился радостным заливистым лаем и резво побежал прочь от фургона. Рыжик молча последовал за ним. Надо было разобраться в обстановке, привести мысли в порядок, придумать, что делать дальше. А пока почему бы не позволить Серому познакомить его с окрестностями.

ГЛАВА 3

Главной причиной постоянной нервозности Рыжика в первые дни его пребывания в городе было большое количество людей. Даже в их дворике, зажатом меж трех высоченных домов, суэта утихла лишь глубокой ночью. А уж если Рыжик осмеливался выходить к дороге вслед за своим новым «товарищем» за пределы двора, то его моментально оглушали суэта, шум и гам большого города: непрестанно мелькающие прямо перед носом ноги людей, от которых только и успевай уворачиваться; сигналившие автомобили, норовящие задавить бедную собаку...

Серый, однако, ничуть не терялся в такой обстановке, он смело лавировал между людьми, спускался по лестнице в подземный переход, чтобы погреться. Рыжик не сразу решился спуститься вместе с ним — внизу людей было еще больше! Мощными потоками они неслись как вглубь, так и оттуда, ничего не замечая на своем пути.

В общем, первые дни пребывания в большом городе Рыжику дались непросто, и он почти не выбе-

гал за пределы двора, где приютился. И еды здесь было много. Ею пахло везде — с многочисленных свалок и просто по углам некоторых домов.

Днем Рыжик обычно грелся на солнышке на зеленом газоне перед домами. Рядом была детская площадка, где почти все время находились люди, которые гуляли с детьми, или с собаками, или просто сидели на скамеечках. Все очень хорошо относились к псу, несмотря на то, что он теперь не был таким красивым, как раньше, потерял лоск, похудел. В нем чувствовались ум и доброта. К нему тянулись и взрослые, и дети. С детьми он иногда играл, хотя особо резвиться его уже давно не тянуло. Взрослые часто просто разговаривали с ним, ласково и по-доброму.

Уже через пару дней псу стали приносить еду из дома. Серый, которого почему-то боялись больше, этим подачкам радовался не меньше Рыжика — благородный старший товарищ щедро делился с ним, так как еды приносили больше, чем он смог бы съесть один.

Рыжик не выделял никого из тех людей, кто кормил его, и даже мог поиграть с ними, но страхи, накопившиеся после всего того, что он пережил, все еще были сильны в нем. Поведение людей, с которыми ему пришлось столкнуться, смешало все понятия, ориентиры, ценности Рыжика.

К тому же куда-то пропало чувство цели! Пес более не был уверен в том, что он должен делать дальше. Двигаться куда-то, искать что-то? Ощущение пути ушло.

Прошел месяц. К Рыжику вернулись силы, его шерсть приняла прежний, роскошный вид. И даже душевное равновесие постепенно восстанавливалось. Единственное стало добываться в его страсти.

Серый теперь чаще стал отсутствовать. Оно и понятно — весна, зов предков.

Как-то раз Рыжик решил сделать вылазку в город вместе с Серым. Он уже по привычке к городу, и им двигало любопытство. Они обогнули дальний из домов на их улице и вышли на тротуар, протянувший свое узкое длинное тело вдоль автомобильной дороги. Тротуар от дороги отделялся бордюром (низкая, убогая защита от убийственно опасного потока машин). Люди, которых здесь было очень много, заполняли все пространство пешеходной дороги. Основная их масса выходила или же наоборот стремилась войти в широкий лаз под землю, над которым высился необыкновенно яркий, разукрашенный столб с буквой «М» на макушке. А еще чуть подальше была остановка. Рыжик сразу понял, что это именно остановка. Правда, троллейбусов на этой улице не было видно, зато во множестве подъезжали, стояли, выпуская и впуская пассажиров, похожие на троллейбусы, машины без дуг на крыше.

Вдоль тротуара, с противоположной от проезжей части стороны, тянулись магазины, яркие витрины которых совсем не походили на те, что видел раньше Рыжик. Он смог определить, что это именно магазины. Как? Да по вывескам! Впервые Рыжик, сам того не понимая и не осознавая, сопоставил эти надписи с надписями, которые он когда-то видел и знал в тех местах, где он бывал. Знаки (т.е. буквы), нарисованные над магазином висели в том же порядке, что и те в деревне, когда он вместе с Павлом ходил в продуктовый или хозяйственный магазин.

Все это великолепие ярких красок, уличная суета теперь становились более интересными псу, вызывая любопытство. Он не заметил, как потерял из виду Серого, но по запаху понял, что тот спустился «под землю». Удивляло пса то, что на него никто

из людей никак не реагирует, не обращает ровным счетом никакого внимания. Лишь изредка некоторые, заведя пса на своем пути, опасливо обходили его стороной.

Здесь в воздухе витала богатейшая гамма запахов, многие из которых были весьма аппетитны. Особенно вкусно пахло от двух стоящих рядом мини-домиков, с одной стороны у них имелось небольшое оконце, к которому выстраивалась очередь. Один за другим люди брали что-то из этого окна и с аппетитом принимались поглощать купленное (бумажки — деньги отдаваемые человеку в окне, Рыжик тоже заметил). Пес постоял какое-то время, наблюдая за этими ларьками, а потом потрусил дальше — есть ему пока не хотелось.

Во всей этой суете Рыжик был не единственным псом — то тут, то там лежали собаки, лениво и безразлично взирая на вокруг происходящее. Пес попытался пообщаться, познакомиться с некоторыми из них. Но ожидаемого благодушия он не получил. Можно сказать, что его просто игнорировали. Это удивило Рыжика, привыкшего к тому, что всякий пес, встретив другого, проявляет к нему интерес или же, наоборот, проявляет явную агрессию, но никак не безразличие. «Почему так?», — подумал он и побрел обратно к остановке.

— Вон наш автобус, наконец-то! — услышал пес чей-то голос на остановке.

Затем подъехала длинная машина с большими окнами, и многие люди зашли в нее.

«Автобус!» — Рыжик вспомнил, что именно так называлась эта машина.

Таким образом, знания пса обо всем человеческом постепенно накапливались с тех пор, как он покинул деревню. Размышляя и наблюдая, он многое понял, многому научился. Но, по-прежнему,

далеко не всегда понимал то, о чем говорят люди, не понимал смысла и мотивов их поведения.

Обследовав все вокруг, Рыжик направился к спуску под землю. Едва он стал спускаться, как бурный, хаотичный человеческий поток захватил пса, закрутил, и «понес» дальше. Не сразу опешивший пес смог выбраться из толпы, идущей по подземелью. Здесь Серого нигде не было видно, хотя явно чувствовался устойчивый «собачий» запах. От мелькания человеческих ног в глазах Рыжика рябило, но некоторое время спустя он по привычке и к этой толчее.

Осмотревшись, пес пришел к выводу, что часть людей стремится выбраться из-под земли, а другая исчезает за странного вида стеклянными дверьми. Рыжик, захваченный жадой познания, направился к этим дверям.

Пристроившись рядом с мужчиной, который, казалось, не заметил пса, Рыжик миновал прозрачные двери, потом еще одни (непонятно, зачем надо было ставить столько дверей?) и оказался внутри. Здесь тоже толпились люди, толкаясь и ругаясь друг на друга. Человеческий поток стопорился перед непонятными штуками, выстроенными в ряд, между которыми люди проходили по одному, причем с ощутимыми интервалами.

Рыжик ухватил взглядом на миг образовавшийся свободный проход между двумя такими штуками и устремился к нему. Не успел он миновать узкое место, как раздался крик, перекрывающий царивший здесь гомон:

— Куда! А, ну, назад, пес шелудивый!

Рыжик хотел было отреагировать на крик — посмотреть, кто кричит, не к нему ли обращаются, но в этот момент то ли за его спиной, то ли над ним раздался громкий хлопок. Вылезшие из

щелей с двух сторон «штуки» пребольно ударили пса по спине. Пес от испуга и боли взвыл и пулей скатился вниз по лестнице, не замечая шахающихся от него людей. Он несея, куда глаза глядят, и сам не заметил, как вбежал в вагон поезда. Этот поезд мало походил на тот, в котором Рыжику уже приходилось ездить, но по очертаниям, схожим с тем, он понял — это поезд. Увидев пса, люди стали проявлять беспокойство, и Рыжик хотел было выбежать обратно, но назад уже не сумел пробраться — толпа вваливалась в открытые двери, перекрыв выход. Чей-то громкий человеческий голос что-то проговорил, и двери закрылись. Толпа прижала пса к дверям на противоположной от входа стороне. Люди, недоверчиво поглядывающие на него, видимо, поняв, что кусать он никого не собирается, успокоились и перестали замечать дворнягу.

Рыжика обстановка немного нервировала, но, к счастью, очень скоро поезд остановился и открыл двери — пес попытался было выбраться, но куда там... Вагон еще больше забился и, стало совсем тесно! И только на следующей остановке, все, кто был в вагоне, пошли на выход, позволив и псу, наконец-таки, выбраться на волю.

Рыжик оказался в огромном, красивом зале, в котором было полным-полно людей. Но здесь, все же, было больше воздуха.

Оглушительный шум от отъезжающего поезда и ровный гул — от толпы, мешали сосредоточиться и решить «что же делать дальше!». Пес был поражен великолепием всего того, что он увидел, сотворенного руками человека. Все это подавляло сознание Рыжика. Его мозг не мог переосмыслить всего увиденного и поэтому мысли путались в бедной голове провинциальной дворняги. Если бы он умел раз-

говаривать по-человечески, то сейчас выражался бы одними междометиями: «Ух ты! Ах ты!».

Пока он озибался и двигался с толпой, то и не заметил, как сразу после выхода из поезда был подхвачен на станции людским потоком и оказался уже на другой станции. По пути к ней пес вместе с людьми шел по тоннелям, выложенным шлифованным камнем, поднимался и спускался по небольшим лестницам.

Насытившись впечатлениями, Рыжик решил, что пора бы уже и возвратиться в ставший привычным дворик. Пес рассудил так, что если он сядет в поезд, то рано или поздно доберется до той станции, откуда началось его путешествие под землей. Наивное создание, не знающее всех изобретений рук человеческих, даже и не представлял себе всю систему сложной схемы Московского метрополитена. Он находился теперь на другой ветке метро, и на поезде, в который он вошел, уже невозможно было бы добраться до исходной точки. Мало того, Рыжик попал на кольцевую линию и теперь у него не было шансов вообще доехать на поезде до своей станции, так как он не понимал, что значит пересаживаться на другой поезд. И теперь он более или менее, удобно устроившись в торце вагона, терпеливо ждал знакомой станции. Бурный событиями день и мерное покачивание вагона убавляли Рыжика.

Он проснулся от легкого толчка — кто-то печально задел его ногой. Услышав: «Станция... переход на Сокольническую линию», он понял, что пора выбираться из вагона. Уже появились признаки голода, а вся эта суета с метро стала его раздражать. Станция была ему совершенно незнакома, но он решил, что, выбравшись из подземелья, найдет себе новое пристанище — не впервой. Так решив для

себя, он доверился людскому потоку, и попал на необычную, самодвижущуюся лестницу.

«Хорошо, что она поднимается сама, — подумал Рыжик. — Иначе я, просто, не смог бы подняться, слишком уж много людей на лестнице». Действительно, лестница была довольно узкой и полностью забитой людьми, которые, кстати говоря, как-то странно косились на пса, но и ничего не говорили и не гнали. Подъем, казавшийся нескончаемым, наконец, завершился. Ступеньки стали уменьшаться, превращаясь в ровную плоскость, из-за чего пес начал терять равновесие: «Напридумывали же люди всяких непонятных вещей!» — промелькнуло в его голове.

Вот и лестница закончилась, скрывшись под его ногами под «полом», и Рыжика буквально выкинуло с нее, больно покарябав передние лапы. Люди деловито шли гурьбой к прозрачным дверям, через которые Рыжик прошел в самом начале своего путешествия под землей. За дверями поток разделился. Пес принялся к запахам и, поймав аппетитный мясной запах, пошел в направлении его источника. Запах исходил из большой клетчатой сумки, которую с трудом тащила дородная тетка. Пес пристроился рядом с ней, намереваясь попросить подачки. И хотя запах мяса слегка перебивался запахом лекарств, заставив его вспомнить собачью тюрьму, но он уж очень сильно хотел есть.

— Фу! Фу, псина! Отстань от меня! — женщина испуганно отдернула сумку от пса.

Рыжик повилял хвостом, рассчитывая на доброту тетки, но та резво улепетывала по лестнице. Рыжик подумал, стоит ли следовать за ней, и решил, что стоит, так как не учуял больше запаха другой еды. Значит, эта — ближайшая. Надо попробовать попросить еще разок.

Рыжик понял, что оказался на вокзале — подобные места он посещал уже не раз и крепко запомнил их запах. Только этот вокзал отличался большим количеством стоящих поездов и огромным количеством людей, спешащих к вагонам или же, наоборот, от них.

Тетка с сумкой бежала бегом, Рыжик за ней.

Добежав до ближайшего вагона, тетка, сначала показала что-то пожилому мужчине в синем костюме, с безразличным видом стоящему около входа в вагон, затем забралась вовнутрь.

Улучив момент, когда мужчина отвернулся, чтобы посмотреть на часы, Рыжик запрыгнул на подножку. Миновав узкий тамбур, пес устремился за теткой и ее столь аппетитно пахнувшей сумкой.

Внутри вагона оказалось непривычно тесно. Когда они с Павлом ездили в город, было по-другому — стояли рядами скамейки и не было этих небольших комнат, выходящих дверями в узкий коридор.

Рыжик почти нагнал тетку с сумкой, однако, сбоку, из внезапно образовавшегося прохода (часть стены вдруг отъехала, открыв взгляду очередную маленькую комнатку) вышел грузный мужчина. Его ноги преградили дорогу псу, отделив от него тетку.

Мужчина, заметив Рыжика, улыбнулся и ласково сказал:

— Собакевич, ты тоже едешь? Дай-ка я тебя поглажу, ты ведь у нас не кусачий, правда? — протянув руку, мужчина осторожно погладил пса. Рыжик был не против, вот только еда уходила все дальше.

— А ты чей будешь?

Рыжик тоскливо посмотрел в ту сторону, где скрылась тетка, и скульнул.

— Ах, вот оно что! Я тебя отрезал от хозяйки. Ну, прости. Беги, красавец.

И Рыжик направился дальше по коридору, вдруг перед его носом из следующей комнатки вывалился чей-то большой чемодан. Рыжик прыгнул, пытаясь перебраться через преграду, но разгону не хватило, и он врезался в чемодан, свалившись вместе с ним.

— Ой! — испуганно вскрикнула женщина, высушившись из комнатки.

Но Рыжик устремился дальше. Вот только «той» сумки уж и след простыл.

Пробежав вагон, пес очутился в тамбуре. Дверь в следующий вагон была не закрыта, лишь слегка прикрыта. Отодвинув створку носом, он перебрался в следующий вагон.

Здесь теткина спина мелькнула впереди. Рыжик заторопился идти быстрее, но в этот момент тронулся поезд. Рыжик не обратил на это внимание. Тетку пес нагнал только в следующем вагоне, когда она проходила с сумкой в комнатку. Рыжик обрадованно гавкнул — ему почему-то казалось, что уж теперь-то, после такой длительной погони, тетка должна дать ему мясо, вкусно пахнущее из сумки. Ожидания его, естественно, не оправдались. Тетка, видимо, даже не сообразив, что видит перед собой того же пса, от которого постаралась побыстрее убежать в переходе метро, неожиданно сказала: «Брысь!» — и закрыла створку двери прямо перед его носом.

Поезд, тем временем, стал набирать скорость. Он уселся недалеко от этой двери и вновь непонятная пустота, или скорее апатия захлестнули его. От безысходности он прилег и стал ждать — сам не зная чего. За окном виднелось небо, и мелькали верхушки столбов, вызывая рябь в глазах.

Некоторое время спустя дверь последнего купе, перед которым Рыжик и расположился, открылась, и оттуда выскочил мальчик.

— Пе-есик! — обрадовался малыш и, приблизившись к нему, стал его гладить.

— Никита, не трогай собаку! — раздался из глубины купе женский голос! — Ты слышишь?!

— Ну, ма-ама, — плаксиво пискнул мальчик.

— Не трогай, я сказала! — строго отрезал голос. — Откуда ты знаешь, что это за собака, вдруг укусит! Хочешь, чтобы тебе уколы в живот делали?

— Не укусит! Он добрый! — настаивал мальчик.

Мама вынуждена была подойти к мальчику и отдернуть его от собаки.

— Я кому сказала? — «Не трогай!» — еще строже сказала она. Никита скучился.

Рыжик настороженно поглядел на мать ребенка. Молодая женщина столь же недоверчиво посмотрела на пса. Из-за ее спины выглянул мужчина средних лет и заинтересованно посмотрел на Рыжика.

— Интересно, чей это пес? Неужели кто-то везет его с собой в поезде?

Рыжик переключил свое внимание на мужчину — от того веяло доброжелательностью.

Ребенок, высунувшаяся из купе мамаша, пес — все они плотно перегораживали проход к туалету. Это очень не понравилось проводнику, который в это время подошел к их купе.

— Э, уберите собака, да! И показываете билэты-ки! — с акцентом сказал он.

Проводник был дородный мужчина и, чтобы его пропустить, пришлось всем стоявшим здесь «ввалиться» (включая Рыжика) в купе. Пес деликатно и с опаской залез под купейный столик. В купе, кроме этих людей ехал еще один мужчина. Он свесился с верхней полки, чтобы предъявить проводнику свой билет. Проводник, будто не замечая пса, проверил билеты и сказал, обращаясь к веселому мужчине, который понравился Рыжику:

– И сто рублэй за сабака.

Николай безропотно отдал деньги за неизвестного пса и проводник удалился.

– Николай, надо было сказать проводнику, что это не вапса собака! Что мы теперь с ней делать будем? – спросила женщина.

– Ну, э-э... спросим у него...

– У кого?! У пса?

– Ну да. Рыжий, где хозяин? Ищи, ищи, где хозяин?

Рыжик грустно посмотрел на Николая, потом поднялся, подошел к нему, вильнул хвостом и положил голову к нему на колени. Как же тяжело, когда не можешь разговаривать с людьми! Как рассказать, почему он тут и почему у него уже давно нет хозяина?

Николай задумчиво смотрел на Рыжика, рассеянно поглаживая его.

– М-м, может быть ты потерялся?

Рыжик поднял голову и гавкнул! Как же сказать: «Нет»?! Ах, да! Надо покачать головой, ведь люди именно так и делают, когда хотят сказать «нет!» – соображал пес и принялся рьяно мотать головой.

– Ну-ну, что ж ты так нагло отряхиваешься-то? – улыбнулся Николай.

Он не понял!

– Твой хозяин здесь, в поезде?

Рыжик на этот раз постарался мотать головой медленно.

– Он говорит: «Нет», – объяснил непонятливому дяде Никита.

– Никита, не говори глупости, собака не знает, что этот жест означает у людей «нет».

– Знает! Он умный! – убежденно возразил ребенок.

Рыжик повернулся к Никите и гавкнул, покачивая головой — теперь уже вверх-вниз, подтверждая слова мальчика.

— Ого! Похоже, что пес, действительно, понимает нас, — восхитился Николай. — Давайте попробуем задавать ему вопросы, на которые можно ответить только «да» или «нет».

— Глупости, не может такого быть, — продолжала стоять на своем мамаша, но в ее голосе уже чувствовалась неуверенность.

А мужчина, который занимал одну из верхних полок купе, просто спал.

Николай сказал:

— Хорошо, начнем сначала. Твой хозяин в поезде?

Рыжик отрицательно помотал головой.

— Нет. Отлично. Ты потерялся, Рыжик? (Видимо, внешность пса предполагала ему только одно имя. Удобно!)

Пес опять ответил: «Нет». Для убедительности еще и гавкнул в завершение. Мама с ребенком восторженно следили за диалогом.

— Так-так, отсюда следует, что у тебя, вообще, нет хозяина, да и дома тоже.

Рыжик не понял, вопрос ли это, но, все же, подтвердил правоту вывода.

— Но как же тогда ты попал в поезд?

— У-у-у, гавк, гавк! — Рыжик понял вопрос, но забыв, что не может разговаривать по-человечески стал объяснять по-своему.

— Ой, извини! — одернул себя Николай и усмехнулся:

— Видимо, этот вопрос так и останется неразрешенным. Ну, да ладно. Как бы там ни было, нам некуда его отводить.

— Вы думаете, он, действительно, ответил вам? — удивилась мамаша.

— Что-то подсказывает мне, что да. А знаете Ольга, — обратился Николай к попутчице, — мы, люди, еще так мало знаем об окружающем нас мире, что иногда приходится верить и в самое невероятное. А тут ничего особенного — просто умный пес.

— Умный... — согласилась Ольга, погладив Рыжика. Тот не возражал. Теперь она не внушала ему опасений — знакомство состоялось. — Вот только почему проводник не выгнал его? Разве можно провозить животных без документов в поезде?

— Эх, Оленька, за сто рубликов, почему бы и нет!..

Взрослые замолчали. Никита опустился на колени и обнял Рыжика за шею:

— Будешь моим другом? Меня зовут Никита, а тебя? — Рыжик в ответ смог только скульнуть, посмотрев на Николая — мол, выручай.

— А его зовут Рыжик, и он будет твоим другом, парень.

Их поезд ехал несколько дней и буквально с каждым часом становилось все жарче, потому что он ехал на юг. Вне поезда было лучше — Николай выводил Рыжика на некоторых остановках. В поезде же становилось все хуже, жарче. На следующее утро после знакомства пса с обитателями купе в их поезд на одной из станций набилось очень много народу! Они практически перекрыли собой всякую возможность прохода.

— Безобразие! Почему все эти люди едут без билетов? А спать они где будут? Прямо в тамбурах? — возмущалась Ольга.

— Видимо да, — отвечал ей Николай.

— Мама, мама, мне душно!.. Давай откроем окно!

— К сожалению, Никита, это невозможно — окна не открываются.

— И что? Это будет продолжаться до конца нашего путешествия на поезде? — с отчаянием в голосе восклицала Ольга.

— Не думаю. Впереди две границы, понятия не имею, как они их будут пересекать. Видимо, только до границы.

Рыжику тоже не нравилось, что так много людей в поезде, но они, по крайней мере, не совались в купе.

— А я думала, что плохо ехать рядом с туалетом! А теперь людям приходится стольких усилий и трудов, чтобы добраться до туалета из середины вагона или с другого края вагона! — вздыхала Ольга.

— Вот видите, — усмехался Николай, — во всем можно найти положительные стороны!

— Да уж...

В эти дни Рыжик стойко переносил навязчивость Никиты. Беседовали, в основном, Ольга с Николаем.

Так и добрались до первой границы.

Рыжик мало чего понимал поначалу: все в вагоне вдруг зашевелились, появилось несколько одинаково одетых мужчин, которых, судя по всему, все боялись. Почему? Рыжик, на всякий случай, тоже отнесся к ним настороженно, когда они появились в их купе.

К ним зашли двое мужчин и собака. Один занялся проверкой документов, а другой попросил открыть чемоданы. Рыжик попытался было познакомиться с собакой, но та рыкнула на него, говоря «не лезь», и он вынужден был отказаться от общения.

— Документы на собаку! — словно пролаял один из мужчин.

— Начальник, я его подобрал на улице щенком, — оправдываясь, врал Николай, — ну, откуда у него документы.

— Так, согласно инструкции провоза животных в поездах дальнего следования, перевозка собак крупных пород производится за отдельную плату и только при наличии ветеринарной справки! Где справка? Я уже не говорю о том, что собаки перевозятся в намордниках, на цепочках или ременных привязях! Ладно уж — пес мирный, вижу, но справка должна быть!

— Командир, ну, не знал я про справку...

— Как не знал? Собаку без справки, вообще, не должны были позволить посадить на поезд. Придется вам сойти. Или оставить пса на станции!

— Да, ну, что вы! — возмутилась Ольга. — Неужели из-за какой-то справки вы ссадите пассажира, который, между прочим, заплатил немалые деньги!

Повисла секундная пауза. Служебный пес сопел, внюхиваясь в вещи пассажиров.

— Граждане, поймите, вы сами виноваты в том, что проблема возникла! Я лишь следую букве закона.

Николай судорожно думал, что сказать в ответ? Ему было жалко вот так вот расставаться с Рыжиком — пес нравился ему. Он уже решил взять его к себе жить. И дочка будет рада, да и жена животных любит...

Вновь повисла пауза. Проверяющий выжидающе смотрел на Николая, тот думал-решался. А второй таможенник, тем временем, вынул что-то из кармана и дал понюхать своей собаке:

— Ищи, Леси, ищи!

Рыжик тоже понюхал руки мужчины вместе с Леси и тут же узнал этот запах! И попытался привлечь его внимание:

— Гав-гав! — залаял он, подняв голову к человеку.

— Чего это он? — спросил второй таможенник у Николая, который пожал плечами. За него ответил хозяин служебной собаки:

— По-моему, он узнал запах! Хотя, это не служебный пес.

— Рыжик, где запах? Покажи! — немного нестройно отдал команду Николай. Рыжик бросился к выходу из купе. Таможенники, Николай и Ольга с Никитой потянулись за ним.

Рыжик прекрасно помнил, где он «слышал» этот запах, причем совершенно отчетливо. Пес подбежал к одному из купе, ближе к началу вагона и, оглянувшись на Николая, гавкнул — «здесь».

Из купе показалась та самая тетка, благодаря которой он и оказался в поезде. Именно в ее сумке он почувствовал этот запах! Рыжик кинулся к сумке, но источника запаха там больше не было. Тут уж к поиску подключилась и вторая собака — скоро источник был найден — он находился под обивкой лежака!

— Что это? — спросил Николай таможенника после того, как тот вышел из купе с несколькими упаковками (похоже, это лекарство) в руках.

— Клофелин².

— А вы что же, знали, что именно ищете?

— Да, была наводка. Там его еще много, под дерматином. Шустрая тетка!

Злополучная тетка громко возмущалась, ругаясь с оставшимся в купе работником таможни. На ее крики начали стягиваться любопытные — и без того узкий проход стал окончательно непроходимым. Все-таки люди — народ не исправимый, кры-

² Клофелин принимают в качестве антигипертензивного средства при различных формах гипертонической болезни и других заболеваниях.

латая фраза «хлеба и зрелищ», видимо, останется вечной.

Николай вместе с Рыжиком не смог протиснуться к своему купе, и был вынужден ждать, пока народ не разогнали. Тетку вывели из вагона. И только после этого все обитатели купе, приютившего пса, собрались в своей «комнатке», бурно обсуждая происшедшее. Рыжик чувствовал, что он сделал что-то очень полезное. «Наверное, тот человек с собакой потерял что-то, и я помог ему найти».

Николай теперь уже твердо решил взять пса к себе домой. Он, правда, в последнее время дома бывал редко — был в постоянных командировках в Москве. Но дочка будет рада четвероногому другу! А друг хорош, он все больше в этом убеждался.

Через пять минут к ним зашел тот самый таможенник, который требовал справку на Рыжика, угрожая снять его с поезда. Мужчина улыбнулся, застав в дверях, и сказал:

— Ну что, пес, пойдешь к нам? На работу.

— Вы это серьезно? — опасливо поинтересовался Николай.

— Да нет, ну, что вы! Он заслужил нашу благодарность и, конечно же, мы не собираемся разлучать его с хозяином. К вам больше никаких претензий. Я зашел лишь поблагодарить за оказанную помощь.

— Спасибо Рыжику, — с облегчением ответил Николай.

— Он у нас самый умный! — воскликнул Никита.

— Я с тобой абсолютно согласен, парень, — еще шире улыбнулся таможенник. — Приятного вам всем пути!

— Спасибо, — ответили нестройным хором обитатели купе.

В этот день Рыжик был героем. К нему приходили даже из соседних купе — поглядеть на умно-

го пса, погладить его, угостить. Рыжик стоически сносил повышенное внимание, он был доволен тем, что стал полезным миру людей, а это многого стоило!

Путешествие на поезде подходило к концу. Все вещи пассажиров этого купе, собранные в большие чемоданы, сумки и мешки лежали на верхних полках. Никита очень сожалел о предстоящей разлуке с Рыжиком. Он сидел притихший, вцепившись в Рыжика мертвой хваткой.

За два прошедших дня более ничего экстремального не случилось.

Никита впервые ехал на юг и в пути часто спрашивал и маму, и Николая о том городе, куда они едут. Из объяснений Николая пес понял, что там очень тепло и красиво.

У Рыжика вновь появилось чувство ясности. В первых, он чувствовал, что судьба ведет его по правильной дорожке, а во-вторых, Николай очень нравился ему, и пес даже подумал, что, может, он и сможет назвать Николая своим хозяином. Когда-нибудь, но не сейчас...

Поезд остановился. Ольга с Никитой по совету Николая не спешили:

— Пропустим основную массу, а то здесь выпускают всех через «игольное ушко», мы ведь никуда не торопимся, правда?

Никита точно не стремился поскорее расстаться с Рыжиком. Вдруг Николай через окно увидел в толпе встречающих своего друга, а Ольгу с Никитой увидели Ольгины родители. Наступило время расходиться. Никита напоследок обнял Рыжика:

— Я тебя никогда-никогда не забуду! — прошептал он сквозь слезы на ухо псу. Рыжик лизнул мальчика в щеку. Все стали выбираться к выходу.

Попутчики вышли на перрон.

Рыжик побежал за Николаем, который торопился к своему другу. Мужчины встретились, обнялись.

— А где мои — жена, Катенька? — спросил Николай.

— Пока ты был в дороге, Катя заболела.

— Заболела? Простудилась? — Николай начал беспокоиться, испуганный тоном собеседника. Тот явно недоговаривал.

— Не совсем. Видимо, отравилась, проблемы с желудком. Ночью ей стало плохо, и под утро ее увезла машина «Скорой помощи».

— «Скорая»? Она в больнице?! Едем быстрее! Ты на машине?

— Да, мы так и подумали, что я тебя встречу и отвезу в больницу.

Рыжик в этот момент оглянулся, проводив взглядом Никиту, а когда повернулся, встревоженный Николай, совершенно забыл о Рыжике. Они с другом быстро бежали к машине.

Пес не обеспокоился этим — он всегда легко найдет Николая по запаху, поэтому Рыжик вновь оглянулся на Никиту, которого нес на руках кто-то из взрослых, и, дождавшись, пока они окончательно скроются из виду, побежал за Николаем.

Рыжик продвигался медленно и с трудом из-за толпы. Наконец, выбежав, на свободное пространство, он увидел, как Николай садится в машину. Рыжик кинулся к нему, но вдруг — скрип тормозов — в спешке пес не обратил внимания на другие машины, которые проезжали там, и одна из них чуть не сбила его. Рыжик замер, потом вновь побежал в сторону Николая. Но было поздно, их машина тронулась с места. Рыжик бросился за ней вдогонку, но вскоре безнадежно отстал!

Он, конечно, не понимал, почему Николай так поступил с ним, уехав без него, ведь в поезде тот неоднократно обещал, что возьмет его к себе домой! Почему? Как он мог забыть? (А вообще, люди должны придерживаться принципа — дал слово, так не забывай о нем!)

А Николай вспомнил о Рыжике только в больнице, когда дочка спросила его: «Папа, а ты мне подарок привез?». Первым его порывом было броситься на вокзал, но, конечно же, он не сделал этого, понимая тщетность такого поступка. Найти Рыжика теперь — все равно, что искать иголку в стоге сена.

Рыжик не мог знать всего этого.

Он остался один, в незнакомом городе. Опять судьба лишила его надежды на хорошую жизнь — иметь доброго хозяина и надежное место обитания. «Что ж, буду искать Хозяина дальше», — подумал он, хотя весьма смутно представлял себе — как он это сделает.

Пес бежал по незнакомым улицам. Солнышко грело его бока, легкий ветерок раздувал загривок.

Бедный Рыжик не отчаивался.

ГЛАВА 4

Напившись из арыка, Рыжик огляделся. Накануне он бежал, куда глаза глядят. Красивые улицы и высокие здания теперь сменили одноэтажные строения, чем-то похожие на его родной дом, но все же другие. Было очень жарко и постоянно хотелось пить. Благо, воду он находил без труда.

Жара удивляла пса — до сих пор он никогда не сталкивался с таким палящим солнцем, а уж если вспомнить, что он еще недавно видел снег, пусть уже и подтаявший, то теперь его удивлению не

было предела. С едой дело обстояло хуже, чем с водой. Утолить голод удалось лишь раз, покопавшись в свалке.

А еще Рыжик обратил внимание на то, что в этом городе очень мало собак. Очень редко встречались домашние псы с хозяевами. А бродячих, таких, как он, не было вообще. Да и правильно — как тут при такой жаре жить-то нормальному псу?

Рыжик почуял мясной запах и потрусил по узкой улочке, зажатой глиняными стенами. За ближайшим поворотом он увидел двоих мужчин. Те, заметив пса, принялись обрадованно зазывать его.

— Пе-есик, Шарик, Тузик, иди сюда, иди, не бойся!

Рыжик и не боялся. А уж когда один из них вытащил из сумки кусок мяса и бросил его на землю, пес припустил еще быстрее. Подбежав, он махнул хвостом, благодаря благодетелей, и потянулся к мясу. Но не успел он хорошенько в него вцепиться, как его поглотила тьма! На него накинули что-то типа мешка, всколыхнулся страх недавнего прошлого, когда его вот так вот спеленутого, нещадно били. Пес яростно дрыгался, но было поздно — крепкие руки уже сжали его и начали обматывать веревками.

Рыжик, поняв тщетность сопротивления, дрыгаться перестал. Его швырнули (именно швырнули, а не положили) в машину. История повторялась. В прошлый раз, когда его поймали, и он попал в собачью тюрьму, с ним, в итоге, не случилось ничего страшного, поэтому Рыжик не сильно переживал, ожидая оказаться в подобном месте.

Тем временем машина тронулась и затряслась на ухабах. Из кабины доносился приглушенный бубнеж:

— Ну что, возвращаемся в кафе?

— Да, в кафе.

— Отлично... — на секунду повисла пауза. — Нет, все-таки, не понимаю я, как так можно есть собак! А главное, зачем? Что у нас, коров-баранов мало?..

— Как так, зачем? Чтобы было вкусно, зачем же еще, — ответил ему дружок.

— Ну, не знаю, все равно в голове не укладывается. Собак, друзей, блин, человека и вот так вот резать, как скотину какую-нибудь.

— Рома, резать да, резать нехорошо — у меня бы рука не поднялась. Зато однажды я кушал кукси, приготовленное из мяса собаки и оказалось оно очень вкусным, хотя я не знал, что это за мясо!

— Не-е, думал я попробовать, как в кафе устроился, да не получается! Не могу пересилить себя, с души воротит. Может, если бы не знал, из чего приготовлено, то съел бы и похвалил. А вот знаю ведь и, как подумаю, так и не могу.

— Э, ничего ты не понимаешь в кулинарии!

Рыжик слушал разговор и все больше ужасался! Правильно ли он понимает? Эти люди хотят приготовить из него еду? Невероятно! Зачем? Неужели люди, благодетели, властелины жизни способны на такое?

Рыжик не знал, что люди могут есть и змей, и черепах, и крокодилов, и насекомых, поэтому собаки — не исключение. На Рыжика нахлынул панический страх. «Надо убегать! Убегать, пока не поздно! — пронеслось в голове у пса. — Что же делать?».

Ехали недолго. Прибыв на место, вытащили пса и занесли в одноэтажное здание. Лестница увела их вниз, в подвальное помещение. Рыжик дрыгался изо всех сил, теряя голову от страха за свою жизнь, но, как вы понимаете, это ему не помогло. В подвале было прохладно (даже приятно, если бы не это обстоятельство).

- Саныч, ты где?
- А, дармоеды явились, – послышался смешок.
- Ну, что у вас там.

С Рыжика стянули мешок, связали лапы и морду и, наконец, отступились. Над Рыжиком склонился невысокий пожилой и смуглый человек, с новым для Рыжика типом лица. Узкие щелочки глаз были еле видны сквозь частую сетку морщин, круглое добродушное лицо, редкая бороденка и веселая искорка в глазах. С виду человек казался добрым.

- Неужели «уличный» пес? Нельзя...
- Он не «уличный».
- Все, валите отсюда, я подумаю...
- Пока, Саныч.

Злодеи ушли, и Рыжик переключил свое внимание на Саныча, пытаясь понять, чего ожидать от этого, доброго с виду, человека. Неужели, действительно, убивать его будет?

Повар-мясник молча взял Рыжика за задние лапы и потащил в другую комнату. Никакой аккуратности в отношении пса повар не проявлял, поэтому надежды на его «собаколюбие» окончательно испарились. В душе Рыжика вновь заверещал страх.

На выступающем пороге соседнего помещения несчастный пес больно стукнулся ребрами. Потом Саныч отпустил его лапы, оставив пса лежать на полу, а сам ушел «подумать».

Рыжик, подстегнутый страхом, мобилизовался, – он не собирался сдаваться просто так. Пес был готов к борьбе за свою жизнь. И как только повар подошел к нему с ножом в руках, доселе неподвижный Рыжик, вдруг резко сгруппировался и, оттолкнувшись связанными задними лапами от пола, налетел на человека. Сам при этом, не удержав равновесия, больно упал на ребра. Но упал и Саныч! Человек, видимо, не ожидавший такого внезапного

и целенаправленного отпора, растерялся, и толчок отбросил его довольно сильно. Падая, он ударился головой об угол стола и, упав, затих.

Рыжик тут же попытался вскочить, но опять упал — удержаться на связанных лапах никак не получалось. А человек может скоро очнуться! Надо быстро что-то делать со связанными лапами и убежать! Пес пополз, извиваясь всем телом, к столу. Очень медленно, сантиметр за сантиметром, приближаясь к цели, пес успевал еще и следить за человеком — тот лежал неподвижно. Видимо, хорошо прихватил головой об угол.

Ну, вот, стол рядом. Что дальше? Перво-на-перво, надо освободить челюсти, а уж потом он легко перегрызет веревку зубами. Но как? Взгляд Рыжика упал на злополучный для Саныча угол стола, и пес, поднявшись на задние лапы, прижался мордой к этому углу. Затем резко дернул голову вниз, окорябав губы. Но веревка, сжимающая челюсти, при этом немного сползла — она предназначалась для того, чтобы лишь несколько минут удержать пасть в захлопнутом состоянии, поэтому завязана была не особо аккуратно и надежно. Еще несколько попыток, несколько царапин на морде, и веревка сдалась. Зубы были свободны. Пес, не долго думая, вцепился ими в путы, связывающие передние лапы. Но перегрызть веревку оказалось не так-то просто! Плотная и крепкая, она почти не поддавалась зубам, а стянуть ее, как с морды, не получалось.

От бесплодных попыток Рыжика отвлекли стенания Саныча — человек начинал приходить в себя. О, ужас! Что делать?! Оглядевшись, пес увидел нож на полу, выпавший из рук повара при падении. Нож лежал рядом с ногой человека. Рыжик отчаянно пополз к ножу.

Руки приходившего в себя человека, неуверенно подрагивая, двинулись к его голове. Но пес уже добрался до ножа и теперь, неловко зажимая его в зубах, пытался перерезать веревки на передних лапах. Он раньше видел, как люди пользуются ножом, но сам держал его в зубах впервые, поэтому он все-таки поранил себя, освобождаясь от веревки. Его страдания были вознаграждены, когда веревка, постепенно разрезаемая лезвием острого ножа, все-таки его «отпустила». Когда, наконец, передние лапы обрели свободу, Саныч пришел в себя.

Рыжик, поскуливая от страха и боли от порезов, принялся, зубами держа нож, судорожно надрезать веревки на задних лапах!

Успел! Саныч, удивленно на него поглядывая, начал было уже подниматься на ноги, как Рыжик в этот момент, сбросив путы, опрометью бросился вон! Благо, двери не были заперты!

— Ах ты, скотина! Эй, ловите пса! — заорал Саныч, но люди, прибежавшие на его крик из другой комнаты, не успели поймать Рыжика. Да он бы и не дался им теперь.

Оказавшись на улице, пес, что было сил, побежал, торопясь оказаться как можно дальше от этого злого места...

Ну, никак Рыжик не мог успокоиться после пережитого. И даже не столько страх, сколько недоумение мучили его. «Зачем этим людям надо было убивать меня?» Теперь он начинал понимать тех животных, которые избегают людей, боятся их. Оказалось, что иногда этот страх оказывается оправданным.

Рыжик долго неслись, не разбирая дороги, пытаясь убежать от своего страха и недоумения. А потом забился в подвал жилого четырехэтажного дома.

Здесь было тихо, и только по вечерам во дворе появлялись люди, которые не беспокоили пса, наоборот — успокаивали, напоминая ему вечера, проведенные в московском дворе, где его люди любили, где бегали дети, резвясь и перекрикиваясь, где спокойные, добрые взрослые гладили его, кормили, разговаривали с ним.

Здесь днем, сидя в подвале, Рыжик размышлял. Поначалу чувства его находились в таком смятении, что он не знал, как теперь относиться к людям. Бояться и сторониться их? Уподобиться волку?

«Но ведь и много доброго мне было от людей, — думал он, не желая окончательно убеждаться в том, что люди ему враги. — Те бродячие псы, которые напали на меня в лесу, тоже желали мне смерти. Но другие собаки относились ко мне хорошо. Значит, и у людей так — есть злые и есть добрые».

С животными все было для Рыжика понятно и просто: когда другой пес желал ему зла, это легко можно было понять. Животные не скрывали своих чувств, а люди!.. А люди непонятны и страшны тем, что сначала могут подманить к себе куском мяса, всем своим видом выражая добрые намерения, а потом... А потом оказывается — они уже хотят тебя убить! Да еще и съесть, в придачу.

«Люди скрывают свои чувства, обманывая. Хитрят. И как же можно понять, где у них — правда, а где — ложь?»

Вот о чем думал Рыжик, лежа в темном, но теплом (даже слишком) и сухом подвале.

Два дня он ничего не ел и даже почти не пил, хотя из одной трубы (которых в подвале было великое множество) слегка капала вода. Но на полу вода почти не скапливалась из-за жары. Она испарялась едва ли не быстрее, чем капельки с трубы наполняли ее.

Отсутствие воды и еды скорее помогали Рыжику размышлять, по крайней мере, в первые два дня.

Пес-таки пришел к выводу, что опасаться людей надо, но бояться всех подряд неправильно. Среди человеческого племени хороших все-таки очень много, и очень мало плохих. Так, во всяком случае, казалось Рыжику. Пес за эти дни немного успокоился, но теперь голод и жажда в полную силу заявили о себе. Пора было выбираться из добровольного заточения и отправляться на поиски какого-нибудь пропитания. Он так и поступил утром третьего дня.

Утреннее солнышко возрадовалось возвращению пса на свет божий и принялось с усердием греть рыжие бока пса. А чтобы он совсем не изжарился, легкий, нежный, чуть прохладный ветерок обдувал его, осторожно перебирая свалявшуюся шерстку, лаская пса, вливая в него ощущение уверенности и счастья. Счастья от того, что он, несмотря ни на что, все же жив! Счастья от того, что мир вокруг прекрасен, и не испортить его никакими злодеяниями. Пусть тщится испоганить этот мир один негодяй, пусть на время затмевает мир несчастье, пусть страдания иногда ловят нас в свои цепкие лапы, пусть — все равно прекрасна жизнь, все равно уйдет несчастье, уступив дорогу счастью. Так устроен мир — и так его чувствовал Рыжик.

Однако радость радостью, а пора бы уже и подкрепиться. Во дворе в песочнице копошился ребенок, его мамаша была неподалеку. Слабые голоса людей доносились откуда-то из-за дома. Туда-то Рыжик и побежал.

За домом, в подвале которого он скрывался эти два дня, оказался еще один дом, а дорога, по которой он теперь бежал, вела к третьему. Около торца

третьего дома и находились люди. На этом месте, за огороженным сетчатым забором, на лавочке сидели несколько мужчин. Они разговаривали на непонятном для Рыжика языке и иногда смеялись.

Памятуя о своих страхах, Рыжик опасливо прошел в открытую калитку. Мужчины лишь мельком взглянули на него. Тогда, мучимый голодом, пес подошел к седому мужчине, который показался Рыжику наиболее внушающим доверие. Пес помахал хвостом и робко гавкнул.

— И-е, ты, зачѐм пришел?

Рыжик просящими глазами посмотрел на человека и еще раз махнул хвостом. Человек что-то ответил на вопрос другого, и все засмеялись. Но все же уважаемый ака поднялся и зашел в одно из строений. Рыжик застыл в нерешительности. Прочие продолжали болтать, не обращая внимания на пса. Но уже через минуту человек вернулся с приличным куском свежего хлеба, который тут же отдал, или даже выдал, Рыжику.

Пес аккуратно взял хлеб с его рук и, выйдя за ограждение, опустился на землю, вгрызаясь в добычу. Съев весь кусок без остатка, он в поисках воды обогнул рядом стоящий дом, и попал в его двор. Прямо в середине двора он нашел кран, который, правда был закрыт, но под ним, в тени деревьев, блестела вполне приличная лужица. Этого вполне ему хватило, чтобы утолить жажду и почувствовать себя окончательно счастливым и удовлетворенным.

Оторвавшись от воды, Рыжик вдруг почувствовал, как его обнюхивает другая собака. Он обернулся и посредством хвоста поприветствовал «коллегу». Это была некрупная, столь же рыжая, как и он сам, собака. Она несмело прижимала ушки и пушистый хвост.

Из подъезда, напротив которого они познакомились, вышел парень с девушкой — видимо, хозяева милой рыженькой собачки. Парень направился к ним, а девушка почему-то остановилась — похоже, она испугалась Рыжика. Молодой человек же лучился благожелательностью и еще... он чем-то очень напоминал Рыжику Павла.

Парень приблизился и, выставив ладонь, потянулся к Рыжику. Рыжик замахал хвостом.

— Ну, Даня! Не надо, не трогай пса, знаешь ведь, как я не люблю и боюсь их! — крикнула девушка.

— Да, ладно, Жень, видишь же, какой он хороший и добрый! И на Янку похож! — ответил парень.

— Ну, Да-аня! Я боюсь.

Парень разок погладил Рыжика и вздохнул:

— Ну ладно, ладно.

Вернулся к девушке, и они прошли мимо Рыжика. Парень загораживал девушку от пса. Отойдя, они позвали собачку, и она убежала за ними.

А Рыжик, помахав вслед парню пушистым хвостом, побрел в другую сторону. Ему почему-то взгрустнулось.

Чувство радости бытия уже давно сменилось ощущением неприкаянности, невнятного беспокойства. Вновь появилось стремление идти куда-то, двигаться вперед. Куда-то навстречу своей судьбе, которая уж точно не в этом городе. Но куда и как, пока оставалось непонятным.

Пес бродил по городу, из одного двора в другой, пересекая магистрали дорог, покрывая лапы пылью узеньких улочек. Развлекаясь, он пытался искать среди вывесок знакомые ему надписи, представляемые ему в виде запомнившихся ему знаков, например, он запомнил последовательность знаков в слове

«магазин». Он понимал, что там люди берут всякие вещи и еду. Жаль только — собакам там ничего не выдают. Так прошло несколько дней.

Однажды, забредя в свой двор (в последнее время ставшее для него местом, куда он возвращался после своих вылазок) пес стал свидетелем сущей, по его мнению, несправедливости — двое одинаково одетых людей, били третьего (одетого иначе — попростому). Жертва слабо сопротивлялась, прикрываясь от ударов и вскрикивая. Несколько прохожих, появившихся из-за угла дома, увидев эту сцену, поспешили уйти оттуда.

«Что происходит? — подумал Рыжик, — Зачем двое людей бьют третьего?» Почувствовав себя обязанным помочь бедному человеку, который уже совсем не сопротивлялся и, лежа на земле, просто прикрывал голову от ударов, Рыжик бросился на его обидчиков.

Он вцепился в ногу ближайшего из них. Ему в последнее время частенько приходилось вступать в единоборство с людьми и он не испытывал неуверенности в своих силах. Тот закричал и дернулся, пытаясь стряхнуть пса. Потом стал бить его резиновой дубинкой по голове (с таким оружием Рыжик столкнулся впервые). Но не успела дубинка опуститься на песью голову во второй раз, как Рыжик, отпустив ногу, мгновенно вцепился в руку (он был не настолько глуп, чтобы кусать дубинку) — «злодей», который не переставал все это время кричать, закричал еще истошнее и упал, позволив Рыжику подмять его под себя.

Второй «злодей» принялся бить пса такой же дубинкой по спине — больно! Долго бы пес не выдержал, но тут к нему пришла помощь от избиваемого. Видимо, лупили его не слишком сильно, раз

у него нашлись силы встать и наброситься на того, кто еще недавно это проделывал с ним.

Теперь силы были равны — двое против двоих!

Все закончилось очень быстро, «злодеи» почти не оказывали сопротивления, видимо, ошарашенные появлением нового противника — как только Рыжик и спасенный им человек дали им возможность ретироваться, они решили побыстрее удалиться с этого места, потому что агрессия собаки грозила им покусками. А тот оставшийся с Рыжиком тоже не стоял на месте, он из всех сил бросился наутек. Значит причина была в нем, раз он так быстро стал убегать с этого места? Рыжик последовал за ним.

Два раза человек останавливался. Рыжик приближался к нему, и спасенный им что-то благодарно бормотал и гладил пса. В общем, Рыжика явно не спешили отогнать от себя, поэтому он решил следовать за этим человеком. А там видно будет.

— Спасибо, друг! Помог ты мне. Ашраф не забудет! — сказал спасенный в минуту короткого отдыха. — Надо же! Меня поймала полиция, — не ожидал, что на меня выйдут. Теперь домой нельзя... Ладно, поедem к другу.

Незнакомец и Рыжик вышли на дорогу, и человек некоторое время стоял на обочине с вытянутой рукой. Наконец, остановилась легковая машина, и Ашраф залез в нее, оставив дверь приглашающе открытой. Рыжик не заставил себя ждать — запрыгнул следом.

— В больницу, что ли? — спросил водитель.

— Нет, — ответил Ашраф и назвал адрес.

Ехали по полупустым улицам минут пятнадцать, с ветерком, приятно обдувающим натруженное песье тело.

Потом еще немного поплутали по узким улочкам и, наконец, остановились перед высоким глиня-

ным побеленным забором. Побелка местами сошла, потому-то и было видно, что забор возводили из простой глины.

Ашраф постучал в небольшую дверцу, утопленную в стене, и стал ждать. Через минуту Рыжик почувствовал приближение человека. Дверь открылась — на пороге стояла дородная женщина, которая, увидев его, недовольно поморщилась, но отошла в сторону, пропуская гостей.

— Ассалом Алейкум, Зебо-хон!

Женщина не ответила, что-то проворчав себе под нос. Ашраф усмехнулся и прошел в дом. Рыжик за ним.

В комнате за столом их ждал мужчина. Поздоровались. Ашраф сел по другую сторону стола.

— Что случилось, Ашраф? — спросил мужчина. — Давно тебя не было видно.

— Я только вчера приехал. Новую партию товара передал, кому надо, и уже назад собирался, да тут менты меня повязали! Вот, если бы не этот пес, я бы сейчас в КПЗ отдыхал, у ментяра «грушей» бы подрабатывал, — Ашраф засмеялся.

— А от меня-то ты чего хочешь? — хозяин держался хмуро, видимо, общество Ашрафа его тяготило.

— Мне обратно, в Афган надо! Но не сейчас, сейчас я даже из города уйти не смогу. Большой риск. Поэтому ты помоги мне выбраться из города, а я пока у тебя пережду пару дней.

— Завязывал бы ты, Ашраф, с перевозкой дури! Я тебе как друг твоего старшего брата говорю, мало тебе того, что он сидит в тюрьме?

— Ладно, ладно! Все будет хорошо, не бойся!.. Сделаешь, что прошу?

— Сделаю, — вздохнул хозяин дома.

— Хорошо, пойду помоюсь, видишь, как меня отделали. А потом спать буду. Пошли Рыжий пес.

Рыжик встрепенулся – Ашраф смотрел на него, а значит, и обращался к нему.

– Пошли, пошли!.. Отдыхать будем.

ГЛАВА 5

Два дня Рыжик с Ашрафом провели в этом доме. Атмосфера в нем царила не очень доброжелательная, но терпимая. Рыжика регулярно кормили, а это самое главное. Ашраф частенько разговаривал с ним. Из этих бесед пес понял, что скоро они отправятся куда-то далеко – туда, где Ашрафу хорошо. Рыжик не возражал. А вечером второго дня к ним в комнату зашел хозяин дома.

– Вот, Ашраф, сделал для тебя все что смог. Но смотри, вызовешь подозрения, все равно поймут, что документ поддельный. Сидеть бы тебе лучше здесь, не высовываться.

– Спасибо! Да ничего, я рисковать не буду, – усмехнулся Ашраф.

Наутро они с Рыжигом ушли из приютившего их дома и долго шли пешком по разным узким улочкам, почти не выходя на большие дороги. Целью их, как оказалось, было двухэтажное здание с большим двором. Ашраф не зашел в дверь, сразу свернув в сторону, он направился вдоль забора, обогнув этот дом. Позади дома была калитка, через которую они прошли во внутренний двор. Пересекли двор и вошли в одноэтажное вытянутое строение.

В длинном коридоре толпились по стеночкам молодые люди. Глаза у большинства были испуганными, хиленькие торсы пересекались буграми выступающих косточек.

Протиснувшись к самому дальнему кабинету, Ашраф постучал в дверь и, услышав возглас изнутри, вошел. Рыжик за ним.

— Здравствуйте, Аман-ака! Как поживаете?

— О, какие люди! Заходи, заходи Ашраф. Давненько не виделись. Навестить пришел или дело у тебя ко мне?

Аман-ака оказался высоким, подтянутым мужчиной с роскошными иссиня-черными усами. Строгая одежда серо-зеленого цвета была украшена блестящими металлическими звездочками, бляшечками и значками. Он улыбался во весь рот, сверкая золотыми зубами.

— Дело, Аман-ака. Понимаешь ли, служить я хочу. Поможешь?

— Ба, все бы с таким делом ко мне заходили, я был бы несказанно счастлив. А это что за пес с тобой? Тоже служить пришел?

— Конечно, вот ты нас и отправь на границу. Он у меня будет Полканом-пограничником! — всело сказал Ашраф.

Посмеялись.

— Ну, а если серьезно?..

— А я, в общем-то, серьезно, Аман-ака. Устрой меня на границу с Афганистаном, очень надо.

— А ты, вместо того, чтобы нашу границу охранять, сам не станешь ее нарушителем, а?

— Нет, не угадал, — сказал Ашраф в ответ на серьезный вопрос Амана-ака.

— М-да-а, даже по дружбе я это сделать не смогу. Сам понимаешь.

— Аман-ака, может, найдете какой-нибудь выход, ведь я иду на службу добровольно, с собакой.

Они еще долго разговаривали о непонятных Рыжику вещах, и псу стало скучно. Он прилег и

задремал. Жара тоже способствовала сонному состоянию.

Наконец, пришло время прощаться.

— Приходи завтра. Если повезет тебе, то, может, и попадешь в весенний призыв в армию. Отправим тебя новобранцем с последним поездом.

— Спасибо, Аман-ака! Не забуду.

— И ты не болей.

После встречи с Аман-ака Ашраф в сопровождении Рыжика, еще немного погуляли по кварталу. Ашраф Рыжику так и сказал: «Пойдем, пройдемся по кварталу, поищем, чем бы подкрепиться». Они вскоре набрали на небольшое кафе-чайхану. Рыжик с радостью устремился вслед за Ашрафом во внутрь — очень уж завлекательно-вкусно пахло оттуда.

Кафешка представляла собой несколько небольших столиков, уютно расположившихся под навесом. Вокруг столов стояли простенькие табуретки, в стороне на двух круглых металлических печках были водружены два огромных казана, от которых и доносился невероятно вкусный запах чего-то мясного со специями. Тут же стоял мангал-шашлычница.

Ашраф подошел к повару, стоявшему около казанов и попросил плов, шурпу и лепешку.

Что это за диковинные названия, Рыжик не знал, но уже предвкушал «праздник живота» — как бы ни называлось то, что в него попадет, это будет однозначно вкусно.

Ожидания его не обманули: Ашраф взял две большие чашки — косы, лепешку и сел за стол. Одну косу с жирным и вкусным мясным супом — шурпой он поставил на землю перед Рыжигом. Такого вкусного супа пес еще никогда не ел!

Насытившись, он лежал на земле под столом, а Ашраф еще долго сидел, потягивая душистый зеленый чай из пиалы.

Всю оставшуюся часть дня они гуляли по кварталу или сидели то в одной кафешке, то в другой. Когда пришла ночь, Ашраф попросился с ночевкой в один из знакомых ему домов квартала. Затем после того как их впустили, Ашраф улегся спать на квадратном, чуть приподнятом над землей деревянном топчане, который стоял во дворе перед домом. Рыжик устроился рядом с ним.

Утром они опять пошли к Аману. Перед зданием уже стоял автобус, около которого толпились с поникшим видом молодые люди с сумками. Поздоровавшись с Аманом, Ашраф встал вместе с новобранцами. Он был единственным среди них пребывающим в хорошем расположении духа. Рыжик тоже не грустил.

Автобус стоял до тех пор, пока солнце не поднялось высоко. Несколько раз проводили перекличку. Теперь все собравшиеся, изнемогая от жары и, устав стоять, сидели под тенью редких деревьев. Наконец, прозвучала команда садиться в автобус, и скоро Рыжик уже сидел в проходе салона, рядом с Ашрафом.

Автобус нещадно трясло, в салоне было еще жарче, чем на улице и очень душно — не спасали от жары даже открытие форточки. Поэтому, когда поездка подошла к концу, Рыжик был несказанно рад.

Однако их путешествие на этом не закончилось — автобус привез новобранцев на вокзал, где таких, как они, будущих солдат, собралось уже очень и очень много. Поезд ждал их.

На этот раз ждать пришлось недолго. Уже через час началась отправка новобранцев, которые стали штурмовать вагоны. Толпа оттеснила Рыжика от Ашрафа, и он уже начал было нервничать, рычать на людей, но тут Ашраф растолкал всех стоящих рядом, позволив псу запрыгнуть в вагон.

В вагоне было не менее душно, чем в автобусе. Все кричали и толкались, а бедному псу даже пару раз наступили на лапы и чувствительно помяли бока, пока они с Ашрафом, наконец, не устроились в углу.

Все пространство вагона было до отказа забито людьми, которые толкали друг друга, громко ругались, кто-то истошно орал, кто-то плакал. Рыжику все это очень не понравилось. Хорошо еще, что Ашраф выбрал место рядом с окном и кулаками расчистил немного места вокруг. Хотя дышать можно было. Поезд тронулся.

— Эй ты! Чего у тебя там? — крикнул Ашраф одному из соседей, когда тот раскрыл свою сумку.

— Самса, — испуганно ответил парень.

— А ну, давай сюда! Мы с моим псом проголодались! — резко бросил Ашраф. Парень нерешительно закрыл сумку, видимо, он и сам был очень голоден. Еще бы — почти весь день никто из них ничего не ел.

Рыжик почувствовал нарастающее напряжение и встрепенулся.

— Ты чего, не понял, что ли? — угрожающе произнес Ашраф и вдруг резким движением выбросил вперед руку. Удар пришелся по носу новобранца, и тот, вскрикнув, закрыл лицо руками. Меж пальцев показалась кровь. Рыжик вскочил и зарычал!

Но повернулся он не к тому пареньку, которого ударил его новый друг-человек, а к Ашрафу.

— Эй, ты чего? А ну, сядь!

Рыжик сел. Ашраф припался копаться в сумке обиженного им парня, а точнее, просто взял ее и перевернул, вывалив все содержимое на пол. Всю самсу он сгрел в одну кучу и пододвинул к себе, взял одну в руки и жестом пригласил пса присоединяться. Избитый парень, глаза которого увлажнились от обиды, сидел, размазывая кровь по лицу.

Рыжик схватил зубами одну самсу и положил ее перед парнем, повернулся к Ашрафу и утробно осуждающе зарычал.

— Ну, что ты так на меня смотришь? Не надо было жадничать, нормально же попросил! — возмутился тот на упрек пса.

— Р-р-р!

— Ну, ладно, пусть не совсем нормально. Все, отстань. Замяли.

Рыжик поворчал еще немного и успокоился, переключившись на вкусную, жирную, душистую самсу. Побитый парень тоже успокоился, собрал свои вещи и устроился подальше от агрессивного Ашрафа. Под мерное постукивание колес, поезд въехал в ночь.

Рыжик услышал сигнал подъема роты и радостно вскочил — он уже давно не спал, охраняя сон Ашрафа, и очень проголодался. Всклопоченный сержант что-то заорал, проглатывая согласные, и вытряхнутые из сна солдаты начали вскакивать с кроватей. Ашраф лениво потянулся и принялся неторопливо одеваться. Сержант, ревностно следивший за тем, чтобы рядовые не мешкали, как будто не замечал подчеркнуто наглого поведения Ашрафа.

Они находились в части уже три дня. Поездка на поезде, хоть и была крайне неприятна, кончилась быстро. Уже ночью, ближе к утру, состав прибыл на место. Потом была толкотня, крики, построение,

марш по утренней прохладе и, наконец, прибыли в часть. Здесь всех новоприбывших, кроме Ашрафа и Рыжика, отвели в отдельное помещение. Их же отправили в другое — заполненное досыпающими солдатами одноэтажное здание, в котором рядами разместились двухъярусные лежаки-кровати.

Рыжику здесь понравилось. Ашраф целыми днями валялся в бараке, покидая его лишь для похода в столовую, а пес, тем временем, успел перезнакомиться с другими собаками, жившими в части. Все эти псы были одной породы, прекрасно владевшие собой, они не лезли к нему с глупыми играми, но немного побегать внутри огороженной площадки со всякими барьерами и горками были не прочь.

Хозяин этих собак, кинолог Абдулла в первый же день приручил к себе Рыжика, который неплохо понимал, о чем говорил ему Абдулла. Но разговаривал не просто, а игриво — просил Рыжика делать разные вещи: прыгать через барьеры, взбираться по горкам, искать пакеты с мясом, отдающие травами, и еще многое другое. И все время удивлялся: «Вай, какой ты умный пес! Молодец! И все понимаешь, почти как человек».

Кормили Рыжика более чем хорошо — он получал свою порцию вместе с остальными собаками, да еще и в столовой с Ашрафом объедался. Наступили чудесные беззаботные дни, когда не надо думать о том, где найти пропитание.

Вот и Ашрафу здесь, судя по всему, нравилось.

А сейчас он оделся, сладко потянувшись, затем потрепал Рыжика за ухом:

— Ну что, пойдём кушать, что ли.

Рыжик гавкнул, выражая свое согласие с таким предложением.

На выходе из барака они столкнулись с рядовым, стоявшим спиной к ним и перегораживающим

проход. Солдат методично и жестоко без всяких эмоций бил в живот другого солдата, которого сзади держали еще двое, не позволяя жертве сопротивляться и закрывая ему рот.

Рыжик, недолго думая, с громким рыком вцепился в ногу того, который избивал беззащитного.

— А-а-а! — заорал он.

Его сообщники отпустили жертву (которая тут же с глухим стоном свалилась им под ноги), и угрожающе двинулись на Ашрафа и Рыжика.

— Вы что, сумасшедшие? — грозно заорал Ашраф, не сразу поняв в чем дело, а когда понял, то выругался, лицо его вдруг стало зверски угрожающим, резко подскочив, он одним резким ударом отправил в нокдаун ближайшего противника. Двое — в нерешительности остановились, а потом и вовсе убежали.

— Рыжик, иди сержанта позови, — бросил Ашраф Рыжику, нагнувшись над избитым солдатом. Его обидчик уже уполз, грязно ругаясь на него.

Пес убежал — он точно знал, где искать сержанта — в столовой, конечно же.

Сержант относился к Рыжику с безразличием, будто бы и не замечая присутствия пса в своем баре. Рыжик, почувствовав, что этот человек здесь за главного, пытался с ним «познакомиться». Скорее всего, и теперь сержант не обратил бы на него внимания, если бы не находящийся здесь кинолог Абдулла.

— Он хочет тебе что-то сказать, — заметил Абдулла сержанту, наблюдая за беспокойным поведением пса.

— Ну, и что? Плевать я хотел на этого пса и на его блатного хозяина! Развели тут блатных, блин! Совсем оборзели, уже своих псов в часть селят!

— Да нет, погоди, я тебе говорю, он что-то важное тебе пытается сказать! Зовет пойти с собой.

— Вот ты и сходи! А мне за ротой следить надо, — буркнул тот и отвернулся, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

— Пошли, Рыжий, — вздохнув, сказал мягкий кинолог и двинулся за нетерпеливо суетящимся псом.

Ашраф объяснил все Абдулле и, оставив избитого на кинолога, отправился в столовую. А по дороге все отчитывал Рыжика:

— Ну, вот какого черта ты вмешиваешься в то, что тебя совершенно не касается? Ну, бьют кого-то, ну, и что? Это же армия — здесь всегда бьют! Мозгов тебе явно не хватает.

Рыжик совершенно не понимал, что в его поведении вызвало недовольство Ашрафа — он же, всего лишь, встал на защиту слабого!

— Мало тебя, видимо, жизнь нинала. А-то давно бы понял, что пока тебя не трогают, лучше ни во что не вмешиваться, — продолжал ворчать Ашраф. — Хотя, конечно, если так, то ты бы и меня не вытаскивал из рук ментов. Хм, — усмехнулся он, — об этом я как-то не подумал. Нет, все-таки, есть своя правда в твоём поведении. Не буду я тебя ругать — ты такой, я — другой, и каждому свое.

Рыжик молча слушал слова человека. Так с ним раньше никто не разговаривал. Словно Ашраф воспринимал пса как разумного, равного себе. И за это Рыжик был ему благодарен. Хотя, признаться честно, он понимал далеко не все сказанное человеком.

В столовой царствовал волнующе аппетитный запах еды, громкие звуки «работы» множества ложек об алюминиевую посуду и мерный гул голосов. Получив свою порцию каши, которая очень полюбилась Рыжику, а также хлеба и кусочек сливочного масла, Ашраф уселся за длинный стол и отдал свою

порцию пристроившемуся у его ног псу. Сам же развернул захваченный из части пакет с лепешкой и кусочками шашлыка, купленными им вчера в ближайшем поселке, и приступил к еде.

После завтрака Рыжик отправился на собачью площадку. Там уже тренировались его друзья – псы-пограничники. Сегодня Ашраф тоже пришел сюда и, пока Рыжик здоровался с собаками, он что-то обсуждал с Абдуллой – видимо, судьбу того бедолаги, которого Рыжик столь бесстрашно кинулся защищать.

Занятия начались: Рыжик вместе с другими псами бегал, прыгал, сидел, лежал, стоял, по команде приносил разные предметы – в общем, игра, как всегда, была занятием и интересна. А потом последовали упражнения иного рода – на площадке появился третий человек. Он был полностью закутан в толстенную одежду. «Жарко ему, наверное». – подумалось Рыжику. Длинные рукава свисали чуть ли не до земли. Лицо было скрыто, как и все остальное тело. Прочие псы при его появлении напряглись, а Рыжик пока не понимал, кто это и зачем он прервал их игры.

Всех собак Абдулла собрал с одной стороны загона. Затем он махнул рукой, и закутанный человек побежал – раздалась резкая команда: «Парень, фас!», и Парень (один из псов) моментально сорвался с места, кинувшись в погоню за бегущим человеком. Нагнав его, пес высоко подпрыгнул и, вцепившись прямехонько в плечо «живой кукле», повалил жертву на землю.

– Парень, фу! – крикнул Абдулла, и пес спокойно встал рядом с лежащим человеком.

История повторялась снова и снова, менялись только псы, исполняющие приказы кинолога. Потом Абдулла подошел к Рыжику:

– Ну, а теперь ты попробуй.

«Что попробовать?» – подумал Рыжик, глядя на кинолога.

– Давай, произведи задержание преступника, нарушителя границы.

«Кукла» по взмаху руки кинолога вновь побежала.

– Рыжий, фас! – Рыжик не тронулся с места, лишь скульнул и помахал головой – он не собирался просто так, ни за что, гонять ни в чем не повинного человека.

– Ну, что такое? – удивился Абдулла.

– А он не будет нападать на человека без причины, – сказал наблюдавший за учениями Ашраф.

– М-да... Рыжий, послушай меня, это понарошку, не по-настоящему, ему не будет больно. Но надо учиться правильно задерживать нарушителей, по команде. Ты умный пес, хоть и беспородный. Я хочу, чтобы ты тоже научился этому.

– У-у, – скульнул Рыжик, не уверенный, что понял человека.

– Давай, сделай как другие собаки, «кукле» не будет больно, я тебе обещаю! – «Жертва», тем временем, уже опять стояла на исходной позиции.
– Фас, Рыжий!

Человек побежал, Рыжик в нерешительности тронулся с места, но остановился. И тогда Ашраф крикнул:

– Схвати его! Он враг! Останови!

И Рыжик решился – несколько секунд – и пес нагнал бегущего, однако кусать его не стал, лишь в прыжке сбил с ног и, возложив лапу на голову «куклы», обернулся к своему хозяину.

– Молодец! Отлично! – похвалил его подбегающий кинолог. – Ашраф, у тебя не пес, а просто чудо.

— Я знаю, — отозвался гордый Ашраф.

— Пошли, Рыжик, дам тебе поесть. Парень, Барбос, Ненси, Хвоц, пошли, ребятки!

На пограничной заставе они прожили еще два дня.

Утром третьего дня Ашраф о чем-то переговорил с сержантом, и вместе с группой солдат они пошли на прогулку. По крайней мере, для Рыжика это было прогулкой — он понятия не имел, как порой бывают опасны такие «прогулки» для пограничников. А пока он весело трусил перед растянувшимися в цепочку людьми. Путь их пролегал вдоль берега бурной реки, несущей свои грязно-коричневые воды мимо крутых берегов, окутанных забором из колючей проволоки.

Заграждение, правда, не было сплошным — местами отсутствовали целые секции забора.

Отряд бродил вдоль границы до самого вечера — то останавливаясь на полчаса-час, то вновь отправляясь вышагивать по жаре. С самого полудня Рыжик еле волочил лапы, бессильно свесив язык. Его мучила жара и жажда, хотя Ашраф давал ежечасно попить. Люди тоже утомились. Наконец, когда окончательно стемнело, Ашраф, сказав остальным, что отойдет «под кустик», позвал Рыжика и отделился от основной группы.

Отойдя достаточно далеко, Ашраф вдруг пригнулся, бросил Рыжику «тихо!», и пополз к реке через очередную прореху в заграждении. Рыжик за ним.

«Куда это мы? Почему таким образом и так странно?» — промелькнуло в голове у пса.

Они уже почти погрузились в удивительно холодную, несмотря на жару, воду, когда отдаленные голоса оставленных ими людей стали звучать громче — там забеспокоились.

— Лу, Ашраф, ты где? Чтоб тебя! Ашраф!..

А он, вдохнув, мощно загребая, поплыл. Рыжику до этого момента плавать не приходилось, но он совсем не испугался — просто, плюхнулся в воду и поплыл.

Плюх был громким, ведь Рыжик не знал, что требуется соблюдать тишину, да если бы и знал — по-другому, потише все равно не сумел бы. Ашраф зашипел и нырнул. И тут же раздались негодующие крики с покинутого ими берега, сухо захрустели короткие автоматные очереди.

Но стреляли в воздух, поэтому ни Ашрафа, ни Рыжика не задело. Они продолжали плыть к противоположному берегу. Мощный луч света шарил по поверхности реки до тех пор, пока не выхватил из темноты барахтающегося Рыжика. На берегу опять что-то закричали. Но стрелять не стали.

Ашраф, а за ним и пес успешно достигли берега, правда при этом их сильно отнесло по течению, но Ашрафа такая мелочь совершенно не волновала и он, выбравшись на берег и тяжело дыша, дождался, пока Рыжик вылезет из воды и отряхнется.

А затем их поглотили заросли джуды и боярышника, в изобилии произраставших на берегу.

А величавая и древняя Амударья фыркнула и по-прежнему неспеша продолжала катить свои волны, как и тысячи лет назад.

Несколько дней человек и рыжий пес двигались от деревни к деревне, которые мало чем отличались друг от друга. Везде их принимали как добрых знакомых, кормили, поили, оставляли на ночлег. Но наутро они вновь уходили.

Ашраф повеселел и частенько поговаривал: «Ну, вот теперь-то все будет хорошо. Теперь-то мы в полной безопасности. Осталось только пройти еще

немного...». И они шли дальше. И по отрогам гор, и через высокие травы по предгорьям, пересекали участки пути, покрытые потрескавшимся такыром. Шли, все время шли, пока не достигли очередной деревушки, окруженной дурманящими полями, на которых ярко пестрели красные цветы или же зеленые кусты с острыми вытянутыми листочками.

Ашраф уверенно направился к самому большому дому. У входа толпилось несколько человек, что-то бурно обсуждавших на своем языке. Этот язык был непонятен Рыжику, который впервые слышал речь афганцев.

Увидев приближающегося Ашрафа, люди прервали свой разговор и разом уставились на пришедших. Но затем раздались радостные выкрики, полные удивления и слов приветствия:

— Ашраф-ака, здравствуйте! Как дела, здоровье!? — Здесь явно были очень рады его появлению и теперь от чистого сердца крепко обнимали его, хлопали по спине.

Через некоторое время Ашраф что-то рассказывал им, размахивал руками, показывал на Рыжика. Иногда его рассказ прерывался бурным смехом. Рыжик же, предоставленный сам себе, прилег на землю. Псу было жарко и как-то все безразлично. Он устал. Устал от новых лиц, впечатлений, событий, мелькавших, словно кусочки цветного стекла в калейдоскопе.

Голос, который ему слышался и раньше наяву и во сне, уже давно перестал проявлять себя.

Рыжик совершенно не представлял, куда и зачем он идет.

Ашраф нравился псу, но по-настоящему своим хозяином его он не считал. Скорее он был человеком, который неплохо понимал его, с которым было легко и не надо было в одиночку бороться за выживание.

А Ашраф, наконец, наговорившись, махнул рукой собеседникам, крикнул Рыжику: «Жди меня здесь» и вошел в дом. Странно, но с Рыжиком он почти всегда разговаривал на русском языке. Рыжик терпеливо ждал. На него никто не обращал никакого внимания, словно он жил здесь всегда, и люди давно привыкли к псу. Рыжика это устраивало. Не было у него настроения ни с кем общаться.

Ашраф оставался в доме довольно долго. А вышел оттуда очень мрачный, какой-то всклокоченный и злой. Махнул Рыжику головой, мол, пошли, и устремился по пыльной дороге к дому, что стоял ближе всех. На пороге его уже ждал один из тех, что приветствовал Ашрафа, когда они появились в деревне. Они зашли в относительную прохладу глинобитного строения.

Хозяин дома и, видимо, друг Ашрафа, сразу увидел, что его гость расстроен и принялся его расспрашивать. Тот что-то буркнул в ответ, и они прошли в большую комнату, в которой стоял накрытый стол на низких ножках. Вокруг стола были расстелены яркие длинные стеганные ватные одеяла, а женщина суежилась вокруг стола, уставляя его новыми блюдами. Она была в просторном одеянии наподобие халата, ее голову покрывал платок, скрывающий ее волосы, оставлявший открытым только лицо. Хозяин дома что-то сказал женщине, и она вышла. Пока мужчины рассаживались, а Рыжик устраивался рядом с Ашрафом, женщина вернулась с миской, наполненной мясом, и поставила ее перед Рыжиком.

Наконец, все устроились, и Ашраф начал рассказывать о том, что случилось в большом доме. Говорил он по-русски.

— Максуд ругался на меня! Сильно ругался! Кричал, что я ишак такой и провалил переправку прошлой партии зелья. А я разве виноват? Я успешно миновал границу с группой, добрался до места, а там, когда уже все самое сложное было позади, нас вдруг остановили менты! Как раз на следующий день мы должны были передать всю партию дальше по цепочке, а тут такое дело вышло! Ну, мы стали сопротивляться. Мне удалось замочить одного и убежать. А остальных, вместе с товаром, повязали! А потом меня все-таки нашли, почти поймали, стали бить, прямо на улице, тогда вот Рыжий меня и спас! И что? Я разве виноват? Мне говорят, что я потерял партию товара, а теперь выясняется, что это была пробная «переправка» для нового заказчика, какого-то крутого «бая» из Европы, который теперь с нами работать не будет! Максуд сказал, что мной недоволен большой босс в Исламабаде. И он хочет меня видеть. Сам хочет выслушать мой рассказ. Эх, брат, боюсь я! Кирдык мне, чувствую. Большой босс меня порешит.

Его собеседник что-то ответил и дальнейший разговор Рыжик перестал понимать. Он и рассказ Ашрафа понял не полностью, только то, что кто-то очень большой не доволен им и что Ашраф боится с ним встречаться. Что этот большой «босс» хочет избавиться от него! Рыжику это совсем не понравилось. Но пока непосредственной угрозы вроде как не было, поэтому Рыжик переключился на еду. Его примеру последовали и его двуногий друг и друг его друга.

«Уж я-то Ашрафа всегда сумею защитить! — думал Рыжик. — Пусть там всякие большие боссы думают себе, что хотят, я их не боюсь», — самоуверенно подумал Рыжик.

— Сиди здесь! Ты понял?

— У-у-у! — возразил Рыжик. Он был категорически не согласен отпускать Ашрафа одного.

— Сиди! Я пошел.

Но Рыжик гавкнул и преградил ему путь в кафе.

— Ну, что ты? Ты за меня, что ли, переживаешь? Не бойся, все будет хорошо, никто мне зла не причинит. Мы просто поговорим. А тебя туда все равно не пустят. Давай, пропусти меня.

— У-у-у, — вновь возмутился пес, совсем нехотя отходя в сторону. Ашраф вошел в кафе. Рыжик проводил его обеспокоенным взглядом. С улицы не было видно, что происходит внутри — все стекла были разукрашены аляпистыми яркими замысловатыми рисунками. У входа стоял смуглый, темнее, чем Ашраф, большого роста человек в черном костюме и подозрительно оглядывал всех входящих. Рыжик лег на тротуар перед входом в дом и стал дожидаться Ашрафа.

Несколько дней назад они уехали из той деревни, где гостили у друга Ашрафа. Кроме Ашрафа и Рыжика с ними ехали еще два человека. С теми самыми железными штуками, которые убивают на расстоянии — с автоматами.

Ехали довольно долго — два дня. Один раз водитель вдруг прошипел: «Америкосы!», и их машина съехала с дороги, скрываясь в придорожных зарослях от тех, кто вскоре появился на дороге. Потом они ждали, пока проедут несколько больших машин, глупо раскрашенных пятнистой раскраской. Огромные, они медленно тащились, громяхая и поднимая тучи пыли. А на верху машин сидели солдаты в странной форме, и выглядели эти солдаты устало и испуганно.

Больше никаких приключений по дороге не было. К концу второго дня они покинули своих спутни-

ков, зато их уже встречали другие люди — тоже мужчины, но без оружия. И дальше двинулись пешком. Опять преодолев ограждение (здесь это были скрученные в большие шары «путанки» из колючей проволоки), они пересекли границу. Ашраф тогда так и сказал Рыжику: «Ну вот, теперь ты тоже дважды нарушитель границы» — и засмеялся.

Пес плохо понимал, что такое граница — видимо, такие вот заборы из колючей проволоки. Вот только зачем она нужна, эта граница?

Потом они сели в другую машину, которая уже ожидала их. И вновь двинулись в путь. На Рыжика новые спутники смотрели как-то зло, но выгонять не стали — Ашраф им что-то сказал.

Пейзаж в этой новой загранице существенно отличался от всего, прежде виденного псом. Деревья были совсем другие — с громадными листьями, не особо высокие, травы и кустарники тоже отличались крупными листьями и яркой зеленью. Жара никуда не делась, зато влажность заметно усилилась.

Люди здесь жили тоже немного другие — с более темной кожей. Ашраф, скажем, или солдаты и жители жаркого города, в который Рыжик прибыл на поезде, тоже были более смуглыми рядом с теми, кто населял родные для Рыжика северные земли. Но здешние жители отличались от них более темной кожей. И одевались, как правило, в белые или серые простые одежды.

Как-то раз Рыжик, выглянув в окно, и совсем уж поразился — по обочине дороги мерно вышагивало огромное животное. Много крупнее коровы или даже лося. Крупнее любого живого существа, ранее виденного псом. Этот великан был серого цвета, совсем без шерсти, с огромными ушами и вытянутым в трубу носом. Когда Рыжик увидел это чудо при-

роды, то он с недоумением посмотрел на Ашрафа и вопросительно скульнул.

– Что? А, это... Это слон. Первый раз видишь, да?

Слон! Вот так да...

А потом они приехали в большой город. Несмотря на различия в природе, город в этой стране очень походил на те, что Рыжик уже видел. И был как бы чем-то средним между первым большим городом, где он плутал под землей, и вторым, где он познакомился с Ашрафом.

– Вот и Исламабад! – прокомментировал Ашраф.

Наконец, они достигли места назначения – машина остановилась и Ашраф отправился в кафе, оставив Рыжика на улице.

Рыжик, переполняемый беспокойством, совсем не смотрел по сторонам, не было в его душе места красотам нового города. Пес неотрывно глядел на дверь кафе и прислушивался к звукам, оттуда доносящимся.

В ожидании минул час.

А потом прозвучал глухой «бух» и короткий вскрик. Рыжик встрепнулся! Охранник у дверей кафе тоже не остался равнодушным – он дернулся к двери, но затем остановился, прижал ладонь к уху и забормотал. Что-то явно произошло внутри, но что? И коснулось ли это Ашрафа?

К входу подъехала машина, перекрыв всякий доступ внутрь здания. Но Рыжик обошел машину и пристроился так, чтобы ему было хотя бы видно на дверь, которая тут же отворилась. Двое дюжих мужчин вынесли удлиненный черный мешок, пахнувший кровью и... Ашрафом!

Мешок моментально затолкали в багажник автомобиля. Рыжик, поняв, что окровавленного Ашрафа сунули в мешок и сейчас увезут, с диким лаем

кинулся на людей, но те уже успели сесть в машину и, захлопнув ее дверцы, тронулись. У входа оставался лишь охранник, который ловко и очень сильно пнул пса. Рыжик не стал нападать на него, потому что автомобиль тронулся с места и подъезжал к повороту, чтобы выехать на большую дорогу, а дальше она могла уже скрыться из виду. Он пропустил за ней. За поворотом пес нагнал автомобиль, вставший на светофоре. Но что он мог сделать с железным противником? Оставалось только истошно лаять, кусать колеса и прыгать на двери. Внутри сидящие не обратили на пса никакого внимания. А когда загорелся зеленый, они рванули прочь с огромной скоростью.

Рыжик некоторое время бежал по следу, но минут через десять он окончательно потерял след машины и заблудился. Так и бродил он потерянный весь остаток дня.

Вечером город загорелся множеством огней, улицы заполнили толпы его обитателей, охочих до ночных развлечений. Пес почувствовал себя совсем неуютно и, забившись в какой-то темный угол, он заснул беспокойным сном.

Прошла неделя, пес бродил по городу или сидел, забившись где-нибудь в темном углу, пока голод и жажда не выгоняли его на улицу.

Пса очень раздражало то, что люди здесь говорят на языке, непонятном для него. Вот и приходилось пытаться понять их только по интонации и жестике.

Бродяжничать Рыжику было не привыкать, поэтому он находил себе пропитание и даже немного ласки. Но в душе его царил растерянность.

Как-то Рыжик уныло брел по тротуару мимо роскошных витрин дорогих магазинов, мимо гостиниц

и торговых центров. Вдруг раздался оглушающий грохот, и растерявшегося пса отбросило в сторону.

Улица заполнилась дымом, криками, началась паника. На Рыжика сверху посыпались осколки стекла, какой-то мусор и копоть. В боку появилась боль. Пес вскочил, отбежал с десятков метров, затем остановился и огляделся.

Вокруг окутанного дымом здания суматошно бегало много людей. Они сбивали друг друга с ног, закрывали головы руками, падали, снова вставали, убегали с этого места. У некоторых из них руки были в крови. Несколько людей лежали на тротуаре, не подавая признаков жизни.

Что случилось? Что происходит? Рыжику показалось, что начинается вновь «тот день», который он однажды пережил. Он пережил... а его любимого человека, Павла, теперь нет. Но все же этот взрыв не шел ни в какое сравнение с тем ужасом. А отчего вообще случаются взрывы? Такие мысли галопом проносились в голове перепуганного пса, наблюдавшего за суетой людей, подававшихся панике.

— Что за черт! Опять теракт! Вот сволочи!

Рыжик так и подпрыгнул, услышав знакомые ему слова. Человек, который произнес их, стоял чуть поодаль около машины. Видимо, он только что вышел из здания напротив того, который был взорван.

Рыжик подбежал к человеку и решил, чего бы это ему ни стоило, попроситься к нему в друзья. Он залаял и заскулил одновременно. Залаял от радости, заскулил от тоски. Тоски по человеку, рядом с которым ему — псу необходимо находиться. И теперь даже стало не столь важно — каким будет этот человек. И теперь гораздо важнее то, что человек хотя бы говорит слова, некоторые из которых ему понятны. Они должны понять друг друга!

— Гав, гав!

— О-о, пес! Привет! Не часто здесь увидишь вашего брата. Прямо скажем, ты — первый. Город-то молодой совсем³... Так откуда ты взялся, чудик-рыжик?

— У-у-у, гав. — Рыжик махал хвостом так, что, казалось, он сейчас отвалится, а ластился с таким рвением, что человек вынужден был шагнуть назад и спиной упереться в дверь машины.

— Эй, ты чего? Ведешь себя так, будто я твой давно потерявшийся хозяин, — усмехнулся человек. — Ладно, потом разберемся. Давай садись в машину, и поехали отсюда быстрее, пока тут все не перекрыли.

Рыжик только этого и ждал — прыг, и он уже на заднем сидении.

Человек сел за руль и обернулся:

— А звать то тебя как?

— Гав-гав, — попытался ответить Рыжик.

— Ну ладно, будешь ты у меня Рыжиком! — Псу оставалось только ликовать. — А меня Борисом кличут.

Тронулись, медленно выруливая из собравшейся уже толпы зевак, Борис продолжал говорить:

— У меня была собака. Теперь с бывшей женой осталась. Юрки зовут. Только она теперь, как и жена и дом, — в России, а я здесь... Россия очень далека отсюда. Далеко, эх! — На минуту он замолчал. — Так что собак я люблю, тем более что живется мне здесь одиноко. Короче, будешь жить со мной. Если захочешь, конечно. Или пока тебя хозяева не найдут.

Рыжик, довольный встречей, слушал Бориса с наслаждением, покачиваясь в такт движениям автомобиля.

³ Исламабад построили в период с 1961 по 1966 год по проекту греческого архитектора К. Доксиадиса.

ГЛАВА 6

Борис жил в небольшой, очень скромной квартире, располагавшейся в уютном трехэтажном доме. Во дворе дома был разбит садик, где Рыжик прогуливался каждый день, пока Борис находился на работе. За садиком ухаживал молчаливый смуглый садовник, который поглядывал на Рыжика с упрёком в глазах. Но не гнал пса и не ругался. Он молча делал свою работу, подрезая кустики роз или подстригая травку газона.

Что особенно понравилось Рыжику, так это то, что из квартиры было два выхода — одна дверь вела в подъезд, который выходил на улицу, а вторая выходила во внутренний двор. Борис, уходя на работу, еще в первый день оставил ведущую во дворик дверь открытой, подарив тем самым Рыжику некоторую свободу передвижения. И пес с удовольствием этой свободой воспользовался.

Отношения с Борисом сложились как-то легко и сразу. Борис был очень добр к Рыжику и воспринимал пса как друга, способного развеять отягощающее одиночество человека, работающего в чужой стране. Хотя нельзя было сказать, что у него не было друзей. По соседству жил Михаил, тоже русский и тоже сотрудник посольства. То есть не просто сосед, а еще и сослуживец, и земляк. Но Миша жил вместе с семьей и по вечерам частенько водил жену и дочку в город, чтобы сопровождать их «походы» по магазинам, зайти в кафе, чтобы поужинать и т. д. Борис в город выезжал нечасто, да и в семейной компании он чувствовал бы себя лишним. Поэтому вечера чаще всего приходилось коротать в одиночестве. Но теперь у него появился верный шерстолапый друг!

Первую неделю Рыжик привыкал к новой жизни: обследовал квартирку, садик, знакомился с соседями. А вечером, когда приходил уставший от работы и жары Борис, Рыжик радостно встречал его. А после ужина Рыжик ложился отдыхать у ног нового друга, устроившегося на своем любимом кресле. Борис некоторое время смотрел телевизор, просматривал заголовки газет, и брал в руки книгу, которая вскоре откладывалась в сторону, и человек общался с псом.

— Ну, как ты тут, не скучаешь, пока меня нет?

— ...

— Видимо, не особо, — улыбался Борис. — А я вот уже начинаю скучать. Сажу на работе, выслушиваю начальника или посетителя, а сам думаю, как там Рыжик один? Чем занимается?

— У-у.

— Знаешь, моя собака Юрки, которая осталась в России, тоже вот, как ты, каждый день встречала меня с работы и всегда радовалась так, словно мы не виделись целую вечность. Эх, как жаль, что не все домашние так же сильно радовались моему приходу. И, вообще, люди далеко не столь преданны и искренни, как собаки — это я давно понял!..

— ...

— Да, от этого-то и происходят всякие несуразности в мире, от «эго» человеческого, от ума, который хоть и большой, но не всегда мудрый, и порой и дурной. Копится негатив, копится! Чувствую я — не кончится это добром.

Рыжик не совсем понимал, о чем идет речь. Борис не столько вел диалог, сколько использовал благодарного слушателя для того, чтобы выговориться. А пес упрямо старался вникнуть в суть монолога.

— Что-то случится, не выдержит земля, восстанет против тирании человеческой. Эх-х...

— У-у-у, — просил продолжать пес.

— Вот и ты стал свидетелем теракта — взрывают, негодяи, себя и невинных прохожих! И все чаще и чаще, все изощренней люди идут на смерть ради смерти. И порой кажется, что намечается какой-то надлом, столкновение противостоящих друг другу разных культур, стремлений к лидерству, хотя все можно было бы решить мирно. Понимаешь?

— Гр-гав! — Рыжик покачал головой в знак того, что ничего не понимает.

— Эх-х! — тяжело вздохнул Борис. — Вот возьмем человека, который со своей семьей живет... Ну, неважно где и как, но живет свободно. Их жизнь не то, чтобы нелегкая, даже тяжелая временами, трудная, работать приходится денно и нощно, однако в этой жизни — все понятно. И есть, ради кого все это делать — ради семьи, близких человеку людей. Есть четкое понимание, как жить. В такой жизни есть религия или идея, которая направляет людей строго следовать правильному образу жизни и указывает, что верно, а что нет. И живет человек спокойно, никого не трогает, не обижает, то есть правильно живет. И не один он такой. Таких много. Далее. И другие люди на этой планете тоже живут по справедливым и правильным правилам, и пусть уклад их жизни несколько иной, то есть у них другие обычаи и обряды и т. д., но суть тех правил и вещей в их понимании такая же — будь милосерден и справедлив к ближним и ко всем людям. Понимаешь?

— У-у, гав! — подтвердил Рыжик.

— Ну, и вот — живут все спокойно и друг друга не трогают, не мешают. Вернее, может быть, и

спорят иногда, но так, по мелочам. Но вдруг две семьи из разных религиозных конфессий и культур оказываются запертыми вместе на маленьком участке земли. И каждый считает, что жить надо по его правилам и настойчиво пытается навязать свое мнение другому. И не просто навязать, а вбить палкой или же, вообще, сжить со свету, потому что нет места инакомыслящему на этом клочке земли.

Это я, конечно, упрощенно. И самое худшее, что не только в этом причина неурядиц и взаимного уничтожения. Может, причина в том, что много нас стало, людей-то? И не умеем мы приспособливаться, можем только приспособливать окружающее под себя. Эх, не кончится это добром. Не поумнеет народ, вернее, народы — плохо будет. Понять бы до конца все причины, так, глядишь, и выход нашелся бы. Я все-таки не совсем пессимист, может быть, и выкрутимся мы, человеки, надо только понять себя. Понять свой мир, подумать и решить, как вместе жить!

— Гав-гав, — согласился Рыжик.

— Вот так и живем — оружием бряцаем, покуда молодые да глупые. А будем ли мы на старости лет мудрыми и будем ли жить спокойно? А будет ли она, эта старость?

Так они и общались по вечерам. Впрочем, далеко не всегда Рыжику приходилось выслушивать такие малопонятные философствования. Чаще Борис просто вспоминал что-нибудь из своего прошлого, словно сам перебирал по листочкам свою жизнь, или рассказывал о том, как прошел день на работе, какие люди приходили к нему и о чем просили. У каждого из тех, кто обращался в посольство, были какие-то проблемы — кто документы потерял, кто не имел возможности дальше жить в Пакистане и просился в Россию, кто родственников искал или

еще что. За каждым из приходящих стояла история, порой грустная, порой неприятная, а то и вовсе трагичная. Тяжело работать в посольстве.

— Никаких нервов иногда не хватает смотреть на человеческое горе, — признавался временами Борис. А время шло потихоньку, неторопливо, но и неутомимо.

У Рыжика появился еще один друг, вернее, подруга. Знакомые их соседа Михаила уехали на родину и оставили ему свою собаку. Причем, в этом была, частично, и заслуга Рыжика, потому что иногда Борис брал пса в гости к своему другу Мише. И дочке Михаила очень понравился «песик», поэтому, когда Мише предложили взять собаку, он легко согласился.

— И почему собаку с собой не забрали? — возмущенно удивлялся Борис. — Неужели это такая проблема? Я не понимаю, как можно оставить собаку, фактически члена семьи, соседям, взять и уехать?!

— Да ладно тебе возмущаться-то, — ответил на недовольную тираду друга улыбчивый Миша. — Мало ли какие обстоятельства у людей бывают.

Ася — так звали собаку — была из породы лабрадор. Грустным лабрадором — видимо бедняжке не легко давалась смена хозяев, и Рыжик ее понимал. Поэтому полностью поддерживал мнение Бориса о старых хозяевах собаки, которые вот так, просто, взяли и бросили ее. Хорошо еще хоть в хорошие руки пристроили, а Михаил, его жена Маша и дочка Оля были хорошими людьми. Рыжик это понял еще в первую их встречу.

Ася робко поджимала хвостик, так трогательно и грустно поглядывая на Рыжика, что тот не удержался и лизнул ее в мордочку, что было вопиющей бестактностью с его стороны.

Пока взрослые, заняв большую комнату, о чем-то болтали, девочка Оля играла с собаками, оставшимися на ее попечение. Однако Рыжик и Ася не просто играли с девочкой, покорно подпрыгивая к ее вытянутой ладошке или позволяя расчесывать себя, словно кукол — псы присматривались друг к другу, и между ними уже завязалась другая игра, не столь заметная человеческому глазу. Рыжик явно понравился Асе, и теперь она все меньше смущалась от его присутствия и все веселее и бодрее чувствовала себя.

К вечеру собаки уже совсем сдружились, Оля отправилась спать, а ее родители сидели с Борисом и потягивали что-то из прозрачных бокалов.

А на следующий день, когда Рыжик вышел, как всегда, погулять во внутренний дворик, он опять увидел Асю, гуляющую с Олей по травке дворика. И Рыжик, сбросив груз пережитого, как маленький щенок резвился с ней, бегал, кусался и позволял игриво покусывать себя. Садовник, увидев это безобразие, скорчил кислую мину и, вздохнув, ушел в дом.

С этого дня дворняга и лабрадор каждое утро и вечер гуляли вместе. А иногда, пока не было Бориса, Оля с разрешения своей мамы даже пускала Рыжика к ним домой после прогулки. Рыжик покорно позволял девочке возиться с ним, раз уж это было необходимым условием для того, чтобы подольше пообщаться с Асей.

Однажды, когда Рыжик проводил Бориса на работу и вышел как всегда на прогулку, лабрадора во дворе не оказалось. Не видно было ни Аси, ни Оли. Пес покорно прождал их один час, по запаху понимая, что Ася все еще дома. Но никто так и не появился! Рыжик заволновался — «что случилось?» Он, взметнувшись по лестнице, остановился у двери квартиры соседей и робко покарябал ее лапой.

— У-у-у!

За дверью послышался шорох: Ася скребется, понял Рыжик.

— Гав, — гавкнул он приветствуя ее.

— У-у-ур, гав, — ответила ему Ася.

К двери приблизились шаркающие шаги.

— Ася, дай пройти!

Дверь открылась. На пороге стояла Олина мама в халате и тапочках. Лицо ее ясно показывало, что она недовольна и обеспокоена. Из-за нее выглядывала Ася.

— А, это твой ухажер пришел, Ася. Совсем мы про тебя забыли из-за Олиной болезни. Ну, иди погуляй с Рыжиком. И не шумите мне тут! Оля только-только заснула. А ты, Рыжик, последи за Асей — она у нас девочка робкая и требует надзора. — Женщина слегка улыбнулась и освободила дорогу собаке.

Через два часа Рыжик, ответственно подошедший к поручению, привел Асю домой.

Пока Оля болела, и ее не выпускали на улицу гулять с собакой, Рыжик исправно выполнял эту обязанность за нее. И, надо сказать, очень этому радовался. Борис, узнав о нежном отношении Рыжика к подруге, все подшучивал над ним: «Ну, «герой», потомства ждать? Или вы еще в школьников играете?».

Наконец-таки наступила спокойная жизнь. Рыжик чувствовал себя абсолютно счастливым. У него появился хороший хозяин — пусть он пока не относился к нему также, как некогда к Павлу, пусть он продолжал иногда с грустью вспоминать об Ашрафе, но все же Борис был очень добр к нему, и пес все больше воспринимал Бориса как хозяина. Кроме того, полное отсутствие всяческих проблем и тревожений позволили затянуться ранам, нанесенным псу

судьбой — шрамы в душе, конечно же, все равно оставались: избавиться от них и жизни не хватит, но душевное равновесие восстановилось.

Подружившись с Асей, Рыжик стал понимать, насколько он ненормален, насколько он стал другим, не таким, как все прочие псы. Конечно же, он не всегда правильно понимал людей, а они — его, но и для собственных сородичей — собак — он тоже стал чужим. Ася частенько смотрела на него с недоумением, когда он пытался что-то объяснить ей, рассказать. Или когда он слушал то, что говорят люди, или что-то делал, реагируя на их слова. До подруги Рыжик пытался довести свои соображения путем жестов, сравнений: например, изображая девочку Олю, пес садился на задние лапы и сводил передние лапы друг к другу, оставляя между ними небольшое расстояние — то есть, как бы показывая «маленькая», а потом вставал на задние лапы и шел как человек. Но Ася совершенно не понимала, что делает ее друг, и Рыжика это огорчало. Поняв, что никогда не сможет объяснить подруге даже самого простого, Рыжик бросил эти попытки.

Шло время, ночи стали длиннее, а воздух уже не прогревался столь сильно. Надвигалась зима. Но Рыжику, рожденному в Сибири, она была совершенно не страшна. Однако своим звериным чутьем, не зная календаря, он почувствовал смену времен года.

— Рыжик, ты знаешь, что завтра Новый год? — спросил Борис как-то вечером, сидя в своем неизменном кресле.

— У?

— Правда, здесь и зима — не зима и елки не в моде, да и редкость. Зато уж мы соберем вечеринку и отпразднуем так, что будь здоров! А у меня еще и день рождения — даже не спрашивай, что это

такое, это люди тоже напридумывали всякую чушь, когда каждый год человек должен отметить очередной год, в котором он уже старше или старше. Да ладно, будем праздновать Новый год и мой день рождения! Ты рад?

— Гав-гав!

— И я рад! Дни рождения, особенно, свои я не люблю, а Новый год — это, брат, праздник! Настоящий.

На следующий день с самого утра Борис уехал на машине в прекрасном расположении духа, а Рыжик остался сторожить дом. Не прошло и десяти минут, как раздался стук в дверь. Пес подбежал к двери и загавкал — мол, хозяина нет дома.

— Рыжик, ты? Зови Бориса, мы его поздравлять будем! — раздался с той стороны веселый голос Михаила.

Рыжик звать никого не стал, ибо некого было звать. Но смысленный пес поднялся на задние лапы, облокотившись при этом на дверь, и зубами пытался повернуть небольшую круглую кнопку замка. После неудачных попыток он все-таки сумел кое-как повернуть эту поворотную кнопку. Оставалось только опустить лапой ручку — что он и сделал. И... дверь открылась.

— Гав!

— Ой! — вскрикнула Оля. — Смотрите, Рыжик сам дверь открыл!

Ее родители застыли, недоверчиво глядя на распахнутый проем двери, в котором не было никого, кроме пса.

— Ничего себе! Ай, да Рыжик — молодец. А где же все-таки Борис?

— Гав-гав, — попытался объяснить Рыжик.

— Может быть, уехал за продуктами, например, — предположила Олина мама.

Рыжик активно закивал головой, памятуя о значении этого жеста для людей.

— Да, наверное. Ну, Рыжик, тогда мы позже зайдем — подарки дарить. Давай-ка, закрывай дверь.

Гости, восхищенные сообразительностью пса, ушли, задумчиво хмыкая, а Рыжик закрыл дверь. Правда, в этот раз мучился он гораздо дольше: попробуйте стоять на задних лапах и не наваливаться телом на дверь!

Примерно через час, наконец, вернулся и сам герой дня с кучей пакетов, которые оставил в прихожей. И тут же опять ушел. А через минуту, под удивленное повизгивание Рыжика, довольный Борис уже втаскивал в квартиру настоящую, большую живую елку.

— Во, какое чудо достал! Сейчас продукты разгребем, и будем наряжать.

Пока Борис раскладывал продукты по разным полкам холодильника, Рыжик одну за другой таскал ему сумки из прихожей. Управились быстро. А как только закончили, пришли друзья-соседи.

Шумно поздравили, похлопали по спине именинника, потрепали по холке лающего от избытка чувств Рыжика, обменялись парой шуток и ушли. На прощание Маша поручила Борису нарезать салатиков.

— А горячее мы с собой принесем, если донесем! — все опять рассмеялись. И продолжали весело что-то шутить в адрес именинника, пока дверь не закрыли за собой.

— Люблю я их, хорошие люди! — заметил Борис. — Жаль только — Асю с собой для поздравлений не взяли, правда, Рыжик? Ну, да ничего — потерпи, скоро у вас целый вечер будет.

Потом они вдвоем наряжали елку: Борис вешал купленные в магазине шарики, дожди, шишки, со-

сульки, а Рыжик все это ему подавал, благо игрушки были сплошь пластиковые и поранить пса не могли. За этим делом они не заметили, как прошло два часа.

— Ух, ты! Время-то уже поджигает, а нам еще салаты резать!

Праздничный вечер, а вслед за ним добрая половина ночи прошли весело и бурно. Все с удовольствием поглощали вкусный ужин, много говорили — и, вставая со стульев, и восторженно и с вдохновением, но, чем дальше, тем запутанней и неразборчивей становилась речь за столом. Особенно, весело стало всем, когда взрослые развеселившись принялись шутить и смеяться. Оля с Рыжиком и Асей, до этого игравшие в соседней комнате, также присоединились к взрослым. Оля смеялась и хлопала в ладоши, а радость людей передалась и Рыжику с Асей, которые громко лаяли, и даже подпрыгивали, чуть ли не выше взрослых, проявляя этим свое счастье.

Потом гости ушли.

Рыжик сладко-сладко зевнул и подошел к креслу, на котором развалился уставший и счастливый Борис. Борис потрепал Рыжика за его ухом.

— С Новым годом, Рыжик!

Пес поднял глаза на человека и опять зевнул.

— Что, устал? Скоро будем спать. А пока, почему бы нам с тобой не выкурить по сигаре с коньячком, как настоящим аристократам?

Рыжик не возражал. Борис прогулялся к столу и налил себе бокал коньяка, затем сел обратно и медленно, словно совершая некий ритуал, освободил огромную сигару от обертки, отрезал кончик и прикурил.

— Пф-ф, — струйка дыма, расплываясь, поспешила вверх. — Рыжик, расскажи мне, как другу, у

вас с Асей все серьезно? – спросил он пса, хитро прищуриваясь.

– У-у? – не понял вопроса Рыжик.

– Скоро нам детишек-то ждать? Ну-ка, давай признавайся, ловелас! – рассмеялся человек и, вдруг погрузнев, добавил:

– Да нет, ты не думай, я очень рад за вас. Вы молодцы, не то, что прочие – «хомо сапиенсы»! Вечно мы маемся, что-то выясняя, доказывая, не стараясь понимать друг друга. И все это вместо того, чтобы просто любить и тем наслаждаться. Не ценят люди любви, не ценят... Эх, что я все о грустном, да о грустном. Ну-ка, друг, принеси-ка мне еще коньячку, а то что-то вставать лень. Да смотри, не пролей!

Рыжик запрыгнул на стул, потом аккуратно взял зубами бутылку, схватив за горлышко, и, стараясь не разлить содержимое, принес ее хозяину. Это было трудно, если учесть, что нести приходилось, склонив голову на бок.

– Спасибо, Рыжик. Слушай, а ты сигару хочешь? А то я ведь тебе и не предложил. Вот я старый дурак! Отношусь к тебе как к человеку. И если бы ты умел еще разговаривать!

– Гр-г-гав, – ответил Рыжик.

– Знаешь Рыжик, почему я тебе сигару предложил? Да потому, что ты умный, сообразительный и стал мне другом.

– Гав, – согласился с ним Рыжик.

Новогодний праздник давно прошел. Зима отступала. Приближалась весна. Становилось все теплее. Рыжик в последнее время все больше грустил. Ася щенков не понесла и со временем стала с опаской относиться к Рыжику, словно что-то в нем ее пуга-

ло. Они по-прежнему иногда играли вместе, гуляли, но Ася к себе Рыжика уже не подпускала. Рыжик от этого чувствовал себя ущербным.

Борис заметил, что с его любимцем творится что-то неладное, и даже отвел его к доктору.

Доктор оказался приветливым и добрым человеком, невысоким и смуглым. Но понять, что он говорил, было совершенно невозможно. Причем, Борису, по-видимому, тоже было трудно общаться с ветеринаром — он медленно выговаривал каждое слово и напряженно вслушивался в ответные реплики, иногда невольно переходя на русский: «Ничего не понял».

Наконец, люди о чем-то договорились. Рыжику пришлось претерпеть и процесс сдачи анализов (однажды он проходил и через это).

Потом они еще несколько раз приходили в клинику, пока, наконец, у доктора с Борисом не состоялся большой разговор, после которого Борис остался несколько озабоченным, но совсем не грустным. И только дома он пересказал суть сказанного врачом Рыжику:

— Да-а, друг! Ну, теперь хоть понятно, почему вокруг не суетятся рыжие щеночки, не пачкают мой любимый ковер. Короче, с тобой все нормально, так что не грусти! Ты совершенно здоров, если не считать одной мелочи, — Борис ободряюще улыбнулся и потрепал пса. — Доктор долго объяснял мне причины и физиологию вопроса, на другом языке понять сложнее, хотя подобное я бы и по-русски не понял... Короче, подробностей от меня не жди. Но суть в том, что у тебя не будет детей, не будет милых, маленьких щенков!

Борис сделал паузу и, грустно вздохнув, продолжил:

– Нарушены функции соответствующих органов, ну, ты понимаешь?

– У-у-у – «нет» – совсем загрустил Рыжик, интуитивно поняв суть рассказанного Борисом.

– Да, Рыжик, я понимаю тебя. Есть от чего прийти в уныние, поэтому грусть твою не осуждаю, но ведь надо жить дальше! Просто, не думай об этом, – он невесело усмехнулся. – Легко мне говорить...

– У-у-у...

«У Аси не будет щенков от меня! Вот почему она сторонится меня – чувствует что-то», – правильно понял Рыжик. Так пришло печальное знание. Хмуро «заворочалось» в душе, бередя и беспокоя. И нескоро печаль ослабла.

Минул месяц.

Борис пришел с работы, рассеяно погладил радостно встречающего его пса и, вместо того, чтобы, как обычно, переодеться, умыться и поставить на плиту ужин для разогрева, он сел в кресло и, выпятив нижнюю губу, задумчиво уставился в пространство. Рыжик глядел на хозяина с нескрываемым удивлением, легонечко покачивая хвостом.

– Гав, гав! – потребовал внимания пес.

– Похоже, Рыжик, нам с тобой светят крупные перемены в жизни, – наконец, выговорил Борис. – Вот только не знаю, радоваться этому или нет?

– У-у, гав? – попросил говорить более конкретно мохнолапый собеседник человека.

– Короче, меня переводят!

– ?!..

– Переводят, причем с повышением, можно сказать. Но куда! В представительство Российской Федерации в ЮАР. Знаешь, где это? – Рыжик, естественно, не знал. – О-о, это очень далеко! С одной

стороны, вроде, и повышение, и вообще — новая страна, новые впечатления и все такое, но что-то ехать в ЮАР — у меня, ну, совсем душа не лежит.

— Гав-гав, у-у-у, ррргав! — это Рыжик пытался сказать, что раз не хочется, то зачем куда-то ехать?

— Но это так — эмоции. Отказаться я, конечно же, не могу. То есть, теоретически могу, но не буду. Ты не обращай внимания, просто, мне немного страшновато вновь привыкать к новой стране и все такое.

Борис, наконец, улыбнулся.

— В общем, у нас с тобой неделя на сборы! Ты готов к путешествию?

— Гав! — обрадованно ответил Рыжик.

Корабль (так Борис назвал эту здоровенную громадину, покачивающуюся на воде) сразу не понравился Рыжику. Разумеется, когда хозяин спросил у него: «Я решил, что веселее будет добираться по морю, надеюсь, ты не против?», то оказалось, что пес тоже не был против, но лишь потому, что не знал, что его ждет!

Когда были улажены все формальности с билетами и прочими документами, и они поднялись на борт, Рыжик приступил к немедленному обследованию новой территории. Все бы ничего, но здесь чувствовалось постоянное раздражающее покачивание! Даже более слабое, чем в поезде или в машине, но другое. Под поездом чувствуется твердая земля, под машиной тоже, а здесь преобладало ощущение, что вот-вот все то, на чем стоишь, провалится в бездну.

Пока корабль стоял у причала, ожидая окончания погрузки пассажиров, это покачивание лишь немного раздражало. И даже после отправления было еще терпимо. Но как только берег окончательно исчез из поля зрения, стало совсем плохо. Мути-

ло так, что Рыжик, поджав хвост, забился в угол каюты и, не переставая, скулил и даже подвывал. Неосознанный страх захватил его в свои объятия, к тому же в желудке все кувыркалось с такой силой, что хотелось без оглядки бежать с корабля — было бы куда!

Борис, конечно же, сразу понял, в чем дело, хотя и был очень удивлен — ему почему-то казалось, что собаки не подвержены морской болезни.

— Что, плохо тебе, бедняга? — сочувственно спросил он.

— У-у-у-у-у...

— Кто бы мог подумать! Я-то привычный — на Камчатке вырос, отец меня частенько брал в море. Помню, у нас там был бродячий пес, большой такой, серый, лохматый, так вот он однажды запрыгнул к нам на борт, сразу после того, как мы отдали концы швартовых тросов. И ничего, проплавал с нами полдня, все углы обнюхал — отец рыбаком был, поэтому на палубе всегда нахло рыбой. Так вот о чем я хочу сказать: тот Лохматый абсолютно не проявлял никакого беспокойства.

— У-у-у-у, — Рыжика это утешало слабо.

Впрочем, через пару дней Рыжик оклемался от морской напасти и научился не замечать постоянную качку. Так что остальная часть путешествия прошла вполне удовлетворительно.

Как-то раз, когда пес, устав бегать по палубе, чтобы утолить свою любознательность, сидел и смотрел на морскую гладь, он вдруг почувствовал, что в его голове рождаются сами по себе непонятные картинки! Но это была не просто игра воображения — картинки, хоть и непонятные, отрывочные и недостаточно четкие, все же, вспыхивали слишком ярко. На них мелькали морские глубины, привле-

кательные и аппетитные косяки рыб (что за странность — никогда раньше псу рыба не казалась такой желанной и аппетитной). Легкое беспокойство и любопытство вызывал отдаленный шум винтов...

«Что бы это могло быть?» — недоумевал Рыжик.

Присмотревшись, пес заметил мелькание далеких точек. Что-то выныривало из воды, покато перегибалось и опять скрывалось в море. Таких «ныряльщиков» было не меньше десяти.

— Смотри-ка, дельфины. Плывут вдалеке. Интересно, подойдут поближе? — вглядываясь в бинокль, с восторгом проговорил Борис, стоявший рядом с Рыжиком. — Нет, похоже, уходят в сторону. Жаль, такие красавцы!

«Дельфины? Кто они такие?» — задался вопросом Рыжик. Никогда еще с ним не общались посредством таких «живых картинок». И ему казалось это ужасно важным — узнать, кто такие дельфины, да еще и пообщаться с ними!

Но «картинки» исчезли и больше не появлялись до самого конца их морского пути.

ГЛАВА 7

Прошла неделя с тех пор, как корабль причалил в порту Кейптауна, а Борис все никак не мог свыкнуться с новой обстановкой. Ежедневно он жаловался Рыжику на жаркий климат с нескончаемой духотой, ворчал, говоря о том, что местные жители разговаривают на непонятных языках⁴: то ли говорят они с тобой, то ли поперхнулись, и что, его начальник — козел, а предоставленное им, жилье больше похоже на хибару.

⁴ В ЮАР утверждены в качестве государственных языков 11 языков различных народностей.

Рыжик не разделял недовольства своего хозяина. Потому что с тех пор как они сошли с палубы на твердую землю, пес вообще почувствовал себя самым счастливым на свете! Ступать лапами по земле, не чувствовать выматывающей качки — разве все это сравнить с неудобствами на корабле. А новое жилье Рыжику тоже нравилось, потому что он знал, как живет тем, кто не имел собственного угла, когда приходится ночевать на улице, и если сильно повезет, то ночевать в плохо пахнущем подвале какого-нибудь дома. Конечно, здесь не было милого зеленого внутреннего дворика, который был у них в Исламабаде, но в их двухкомнатной квартире было более чем достаточно места для комфортного проживания в ней человека и пса. Гулять Рыжик ходил на улицу и в парк, которые располагались недалеко от их дома. Эти прогулки удовлетворяли и его потребности в свежем воздухе, и другие потребности организма.

А вот люди здесь жили и вправду чудные. Не просто с темной кожей, а совсем-совсем черные. Не все, конечно, иногда попадались и совершенно светлые, как Борис, но не так часто. Впрочем, в остальном — люди как люди, ну да, разговаривают непонятно, но ведут себя точно так же, как в любом другом месте, где он бывал раньше.

Как и везде, попадались и такие, кто просто не обращал на пса никакого внимания, встречались и те, кто при виде красивой рыжей, ухоженной собаки широко улыбались и наклонялись, чтобы погладить его.

В общем, жизнь, несмотря на ворчание Бориса, налаживалась, все шло своим чередом, обустривая понемногу их быт. Рыжик быстро привык к новому месту, да и Борис все меньше стал ворчать.

Рыжик знал, что такое суббота и что такое выходной день, так как в выходные дни Борис не ходил на работу, как когда-то и Павел, а что первый день выходных называется субботой, псу постоянно говорил его хозяин вечером в пятницу.

— Ну, вот и пятница, наконец. Завтра — суббота, будем отдыхать. — На следующий день Борис встал пораньше.

— Доброе утро, Рыжик!

— Гав! — согласился пес.

— Я тебе вчера забыл сказать, что мы сегодня идем на пляж! Уже вторая неделя как мы здесь, а в море не искупались. Ты как на это смотришь?

Рыжик промолчал, задумавшись над тем, что хочет Борис делать на море — уж не плыть ли опять куда-нибудь на корабле?

— Итак, сейчас быстро позавтракаем, — продолжал Борис, — и собираемся на пляж, пока еще жива утренняя прохлада.

Позавтракали и на такси отправились к берегу моря. Оказалось не море это вовсе, а океан, вот только Борис почему-то говорил «море». Поэтому для Рыжика эта безбрежная, бесконечная водяная пустыня называлась так, а не иначе.

Такси доставило их прямо к линии песчаного пляжа. Вышли из машины и чуть ли не наступили в воду. Пока Борис вел переговоры с прокатчиком шезлонгов, Рыжик приблизился к самой кромке прибоя. Небольшие волны, что-то ласково нашептывая, омывали теплотой утонувшие в песке песьи лапы. Рыжик прислушался к их шепоту, но так и не смог понять, что именно море пытается ему рассказать.

Повсюду вдоль берега на песке лежали, бегали, сидели люди. Кто-то купался в воде, другие отдыхали на горячем песочке. Народу было не сказать,

чтобы очень много, но и не мало, хотя им-то с Борисом места точно хватит.

Разложившись, Борис скинул с себя рубашку и шорты, собрался с духом, и, вдруг сорвавшись с места, ринулся в воду.

— Гав-гав-гав, — испугался чего-то Рыжик и тоже бросился вслед за хозяином.

Теплая океанская вода захлестнула пса, но он яростно заработал лапами, и голова его показалась на поверхности. Голова эта не переставала лаять. Накатила волна, и Рыжик вновь скрылся под водой, а потом опять появился. Борис, тем временем, уплыл уже довольно далеко.

Когда пес немного приспособился к волнам и понял, что ни ему, ни его хозяину ничего не угрожает, купание сразу же стало для него удовольствием, да еще каким! Забыв про Бориса, Рыжик взмывал на очередной волне, чтобы с довольным повизгиванием скатиться с нее.

Борис успел уплыть довольно далеко и вернуться. Поравнявшись с увлеченным псом, он крикнул:

— Ну, как тебе водичка?

— У-ау-ау! — ответил довольный Рыжик.

Борис рассмеялся и мощными гребками погнал свое тело к берегу. Рыжик, почувствовав, что начинает уставать, поплыл следом.

Выбравшись на сушу, пес тщательнейшим образом отряхнулся, почти насухо, затем плюхнулся рядом с Борисом, который уже удобно устроился на шезлонге.

В течение часа они успели искупаться еще несколько раз.

Тем временем на пляже объявился расхаживающий туда-сюда человек, который время от времени что-то кричал. Поначалу Борис не обращал на него никакого внимания, Рыжик лишь раз взглянул в

сторону того человека и тоже перестал замечать его. Но когда кричащий приблизился к ним, Борис вдруг встрепенулся и стал прислушиваться.

— Так-так-так. Что-то интересное. Если я правильно понимаю, то мужик зазывает полетать на самолете. — Рыжик вопросительно поглядел на Бориса, но тот уже переговаривался с тем человеком.

Вскоре Борис подошел к Рыжику:

— Рыжик, собирайся! Мы идем летать на самолете! Оказывается, здесь это один из видов развлечений, предлагаемых богатеньким туристам. Мы с тобой не так уж и богаты, но я давно мечтал полетать!

Пес, естественно, не знал, что значит летать, но раз хозяин так радуется, то это дело, без сомнения, хорошее. Борис быстро собрался под терпеливым надзором зазывалы, а потом что-то у него спросил. Человек ответил. Борис недовольно скривился:

— Слышь, друг мой лохматый, а тебе придется ждать меня на земле: он говорит, что самолетик маленький, а ты можешь начать нервничать в кабине... Ты подождешь меня на земле?

«Подожду! Только буду беспокоиться!» — подумал Рыжик.

Зазывала почти час вел их куда-то вдоль берега. Наконец, они немного отойдя от берега, увидели небольшой домик, гладкую дорогу, которая начиналась у самого дома и уходила вдаль, а также стоящие в ряд машины с крыльями. Рыжик видел такие впервые, поэтому удивился. Но бегло осмотрев и обнюхав, он понял, что это машины! Вот только зачем им такие большие крылья? Или это не крылья?

Борис осматривался с явным интересом и даже восторженностью. На улице их продержали недолго — из домика вышел прилично одетый мужчина, и раз-

говор перешел в деловое русло. Потом Бориса, а вместе с ним и Рыжика пригласили войти в дом.

Пока Рыжик с беспокойством обнюхивал незнакомых людей, сидевших на длинном диване, его хозяин общался на непонятном языке с прилично одетым господином. А потом Борис что-то там под-писал и позвал пса:

– Пойдем Рыжик.

На улицу их провожал один из тех, что сидели на диване – темнокожий человек в заляпанном масляными пятнами комбинезоне. Он постоянно улыбался и ничего не говорил. Борис что-то спросил у него, но тот лишь помотал головой – мол, не понимаю.

– Странно, а я думал, что знание английского обязательно для пилотов.

– Гав! – насторожился Рыжик, которому не понравилась озадаченная нотка, прозвучавшая в голосе Бориса.

– Да нет, Рыжик, волноваться-то не о чем, это ведь, всего лишь, небольшой полет вдоль побережья на маленьком самолетике. Никаких проблем!.. А вот, видимо, и наша машина!

Они остановились перед одним из стоявших в ряд самолетов.

– Камбур ра ман, – неразборчиво пробурчал пилот и распахнул перед Борисом дверку в кабину самолета. Самолетик был совсем маленький, двух-местный, поэтому рослый Борис влез и разместился внутри с трудом. Рыжик тоскливо смотрел на хозяина сквозь стекло закрытой дверцы самолета и скулял. Борис в ответ улыбнулся и махнул рукой. Самолет заурчал, пропеллер закрутился, и Рыжик осмотрительно отошел от него подальше. Потом чудо-машина тронулась и нехотя поползла, вы-руливая на длинную прямую дорогу. Рыжик трус-

дой последовал за ней на расстоянии нескольких метров. Самолет начал разгон по взлетной полосе — пес не отставал, хотя бежать приходилось уже из последних сил. Рыжик и сам не понимал, зачем ему понадобилось бежать следом за механическим чудовищем, уносящим прочь хозяина в своей металлической утробе, он просто подчинился внутреннему порыву — бежать пока это возможно!

— Гав-гав-гав! Ар-р-р-р, гав-гав-гав! — кричал он на бегу.

Но самолет набирал скорость для взлета. Пес отставал все сильнее, и он вынужден был прекратить свою бесполезную погоню. Стальная птица легонько качнула крылом на прощанье и оторвалась от земли — такого подвоха Рыжик не ожидал!

«Как птица?! Так вот что значит полетать!..» Рыжик, тяжело дыша, не отрываясь смотрел на удаляющийся в небе самолет, пока тот не превратился в точку, а потом тихонечко завыл. Он лег на обочине, и положил голову на передние лапы. Теплый океанский бриз, легонечко трепыхал шерсть у него на загривке, а коротко подстриженная трава щекотала нос.

Эмоции схлынули, оставив лишь легкое беспокойство за Бориса, который где-то там летает. Рыжик успокаивал себя тем, что Борис — человек, а значит, лучше знает, что делает и не ему, псу, судить о степени опасности того или иного занятия. А может быть, для людей вот так вот летать — обычное дело. Правда, до этого пес ни разу не видел, чтобы кто-то из его прежних «прямоходящих» друзей летал на самолетах. Но ведь Павел и на машине почти не ездил. «Наверное, у людей так принято, и мне много чего неизвестно про них», — так размышлял Рыжик. Постепенно он убедил себя не беспокоиться за Бориса.

Но отдаленная тревога звала его куда-то. Опять появилось тревожащее ощущение того, что надо двигаться, стремиться куда-то дальше, что здесь, с Борисом, ему не обрести понимания смысла своего существования, что его жизнь с Борисом — лишь очередной короткий этап на его пути. Причем, этот этап подходит к завершению.

Опять «заговорил» его внутренний голос, стали появляться смутные видения, зовущие куда-то, к кому-то. «Почему ничего этого не было так долго, а теперь, вдруг, снова появилось? Словно я достиг какого-то предела. Я привык к Борису, он такой хороший, но, похоже, что он уже мешает мне больше, чем помогает».

«Разве правильно то, что ты живешь здесь, в этом совершенно чужом и ненужном для тебя месте?» — Эта мысль или вопрос прозвучал настолько четко в голове, что пес даже поднялся на лапы и принялся удивленно оглядываться. Что это было?

Любой психолог, обратись к нему Рыжик, поставил бы однозначный диагноз, но пес с психологами не общался.

Рыжик еще раз огляделся и заметил суету около домика у начала взлетной полосы. Там явно что-то случилось. Пес выбросил на время из головы все посторонние мысли и побежал узнать, в чем дело.

Меж тем, у входа в домик было действительно беспокойно — стоящий на пороге человек (тот самый, что давал Борису подписать какие-то бумаги, видимо, он был тут за главного) попеременно кричал кому-то кто находился внутри дома, то растерянному мужчине, что стоял, разинув рот, снаружи. О чем он кричал, пес не понимал, но эмоциональный оттенок был вполне понятен — растерянность и страх. Что-то явно произошло. А Борис все еще не вернулся, поэтому у Рыжика были все основа-

ния предполагать, что это напрямую касается его хозяина.

Пес подбежал к главному и громко гавкнул, надеясь, что тот попытается объяснить ему, что же произошло. Но человек отшатнулся от неожиданности, посмотрел на Рыжика полубезумным взглядом и закричал еще сильнее, и на пса, и на своих людей.

Рыжик почувствовал, как в нем поднимается волна страха и раздражения, и угрожающе рыкнул на несговорчивого. Тот вновь посмотрел на него, теперь уже с опаской и что-то тихо сказал стоящему рядом подчиненному. Видимо, он велел как-то отогнать пса, потому что подчиненный, одетый так же, как пилот Бориса, угрожающе закричал на Рыжика, размахивая руками и наступая. Пес понял, что ничего он не добьется, и немного отошел.

Из дома выскочили два человека, которые побежали к самолетам. Через несколько минут они уже поднимались в воздух. Потом прямо над их головой появился вертолет — пес уже видел такие машины когда-то давно, когда погиб Павел, поэтому теперешнее появление вертолета наполнило его душу предчувствием беды. Что же делать?

Отчаянно понимая собственное бессилие, пес спокойно бегал около домика, пытаясь понять хоть что-то из разговоров людей. Бесполезно. Он не понимал сочетания незнакомых ему звуков, складывающихся в незнакомые для него слова чужого языка.

Еще через некоторое время в ворота, взвизгнув тормозами, въехала большая черная машина. Рыжик с надеждой подбежал поближе. Из машины вышли трое человек, двое из которых были светлокожими. Один из них, дородный, важный и жутко злой, судя по выражению его раскрасневшегося лица, требовательно спросил:

– Что происходит? Кто тут главный?

Рыжик возликовал – наконец-то понятная речь!

Здесьний «крикун» начальник сразу как-то по-ник, испугался, даже как будто вжал голову в плечи. Он затравлено обернулся и что-то залопотал.

– Ты понимаешь этот ломанный английский, Иваныч? – спросил второй русский, подтянутый молодой человек одетый в серый костюм, совершенно несоответствующий царящей вокруг нещадной жаре.

– С трудом, Коля.

И тут уж Рыжик не выдержал и, подбежал с громким лаем к «соотечественникам».

– Уберите собаку! Ч-черт, что за бардак! – возмутился дородный Иваныч.

Рыжик обиженно скульнул.

А начальник конторы опять что-то залопотал. Иваныч с Колей сосредоточенно вслушивались, поглядывая на Рыжика, видимо, речь шла именно о псе.

– О, я понял, – воскликнул Коля. – Это пес Бориса, он рассказывал!

– Да? Ну, ладно. Черт с ним, с псом, меня больше волнует, что с самим Борисом! То есть я уже понял, что самолет пропал с радаров и не отзывается. А теперь мне очень интересно, что случилось с самолетом! – к концу тирады голос Иваныча почти сорвался на рык.

Рыжик, который понял, что его страхи были небезосновательными, усиленно пытался понять слова Иваныча. «Самолет, это та железная птица. Так, а что такое радары? Зачем он с них пропал, и что это значит?»

Тем временем, разговор между сотрудниками Бориса и местным начальником продолжался. А Рыжику оставалось пытаться вникнуть в суть происходящего по редким репликам, которыми обменивались русские между собой.

Понять удалось немного — только то, что с Борисом и его самолетом что-то случилось, и теперь их не могут найти. Но и этого было достаточно, чтобы начать действовать!

Поняв, что тянуть больше не имеет смысла, Рыжик гавкнул Иванычу и Коле — мол, я побежал искать Бориса — и тут же рванул с места в карьер.

Коля проводил взглядом убегающего пса и вернулся к переговорам — он тоже собирался вылететь на одном из поисковых самолетов.

Рыжик запомнил направление, в котором самолет унес Бориса, и уже через час, следуя примерно в том направлении, он оказался за городом. Сначала путь его пролегал вдоль берега, однако, постепенно береговая линия все больше уходила прочь от той прямой, которой следовал пес. Потом несколько километров он несясь вдоль автомобильной дороги.

Шумные кварталы, нагромождение зданий самого разного пошиба, машины, толпы людей, все это постепенно рассеивалось и, в конце концов, шоссе вывело его за город. А потом дорога и вовсе, капризно вильнув серым телом, отклонилась в сторону.

На самом деле, особого смысла следовать по одной прямой не было — самолет мог уже сто раз свернуть в сторону, или даже вовсе кружить по кругу, но так как у Рыжика не было никакого представления о намеченном курсе самолета, такой метод поиска был ничем не хуже любого другого.

Пригородные дома лепились к дороге, поэтому, отойдя от нее, пес остался и вовсе в полном одиночестве. Он уже очень устал, к тому же довольно скоро потерял первоначальное направление. Возможно, он уже давно сбился с прямой, сам того не заметив, однако, пока путь его пролегал вдоль

дороги, была, по крайней мере, иллюзия того, что заданное направление сохраняется.

Высунув язык и тяжело дыша, Рыжик остановился и огляделся. Вокруг него раскинулось пустынное предгорье, покрытое редкой, невысокой растительностью. И куда ни взглянешь — везде тихо, и глазу не за что зацепиться. Что делать?

И тут тишину нарушил отчетливый гул мотора. Через минуту Рыжик увидел медленно ползущее по небу пятно приближающегося самолета. Пес затаил дыхание, наблюдая за все увеличивающейся в размерах летающей машиной.

Почувствовав, что ближе самолет уже не подойдет, пес принялся громко лаять — так громко, как только мог. Самолет пролетел мимо.

Поняв, что тот удаляется, Рыжик побежал за ним. Направление — пусть не слишком имеющее смысл — все же было задано. Поисковые команды примерно знали, куда должна была лететь пропавшая машина. Поиски продолжались.

«Бегу-бегу, опять бегу! А как же иначе. Вот только есть ли смысл в моих усилиях? А пусть даже и нет, все равно буду бежать, искать, пока могу. У кого бы помощи попросить?» — размышлял про себя пес.

В воздухе витало множество запахов, и некоторые из них явно принадлежали живым существам (пусть и не людям), которые, возможно, смогут помочь. Все запахи были незнакомы — значит, раньше Рыжик с их «носителями» не встречался. Что ж, это только дает дополнительную надежду.

Пес, следуя по запаху, немного отклонился от выбранного направления. Зато бежать пришлось недолго — скоро на горизонте показалась целая группа непонятных силуэтов, которые медленно двигались на фоне заката навстречу Рыжику.

По мере приближения неизвестных существ, они все сильнее что-то ему напоминали. А потом, уже подойдя вплотную, он вспомнил — тогда, когда они ехали с Ашрафом, он видел эти большие существа. Это были слоны!

«Они такие большие, обязательно должны понять меня. А уж если я смогу рассказать о своей беде, то они обязательно помогут. Ведь тогда, когда я видел их с Ашрафом, они помогали людям, значит, служат им, любят людей, так же, как я. Обязательно помогут!» — с такой задачей Рыжик подбежал к стаду серых гигантов.

Вот только как им рассказать? Как объяснить? Как заставить понять?

Пес подбежал к слону, который возглавлял группу и был самым крупным и лаем попытался привлечь к себе его внимание. Не тут-то было! Вожак даже не посмотрел в его сторону, не говоря уж о том, чтобы остановиться.

— Гав-гав-гав!.. — надрывался пес.

Поняв, что с вожаком ничего не выходит, Рыжик подбежал к другому слону (вообще-то это была слониха, но разве это важно?) и вновь стал требовать внимания к себе. Объект его нападок повернул голову к маленькому рыжему комочку и опасно, приставным шагом, шагнул в сторону — не более того.

«Почему? Почему они не хотят даже смотреть в мою сторону?» — удивлялся пес.

Отчаявшись, Рыжик умолк. А потом заметил совсем маленького слона, слоника, который до этого прятался за своей мамой. Решив попытать счастья еще раз, Рыжик кинулся к нему и опять залаял.

Слоник обратил на него внимание. Но реакция его была совершенно не той, что ждал Рыжик — слоненок испуганно затрубил и спрятался за мамой.

Зато мама, наконец, удостоила надоедливую пса своим вниманием — она повернулась к нему, опустила голову и оглушительно взревела!

Смысл ее обращения был совершенно понятен — недвусмысленная угроза. Рыжик благоразумно отбежал далеко в сторону — такая громадина раздавит и не заметит. А слоны, мерно вышагивая, продолжали свой путь на восток, оставив пса наедине с его бедой.

Стемнело. К тому же сил продолжать поиск не осталось совсем. Ужасно хотелось пить и спать. Водой, однако, поблизости даже не пахло. Пришлось Рыжику довольствоваться слегка влажными листьями небольшого кустарника. Пожевав растительность, пес лег под куст и заснул.

Синее-синее море, шепот и плеск волн, белые барашки на их гребнях. Блики солнца и гладкие спины дельфинов. Они хотят, чтобы он их услышал. И он стал слышать.

Подводный мир. Ощущение во рту сладкого вкуса мелкой рыбки. Загадочные, любопытные люди. Если плыть очень долго, то вода становится все прохладнее, а потом появляются огромные куски льда, дрейфующие в море. Забавные пингвины на огромной ледяной земле. А земля эта светится, будто есть на ней что-то сильное, важное, магическое.

Хозяйка мира — повсюду. От нее исходит сияние. А что же есть на ледяной земле? Людей на ней почти не встретишь, их там совсем мало — холодно. Холодно, но светло. Там особое сияние. Свет. Красиво.

Все же лучше там, где теплее. А здесь очень холодно. Холодно, когда ты здесь. Здесь — значит уже не там, где были друзья, тепло? Опять потеря? Потеря — это всегда невообразимо больно.

Люди иногда делают больно. Касатки, акулы, винты лодок. Хозяйка бережет от бед, но не всегда, и не все в ее власти... В людях тоже есть свет, более низкого порядка, чем у Хозяйки мира, но есть. Больше нет ни в ком.

Люди не понимают, не прислушиваются, или не хотят понимать и не хотят прислушиваться — они слишком заняты своими делами. Общаться с ними бесполезно. Не слышат они не только мысли других живых существ, не слышат и криков о помощи живых существ, живущих в воде, на земле, летающих в воздухе. Не слышат даже самих себя и себе подобных.

Слышит ли их то, что светится на огромном ледяном острове?

Свет...

Свет утренних лучей разбудил Рыжика, прервав необычный сон про дельфинов. Пес решил для себя, что обязательно должен еще хотя бы раз пообщаться с этими удивительными существами. А пока его ждало дело, так и не законченное вчера.

Вновь пожевав листиков, пес принялся. К нему приближался кто-то незнакомый. Что ж, тем лучше — может быть незнакомец сможет чем-то помочь, решил Рыжик и побежал навстречу.

Бежать пришлось недолго — из-за дерева, прямо перед носом пса, вдруг выпрыгнула огромная кошка! Да, это была именно кошка, он сразу понял это, лишь увидев ее. Рыжая, почти такого же оттенка, что и он сам, но в два раза крупнее пса и... кошка была ужасно злой! Рыкнув, она, не раздумывая, бросилась на Рыжика!

Спасли пса только природные инстинкты, которые, овладев его телом, помогли, не раздумывая, моментально отпрыгнуть в сторону. Кошка промах-

нулась, но отказываться от охоты на пса явно не собиралась. Она ловко вывернулась и вновь оказалась лицом к жертве. Рыжик понял, что остается только бежать, что есть мочи! И он побежал. Побежал, что было сил, поджав хвост, пригнув голову к земле, бездумно работая лапами с максимальной частотой, на которую был способен.

Но кошка, которую мы называем львицей, не отставала, и даже, напротив — неуклонно приближалась, нагоняя бедного пса. Еще немного и она бы схватила его.

Рыжик увидел впереди заросли деревьев и, сделав усилие, ускорил бег. Еще мгновение, и пес достиг зарослей. Здесь он получил некоторое преимущество — кошка была крупнее его, поэтому ей трудно было мчаться через путаницу лиан с той же скоростью, что и псу. Рыжик получил некоторую фору. Однако не избавился от проблемы: он не привык так долго и так быстро бегать, к тому же он был голоден и мучился жаждой.

Продолжая убежать, Рыжик услышал равномерный шум, грохот и почувствовал, что впереди вода. Заросли неожиданно расступились, и он оказался на небольшой поляне, которая обрывалась берегом небольшой речки.

Пока Рыжик пересекал поляну, кошка почти нагнала его — пришлось прыгать на другой берег. Кошка прыгнула за ним.

Уже оказавшись в воздухе, пес понял, что не долетит до другого берега. И действительно, он плюхнулся в воду. Кошка же пронеслась над ним и приземлилась на другом берегу.

Бурный поток подхватил уставшее, вымотанное тело Рыжика, обнял упругими струями и понес куда-то. Сопротивляться сил не было, поэтому он лишь старался держать голову над водой.

Краем глаза пес заметил, что кошка все еще не отказалась от своей добычи, чтобы задрать его — она бежала вдоль берега, приноравливаясь прыгнуть в воду.

И тут земля вдруг улетела вверх, а Рыжик полетел вниз вместе с потоками воды. Кошка исчезла из поля зрения и моментально покинула мысли многострадального пса. Захватывающий дух полет длился всего несколько мгновений, и он даже не успел толком осознать опасность падения, как вдруг с громким всплеском стукнулся о водную гладь, тут же его поглотившую.

Было больно и страшно. Но он смог подняться на поверхность, вынырнув. А потом река понесла его дальше, оставив львицу у вершины водопада.

Проплыв довольно приличное расстояние, Рыжик все же смог в удачном месте, где поток был не столь бурным, выбраться на берег. Вылез, отряхнулся и тут же повалился на землю, надрывно дыша от усталости.

Все тело ныло, надоедливо горели неглубокие порезы и небольшие ушибы. Но долгого отдыха пес себе позволить не мог: во-первых, он вспомнил про громадную и злую кошку, которая могла где-то недалеко рыскать, а во-вторых, он чувствовал, что надо торопиться спасти Бориса, который нуждается в его помощи, в нем, и, самое главное, времени осталось совсем мало.

Преодолевая боль и усталость, Рыжик побрел вдоль берега реки. Где-то впереди чувствовался запах моря, и он решил идти на этот запах.

Прошел, наверное, час, а может быть, и два — время тянулось неопределенно и медленно, — когда Рыжик не только почуял, но и услышал шум прибоя.

Позволяя накатывающейся синеве омыwać лапы, он смотрел на далекий горизонт. Там, в водной

глади, чувствовалось чье-то присутствие. Впрочем, Рыжик надеялся и был почти уверен в том, что это те, кто ему нужен. Он звал их.

И они появились. Сначала лишь два едва различимых над водой плавника. Потом один из них выпрыгнул из воды, прострекогав что-то. И Рыжик загавкал, призывая их к себе.

Дельфины.

Они подплыли совсем близко и замерли, высунув головы из воды. Рыжик, пытаясь объяснить им, в чем его беда, истошно лаял и выл, бегая взад-вперед, махал хвостом, то припадая на передние лапы, то вскакивая. Он не знал, как по-другому выразить то, что надо сказать.

И тут в его мыслях появились картинки в движении. Как некий образ, который походил на фильм. Он увидел берег и себя, глупо бегающего по песку и лающего. И тогда-то пес понял, что весь его лай ничего не стоит, что так он ничего никому не объяснит. От него на картинке так и исходила тревога, беспокойность, но ничего конкретного понять было невозможно. Так дельфины показывали псу, что не понимают его.

Необходимо было показать им «свою» картинку! Образами рассказать о том, что случилось с Борисом.

Рыжик постарался успокоиться и представил себе Бориса, который улетал на самолете. Потом он представил самолет и Бориса в нем так, чтобы было видно, что Борису плохо, а самолет как бы находился в пустоте, окруженный неопределенным белым туманом.

Рыжик старался представлять себе эти картинки как можно образней, реалистичнее, чтобы дельфины увидели их и все поняли. И они поняли!

Застрекотали что-то опять, глядя друг на друга, засуетились, а потом ответили. И Рыжик увидел.

Картинка в его голове опять показывала песчаный берег, но уже без пса. Песчаная полоса здесь была совсем узкой, ее ограничивал резкий глиняный обрыв, словно земля здесь решила внезапно подняться. А дальше, за обрывом, зеленели заросли. Сквозь стволы, опутанные порослью лиан, можно было разглядеть отблеск чего-то металлического. Рыжик понял, что это видна часть крыла самолета.

«Он там! Борис там! Надо бежать. Но куда? В какую сторону?»

И тут же возникла следующая картинка. На ней был Рыжик. А потом вид как бы начал сдвигаться вправо, оставив пса где-то в стороне, и все двигался и двигался вдоль берега, пока не появилось уже знакомое место — то, куда упал самолет.

«Значит, надо просто бежать по берегу вправо, пока не увижу это место! Как все легко. Если бы знать с самого начала». И он залаял, переполненный благодарностью, не зная, как выразить ее. Но дельфины и без того поняли чувства пса и, прострекотав ответное, вроде «всегда пожалуйста», нырнули и пропали.

Рыжик, забыв про усталость и раны, бодро побежал в указанном направлении.

Николай протер глаза и откинулся на спинку кресла. Он устал. Не столько от того, что уже второй день почти без перерыва находился в воздухе, и не от того, что почти не спал, и даже не расстроенные чувства давили на него сильнее всего. Он устал от постоянного напряжения. Первое время нелегко, затем становится тяжелее, но после нескольких часов начинаешь терять всякую способность воспринимать увиденную информацию. Мозг с трудом работает, продолжая все же выдавать функциональную установку.

Еще Николая раздражала бесплодность их усилий. Неужели в таком районе, где были не сплошные джунгли самолет мог упасть так, что его потом не найдешь?! Не может такого быть. Да и был бы самолет, а то так, самолетик, который летал по строго заданному сектору радиусом в несколько десятков километров. Ну, куда, черт подери, он мог подеваться?

И тело несчастного уже наверняка пришло в весьма неприглядное состояние. За два-то дня да на жаре, да при такой влажности!.. То, что Борис ушел в иной мир, у Коли сомнений не оставалось. Какой еще может быть исход после падения самолета? Разве что чудо.

Николай тяжело вздохнул, потянулся и вновь принялся всматриваться в проползающий под брюхом самолета пейзаж.

Бежать пришлось не так уж и далеко. Самолет оказался именно там, где его показывали картинки дельфинов. Рыжик пробрался сквозь заросли (это далось нелегко) и увидел, что самолет, опираясь на землю одним крылом, остальной своей частью повис на деревьях. Причем, в плоскость зарослей он, видимо, вошел не вертикально. Можно было увидеть проломленную хвостовую часть самолета и его покореженный фюзеляж. Он висел в воздухе на небольшой высоте, но достаточно высокой для пса.

Отчетливо пахло кровью и смертью.

Рыжик залаял, призывая Бориса ответить ему, а потом прислушался. Тишина. Тогда он стал карабкаться на крыло самолета, покачнув его, и попытался добраться до кабины. Угол наклона крыла относительно земли и гладкая металлическая поверхность делали это задачей не из легких. Мучиться пришлось долго! Лапы скользили, разрывая тишину

противным на слух скрежетанием, и каждый раз, почти забывшись в кабину, пес скатывался вниз.

Наконец, осторожно и медленно ступая по самому краю крыла, Рыжик сумел добраться до разбитого стекла кабины.

Пахло ужасно. Отфыркиваясь, пес с трудом втиснулся во внутрь. На ближнем к нему кресле сидел пилот самолета — весь скрюченный, скособоченный, неестественно запрокинув голову. Он был мертв! От лица его практически ничего не осталось, и именно это тело являлось источником запаха гниения, который с трудом переносил даже пес.

Рыжик увидев Бориса, бросился к нему! Тот сидел без движения, уронив голову на грудь.

— У-у-у, гав-гав-гав! — кричал Рыжик, облизывая Бориса. — «Борис, поднимайся!».

Но человек никак не реагировал на Рыжика. Однако пес чувствовал, что хозяин жив! И это главное. Пусть он лежит без сознания, весь в крови, в грязи, но он дышит! Рыжик чувствовал это.

Пес продолжал оближивать Бориса, пока тот, наконец, не подал более активных признаков жизни — он попытался поднять голову и что-то промычал, но лишь для того, чтобы вновь уронить голову и замолчать.

Рыжик понимал, что Борису нужна срочная помощь людей, что сам Рыжик тут не справится. Ничего страшного — уж людей-то он точно найдет и приведет! И на этот раз у него все получится! Обязательно.

Пес кинулся вон из кабины и побежал к берегу...

Николай сам не заметил, как уснул — только что, вроде бы, не отрываясь, смотрел вниз, и вдруг поймал себя на том, что видит сон. Сон был хоро-

ний — жаль, что воздушная яма заставила расстаться с ним и вернуться к реальности. А реальность была неутешительная — еще немного, и поиски, по крайней мере, такие активные, можно будет заканчивать за полной их бесполезностью. Видимо, они все-таки упали в воду...

Вздыхнув, Коля уже автоматически, с безнадежностью посмотрел вниз, на землю. Их самолет летел вдоль берега — вдруг картина, которая уже порядком поднадоела ему своим однообразием, показалась ему необычной.

Что не так?

Что-то было, но что именно, Коля никак не мог понять — берег, море, заросли, и бегают взад-вперед одинокий пес. Вроде ничего интересного... Но пес! Вот оно что — он показался Николаю знакомым! К тому же, вел себя слишком уж активно — бегал, лаял и все это... глядя вверх.

Это же тот самый пес! Бориса!

Пока Коля сообразил, что к чему, самолет успел оставить пса где-то далеко позади! Не это ли беда? Немедля больше, он крикнул пилоту, чтобы тот разворачивался и садился — благо гидроплану над морем всегда легко найти взлетно-посадочную полосу...

Почти неделю Рыжик не отходил от Бориса. Благодаря усилиям Николая пса не гнали от больного даже в первые дни, когда еще было неясно, выживет ли он. А уж потом, когда Борису стало лучше, он и сам бы никому не позволил выгнать Рыжика.

Борис все еще был плох. Множественные переломы и потеря крови, да еще и сотрясение мозга сами по себе не представляли бы проблем для медиков, если бы не сутки, проведенные больным в висящем самолете.

Выбраться самостоятельно Борис не мог — застряла сломанная нога. Да и в сознание он приходил лишь изредка и ненадолго.

С воздуха же его никак не могли увидеть из-за плотной завесы зарослей, надежно укрывавших место падения самолета от взглядов сверху. Поэтому заслуга спасения жизни Бориса полностью принадлежала Рыжику. Он-таки успел — еще чуть-чуть и было бы поздно.

И с тех пор, как Борису рассказали об этом, он не уставал благодарить верного пса:

— Рыжик, миленький, спасибо тебе! Клятвенно обещаю, что буду всегда кормить тебя лучшими кусками мяса, оставляя похуже для себя. И вообще, буду обхаживать тебя до самой смерти кого-либо из нас. Ты ведь полетишь со мной в Россию?

— У-у? — не понял Рыжик. В какую такую Россию? Когда и зачем? Почему-то ему совсем не понравилась эта мысль.

— Я тебе еще не говорил: вчера Коля сказал, что меня переводят в Россию. Подлечиться, а потом дадут, видимо, какое-нибудь тепленькое местечко на родине, возиться с бумагами. Эх-х, понижение, конечно, но зато дома... А я так соскучился! — и Борис продолжал в том же духе, ностальгируя по родине.

Но Рыжик не слушал его. В голове пса бродили мысли совсем иного плана. Он уже понял, что бывают разные страны, и в них живут разные люди, говорящие на разных языках, обитают разные животные, растут разные деревья, да и солнце светит по-разному. Будто разные миры, разделенные между собой лишь колючей проволокой, поместили на одну землю и заставили жить под одним небом.

Павел, Борис, наверное, и Ашраф, да и он сам — все они из одной страны, России.

Но он не хотел возвращаться туда, где уже был. Потому что знал — там нет того, к чему его непреодолимо тянет. Теперь эта тяга стала еще сильнее, обострилось чувство цели.

Спустя несколько дней Борис, уже бодрый и веселый, сказал ему:

— Ну, что, Рыжик, завтра выписываемся и на родину! Билет нам уже купили и даже все справки для тебя сделали. Коля устроил все так, будто ты у нас служебный пес, поэтому даже обследоваться у местных ветеринаров не надо. Так что, можешь попрощаться с Африкой — не думаю, что мы вернемся сюда.

Рыжик, внимательно выслушав Бориса, вдруг подбежал к нему, запрыгнул на кровать и прижался мордочкой к человеку.

— Ну-у, что ты? Я-то никуда не денусь! Или это ты так говоришь, что по здешним местам будешь скучать? — весело шутил Борис, обнимая пса.

Но Рыжик знал, что он действительно будет скучать. Нет, не по здешним красотам, а по Борису. Пес лизнул его, скулянул и выбежал из палаты.

— Ну вот, видимо, побежал прощаться с морем, — ухмыльнулся Борис, устраиваясь поспать.

Рыжик и вправду побежал к морю, но прощаться с ним он не собирался.

ГЛАВА 8

В порту стояло всего три больших корабля. Около этих океанских гигантов трудилось великое множество людей и машин всех мастей. Но Рыжику долго не пришлось искать нужный корабль — на понятном ему языке говорили только возле одного из них. И как только пес подошел поближе, чтобы

все разузнать, познакомиться с моряками, у него появилось четкое ощущение, что именно сюда, на этот корабль, ему и надо.

— Ой, какой песик симпатный! — умилилась веселая рыжеволосая девушка в конопушках. — Ребята, смотрите, как он ко мне ластится, давайте его с собой возьмем!

— Ну, что ты, Машенька! Что он тебе плохого сделал? Такой хороший пес, а ты его на четыре месяца ледяного ада обрежь хочешь! — иронично возмутился мужчина в смешной шапке.

— Игорь! Не называй меня Машей, я Мария! Ма-ри-я! Понятно тебе? — смешно пасунившись, девушка топнула ножкой. — А песик милый, он мне нравится, не то, что вы все, дылды! Он нам помогать будет, сани возить.

— Угу, впряжем его в трактор и поедем.

Все стоящие рядом весело рассмеялись.

— Да ну вас! — обиделась Мария.

— Нашей Машеньке игрушка нужна, наша Маша ма-аленькая девочка. Хотя ножки у маленькой Машеньки ого-го.

Дружный смех.

— Ах ты... Ну, Саша! Все, я обиделась и с тобой больше не разговариваю. И вообще, с вами со всеми теперь не разговариваю! И не подходите ко мне больше!

— Гав! — заступился Рыжик, хотя и чувствовал, что Мария злится не серьезно, а как бы играет.

— Пошли, песик, я тебе покушать дам. Ну их, мужиков этих, правда?

— Гав, — Рыжик не возражал.

Мария гордо хмыкнула на ржущих мужчин, отвернулась и бодро зашагала в сторону корабля. Пес побежал за ней. Когда они взойшли на палубу, стоящий у прохода человек как-то странно посмо-

трел на Рыжика, но ничего не сказал. Мария же просто не обратила никакого внимания на реакцию моряка.

Впрочем, пса девушка тоже не замечала, словно забыла о его существовании. Видимо, задумалась о чем-то своем и чуть было не захлопнула дверь каюты прямо перед носом Рыжика. Но он успел напомнить о себе громким лаем.

— Ох, ты меня напугал! А я уж и забыла... — спохватилась она. А потом повернулась так, чтобы освободить проход и скомандовала:

— Заходи, давай.

Рыжик заскочил в каюту, и Мария заперла дверь. Затем она, что-то бормоча себе под нос, принялась деловито копаться в большой сумке, которая небрежно валялась на кровати.

— На вот, поешь, — она, наконец, улыбнулась и протянула Рыжику бутерброд с колбасой. Пес аккуратно стянул колбасу и заглотнул ее.

— Ну вот, а хлеб кто будет есть?

Рыжик вздохнул, почти как человек, и хлеб съел.

— Умница! Только вот что-то я погорячилась там, на пристани. Что мне теперь с тобой делать-то? — Мария села на кровать и закусила губу. Просто так, без разрешения начальства, взять с собой пса она не могла. Да и достаточно ли простого разрешения? Может быть, там еще и кучу бумаг надо оформлять. Ради чего? Ради бродячего, а может быть и просто потерявшегося домашнего пса, которого она видела впервые?

Мария была эмоциональным человеком и, потакая своему порыву, могла совершать не всегда обдуманные поступки. Но там, на пристани она просто погладила красивого «несика» и пошутила, что возьмет его с собой. А пес пошел за ней, а его

глаза... словно все понимали и просили оставить его здесь. Немыслимо!

Мария глядела на Рыжика, а он на нее.

— Покушал? — спросила она, нежно погладив его по голове. И добавила, почти жалобно: — Ну, и ступай себе.

— У-у-у! — решительно возразил он и залез под кровать, оставив снаружи лишь мордочку.

Маша вздохнула: «Ну и пусть! Никому ничего не скажу! Завтра с самого утра отправление. А там — будь что будет». Приняв такое решение, она больше не стала сомневаться на этот счет.

Стало темнеть. Предстоящий вечер и всю ночь ребята собирались провести на берегу. Пора было собираться и Маше. Разложив на кровати необходимые для каждой женщины вещи: тональный крем, помаду, тени, лак и еще много такого, о назначении которых мужчинам и вовсе знать не обязательно, Мария принялась приводить себя в порядок и краситься.

Впереди ее ждали полгода жизни в Антарктиде, где не часто будет предоставляться возможность выглядеть на все сто, поэтому сегодня вечером она должна постараться (хотя женщина всегда найдет время и возможность хотя бы слегка подчеркнуть линию губ).

Собравшись, Мария на прощание игриво чмокнула Рыжика в нос, вызвав у него прилив положительных эмоций и бурное виляние хвостом. А потом ушла, заперев за собой дверь своей каюты.

Рыжик остался один.

В темноте приятно пахло ее духами. Пес был доволен, но жалел лишь о том, что расстался с Борисом. Как он там, без него?

Утро началось с того, что Мария забежала в каюту и, кинув Рыжику: «Привет, красавчик», при-

нялась переодеваться. Рыжик, радуясь ее возвращению, суетился рядом, то и дело облизывая ее ноги.

Маша смеялась:

— Ну, ты, бесстыдник. Отвернулся бы хоть!

Рыжик послушно отвернулся, продолжая вилять хвостом.

— Ой! — вскрикнула Мария. — Ты что же, понимаешь меня?

Пес повернулся и гавкнул, сопроводив свой возглас кивком головы.

— Как классно! — от восторга она захлопала в ладошки. — Какой ты умненький! Наверное, тебя долго учили разным командам, да? Ты у нас ученый пес!

Рыжик бы ответил, да не мог. Он и пытаться не стал.

Переодевшись, девушка приказала: «Сиди здесь» и опять умчалась куда-то.

Она так и не вернулась, даже, когда Рыжик почувствовал, что корабль стал отплывать. Но спустя еще какое-то время. Мария вернулась и воскликнула:

— Вот мы и в открытом океане! Красиво. Только ты пока не выходи, — поспешно добавила она. — Вот отплывем подальше, тогда я всем про тебя расскажу. Не думаю, что из-за собаки мы повернем назад, правда?

Пес лишь приветливо махнул хвостом вместо ответа.

— Кстати, ты знаешь, куда мы плывем? В Антарктиду! Там о-очень холодно, зато ужасно интересно! Ты только смотри, потом домой не просись!

Рыжик и не собирался. Он только подумал: «Антарктида. Это новая страна? Пусть будет Антарктида».

Весь первый день плавания Рыжик провел в каюте. Мария забыла о естественных потребностях пса, и бедняге пришлось терпеть до вечера. А ве-

чером желание опорожниться стало настолько нестерпимым, что пришлось напомнить о себе Марии. Борис на корабле водил его в туалет регулярно, и проблем не возникало. О том Рыжик и попытался рассказать девушке.

Он, подвывая, смотрел то на нее, то на дверь и робко царапался, показывая, что хочет выйти.

— Ой, а может быть, подождем с выходами до завтра, а? — попросила Маша, желая отложить неизбежные разборки с начальством как можно дальше.

— У-у-у, — возразил пес, поняв, что его не понимают.

Тогда Рыжик встал боком к двери и поднял лапу.

— Ты что? — испуганно закричала Маша и, тут же испугавшись своего крика, зажала себе рот ладошкой. — Дуреха, я же совсем забыла, что тебя надо как-то еще и в туалет выгуливать. Только непонятно, как это делать на корабле?

Рыжик, довольный тем, что его поняли, терпеливо ждал.

— Значит так. Сейчас пойдем в туалет. Только, чур, тихо! Если повезет, то никого не встретим — все уже разбрелись по каютам. А потом я тебя закрою в туалете, и ты сделаешь все свои дела. И мы быстро вернемся.

Так и сделали. По дороге к туалету им никто не встретился, хотя на палубе, в отдалении, кто-то ходил. А вот добраться назад столь же незаметно не получилось. В узком коридоре, нос к носу, они столкнулись с высоким мужчиной в белом костюме, который удивленно посмотрел сначала на Рыжика, потом на замершую Марию и произнес:

— Та-ак! Мария Владимировна, я вынужден поинтересоваться, что этот четвероногий друг делает на моем судне?

– Миэ-а, товарищ капитан, понимаете...

– Пока не понимаю, но надеюсь на вашу помощь.

Рыжик, тем временем, почувствовав страх и напряжение Марии, напрягся, слегка приоткрыл пасть в угрожающем оскале и приготовился защищать девушку.

По коридору к ним, весело смеясь и громко переговариваясь, приближались еще какие-то люди. Мария продолжала молчать, с ужасом глядя на угол, из-за которого они должны были вот-вот появиться.

– Капитан, Машенька... Ох ты... – осекся первый вырвавшийся из-за угла. Рыжик его видел на причале. Тогда Мария называла его Сашей.

– Что здесь такое? – нахмурился еще один из подошедших. Он был гораздо старше всех остальных.

– Да вот, Арсений Павлович, кажется, я поймал зайчика, – улыбнулся капитан, подмигивая Марии. – Вы тут разберитесь, а потом мне расскажете. Только девушку сильно не обижайте. Всего доброго.

Капитан ушел. Четверо мужчин с удивлением смотрели на нее, а хмурый Арсений Павлович становился все более мрачным.

– Я жду, Мария, ваших объяснений! Что это за пес? Он ваш?

– Арсений Павлович... – сбивчиво начала Мария, – ну-у, этот пес...

– Р-р-гав! – вмешался Рыжик.

– Да это же тот самый, которого мы встретили на причале, – удивленно заявил Саша.

– То есть? Объясните все толком! – потребовал Арсений Павлович.

– Гав-гав-гав, – попытался объяснить Рыжик.

— Тихо, Рыжик! — крикнула на него Мария. — Да, это тот самый пес. Вы не поверите, Арсений Павлович, какой он умный и послушный, очень хороший песик. Он ведь может нам пригодиться, правда?

— Я что-то не понял, — вскипел Арсений Павлович, — вы пытаетесь мне сказать, что встретили совершенно случайно пса на причале и протащили его на борт судна, идущего на Антарктиду? Я правильно все понимаю?

Тишина.

— Да, — поникшим голосом ответила Мария.

— Мария, я поражен вашей любовью к животным, но вынужден исключить вас из состава экспедиции, вместе с вашим любимцем! — процедил начальник сквозь зубы.

Мария, которая до этого момента сдерживалась изо всех сил, закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Ну, Арсений Павлович, — загомонили остальные мужики, — ну, не отлучайте нас от Маши, как же мы будем жить без такого симпатичного метеоролога три месяца?! Давайте простим ее, Арсений Павлович.

Начальник, явно смущенный слезами своей подчиненной, растерянно насупился, глядя на пса.

— Но это же вопиющее нарушение порядка! Может быть, вы тоже жен и подруг в чемоданах перевозите, а я ничего не знаю? Разве ж так можно...

— Ну, Арсений.... — затанули мужики.

Мария продолжала плакать.

Рыжик, глядя на все это, совсем растерялся и не знал, что предпринять. Он, однако, прекрасно понял, что Арсению Павловичу не понравилось его присутствие на корабле. Надо было задобрить начальника Марии, попросить его как следует.

Тишину, которую нарушали лишь Машины всхлипы, прервал сам начальник.

— Ну, хорошо, Мария на первый раз простим вашу оплошность. Но не ждите, что я возьму пса на станцию! Он поплывет обратно, как только мы высадимся!

Марию затрясло еще сильнее. Рыжик понял, что если он не вмешается сейчас, то все его планы пойдут прахом.

— Гав-гав, у-у-у, ар-мгав-мгав! — залебезил он, припадая на задние лапы перед Арсением Павловичем. Что есть мочи пес молотил по воздуху хвостом и проникновенно смотрел прямо в глаза власти имеющему человеку.

— Ну, что ты на меня смотришь, животное, а ну, дай дорогу!

— У-у, — ответил Рыжик, мотая головой.

— Так, Мария, срочно уберите пса!

Мария не двинулась с места, продолжая реветь. Но уже подглядывая одним глазком за происходящим.

— Так, ребята, Саша, Михаил, уберите пса!

Рыжик завыл жалобно-жалобно.

— Арсений Павлович, по-моему, он просит вас оставить его, — заметил Саша, никак не отреагировав на приказ начальника убрать пса с дороги.

— Может быть, вы еще скажете, что он понимает, о чем мы говорим? — вновь разозлился Арсений Павлович.

— Гав, ргга, рга! — утвердительно закивал пес. И тут же подпрыгнул и лизнул опешившего Арсения Павловича в лицо.

— А-а, мгм! — только и смог сказать начальник.

Мужики заржали. Маша, забыв, что она должна плакать, тоже улыбнулась.

— Ну, все, Арсений Павлович, теперь-то вы уж точно не сможете отправить Рыжего — он вас полюбил с первого взгляда, — ухахатывался Михаил, Саша ему вторил.

— А-а, да ну вас всех! Только знайте, выделять ему отдельную кормежку я не собираюсь, — махнул рукой огорченный начальник и пошел прочь.

Он был добрым человеком, с мягким характером, и настоящим ученым — куда ему было бороться со слезами Марии и проявлением любви Рыжика.

С этого дня Рыжик основную часть времени проводил в кают-компании — относительно большой комнате, где стоял стол и несколько стульев вокруг него. По углам были расставлены мягкие кресла, а вдоль одной из стен даже диван с журнальным столиком. Этот корабль был далеко не тем огромным многопалубным лайнером, на котором они с Борисом прибыли в ЮАР, поэтому на доскональное обследование всех помещений у пса ушло совсем немного времени. Удовлетворив свое любопытство, он выбрал кают-компанию своим постоянным местонахождением.

В кают-компании почти все время присутствовал кто-то из людей, к тому же только здесь люди не были заняты своими делами, и Рыжику всегда было с кем поиграть и пообщаться. Все, кто плыл на корабле, делились на две группы, державшиеся отдельно друг от друга. Весельчаки, участники научной экспедиции называли себя «антарктами», а остальные были моряками. Моряки заходили в кают-компанию реже и к псу относились немного равнодушно. Зато «антаркты», в число которых входила и Мария, полюбили Рыжика.

Каждый из людей старался подкармливать пса — кто кусочек мяса принесет, кто кусок хлеба, а кто

и колбасу пожалует. Но только Мария кормила его постоянно и не маленькими кусочками, а хорошими порциями. Так как она постоянно держала диету, то могла со спокойной душой отдавать половину своих порций Рыжику.

Среди тех, кто баловал Рыжика был и Арсений Павлович. Именно он чаще всего разговаривал с Рыжиком, в то время как остальные больше стремились погладить, потрепать пса по загривку. Впрочем, ласка тоже вещь нужная, причем, не только собаке.

Рыжик, выслушивая то, что говорил Арсений Павлович, изо всех сил пытался отвечать ему, как-то реагировать, но выговаривание человеческих слов ему не давалось – только получались всякие «р-ргав, у-у-мм-рр-гар».

«Никак не получается у меня разговаривать по-человечески. А как бы хотелось! Не просто слушать, но общаться самому. Как же о многом я бы расспросил их! А может быть, именно потому что мы, собаки, не можем разговаривать как люди, у нас не получается общение не только с людьми, но и друг с другом? Может быть, животные тоже могут понимать людей так же, как и я, но не могут говорить? Да нет, ведь Волчица, Малышка и Ася вели себя совсем иначе и со мной, и с людьми. Или мне так кажется?» – с грустью размышлял Рыжик.

Он и не заметил, что в кают-компанию зашли его новые друзья – «антаркты», пока Саша не обратился к нему с вопросом:

– Рыжик, ты как думаешь, Машеньке нашей больше идет имя Маша или Мария? – подтрунивал он над Марией. – А, Рыжик?

Пять улыбающихся лиц и одна весьма разозленная мордашка уставились на пса так, словно и

вправду ожидали от него ответа. Он постарался не разочаровать их ожиданий.

— У-мм-гга-рр-иуу... Гав!

— Ух, ты! — воскликнуло сразу несколько голов.

— Рыжик, миленький мой! — обняла его радостная Мария. — Вот так вот, мальчики, слушайте, что Рыжик говорит.

— А псина-то, оказывается, умная! — покачал головой Михаил. — То есть, я хочу сказать, умнее средней собаки. Или он случайно такой сообразительный?

— Конечно, умнее, — сказал Арсений Павлович, — я уже давно это понял!

Все рассмеялись.

— Нет, ну, не сразу конечно, не с первого взгляда, но потом, общаясь с Рыжиком, я заметил, что он смотрит на собеседника так, словно понимает все, что тот говорит!

— Да ну вас, — отмахнулся Саша, — разве тут мистику. Ну, подумаешь, сказал то, что услышал. Попугаи тоже так могут, хотя птицы, на мой взгляд, тупые совершенно! Я, кстати, по телевизору однажды тоже такого вот пса видел, который что-то там выговаривать мог — дрессировка и тренировка, не более того.

— Дурак ты, Саша! — обиделась за своего любимца Мария. — Ничего-то ты не понимаешь! Сравнил попугая с собакой. Собаки вообще очень умные, они нас понимают, хотя бы частично. А Рыжик вообще умнейший пес!

— Ну, уж в любом случае не человеки они! — язвительно ответил Саша.

— Человеки — не человеки, а создания в высшей степени разумные.

— Ага, а еще есть свиньи, обезьяны и дельфины, — непонятно к чему заметил Док, врач «антарктов», которого все звали именно так и никак иначе.

Рыжик совсем освоился на корабле. Если ему было скучно в кают-компании, он выходил ненадолго на палубу, чтобы посмотреть на бескрайнюю синеву океана. И было на что посмотреть: цвет воды менялся день ото дня, то светлел, то темнел.

С каждым днем становилось все холоднее. Теперь даже днем мог налететь такой пронизывающий холодный ветер, что пес спешил побыстрее спуститься в теплую каюту. Члены экспедиции постепенно сменили летнюю одежду на зимнюю. Они уже не рисковали ходить в шортах и легких рубашках, все оделись в меховые куртки и теплые штаны.

В одну из прогулок по палубе Рыжику повезло — он увидел резвящихся дельфинов. Посмотреть на них прибежали почти все члены экспедиции. Но только Рыжик не просто смотрел и восторгался, он пытался «заговорить» с дельфинами.

И они ответили. Сначала в голове Рыжика появлялись картинки, на которых просто был показан корабль, как его видели сами дельфины: палуба корабля, машущие руками люди, невысокий комочек рыжей шерсти — пес.

Рыжик показал своим необычным собеседникам людей. И тех, кто был рядом с ним сейчас, и тех, кого он встречал раньше. Добрых людей, которые кормили его, ласкали, разговаривали; и злых, которые били, гоняли, причиняли боль ему или кому-то еще. Этим пес спрашивал дельфинов о том, кто же такие люди? В чем их исключительная Миссия — ведь только они строили дома, машины, умели разговаривать и в корне отличались от других живых

существ. Рыжик думал об этом, и спрашивал об этом дельфинов, которые поняли его.

В ответ в голове Рыжика появились и замелькали изображения, образы многочисленных людей: мужчин, женщин, детей – в море, на берегу, на кораблях. Казалось, что в этом не было никакого смысла, просто мелькание образов. Но вдруг вся эта панорама мелькающих картинок превратилась в нечто большее, чем череда изображений. Теперь в голове Рыжика рождались уже не зрительные образы, а мысли. Словно мозг превращал полученные образы в слова и понятия более высокого уровня.

Дельфины не знали, что человек – не просто одно из творений великой Хозяйки Мира, как все прочие живые существа. Они даже сомневались, что человек сотворен Хозяйкой, как все остальные. Ведь люди «излучали» свой свет, как дельфины и Рыжик, а остальные земные существа оставались тусклой живой плотью.

Дельфины рассказывали Рыжику, что еще издавна они пытаются «заговорить» с людьми, как сейчас с Рыжиком, но люди остаются глухи к этим попыткам. Видимо, не доросли еще. Да, люди очень и очень странные существа – они бывают удивительно добрыми, но иногда и чрезвычайно жестокими. Может, не иногда, а некоторые? Может, жестокость это их болезнь?

Потом океанские обитатели телепатически рассказали псу про то, что Хозяйка беспокоится. Они думают, что беспокойство это вызвано отчасти людьми. Копится в недрах Хозяйки мира что-то темное, готовое вырваться наружу.

Рыжик рассказал им картинками свой сон о ледяной земле, озаряемой мощным светом. Что это?

Дельфины не знали, что находится там, на ледяной земле. Но предсказали, что скоро у Рыжика

будет возможность узнать об этом самому, ведь до ледников осталось плыть не так уж и долго. Что бы там ни находилось, по силе света разума оно соперничает с Хозяйкой.

Дельфины очень хотели бы узнать о том необычайном источнике света, и просят Рыжика, если он узнает что-то о нем, поделиться с ними, дельфинами.

Пес хотел узнать у дельфинов еще очень многое. Но внезапно им завладело сильное беспокойство, и он понял, что это чувство передалось ему от дельфинов. В голове у Рыжика возникло изображение океанских глубин — метались полуслепые рыбы, ринулись прочь акулы, дельфины и все, кто находился на много километров вокруг. Из-под земли вот-вот должно было вырваться наружу что-то черное и очень страшное, приносящее смерть всему живому.

На этом картинки оборвались, и Рыжик завыл от предчувствия беды. Не обонянием, не слухом, а чем-то еще — сердцем?

Пес, воя, принялся оттаскивать Марию прочь с палубы.

— Рыжик, Рыжик, что с тобой?

Стоящий рядом капитан обеспокоенно посмотрел на испуганного пса:

— Говорят, животные чувствуют приближение шторма. Но небо-то абсолютно чистое. И не ветерка. Однако на вашем месте я бы послушался собаку и спустился вниз. Не все доступно нашему пониманию и нашим чувствам.

Мария только удивленно посмотрела на капитана, но промолчала и, уступив настойчивости Рыжика, позволила увести себя в каюту. Впрочем, дельфины уплыли, и она все равно собиралась спускаться — зябко. За ними потянулись и другие.

Мария не пожелала сидеть в каюте, куда ее привел Рыжик, и они пошли в кают-компанию. Там уже собралась порядочная толпа.

Люди легкомысленно общались, не ощущая приближения беды, и только Рыжик вел себя не совсем обычно — он забился в угол и жалобно поскуливал оттуда. Но про него все скоро забыли.

Прошло часа два, близилось время ужина, поэтому никто не расходился.

Сначала до них стали долетать встревоженные голоса команды и беспорядочный топот на корабле. Все замолчали. Саша поднялся, чтобы сходить узнать, что случилось. И в этот момент корабль вдруг бросило сначала в сторону, а потом вверх. Затем корабль сильно накренился.

Пол ушел из-под ног так, что даже сидящие на корабле не удержались на своих местах — судорожно цепляясь за все, что подворачивалось под руку, люди валились на пол и друг на друга. Лаял Рыжик. Кто-то глухо ругался.

Вскрикнула Мария. Рыжик ринулся ей на помощь, но тут корабль опять бросило сначала вверх, а потом вниз. Пес не добрался до девушки — качка распластала его по полу и отшвырнула обратно в угол.

Броски повторялись еще и еще. Но с каждым разом все слабее.

Напуганные люди поднимались с пола. Ругаясь на чем свет стоит. Потирая свой рассеченный лоб, встал на ноги Саша. Рыжик, чувствуя, что ужас заканчивается, успокоился и принялся вылизывать Марию, пребывающую в беспамятстве.

В кают-компанию вошел капитан. Все повернулись к нему, вопрошая безмолвным взглядом.

— Цунами! Очень сильное, но достаточно далекое. Впрочем, если бы мы были на берегу, а не в

открытом море, ничего бы от нас не осталось. Даже подумать боюсь, чем это кончится для жителей побережья, например, Индонезии, может быть, Индии или Африки, ну, и островов в океане конечно... Но теперь движение цунами закончилось. Нет повода для беспокойства.

Ближайшие населенные берега суши были так далеки, что казались чем-то совершенно абстрактным, поэтому все вздохнули с облегчением.

Потом еще долго все обсуждали произошедшее. О самом сильном цунами в истории человечества по радио сообщили только через несколько часов. Сведения о жертвах цунами были приблизительными, но всем было понятно, что речь идет об очень большом количестве погибших. Больше всех пострадали жители Индонезии. Волна докатилась и до Африки. Выходит капитан удивительно точно оценил силу разбушевавшейся стихии.

«Оханья-аханья» продолжались до самого конца плавания.

Первыми вдали появились диковинные ледяные горы – сначала редкие и небольшие. Но их становилось все больше и больше. Стало совсем холодно, даже в безветренный день, когда светило солнце. Никто лишней раз не старался выходить на палубу, кроме Рыжика, который как замороженный следил за проплывающими мимо изящными верхушками айсбергов. Среди них был один по своей форме напоминающий арку. Но куда она вела? В будущее или в никуда?

Он не пропустил того момента, когда капитан, стоящий на носу судна с биноклем в руках, закричал:

– Земля по курсу!

И пес сразу же почувствовал, что он близок к цели, пока ему неведомой...

Боже, как холодно! И постоянно дует непрекращающийся ветер.

Рыжик лежал у двери. Конечно, можно было бы зайти во внутрь строения, барака, как его окрестила Мария, но там было скучно — девять человек, которые заняты не поймешь чем, и все время шикают на пса, чтобы не мешался под ногами. Нет уж. Рыжика тянуло на улицу — он старался больше времени проводить снаружи, под открытым небом, несмотря на «зверский» холод.

Станция представляла собой три стоящих рядом «барака», пространство около которых было истоптано и завалено цилиндрическими баками, здесь из снега местами проглядывала земля. Настоящая земля! Вокруг станции, насколько простиралось взглядом, просматривалось только белое однообразие.

Из девяти человек, что остались теперь на станции, Рыжику были незнакомы четверо — они уже находились здесь, когда пес и «антаркты» приплыли на корабле. И эти старожилы оказались хорошими людьми. К Рыжику поначалу отнеслись с удивлением, но не более того, и никакой неприязни.

Утром и вечером люди работали в «бараках», там же, где ночевали, а днем большинство из «антарктов» сутились на улице. К моменту, когда солнце добиралось до своего зенита в этой части земли, воздух совсем немного прогревался, и становилось чуть теплее. Куда теплее, чем сейчас, в сумерках.

Рыжик встрепенулся, почувствовав незнакомый запах — кто-то живой и посторонний был совсем недалеко! Пес провел на станции уже две недели, но за все это время им всем не встретилось ни одного другого живого существа. Было чему удивляться.

— Гав-гав-гав! — залаял он приветственно и бросился на запах.

Тут же из бараков повыскакивали люди, наспех набрасывая на себя теплую одежду — все прекрасно знали, что Рыжик просто так лаять не будет. Увидев улепетывающего пса, побежали следом.

Бежать пришлось недолго — у самого берега, валко переваливаясь, убегали к воде два удивительных существа, которые двигались на двух коротких лапах. Рыжик ошарашенно остановился и замолк.

— Невероятно! Королевские пингвины! — закричали вокруг.

Щелк-щелк — замелькала вспышка фотоаппарата.

Плюх — пингвины, испуганные таким чрезмерным вниманием к своим скромным персонам, перевалились через обрыв берега и нырнули в воду.

Еще нескоро успокоились возбужденные «антаркты», все восхищались, хвалили Рыжика. Удивлялись, объясняя друг другу, о невероятном событии — до сих пор лишь однажды здесь видели королевских пингвинов! «31 октября 1980 года — отмечено появление с северной стороны мыса Беркс 15-ти пингвинов Адели и двух императорских пингвинов», — так гласила запись в журнале, сделанная полярниками много лет назад.

Что там пингвины — появление любой живности вблизи станции само по себе явление редкое и заслуживает пристальнейшего внимания. А нынешний случай состоялся благодаря Рыжику! Молодец, пес!

Рыжик все никак не мог оправиться от удивления — до того забавными и необычными показались ему эти самые пингвины.

С приходом темноты все набились в один барак и предавались веселой беседе, слушали радио и грелись. Рыжик обглаживал косточку, лежа в ногах у Марии.

— О! Послушайте-ка, — встревожено сказал Михаил, который сидел у радиоприемника. — Опять Европу затопило наводнениями, и неутешительный прогноз погоды...

— Подумаешь, обычное дело — в прошлом году там тоже ливни лили, были потопаы и все такое, — легкомысленно отмахнулся Саша. — Выруби ты это радио. Давай лучше выпьем за здоровье пингвинчиков.

— Да подожди ты, — огрызнулся Михаил, — там куча жертв и вообще все происходящее — не так просто...

Сказано это было напряженным и обеспокоенным тоном.

— Ну и что теперь будем делать? — пожал плечами Саша.

— Циник вы, Александр, — упрекнул его Арсений Павлович. — Сейчас вот в Европе ничего сверх необычного не произошло, и думаю, что СМИшники как всегда все преувеличивают, но все же любого вида катаклизмы могут произойти и в другом месте планеты, на любом континенте. Человеку разве можно тягаться с силами природы? Плохо все это, люди гибнут в мирное-то время, а, о таких действиях людей, когда вспыхивают войны — и говорить нечего...

— Ага, а «супер-пупер» богатая Европа, значит, ничего не может противопоставить стихии? Смешно.

— Не смешно. Природа всесильна. Это мы вообразили себя ее властителями, а она показывает нам, кто тут хозяин. Что мы против природы? Букашки, растереть — и мокрого места не останется. Недавнее цунами очень хорошо показало силу недовольства природы, а сколько же там было жертв!

— Арсений Павлович, вас послушать, так выходит, что природа есть существо мыслящее.

— А что, у тебя есть доказательства обратного?

— Тогда все мы должны задуматься над этим... — вздохнул Михаил. — Землю всю испоганили, заполонили.

— Мальчики, что-то вы совсем уж пессимистично мыслите, — возмутилась Мария. — Давайте лучше праздновать «нингвиниаду».

— О! Золотые слова, Маша! — загорелся Саша.

А Рыжик слушал разговор своих друзей и думал о своем. Как много общего было между словами Арсения Павловича, который говорил о силе природы с тем, что говорили ему дельфины о гневе Хозяйки Мира.

На следующее утро на станции все проснулись позднее обычного. Рыжик успел основательно поскучать. Первым поднялся Арсений Павлович и тут же принялся будить всех остальных.

— Вставайте, лежебоки! Работа не ждет! Вам еще послезавтра в поход идти, а на подготовку только один коротенький световой день! Кто за вас пойдет во льды страшные? Я, что ли? А?

— У-у-у, — только и раздавалось в ответ.

«Поход? — прислушался Рыжик. — Я пойду, обязательно пойду!»

— Гав-гав-гав! — во всеуслышание высказался он.

— Вот, правильно, Рыжик, помогай мне будить этих лентяев! — не понял пса Арсений Павлович.

Начинался новый день людей среди льдов. День, предшествующий походу-экспедиции.

ГЛАВА 9

После завтрака началось обсуждение экспедиции, ради которой многие и прибыли на ледяной континент. Причем, именно на эту станцию, которая

стояла в самом малоисследованном месте побережья Антарктиды.

Целью похода, как понял Рыжик из разговоров за столом, должно было стать изучение ледовой корки. Что за корка и зачем ее изучать, псу, конечно же, было невдомек, да и не больно-то интересно. Он слишком привык к тому, что цели и интересы людей далеко не всегда можно понять.

Важно было другое — только услышав об экспедиции, Рыжик сразу почувствовал, что ему по пути с учеными. Он чувствовал, что ему надо идти дальше, вглубь этого ледяного царства, что станция для него является лишь временным пристанищем.

Подсознательный зов с его прибытием на Антарктиду стал необычайно сильным. Внутренний голос, призывающий пса двигаться еще дальше, становился все настойчивей. Впрочем, это был уже не голос, звучащий в голове, как раньше, а просто полусознанное интуитивное стремление.

Однако идти одному неизвестно куда — вмиг замерзнешь — совершенно не хотелось, вот поэтому-то Рыжик и понял, что ему непременно надо уйти вместе с людьми.

Дело осталось за малым — уговорить «антарктов» взять его с собой.

— У-у-у, рггав! — сунулся Рыжик к Марии.

— Да, мой хороший? Что ты хочешь?

— Уэкх-ргх-у-у-у, — попытался выговорить он сложное слово «экспедиция», но понял, что не получится, и поставил перед собой задачу попроще. — Рг-уоу-пхоргав, — что означало слово «поход». И тоже не удалось.

— Ты кушать хочешь?

— У-у-у, — расстроился пес.

— Нет? Может погулять? Выпустить тебя? — Мария подошла к двери и открыла ее. Будто Рыжик сам не мог открыть дверь, если бы захотел.

Поняв, что здесь он своего не добьется, пес побежал к руководящему работой «на улице» Арсению Павловичу — раз уж ему так любезно открыли дверь.

Во дворе (если площадку между бараками можно назвать таким уютным словом «двор») сутились люди. «Копошились» главным образом, вокруг большой машины — вездехода.

Пес подбежал к начальнику и обратил на себя внимание:

— Гав!

— Так, Рыжик, поди погуляй. Не до тебя сейчас!

— Гав!? — возмущился пес.

Но Арсений Павлович уже отвернулся.

Рыжик постоял рядом еще некоторое время, будто раздумывая, а потом тяжело вздохнул и потрусил обратно в барак — там хоть было кому уделить ему внимание.

Рассвет еще не наступил, а на станции уже развернулась бурная деятельность. Рыжик, быстро позавтракав с рук заспанной Марии, побежал на разведку. Вездеход мерно урчал двигателем, принимая в себя последние грузы. Лезть с бесполезными угловорами пес ни к кому не стал — дождавшись, пока отправляющиеся ученые начнут залазить внутрь машины, он просто прыгнул следом.

— Эй-эй, а ты куда собрался? — удивился Саша, который влезал в вездеход последним. — Значит с нами поедешь?

— Гав, — поставил его в известность Рыжик.

— Рыжик, Рыжик, иди сюда! — позвал его Арсений Павлович. — Они уезжают, а ты остаешься.

Но пес изловчился и проскочил мимо Саши в глубь салона. Устроившись поудобнее позади сиде-

ний, он посмотрел на раскрывших рты «антарктов», мол: «Я готов. Трогай!».

Михаил потрепал его за ухом и крикнул Арсецию Павловичу:

— А он с нами едет!

Саша вздохнул, но кивнул. Вечно хмурый Никита вообще никак на Рыжика не отреагировал, а радист и водитель Загоруйко только усмехнулся и газанул вхолостую. Саша захлопнул дверь.

— Ну что, поехали, что ли?

— Поехали!

Загоруйко шумно выдохнул, передернул рычаг и вездеход медленно, нехотя покатыл мимо бараков, мимо провожающих, покатыл в неизвестность ледяной пустыни, в глубь материка.

Первые два дня пути однообразие убивало чувство времени и пространства. Нет, конечно же, путь их пролегал не по ровной, словно гладильная доска, белизне — вокруг все время высились холмики, торосы, частенько попадались крупные трещины. Вездеход двигался очень медленно и осторожно — если крупные трещины можно заметить и объехать, то более мелкие могли быть просто завалены снегом и скрыты от глаз. Эхолот не всегда мог помочь вовремя заметить скрытый провал, поэтому скорость передвижения вездехода не превышала десяти километров в час.

Днем во время стоянок Рыжик поначалу пытался исследовать местность, но потом бросил это занятие и не отходил от вездехода больше чем на два-три метра — все равно кроме снега и льда ничего вокруг не было.

Ночевали прямо в салоне, было тесно, но зато тепло.

Во время движения вездехода пес сидел позади всех, из окошечка любовался однообразным пейзажем и думал о своем.

Трепет и волнение возрастали в нем. Он понимал, что до цели оставалось совсем немного. Но что же может встретиться интересного здесь? Посреди льдов?

Все больше задумывался Рыжик и о другом — узнает ли он то, к чему стремится его душа? Не проедет ли мимо, не заметив? Было понятно, что все это как-то связано с тем светом, о котором толковали во время последнего общения, дельфины, светом, источником которого, по их мнению, является Нечто светлое и доброе. Наверное, живое. Ну, а если так, то он уж мимо не пройдет! Заметит. Да и сердце подскажет.

Начиная с третьего дня пути, большую часть светового дня трое ученых проводили на улице — ставляли приборы, снимали с них показания, что-то бурно обсуждали, то есть работали. Рыжик весь день изнывал от вынужденного безделья. На улице ему было холодно и скучно, поэтому он грелся в салоне вездехода. Здесь тоже было скучновато, зато тепло, да и Загоруйко, которому тоже было нечем заняться, уделял псу хоть какое-то внимание.

Время от времени радист выходил на связь со станцией. Тогда Рыжик слышал голоса Арсения Павловича, Марии или еще кого-нибудь из своих друзей-«антарктов». В разговор он не вмешивался, но слушал с удовольствием — чувствуя, будто собеседники совсем рядом. Все-таки и в людях есть очень много загадочного и удивительного, пусть они «не умеют говорить мыслями», как дельфины, зато свободно общаются друг с другом на расстоянии!

Вечерами участники экспедиции забивались в вездеход и принимались за ужин. Суп из полуфабрикатов казался пищей богов. Питательная теплота

растекалась по телам людей, возвращая уставшие и замерзшие организмы к жизни. В такие моменты понимаешь, как прекрасна жизнь, как важны мелочи, приносящие радость и мимолетное счастье!

Но вскоре все изменилось. Во время очередного вечернего сеанса связи с базой Арсений Павлович был очень взволнован и даже напуган:

– В общем, ребята, в мире творится что-то неладное, я бы сказал даже страшное! Помните разрушительную силу того цунами? Оно меркнет рядом с тем, о чем мы узнали только что. Началось это уже два дня назад, но мы были так заняты делами и пока не вышли на связь с материком, ничего и не ведали! В общем... Природа «взбесилась»! Уж не знаю, что происходит с нашей планетой, но «судороги» ее просто поражают своей частотой. Теперь стихия обрушилась на другие континенты. Например, на Американском континенте, начался сезон ураганов, в общем-то обычное дело, но на этот раз сила ненастья была необычайно велика. Разрушены и затоплены города на побережье континента.

И опять – это только начало, ведь такой ураган, так, мелочь, тычок в грудь национальной экономике, но далеко не катастрофа. И об этом урагане людей хотя бы предупредили и они «свалили куда подальше»,

А Природа все не успокаивается. Вдруг начались землетрясения на разных континентах, начались неожиданно! Погибли люди. Оставшиеся в живых требуют от своих правительств защиты от природных катаклизмов.

Между прочим, об этом мы узнали не от наших ребят с другой станции, мы связались с американскими коллегами с Мак-Мердо⁵. Они там просто в

⁵ Мак Мердо – крупнейшее поселение, порт, транспортный узел и исследовательский центр в Антарктике

шоке. Впрочем, мы теперь тоже. Короче, мальчики «хватайте руки в ноги», и дуйте к себе на станцию. Мы уже связались со всеми нашими станциями, договорились, что со всех концов на вертолетах своих людей собираем на «Молодежной», а туда уже направляется военный корабль, который всех заберет. Все понятно? Торопитесь! Но будьте осторожны! Все — конец связи!

— Ага, — только и сумел выговорить в микрофон Загоруйко.

«Антаркты» переглянулись, вздохнули — «Вот те на!..» — и принялись укладываться спать, хотя и понимали, что еще долго не смогут уснуть.

Назад двигались быстро, почти без остановок. Наверное, это и стало причиной последующих событий — торопливая неосмотрительность не могла довести до добра. Оставалось не более одного перехода до станции, когда несущийся на всех парах вездеход вдруг сильно трянуло. Движение резко прекратилось, в салоне потемнело. Центр тяжести сместился таким образом, что стало ясно — вездеход перевернут на бок. Трещина! Машина завалилась, упершись носом в стенку трещины, и висела, удерживаясь над пропастью «на честном слове».

Водитель, ошарашенно мотая головой, тупо смотрел на руку, которой секундой раньше провел по лбу, растирая кровотокающую рану.

— Что за!..

Сапа не успел закончить фразу — раздался страшный скрежет, и вездеход начал крениться, стремясь сползти по ледяной стенке.

Замер... Замерли и пассажиры.

Так тихо, что Загоруйкино сопение казалось громким.

«Хрясть!» — сломалось что-то снаружи, и вездеход полетел вниз в трещину!

Человеческие крики и песий вой ужаса слились воедино, на пару секунд заполнив собой все, а потом — удар, боль, тишина...

И легкое шуршание кусочков льда и снега, сыплющихся сверху на вездеход.

Вскоре Рыжик очнулся от боли. Пес отбил переднюю лапу, но кость осталась цела — наступать было больно, но терпимо.

Рыжик, цепляясь за заваленную на бок спинку кресла, добрался до Михаила и Саши, которые сидели ближе всего. Сашина голова, вся в крови, бессильно свисала, изо рта струилась кровь. Михаил свалился в промежуток между собственным сидением и спинкой водительского кресла. Крови на нем не было видно, но, осмотрев человека, Рыжик понял, что он, как и Саша, еще еле дышит. Или уже нет?..

Спереди послышался хриплый вздох. Пес бросился к Загоруйко.

— Хр-р-р. А-а-а! — только и просипел тот.

— Гав-гав-гав!

— О-о-о! — застонал водитель уже более внятно. — Что, черт возьми, происходит? Где я? — он непонимающе огляделся, а потом, сфокусировав взгляд на Рыжике, удивился:

— Рыжик? Ох! А где все?

— У-у-у, — жалобно заскулил пес, облизывая человека.

И тут Загоруйко, видимо, все вспомнил. И громко выругался, проклиная судьбу и трещину.

Никита, сидевший рядом с Загоруйко, не подавал никаких признаков жизни. На лбу у него распухла гематома. Загоруйко еще раз выругался и откинул Никиту на спинку кресла. Затем приложил руку к шее ученого, подождал несколько секунд и

еще раз ругнулся. «Нужна срочная помощь, иначе будет поздно!», — прошептал Загоруйко.

Рыжик с надеждой смотрел на водителя — ты же Человек, мудрый, умный, скажи, что мне делать? Ах, если бы человек сам знал, что делать...

— Так, надо передать сообщение на базу. Где там чертова радиостанция, уцелела ли?

Радиостанция была установлена позади сидений, рядом с местом пса. Водитель попытался встать, но тут же скрючился и зашипел от боли. Рыжик жалобно скулинул и лизнул его в лицо.

— Черт! Нога! Похоже, я застрял! — он зло стукнул приборную панель, вымещая на ней раздражение от боли и страха. — Ладно, не нервничать. Главное — успокоиться. — Глубокий вздох. — Так, что там с Саньком и Михой? Эй, ребята! Санск!

Рыжик метнулся к Саше и Михаилу, обнюхал их, вернулся и заплакал:

— У-у-у-у-у...

— Что, валяются без сознания? Это плохо! Надо выбраться! Доползти!

Он повторил попытку добраться до радио, но ничего не добился — боль пронзила ногу, взметнулась по позвоночнику и вырвалась наружу криком.

Рыжик залаял, взбешенный собственным бессилием.

— Что же делать?! — закричал Загоруйко, колошматя тахометр.

Потом замолк, задумался.

— Рыжик, ты должен помочь! Я сам не верю в это, но ведь все говорили, что ты очень умный пес! Рыжик, милый, ты должен подойти к радио и послать сигнал SOS. Радио, Рыжик, радио! Оно там, сзади, понимаешь? Радио!

Рыжик понимал, что такое радио и где оно находится. Но что, черт возьми, такое «SOS»?

Пес перебрался к черному ящику радиостанции и вопросительно посмотрел на человека. Тот, поймав его взгляд, заговорил:

– Молодец. Да, это радио. Надо послать сигнал SOS. Черт, как же ты сможешь... Все бесполезно!..

Он заплакал от бессилия. Оттого, что не может дотянуться до спасительного агрегата, который лежит тут, в двух шагах. Разве можно надеяться на то, что пес совладеет с чудом техники, с которым не всякий человек разберется?! Нечего и думать об этом.

Однако Рыжик изо всех сил хотел помочь и потребовал, чтобы ему разъяснили, как это сделать:

– У-у, гав-ргав!

– Рыжик, миленький, все бесполезно...

– Гав!

– Ладно, все равно я больше ничего не могу сделать, так что же мы теряем? Давай, миленький, открой крышку! Крышку!

Это было нетрудно – пес не раз наблюдал за тем, как это делается. Минута – и крышка была открыта.

– Так, молодчина! Теперь... слушай меня, теперь надо включить питание. Там такой рычажок, такая штучка... – Рыжик наблюдал за работой радиста и последовательность его движений во время включения и работы рации. И хотя он не видел как отправляют сигнал SOS, но все равно хотел как-то все перепробовать, чтобы наверняка все кнопки стали работать, тем более что Загоруйко ему подсказывал. И включил.

Загоруйко, увидев зеленый отблеск индикатора питания, чуть не заплакал от счастья.

– Молодец, молодец, Рыжик! Осталось совсем немого ...

Они провозились минут десять, прежде чем пес сумел сам включить сигнал SOS. Благо для этого не надо было ни ловить сигнал, ни работать на прием-передачу сообщений. Все просто — «жмак», «жмак» и готово. Услышав писк — три коротких, три длинных, три коротких, — исстрадавшийся Загоруйко не сдержался и заплакал. Теперь-то их найдут! База пристально следит за этой частотой...

С этой мыслью он и потерял сознание.

Очнулся Загоруйко только в вертолете. Узнав склонившегося над ним Арсения Павловича, он первым делом спросил:

— Все живы?

Начальник отвернулся, неуверенно пробормотав:

— Живы... Пока...

— А где... Рыжик?

— Я не знаю, когда мы прилетели на место аварии, его не было там. Только вы, четверо. Сейчас ветер, снег... Я не нашел следов!

Спасенный хотел заплакать, но опять потерял сознание.

Холодно! Мороз настолько силен, что не спасает ни шерсть, ни упорное движение. Кровь, будто загустев, еле-еле ползет по телу, не согревая его. Сильный ветер помогает стуже проникать под кожу, пробирает до самых костей.

Когда получилось справиться с радиоприемником, и Загоруйко провалился в сон, Рыжик вдруг отчетливо понял, что сделал для своих товарищей все, что мог, и теперь надо уходить. Уходить, потому что ему стало не по пути с людьми.

Может быть, человек, обремененный условностями, прочно засевшими в его сознании или даже в подсознании понятиями о нормах поведения, испу-

гался бы таким мыслям, но Рыжик просто подчинился своим чувствам.

Он выбрался из трещины, не сразу, но, выбравшись, побежал.

Неясный, подсознательный зов пес чувствовал раньше и много раз. Он проявлялся по-разному, но всегда был понятен. А вот осознание конкретного направления, четкий вектор, ведущий к определенной и не столь уж далекой точке — такого раньше не было. Цель близка! Только это и придавало Рыжику силы продолжать упорное движение. Вперед! Преодолевая холод, ветер, снегопад, усталость, желание упасть и заснуть. Заснуть и больше никогда не просыпаться. И он шел очень долго.

Сил оставалось все меньше. Рыжик уже почти ничего не видел, несмотря на то, что снег прекратился, да и ветер ослаб. Просто глаза отказывались работать.

На грани отказа были и ноги.

Где-то на пределе слышимости пес уловил далекое-далекое жужжание лопастей вертолета — нашли, понял Рыжик, и вдруг твердая ледяная корка ушла у него из-под ног.

Вода! Ледяная вода. Откуда? При таком-то морозе...

Рыжик провалился в небольшую, но достаточно глубокую лужу, затем он погрузился полностью в воду. Пес сразу же перестал чувствовать лапы. Он напрягся и сделал попытку выбраться из ямы. Выпрыгнуть не получалось — не хватало сил, попытка вылезти привела к тому, что он поскользнулся и снова с головой ушел под воду.

Вынырнул. Странно. Холода больше не чувствовал. Только тело трясло крупной дрожью. И еще — стремительно наваливался сон, сопротивляться которому было невозможно. Вялые мысли: «Зачем?

Почему я здесь?» постепенно угасли вместе с сознанием. Рыжик засыпал.

— Не отчаивайся, пес. Ведомый мною, ты достиг цели.

Сон? Бред? Рыжик не чувствовал своего тела, но сознание кое-как теплилось. Голос в голове звучал настолько ясно, что трудно было заподозрить его в причастности к сновидениям.

Зрение молчало. Темно. Не абсолютная, скорее дымчатая, пористая, сероватая муть. Рыжик хотел что-то сказать, но не смог. Однако вопрос, прозвучавший в его сознании, был услышан:

— Кто ты?

— Я? Я источник того света, о котором тебе рассказывали любимцы Хозяйки. Я — Хранитель Разума.

— ...? — немой, не сформулированный даже мысленно, вопрос лишь мелькнул в голове пса, но тоже был услышан.

— Миры... Их великое множество. Светила согревают их, баюкают, растят. Но мир остается мертвым, холодным до тех пор, пока одна из рода Хозяек не поселится на нем, не вдохнет в него пламя жизни.

Хозяек много, но миров в тысячу раз больше. Поэтому далек еще тот день, когда каждый из миров оживет, распутившись прекрасным цветком жизни.

Там, где селится Хозяйка, появляется Жизнь! Формы жизни, физиология в мирах отличаются друг от друга, в зависимости от прихотей своей Хозяйки. Но жизнь эта всегда неразумна, в любом хозяйстве любой Матери мира.

Всех, кого ты встречал на своем пути — собаки, братья их волки, кошки, лоси, слоны и все-все-все,

кто дышит, плодится, поглощает пищу, летает, бегает — живет — все они созданы Хозяйкой этого мира. И ты, ты тоже.

Хозяйка способна вдохнуть жизнь, но не разум. Сознание, но не осознание. Инстинкты, но не мысли. Но, кроме Хозяек, мироздание растим еще и мы, Хранители Разума. Нас еще меньше, чем Хозяек, поэтому не везде, где есть жизнь, существует разум.

Способность мыслить растим уже мы, Хранители, пользуясь тем материалом, что предлагает нам Мать мира. Люди называют таких, как я, богами.

Ты уже, наверное, догадался...

— Человек!

— Да, именно человек стал тем существом на этой планете, которого создала Хозяйка, и которого я выбрал как вместилище разума.

— А как же дельфины?

— О, дельфины... Это любимейшие из детей Хозяйки этого мира. Они умны по-своему, ибо и Мать способна на многое, но не разумны в том смысле, который вкладывают в это слово Хранители. У них нет амбиций, нет способности мыслить абстрактно. Они многое понимают, но мало учатся, раз обрета некие способности, они не стремятся развивать их.

— А я?

— Ты... — Хранитель тяжело вздохнул. При таком способе общения это выглядело довольно странно. — Ты первый такой какой есть! И последний. Ты все поймешь потом.

— Я стал таким же, как люди?

— Ты первый из тех, кто будет дальше нести пламя разума на этой планете.

— Почему?

Вновь тяжелый вздох. Горячая волна раскаянья, горечи окатила сознание Рыжика, и ему стало

страшно — столь тяжелыми были переданные ему чувства.

— Хозяйка очень недовольна своими сыновьями, в которых я вдохнул частичку разума. Она недовольна и мной, ибо я ращу и развиваю способности человека. Но разум тем и уникален, что невозможно управлять им со стороны, он самостоятелен, трудно прогнозируем. Путей развития мысли существует очень и очень много, и какой из них выберет тот или иной носитель разума, не знаем даже мы, его хранители.

Я, как мог, наставлял, направлял человечество и все еще уверен, что оно уникально и ценно, но, боюсь, Хозяйка слишком опасается того, что с ее миром могут сотворить и уже творят люди, негативно мыслящие и непредсказуемые в своих преступных поступках.

Я боюсь за разум.

— Разум? Но разве я не умираю?

Хранитель не ответил, но Рыжик почувствовал его теплое прощальное прикосновение.

Сознание угасло, лапы подкосились, и тело шерстолапого разумника ушло под воду. Поверхность лужи тут же удивительным образом заледенела, словно вода дожидалась Рыжика и теперь укутала его, надежно укрывая от всех напастей.

ЧАСТЬ III

ГЛАВА 1

Первое что почувствовал Рыжик – холод! Не тот обычный мороз, что кусает за нос и сковывает лапы, будто кандалами, а всепоглощающий холод, проникающий в самое нутро. А может быть, как раз в этом нутре, в самых глубоких его складках и рождаемый?! Холод заполнял все сознание, вытеснял все прочие чувства и мысли.

Всезаглушающая боль, казалось, не совместима с жизнью. Поэтому первой мыслью пса было: «Я умер! И что же дальше?». Мысль, прозвучавшая на уровне подсознательного полунамека, закружилась, беспрестанно повторяясь, как качели – взад-вперед: «Я умер – что дальше?», «Я умер – что дальше?»...

А потом родилась другая мысль: «Я чувствую и думаю, значит, все же жив?». И, словно в подтверждение этого, однообразная тьма перед глазами сначала окрасилась цветными кругами, а потом и лучик света прорвался.

Сколько времени прошло? Казалось – вечность! Но вечность не имеет конца, а забытье Рыжика явно подходило к концу. Пес, словно заново рожденный, учился чувствовать свои конечности. Он пока не мог пошевелить ими, но почему-то был уверен, что скоро пошевелит – ведь боль чувствовалась даже слишком хорошо!

Главным же достижением стало очищение мыслей от бредовой шелухи – теперь-то он знал, что жив. Жив, но очень замерз! Поэтому еще не факт, что жизнь его не прервется с минуты на минуту!

Открыв было глаза, Рыжик вынужден был тут же закрыть их — свет больно резанул глазные нервы, выстрелив прямехонько в мозг так сильно, что если б пес мог, то взвыл бы благим матом! Но — увы, не мог, поэтому замороженный вместе с головными связками вой остался внутри.

Однако мысль работала почти исправно. Медленно, нехотя, но трезво.

«Где я?» — первый разумный вопрос. Ответить, правда, пока не представлялось возможным, поэтому вопрос оставался риторическим, что не помешало мысли ухватиться за него, вытягивая гирлянду воспоминаний! — «Лужа? Да-да, я упал, потому что брел долго и было холодно... Потом был голос! Хранитель. Он был? Или это все мне показалось?»

Тело пробила неумная дрожь. До этого момента ее не было — настолько онемело хранилище души. Теперь же, словно отыгрываясь, тело сотрясилось так, что думать стало больно! Но это был хороший знак — Рыжик начал оттаивать.

«Да, я помню — я замерзал, а потом... Наверное, замерз. И этот голос... Голос Хранителя... Я не помню, что он мне говорил, но что-то очень важное! Что?»

Глаза постепенно привыкали к свету. Темнело розовое зарево, пробивающееся сквозь закрытые веки. И Рыжик рискнул опять открыть глаза — свет, конечно, показался ему слишком ярким, но вполне терпимым.

— Гав! — крикнул Рыжик миру и заслозил. Телом пес все еще владел крайне неуверенно, лапы не желали слушаться, разъезжались и скользили. Мало онемения, так еще и лед, на котором Рыжик лежал, совершенно не способствовал равновесию. Оставив бесплодные попытки подняться, пес огляделся, прислушался и принялся.

Где-то, совсем рядом, плескалась морская волна — это он понял сразу. И запах, и звуки доносились соответствующие. Но откуда? Ведь от того места, где он упал в лужу, до моря было очень и очень далеко!

Ну, что ж, уже интересно — где-то рядом море. Пес продолжал оглядываться. А потом понял, что чувствует легкую качку!

«Не может быть! Неужели я на корабле?»

Конечно же, нет! Как только пес сумел подняться и обследовать территорию пребывания, он понял, что плывет на льдине! А вокруг, насколько глазу видно — бескрайний океан!

Естественно, удивлению Рыжика не было предела, когда он это понял. Льдина мирно дрейфовала, мягко покачиваясь. Никаких признаков того, что берег недалеко, пес не заметил — вода, одна сплошная синева воды. И мягкий, легкий, теплый ветерок. Он ласково обдувал Рыжика, перебирая его шерстку, согревая тело и душу.

Льдина, приютившая пса (впрочем, он ее об этом не просил), была огромных размеров. Целый остров льда. Она поднималась на несколько метров из воды, а плоская площадка, образующая ее поверхность, могла бы разместить с десятков домов.

Плоскость эта была, конечно же, далеко не идеально плоской. То тут, то там высились торосы и наросты, а трещины и ямы коварно распахивали свои пасти. И за каждым торосом пес, поначалу, ожидал увидеть землю, людей или хоть что-то, кроме голого льда! Хотя бы пингвина! Но ожидания его раз за разом не оправдывались.

Не прошло и часа, как похрамывающий пес полностью обошел всю льдину. Ничего интересного на ней не было. И ему стало так тоскливо! Тоскливо от одиночества и неопределенности. Что случилось

с ним? Что ждет его впереди? Как добраться до суши?

Пожалуй, последний вопрос был самым главным на данный момент — доберись он до суши, там уж и с остальным разобраться не трудно будет.

Рыжик, движимый неумной своей соображалкой, все старался придумать способ ускорить движение льдины. Но старания эти, естественно, были пустыми — единственное, что он мог сейчас сделать, это ждать. Помощи? Смены декораций? Да хоть чего-нибудь!

И пес принялся ждать. Пытаясь подавить голод, он лишь выпил талой воды.

Возбуждение, охватившее его от пробуждения, постепенно схлынуло. Усталость атрофированных мышц взяла свое, и пес уснул.

Два долгих дня, казавшихся бесконечными, Рыжик провел на льдине в одиночестве! Его мучил голод, грызла тоска. Единственное дело, которым он мог занять себя — думы думать. Но от истощения даже это простое дело давалось ему с великим трудом. От малейшего напряжения начинала болеть голова, а мысли, цепляясь друг за друга, запутывались в такой клубок вопросов, что и вовек не распуташь. К тому же размышления его все равно были бесплодны, так как он не был способен найти ответа ни на один из терзавших его вопросов.

Спасали только воспоминания о минувшем. Он закрывал глаза и вновь становился наивным, добрым щенком, преданным своему хозяину, не отягощенным никакими мыслями. Павел играл с ним, разговаривал — как давно это было! Так давно, что теперь и не поймешь, а было ли вообще?

И вот, проснувшись на третий день, Рыжик, наконец, увидел живое существо! В десятке метров

от него, на выступе тороса, сидела птица! Самая настоящая, довольно крупная – белое брюшко, сизо-серые крылья.

– Кия-я-я-я, Кия-я-я-я! – закричала она, увидев, что пес попытался вскочить на лапы. Спросонья истощенному не сразу удалось подняться. Птица, словно поняв, что никакой угрозы от него не исходит, замолчала и уставилась на Рыжика немигающим глазом.

Выглядела птица смешно и нелепо. К тому же совершенно не проявляла дружелюбия. Но Рыжик так обрадовался, что как только голос стал повиноваться ему, залаял, что было мочи, во все осипшее горло.

– Гав-гав-гав! – ему хотелось плясать, хотя, если подумать, чему радоваться-то? О том, что появление птиц посреди океана говорит о близости берега, пес все равно не знал – он радовался просто тому, что увидел хотя бы одно живое существо! Отчаявшись, Рыжик начинал думать, что в целом мире вообще не осталось никого, кроме него самого. И вот, на тебе, птица!

А пернатая, тем временем, испугавшись такого бурного проявления эмоций, сиганула прочь!

Рыжик замолчал. Но радость в душе не умолкала! День начался весьма многообещающе.

От голода сводило живот. Чтобы хоть немного заполнить желудок, пес принялся лизать подтаявший лед.

С тех пор, как Рыжик очнулся, льдина хоть и не очень, но все же заметно уменьшилась в размерах. Пока этот факт не вызывал у него опасений, хотя следовало бы – до берега еще неизвестно сколько плыть, а айсберг рано или поздно обязательно растает в теплых водах.

То, что воды теплые, Рыжик выяснил еще пару дней назад, когда совершенно случайно, поскользнувшись, упал с льдины. Испугался, конечно, но вода оказалась, вполне терпимой температуры. Забраться обратно тоже не сразу вышло, но, слава богу, в одном месте берег айсберга не обрывался крутым взгорком, а образовывал пологий скат. По нему и залез.

После невольного купания пес не раз прыгал, теперь уже добровольно, в теплые волны — хоть какое-то развлечение. Однако далеко от льдины не уплывал — страшно. Да и сил особо плавать не было, так что — пару гребков туда-сюда и быстренько назад, на льдину.

И вот, решившись немного поплавать, раз уж утро подарило ему хорошее настроение, Рыжик подошел к самому краю айсберга. И сердце его замерло — он увидел изящный изгиб выпрыгнувшего, нет — выпорхнувшего из воды тела. Дельфины! Любимые дети Хозяйки Мира.

Усмирив волнение, Рыжик потянулся мыслью к удивительному созданию природы.

Дельфины (оказалось, их трое) тут же почувствовали зов пса, и через мгновение их умные мордочки, высунувшись из воды, уже смотрели прямо на Рыжика. Внимательно и заинтересованно.

Первое, что почувствовал пес — любопытство дельфинов.

«Кто ты?!» — спрашивали они.

Рыжик тяжело вздохнул про себя — на этот вопрос, ох, как не просто ответить. Но стоило ему лишь начать рассказывать о том, как он жил раньше, до встречи с Хранителем, о том, как встречался с другими дельфинами, его прервали: «Мы помним тебя!»

«Мы помним тебя. Хотя все это было очень и очень давно, так давно, что рассказы о тебе, передаваемые от одного к другому, из правды превратились в легенду, в предание. Ты — отмеченный светом Хозяйки, единственный, кроме людей, на нашей памяти. А память у нас долгая. Ведь рассказы о тебе родились еще в прежнем мире, от которого осталось очень немного».

«Прежний мир? О чем вы, я не понимаю!»

«Разве ты не знаешь? С тех пор, как происходили те события, о которых ты начал рассказывать, сменилось великое множество поколений. Одно поколение дельфинов умирало от старости, рождались маленькие дельфинята, старились и умирали — так произошло десятки тысяч раз! Мир, о котором ты рассказываешь, умер!»

«Что значит умер? Как же называется то, что вокруг? Разве это другой мир?»

«Другой, потому что в этом мире нет больше никого, кроме тебя и нас, кто наделен внутренним светом, никого из тех, кто способен думать».

«А люди?»

«Людей нет. Хозяйка, доведенная ими до предела терпения, стряхнула людей со своего тела. И не только людей. Это было очень страшное время. С тех пор все изменилось. Другие животные бегают по земле, другие птицы поют у берегов, изменились даже обитатели глубин! Только мы остались теми же».

Рыжик молчал, пытаясь осознать услышанное.

«Тогда вода кипела от извержений вулканов, воды океана устремились на сушу, воздух, отравленный людьми, убивал их самих, а заодно и многих других. Земля тряслась от землетрясений, возникали новые горы, рушились старые — все живое кричало и корчилось, умирая в муках ради

обновления мира. Мы не знаем всего, потому что большая часть дельфинов укрылась за пазухой нашей матери — Хозяйки. Но когда через два поколения мы всплыли, мир стал неузнаваемым. Это был новый, чистый мир. Мы увидели закат старого мира и рождение нового. Теперь только мы можем рассказать о том, что старый мир, вообще, существовал когда-то».

«А как же... Как же теперь?» — Рыжик совсем растерялся.

«А теперь все спокойно!»

Помолчали несколько минут. Дельфины не уплывали и не тревожили Рыжика, понимая, что у него в голове сейчас ужасная путаница.

«Что же произошло со мной?» — нашелся, наконец, пес.

«Этого мы не знаем. Ты взбудоражил наших предков дельфинов своим появлением, потому что мог, как и мы, передавать информацию мыслью! Именно поэтому память о тебе сохранилась до сих пор. Дельфины следили за тобой и ждали твоего возвращения. Но ты пропал на ледяной земле, и мы думали, что навсегда. Что ты встретил там?»

«Я не помню. Вроде бы...» — Рыжик принялся рассказывать то, что помнил сам. Отрывочно, бессвязно, неуверенно. Был ли Хранитель? Была ли, вообще, та жизнь, которую пес считал своей?

Рыжик устал и замолчал.

Дельфины нырнули ненадолго, а потом пес увидел перед собой рыбешку! Любимцы Хозяйки Мира поняли, что он на грани полного истощения.

Рыжик, позабыв на время обо всем, жадно подрыкивая, вцепился в рыбину, раздирая ее на части и глотая, почти не разжевывая, вместе с костями и чешуей. О-о, каким же наслаждением для него был этот процесс!

Однако не успел Рыжик проглотить последние кусочки, как его тут же скрутило. В животе бурлило и кололо так, будто он не рыбу съел, а кактус. И не один, а с десяток. Хотелось вцепиться в живот зубами и, разорвав его, освободиться от жуткой боли! И Рыжик принялся кусать себя, выкручиваясь непредставимым образом.

Он бы, наверное, разодрал себе брюхо, если бы его не вывернуло. Желудок освободился, исторгнув не переваренные, толком не пережеванные куски рыбыны. Стало легче, хотя боль не ушла окончательно, но теперь она не колола, а ныла. Зато и голода не чувствовалось — от мысли о еде сразу же становилось плохо.

Когда Рыжик немного пришел в себя и огляделся, то понял, что дельфинов рядом нет. Видимо, притащив ему еды, они тут же уплыли по своим дельфиньим делам, предоставив песу возможность поест в спокойной обстановке.

Вот тебе и поел...

Желудок продолжал недовольно урчать, но это отошло на второй план — пес почувствовал слабость, его неудержимо клонило в сон. Он лег на лед и уже через минуту заснул.

Проснулся ночью. Дул сильный ветер, льдину ощутимо раскачивало на волнах. И от каждого качка Рыжика начинало мутить.

Пес попытался отвлечься и принялся разглядывать звезды, которые слегка проглядывали сквозь легкую дымку облаков. Очень скоро он поймал себя на том, что, глядя на звезды, думает совершенно об ином. Если желудок еще не был готов переваривать пиццу, то голова для переваривания всего того, что он слышал от дельфинов, уже созрела.

«Неужели это правда? Неужели мир действительно погиб и возродился? Почему же тогда я не погиб вместе с ним? Или погиб?» – принять такое было трудно. Словам дельфинов приходилось верить, но может быть, они что-то перепутали? Может быть, неправильно думают? Мало ли какие истории дошли до них из смутного прошлого, не факт, что эти истории не исказились!

С трудом верилось, прежде всего, в то, что с тех пор, как он бегал с Павлом, прошло бесконечно много времени! Как же это так может быть?

Однако пришлось пока допустить такую возможность: мало ли какие чудеса случаются.

А вот в то, что на земле больше нет людей – в это Рыжик совсем отказывался верить. Даже допустить такую возможность не получалось.

«Как же так? Как же без людей! – думал он. – Нет, наверное, дельфины, просто, не видят их у берега. Но где-то они обязательно живут! Где-то там... Там, где красивый лес, и где людьми созданы великие чудеса и под землей и на земле! Надо обязательно найти людей!».

К чему мог прийти в своих размышлениях одинокий, голодный, до смерти уставший пес, которому сказали, что весь мир встал вверх тормашками?.. Только голова разболелась. Мысли как путались, так и путаются, куча вопросов – и ни одного ответа. Впрочем, появилось хотя бы некоторое подобие цели в жизни – найти людей и опровергнуть домыслы дельфинов.

Однако, цель целью, а Рыжик все еще плыл посреди безбрежного океана. Для начала хорошо было бы оказаться на земле! Где он, берег?

Рассвело. Рыжик грустно обмерил шагами свой, уже ощутимо уменьшившийся в размерах, ледяной

островок. Обмерил и прилег у самой кромки. И тут же почувствовал мысленное приветствие!

Мгновение — и из воды показалась веселая дельфинья мордочка.

«Ты уже проснулся! Тебе надо помочь! Мы решили, что поможем тебе добраться до суши, ведь если ты пережил изменение мира, значит, ты нужен Хозяйке. Ты голоден?»

«Помогать мне? Спасибо! Не уверен, нужен ли я Хозяйке, а если нужен, то зачем? Ведь я с ней никогда не разговаривал, и не видел ее».

«Глупый, она везде! Вокруг тебя. Всегда! Так ты хочешь рыбу?»

«Да, я очень хочу есть».

Дельфин нырнул, и не прошло минуты, как вынырнул обратно с рыбой в зубах. На этот раз Рыжик не торопился. Тщательно пережевывал, осторожно глотал и съел не всю рыбину, а лишь около трети.

Дельфин не уплывал далеко, пес периодически слышал, как тот плещется, резвится на небольшом отдалении от льдины. Поэтому, закончив с рыбой, Рыжик потянулся мыслью к любимцу Хозяйки Мира. Дельфин тут же оказался рядом.

«Ты говоришь, что поможешь мне доплыть до земли. А далеко до нее?»

«Нет, тут совсем близко! Но ты, сидя на льдине, плывешь медленно, поэтому солнце еще опустится и поднимется несколько раз, прежде чем твои лапы коснутся земли. Поймать тебе еще рыбу?»

«Нет, спасибо», — ответил Рыжик и свернулся клубочком посередине айсберга.

Теперь он чувствовал уверенность в том, что обязательно доберется до берега, ведь ему в этом помогают! К тому же с такой подкормкой Рыжик мог бы плыть себе и плыть много дней, а по словам

дельфина, до берега осталось всего ничего. Вполне можно успокоиться и подождать.

И он ждал — спал, ел, размышлял.

Общаться с морскими разумниками не хотелось — зачем? В очередной раз слышать то, во что он с трудом мог поверить? Слышать подобное было неприятно, даже страшно. Поэтому он лишь иногда переспрашивал о том, как долго еще плыть, или просил поймать ему рыбу.

Так, в пустом ожидании, прошло два дня. Ранним утром третьего дня пес проснулся оттого, что ему было мокро! На постоянно тающей льдине, вообще, всегда было мокро, но вода в очень больших объемах на ней не скапливалась — стекала в океан. А тут, прямо, потоп какой-то! Спросонья Рыжик не сразу понял, что от его айсберга практически ничего не осталось! Он настолько уменьшился в размерах, что пес оказался по брюхо в океанской воде.

Испугавшись, что вода вот-вот окончательно поглотит его, пес стал истошно лаять, одновременно мысленно взывая к дельфинам. На его зов тут же отреагировали — совсем рядом, лапой дотянуться можно, из воды показалась вечно улыбающаяся мордочка.

«Не бойся! Лед пока еще держит тебя. Еще несколько часов — и тогда мы поможем тебе плыть дальше, пока льдина не растает окончательно».

Пес немного успокоился. Хотя ему все равно было не по себе — в темной, предрассветной воде еще невозможно было различить кончиков лап. К тому же, он все больше замерзал! Температура воды на тающей льдине была некомфортной.

Прошел час. Рыжик замерз окончательно. Замерз так, что уже устал дрожать. И тогда, чтобы разогреться, он прыгнул в воду и, активно работая

ланами, отплыл подальше от тающего островка. Но не успел пес проплыть и нескольких метров, как почувствовал, что прямо под ним что-то всплывает! Рыжик испугался, но его уже подхватили и буквально повезли на себе.

Конечно же, это был один из дельфинов! Пес как бы оседлал его, разбросав лапы, обхватив ими тело своей возницы. А рядом то и дело выныривали другие дельфины, пощелкивая, улыбались оробевшему Рыжику и снова исчезали под водой.

Пес окончательно освоился с таким необычным способом передвижения и даже начал поскуливать от удовольствия! Он несся по волнам, словно быстроходный катер, разрезая воду, презрев ветер и соленые брызги.

Дельфины не ввали — льдина не доплыла до берега буквально совсем чуть-чуть. Быстроходные разумники доставили пса на берег за полчаса.

А когда до песчаного лукоморья оставалось около десятка метров, дельфины остановились, предлагая Рыжику взбираться на берег самостоятельно. И он, бултыхаясь в мелководье, устремился к земле!

Выбравшись, пес шумно отряхнулся, повернулся к своим спасителям и благодарно гавкнул. Те в ответ прострекотали: «До встречи!» и, нырнув, пропали в океанских волнах. Рыжик, проводив их взглядом, отвернулся от ненавистой воды, принюхался и побежал к прибрежным зарослям.

ГЛАВА 2

Пахло свежестью.

Свежестью и обновлением, свободой. Очень хорошо пахло, легко и приятно. Рыжик обследовал прибрежное редколесье и пришел к выводу, что

природа здесь удивительно похожа на ту, что была в последней стране до «белого материка». Город вроде бы назывался Кейптаун.

Борис... Понски упавшего самолета, удивительные представители животного мира, темнокожие люди, теплое море и ласковый утренний ветер. Все это вспомнилось в момент. Образы прошлого, а если верить дельфинам, невероятно далекого прошлого, никуда не делись, жили в рыжей голове пса вполне реальной жизнью, вызывая грусть и тяжкие думы. Так трудно порой поверить (не головой — душой) в то, что образы эти живы лишь в памяти. Ведь, кажется, вот оно все, тут, никуда не делось, только закрой глаза и увидишь. Да что там увидишь — почувствуешь! Прикосновение тех, кого давно нет рядом, их голоса, ласку, глаза, столь полные любви...

Рыжик постоял, закрыв глаза, принюхиваясь к запаху прошлого, вздохнул, совсем по-человечески, и повернулся к морю. Легкие баранки волн все так же ласково накатывали на песчаный берег, как тогда, в день купания пса с Борисом. Теплый ветер приветливо трепал загривок, «хрумкал» перекачиваемыми песчинками. Над прибрежными водами скользили силуэты чаек-охотников, кроны деревьев наполнились птичьим гомоном. И лишь следов человека не чувствовалось совсем!

Раньше Рыжик не понимал, насколько полон был мир всем человеческим! Запахи, самые разные: людей, железа, машин, с их удушливыми выхлопными газами, человеческой еды, пластмассы, одежды, духов, табачного дыма и бесконечно много другого. Звуки: гомон от разговорной речи, шорохи от шагов, одежды, звяканье часов, телефонов, рык моторов автотранспорта. Одним словом привычный шум городов.

Везде можно было отыскать их следы, пусть даже незримого, присутствия. Теперь же... Природа утратила всякое воспоминание о человеке и плодах его жизнедеятельности.

Впрочем, могло же случиться так, что Рыжик попал на «девственный» участок побережья? Почему бы и нет. Следы пребывания человека должны быть где-то там, в глубине... Главное, выбрать направление.

Зачем Рыжику столь непременно нужно было найти людей? На этот вопрос не смог бы ответить даже он сам. Ведь даже если он найдет людей, все равно шансов встретить, скажем, Бориса или Машу равнялись нулю! Но по-другому пес пока еще не мог. Люди для него были неотъемлемой и важнейшей составляющей его жизни.

Пса ждала новая дорога. Путь в глубь материка. Вот только куда именно повернуть? Эта самая «глубь» была везде, где не было океана. А ведь от выбора направления зависит очень многое. Земля большая! Вдруг он пройдет всего в двух километрах от человека и не заметит его? И будет так блуждать до самого своего конца?

Сколько не мучайся сомнениями, а выбор делать надо и чем быстрее, тем лучше. Поэтому пес встал спиной к берегу и уверенно побежал, куда глаза глядели.

Он особо не торопился, будто понимая, что бежать ему придется не один день, а потому выдыхаться уже на первых километрах глупо. Вокруг раскинулся лес. Не очень густой и уж точно совершенно не такой, как на далеком севере, откуда Рыжик был родом. Но все же угрюмые, низкорослые деревья уверенно властвовали на этой земле.

Подкравшись по-кошачьи мягко, незаметно, опустились сумерки. Рыжик выбился из сил и, отыскав

небольшую лужицу чистой воды, утолил жажду и заснул в близлежащих кустах.

И приснилась ему выжженная, сухая пустыня. Крупный темный песок, гулко «ухая», ленивыми завихрениями переползал с бархана на бархан. Палющее солнце растеклось до невероятных размеров и занимало, казалось, все небо. И он, Рыжик, высунув язык, тяжело дыша, упрямо тащился по этой пустыне.

Пес видел себя, как бы со стороны, и ужаснулся от пустоты, которая будто выела его глаза. В них не было ничего. Ни страдания, ни усталости, ни единой мысли — только пустота, липкая и всеобъемлющая. А в голове роились голоса, что-то надменно нашептывающие вновь и вновь. Чьи голоса? Откуда? Этого не разобрать.

И вот, он упал. Лапы подогнулись, силы закончились, и пес (тот, который шел во сне) завалился на бок. Грудь его тяжело вздымалась, пустые глаза неумолимо закрывались. Вот-вот должен был вырваться последний вздох! И тут Рыжик пригляделся к песчинкам — не может быть! Оказалось, не простые частички земли и камней образовали эту пустыню — это были люди! Маленькие, черные фигурки, пересыпаемые ветром, все они смотрели на него, прямо в глаза, в пустоту глазниц и что-то шептали. Так вот откуда этот гомон голосов...

Люди обращались к нему, но слов пес разобрать не смог. Ни единого. Лишь интонация — воспитывающая, словно они пытались объяснить что-то неразумной, глупой собаке. Что?

«Бу-бу-бу-бу-бу»... Герой сна поднял тяжелую голову, покачал ею, пытаясь стряхнуть наваждение. Но гул никуда не делся, став, правда, возмущенным. Люди негодовали, отдельные фигурки злобно топали ножками, грозили кулачками, ругались. И

тогда он гавкнул на них! Да так, что те мигом замолкли и испуганно уставились глазенками своими на обидчика. Весь их вид говорил: «Да как же ты мог?!»

В это время Рыжик сквозь сон услышал шуршание шагов — кто-то приближался к нему. И он проснулся.

К нему действительно приближался... лев! История повторялась — сон в лесу, лев. «Сейчас будет погоня», — как-то отвлеченно подумалось псу.

Но лев пока не проявлял никакой агрессии. Он вообще не к Рыжику шел, а к лужице, образовавшейся неподалеку. Но неужели кошка не чувствует запах постороннего? Запах жертвы!

Почувствовала. Рыжик не стал ждать рокового для него прыжка хищника и выскочил из кустов, намереваясь броситься прочь со всех лап. Но он не успел сделать этого — лев мявкнул, испуганно взвизгнул, и, чуть не перекувыркнувшись, сиганул в сторону.

«Он испугался? Меня?!» — оторопел Рыжик от такого поворота событий.

Пришлось поверить — грозный хищник улепетывал так, что пятки сверкали, и пыль клубилась.

Рыжик посмотрел ему вслед, похлопал глазами, выпил воды и побрел дальше в выбранном у берега направлении. Уже занялся рассвет, и пес чувствовал себя достаточно отдохнувшим, чтобы продолжать путь.

К полудню Рыжик притомился и остановился отдохнуть. На поиски еды он пока не отвлекался. Да, было голодно, но терпимо. Вот только обходиться без воды никак не получалось, особенно, в таком жарком, душном климате. Приходилось искать.

Рыжик все больше убеждался в том, что он находится близ Кейнтауна, жаркого прибрежного го-

рода. Такой же воздух, такая же влажность и жара, то же небо и ветер, вкус воды, запах и вид растений. К тому же, это было бы вполне логично — отсюда он уплыл в сторону ледяного материка, сюда и вернулся.

А коли так, то есть надежда отыскать и сам город! Кейптаун. Пусть дельфины не соврали, и прошла уйма времени, но город же должен был остаться?! Такая громадина не могла просто так исчезнуть. Его монументальность, объемы, красота и очевидная надежность всегда поражали Рыжика. Нет, решительно город должен был остаться стоять, как он стоял, пусть даже минуло тысячу лет.

Прислонившись спиной к валуну, коих вокруг было великое множество, Рыжик принялся наблюдать за маленькой черно-красной птичкой, которая вычищала перышки на соседнем валуне. Словно заметив пристальное внимание пса к себе, птица недовольно уставилась на него одним глазом и каркнула.

— Гав, — буркнул Рыжик в ответ.

Птица обиделась и перелетела на другой камень. Обернувшись, оценила расстояние и, видимо, осталась недовольна — упорхнула еще дальше. И опять приземлилась на очередном валуне.

Переводя взгляд с одного возвышения на другое, вслед за птицей, Рыжик невольно обратил внимание на то, что куда ни смотри — везде эти странные выросты из земли. Камни, не камни. Скалы, не скалы... Одно слово — валуны. Угрюмые, покрытые бледно-зеленой пленкой, опутанные иссохшими кустарниками, они больше всего походили на исполинские шипы, словно болезнь, аллергическая сыпь, покрывшая землю.

Чем больше Рыжик смотрел на каменный лес, тем отчетливей понимал, что все это лишнее, инородное! И запах... нет, не человеческий. Или не

совсем человеческий, но что-то в нем было от тех, прошлых воспоминаний.

Встрепенувшись, пес бежал валун, под тенью которого отдыхал. Он тщательно принюхивался, то тыкая носом в основание камня, то поднимая голову на максимально возможную высоту.

Запах...

Густо смешанный с простым, природным – от земли, травы, кустарника, экскрементов птиц и животных – букет ароматов скрывал и что-то очень и очень знакомое. Не в силах понять, идентифицировать скрытую множеством наслоений составляющую запаха, Рыжик мощным движением лапы ударил по валуну. Камень, казавшийся таким прочным, неожиданно легко поддался, раскрошившись в крупноячеистый песок.

Песчинки ссыпались на землю, обнажив светлосерое нутро валуна.

И запах!.. Сильный и четкий, он не оставлял места для сомнений – запах бетона. Бетона и ржавого металла. Того, чем пахли стены. Удивленно глядя на бетонного гиганта, пес пытался осмыслить результат своего открытия. Почему?.. Откуда?.. И постепенно все в его голове вставало на свои места. «Да ведь этот странный каменный лес и есть город!» Именно город. Его останки, полуразложившийся скелет, ржавый каркас, изъеденный веками, ветром и вездесущей растительностью. Бетон, прочность которого казалась вечной, один выдержал испытание временем, но и он готов был сдаться на милость победителя, имя которого время.

Вот еще странность – здесь не было совсем уж пусто, нет, летали птички, стрекотало что-то в траве, но все же на уровне ощущений чувствовалась какая-то пустота. Сколько уже Рыжик брел среди разва-

лин? Несколько часов, но ни одного следа другого животного, ни одного явственного запаха хищника, мелкого зверька или тонконогой антилопы.

Несмотря на то, что такое запустение было лучше для пса, которому не нужна была лишняя потенциальная угроза со стороны здешних обитателей, он все же вдруг почувствовал себя неуютно. Нехорошее место, плохое!

Странно, почему раньше он не чувствовал этого. Словно пелена спала. И остро захотелось бежать отсюда скорее, словно отравы, наполнявшая воздух, вот-вот проникнет к самому сердцу. А есть ли она, отравы, на самом деле — уже не важно, каждый зверь живет тем, что беспрекословно доверяет чутью. Даже если ощущение никак не подкреплено логикой, ему, чутью, видней, что правильно, а что нет.

Поэтому Рыжик не стал долго раздумывать — подавил голодный спазм, сориентировался, чтобы не сбиться с однажды выбранного направления, и побежал к горизонту. В городе не было людей. Здесь не было ничего хорошего и ничего из того прошлого, которое он искал. И делать псу здесь нечего.

Развалины еще можно было увидеть, оглянувшись, когда Рыжик забрался на пологую вершину небольшого одинокого холма. Отсюда он решил осмотреть окрестности, чтобы понять, есть ли где поблизости удобное для охоты место. Удобным для него был бы лес, обычный северный лес, премудростям охоты в котором его научила волчица.

Такого леса, конечно же, нигде в округе не было. Но хоть какую-нибудь захудалую рощицу бы... Наверняка под укрытием деревьев найдется немало мелкой дичи, годной к употреблению в пищу.

Есть хотелось просто нестерпимо!

Но всякие мысли о еде моментально выветрились из умной головы Рыжика, стоило ему заметить вдалеке, на равнине группу странных фигур. Можно было бы назвать их стадом, если бы не...

Они были прямоходящими! Расстояние не позволяло толком разглядеть фигуры, но издали они так сильно походили на людей, что пес едва удержался от радостного визга! Но жизнь научила его осторожности. Ведь частенько и от людей ему перепадали тумачи, да такие, что и вспоминать не хочется. Поэтому Рыжик подавил первый порыв неосмотрительной радости и принялся наблюдать за «людьми».

Те, казалось, не делали ничего. То есть ничего осмысленного, целенаправленного. Просто, каждый гулял сам по себе. Как... как коровы на лугу. Хотя понять людей всегда было нелегко. Поэтому Рыжик не торопился судить.

Чем больше он наблюдал за ними, тем заметнее ему было их сходство с людьми. Та же походка, те же манеры, те же позы. Ну, точно, никаких сомнений, люди и есть, — решил Рыжик и начал спускаться.

Сначала неспешно, но, ускоряясь с каждым шагом, он побежал к ним, к людям! К надежде на возвращение в тот мир, из которого волей обстоятельств он был выдернут, выкинут. Фигурки сначала скрылись, загораживаемые зарослями у подножия холма, но Рыжик не боялся потерять направление, потому что теперь он чувствовал их запах. А запах был скорее незнакомый, не человеческий, хотя люди вообще всегда пахли странно и зачастую непохоже друг на друга.

Вынырнувший из небольшого углубления, пес оказался совсем близко от цели. Беглый взгляд рассказал Рыжику, что это именно люди! Те же фигу-

ры, размеры, походка, длина конечностей. Остальное — неважно. Так казалось Рыжику.

«Ура! Люди!» — хотелось кричать ему, но вырвалось только громкое, залиvistое «Гав-гав!».

А люди, заметив стремительно приближающегося к ним лающего пса, заволновались, закричали испуганно, заголосили и побежали кто куда.

«Они испугались меня? Почему?» — удивленно остановился Рыжик.

Испугались. То ли собак в жизни не видели, то ли напомнил он людям кого-то опасного. В любом случае, Рыжик понимал, что это не так уж важно. Недоразумение надо исправлять. Люди — умные (и смелые, как правило), главное, суметь пообщаться хоть с кем-то.

Убегающие разделились на основную группу, которая бежала скученно, и на тех, кто убегал поодиночке в разные стороны. Пес не привык гоняться за людьми (не дичь же они), но, поддавшись охотничьему инстинкту, выбрал одинокую цель и устремился вслед за ней.

Человек бежал быстро. Так быстро, что Рыжик едва успевал за ним, с трудом сохраняя первоначальный разрыв. Пес пытался докричаться до человека, просил остановиться, но тот в ответ лишь ускорял темп.

Бежали долго. Рыжик, давно потерявший былую форму, начал выдыхаться и отставать, а человек вроде бы оставался все таким же резвым и свежим, как в начале погони. Понимая, что долго не выдержит, пес попробовал сделать рывок, вложив в него остаток сил. План поначалу удался — расстояние стало сокращаться. Но тут человек резко свернул в сторону (так, что Рыжик чуть не покатился кубарем на повороте) и побежал к небольшим скальным выростам.

Пес поднажал, стараясь не обращать внимания на боль в груди. А человек подбежал к скале (скорее, даже большой камень, торчащий из земли) и сходу попытался залезть на нее. Но то ли и у него силы подходили к концу, то ли скала оказалась слишком крутой — человек упал, едва поднявшись на метр от земли.

Ну, а Рыжик уже стоял у подножия скалы.

Теперь человеку некуда было бежать, и Рыжик замахал хвостом, предлагая дружбу.

«Ргав! У-у-у... гав», — игриво заискивая, протявкали он. Но оправдались наихудшие ожидания — человек напал на него! Рыжик сначала подумал, что тот принимает игру, но нет, все было серьезно.

Голый и грязный, противник оказался необычайно сильным и злым. Голыми руками, вооруженными лишь обломанными ногтями, он вцепился в шею пса, пиная его при этом коленом. Рыжик, сообразив, что его могут убить, стал яростно сопротивляться! Он не хотел кусать человека, продолжая почему-то надеяться на благополучный исход.

Ведь он так искал его, Человека! Не осознавая этого, он продолжал мечтать о том, чтобы обрести своего Повелителя, Хозяина на уровне подсознания, инстинкта, потому что нормальный пес не может иначе. Правда, Рыжик все-таки был необычным псом... Но сам он до конца этого пока так и не понял.

Тем временем Рыжику пришлось драться в полную силу, отбросив всякое человеколюбие! Он кусался, царапался, вырывался, что было сил (а их оставалось совсем немного), и уже стал отчаиваться, потому что еще немного и человек его прикончит. Тогда пес вцепился противнику в горло.

Еще немного усилий и... все. Рыжик отпустил ослабевшее тело человека, сел рядом и заскулил.

Рассмотрев тело, как следует, пес окончательно пришел к выводу, что это все-таки не человек. Ему даже стало удивительно, что он принял «это» за человека! Люди — они ведь... совсем не такие, как другие живые создания. Иначе пахнут, иначе ведут себя... Во всем! Например, только люди носят одежду — нечто искусственное, согревающее тело.

Вот оно — «искусственное»! Именно это очень сильно отличает человека от животного, по крайней мере, с точки зрения внешнего вида. Уйма мелочей, окружающих человека и совершенно ненужных животным. Машины, одежда, украшения, часы, обувь, посуда, парфюмерия и все прочее...

Дело, конечно же, не только во внешних отличиях. Но эта мишура неотделима от человека, так же, как он от нее.

В то время как поверженное Рыжиком существо во всем походило на обычное животное — запах, вид, отсутствие всякой одежды, да и повадки (как теперь вспоминал пес) в точности походили на поведение загнанного зверя.

К тому же, форма головы, длина рук, волосатость лица... и ни проблеска разума! Нет, определенно это не человек!

«А ведь Хранитель говорил, что разум был дан людям, как дар, но что-то получилось не так... Что-то случилось не по-доброму», — вспомнил вдруг Рыжик! Хотя до этого он очень плохо помнил сам разговор. Будто бы память о нем спряталась куда-то глубоко-глубоко, в самый укромный уголок его головы.

А теперь пса охватила волна воспоминаний:

«Хозяйка очень недовольна своими сыновьями, в которых вдохнула частичку разума. Она недовольна и мной, ибо я ращу и развиваю способности человека. Но разум тем и уникален, что невозможно

управлять им со стороны, он самостоятелен, трудно прогнозируем. Путей развития мысли существует очень и очень много, и какой из них выберет тот или иной носитель разума, не знаем даже мы, его хранители.

Как мог, я наставлял, направлял человечество и все еще уверен, что оно уникально и ценно, но Хозяйка слишком боится того, что с ее миром могут сотворить (и уже творят) люди, мыслящие и непредсказуемые».

Неужели придется поверить в то, о чем говорили дельфины? Неужели Хозяйка Мира уничтожила Человека?

Казалось, не оставалось ничего, кроме как смирить свой разум и принять такую картину мироздания. Но Рыжик точно помнил, что Хранитель ничего не утверждал, а лишь говорил о возможности такого варианта. Он боялся за «разум», но не хоронил его.

«Нет, нет! Нельзя останавливаться! Надо идти дальше!»

Надо! Хотя бы затем, чтобы не стоять на месте.

А люди... Земля большая. Если даже согласиться с тем, что здесь они утратили разум, одичали, превратились в животных, то это еще не означает, что так произошло везде». — Так говорил себе пес, отгоняя грустные мысли и ощущение пустоты в душе.

Но вместе с тем, в голове его появилась еще одна мысль, идея — ведь где-то там, на севере, должны были остаться и собаки, и волки... Все они — братья Рыжика, его родня. Пусть порою агрессивная, иногда глупая, но родня. Даже если он не сможет найти людей, он должен найти собак.

Вдруг они стали такими же, как Рыжик?..

А теперь надо загнать сомнения поглубже и заняться, наконец, насущным — голод стал просто не-

стерпимым! Да и жажду Рыжик утолял уже очень давно.

Правда, рядом лежало тело... Но у Рыжика появилось отвращение, ведь оно было похоже на человека, несмотря на все явные различия.

«Нет, надо уходить отсюда и найти другую добычу!» – решил пес и побежал на север, держа нос по ветру.

ГЛАВА 3

В голове начинало мутиться от голода и солнцепека. Рыжику приходилось изо всех сил бороться со сном, хотя отдыхал он совсем недавно. Пес плелся еле-еле и прямо на ходу, несмотря на открытые глаза, начинал грезить.

Ему казалось, что он бежит по заснеженному лесу, а рядом, хищной тенью прижимаясь к земле, несется волчица. Охотница! Перед ней не устоит никакая добыча – не убежит ни один заяц, не скроется полевая мышь. А он, ее помощник, защитник, опора, друг, разделяет с ней азарт погони, предвкушение удачи. Следы, следы, следы. Застаревшие, свежие, еле видные, отчетливые. Запах на снегу, в воздухе, на ветвях, на коре деревьев... И вот, наконец – четкий, недавний запах. Заячьи следы. Волчица тут же понеслась в сторону, по дуге перерезая зайцу путь к отступлению. А он, загонщик, помчался прямо на жертву.

Опьяняющая страсть последних мгновений погони, финальный прыжок... и вот цель достигнута – долгожданная добыча загнана, лежит у ног охотницы. Теперь можно утолить дразнящий голод, растворить его в сладости свежего мяса, в каплях теплой крови... Голод!

Вдруг Рыжик почувствовал отрезвляющую прохладу в ногах. Сам того не заметив, он набрел на весело журчащий ручеек с чистой, прохладной водой. Видимо, инстинкты, бодрствующие, пока грезит сознание, взяли бразды правления телом в свои руки и привели пса к воде. Жаль, что не к еде.

Пес выпил воды, потом встряхнулся и плюхнулся прямо в середину ручья.

Хорошо!..

В голове тут же прояснилось, грезы и видения отступили. И сразу же посвежевший нос почувствовал завлекательный запах добычи. Мяса! Где-то совсем недалеко. Рукой, то есть лапой, подать. Глотнув еще немного воды, чтобы как-то успокоить бунтующий желудок, Рыжик осторожно, стараясь не шуметь, вылез из ручья и, стелясь по земле, медленно пополз на запах.

Ему уже неважно было, кто это и каких размеров, опасен противник или нет. Абсолютно неважно — главное, чтобы мясо было съедобно. Добычей оказалась антилопа. Не маленькая, крупнее самого пса, но и не слишком крупная, куда мельче коровы, а значит, вполне реально можно было справиться с ней.

Главное, не спугнуть раньше времени. Вовремя прыгнуть и сразу же схватить жертву за горло. Сжать челюсти так, чтобы она уже не имела никаких шансов вырваться и убежать. А поэтому — терпение и еще раз терпение. Не торопиться...

Так уговаривал себя Рыжик, подползая к антилопе сбоку. Та беспечно пила воду из ручья. Может быть, она полагалась на свои роскошные и наверняка опасные для любого противника рога? Да, рога знатные, но опасны лишь для тех глупцов,

кто захочет принять честный бой лицом к лицу. А если прыгнуть внезапно, да сбоку, то никакие рога антилопу не спасут.

Тем временем, тонконогое жвачное встрепенулось, словно почувствовав приближение хищника, и Рыжик вынужден был вжаться в землю. Хорошо, что вдоль берега ручейка росла высокая и густая трава. Пес замер, стараясь не дышать.

Антилопа фыркнула и вновь опустила голову к воде. Не мешкая больше, Рыжик отпустил пружину напряженных мышц и молнией бросился на жертву. Но антилопа оказалась не лыком шита — мгновенно среагировав, отпрыгнула в сторону и зашипела, как змея!

Рыжик промахнулся.

Благодарзумы было бы отступить, но голод требовал действия, пусть и неразумно смелого. Пес пошел в наступление с утробным рыком. Антилопа и не подумала отступить или защищаться рогами. Она просто продолжала шипеть, низко опустив голову. Рыжик то насккивал на нее, то вновь отскакивал, пытаясь вцепиться зубами в морду антилопе. Но та каждый раз уворачивалась, пока вдруг сама, извернувшись, не укусила пса за нос!

Рыжик, взвизгнув, отпрыгнул в ручей, а антилопа спокойно, без спешки и суеты, побежала себе прочь. Пес хотел было кинуться за ней, но его телом как-то незаметно, но стремительно овладела жуткая слабость. В глазах поплыло, мышцы перестали слушаться, лапы подгибались, словно на спину навалилась многопудовая тяжесть.

Рыжик упал прямо там, где стоял, и потерял сознание.

Судя по положению солнца, которое не очень далеко убежало по небосводу, в бессознательном

состоянии пес провалился совсем немного. Видимо, холодная проточная вода, в которую его тело было погружено едва ли не полностью (хорошо еще, что не захлебнулся), оказала самое благотворное действие на одурманенное сознание.

В том, что он был именно одурманен, а не свалился в обморок от нехватки сил, Рыжик теперь был почти уверен. Слишком уж сразу после укуса чудо-антилопы ему стало плохо, как-то... гадко. Нет, не простой был укус у негодяйки-антилопы, это точно.

Рыжик, тело которого продолжало слушаться дай бог наполовину, с трудом поднялся на ноги и, поскуливая от бессилия, вылез на берег. Оставаться в воде больше мочи не было — пес совершенно закоченел, его бил озноб, что на фоне иссушающей слабости было совсем уж полным издевательством. Скорее, скорее на солнышко, просушиться, отогреться, отлежаться!

Пройдя полосу прибрежной травы, вымахавшей в рост пса и выбравшись на открытое, солнечное и сухое место, он блаженно растянулся на земле.

Оттаял быстро — солнышко грело хорошо, да и земля была горячая. Пригрелся.

Ох, как не хотелось вставать, но — надо! Надо все-таки как-то решать проблему с пропитанием, причем, решать быстро, пока еще есть силы. Так что, пришлось Рыжику взять волю в зубы и подняться на лапы.

Нос тут же учуял недалекий запах живого существа. Вот бы еще оно оказалось не слишком крупным, не слишком прытким, не ядовитым и съедобным!

— У-у-у, — скульнул он от избытка чувств. Очень уж кушать хотелось!

Отдых, хоть и омраченный отравой, позволил псу все-таки немного восстановить силы, и теперь он легко и прытко побежал на запах. Но убежал недалеко. Пес совсем не обращал внимания на небо — зачем? Никогда такой необходимости не было, там нет ни достойной добычи, ни особой опасности — поэтому не придавал особого значения быстро нарастающему свистяще-шипящему звуку и упавшей вдруг на него тени.

И лишь когда что-то большое шумно налетело на него, он инстинктивно прижался к земле и попытался отпрыгнуть в сторону. Не успел — что-то острое больно впилося в его спину, заставив Рыжика заверещать от боли. Все еще не потеряв волю к сопротивлению, пес яростно извивался, причиняя себе еще большую боль и смог посмотреть на напавшего с неба.

Это была огромная, невероятных размеров птица! Увидев ее крылья (словно крыша дома) и огромные когтистые лапы, он потерял всякое желание сопротивляться, так как противник был ему не по силам. И птица тут же оторвалась от земли. С Рыжиком, естественно, в когтях!

Ох, и страшно же было ему лететь в когтях орла-переростка. Ветер в ушах свистит, внизу с ужасающей скоростью проносятся земля и верхушки одиноких деревьев, и кажется, они вот-вот заденут его лапы и падения не миновать! Еще и когти впиваются в кожу. Боль и ужас сковали Рыжика получше всяких кандалов. Боясь пошевелиться, он лишь судорожно поджимал под себя лапы и глотал порывы воздуха. Нет, летать ему точно не нравится, даже если забыть про орлиные когти и поджидающую впереди опасность, про которую, впрочем, пес все равно был не в состоянии думать. Это, оказыва-ется, только с земли кажется, что птицы легко, со-

вершенно непринужденно скользят по воздуху. А на самом деле... Нет! Лучше уж и вовсе глаза закрыть.

Орел, будто специально психологически добывая Рыжика, вдруг резко стал набирать высоту. Так круто, что у пса уши заложило, и сердце окончательно ушло куда-то в район кончика хвоста. В пустом желудке (благо, что пустом) все сжалось в комок и уперлось в ребра. Пренеприятное ощущение.

Крылатый гигант, видимо, ничуть не стесненный ношей, поднимался легко и очень быстро. Уже через минуту они летели среди облаков, а Рыжик то терял сознание, то вновь приходил в себя. В мгновения «бодрствования» ему казалось, что все это сон, что он сам, без всякого орла, бежит среди облаков, задорно лает, словно щенок, и вот-вот поймает какое-нибудь облачко.

Поймал.

Как в прорубь окунули! Холодно, мокро и очень противно! Зато Рыжик моментально пришел в себя и понял, что это не он поймал облако, а орел влетел в облако. Правда, почти сразу же и вылетел.

Вскоре пес почувствовал, что они начинают снижаться. Уши опять моментально заложило. Собравшись с силами и духом, Рыжик посмотрел вниз и увидел, что они летят над невысокими горами. Или это с высоты орлиного полета горы выглядели такими мелкими? Во всяком случае, на вершинах не было снега.

Но самым страшным стала посадка. Рыжик испугался настолько, что, сам того не замечая, визжал, как последняя кошка в зубах у пса!

Орел резко скинул высоту, и прямо перед Рыжиком в полный рост выросла гора. Будто из ниоткуда появилась. Огромная скала, оккупировавшая добрую половину склона, надвигалась столь стреми-

тельно, что псу казалось — все! Еще секунда и он будет размазан по камню так, что и косточек не останется.

— У-у-у-у! — взвыл он и закрыл глаза, приготовившись умереть.

Но все обошлось.

Рыжик почувствовал, что стремительный полет прекратился и через мгновение орел разжал когти. Пес чуть-чуть пролетел и упал.

По ощущениям, вроде бы на ветки, сложенные кучей. Открыв глаза, Рыжик убедился, что — да, ветки. Обыкновенные сухие ветки, разложенные довольно обширным кругом. Пес находился у самого внешнего края, а с противоположной стороны на него плотоядно смотрели три пары голодных хищных глаз. Орлята. А из-за спины на Рыжика падала тень их заботливого родителя.

Все это пес выхватил единым взглядом, моментально поняв, что к чему. А уже в следующее мгновение орлята с сильным клекотом набросились на него. Орлята, пожалуй, звучит слишком ласково и может ввести в заблуждение относительно размеров «детишек». На самом деле на птенцов они были похожи лишь благодаря своему оперению — голые длинные шеи, и светлый пушок на груди сменялся тем же пушком на спине, но темным. А вот размеры у птичек были далеко не детские — раза в два больше Рыжика. А клювы!..

Итак, детишки под пристальным присмотром заботливого родителя собрались полакомиться Рыжиком. Но пес не собирался сдаваться просто так. Ему уже однажды грозило быть съеденным — раз он сумел вырваться из лап злодеев тогда, то почему бы ни вырваться теперь?

Рыжик ощерился, зарычал и сам пошел в наступление. Он прыгнул навстречу самому быстрому

(видимо, самому голодному) птенцу и, вцепившись — тому в клюв, сжал, что было сил, челюсти.

— Куль-куль! — верещал орленок, мотая головой из стороны в сторону, вместе с повисшим на клюве псом.

— Р-р-р-р, — рычал Рыжик, еще крепче сжимая челюсти.

— Куо-куо-куо, — клекотали шокированные птенцы.

— Ка-а-а-р-кр-кр! — кричал родитель-гигант. Он (или она?) орал громче всех, покрывая своим карканьем все прочие крики. При этом орел прыгал на самом краю гнезда, отчего гнездо угрожающе раскачивалось, и вот-вот должно было полететь в пропасть, захватив с собой орлят и пса.

Понимая, что одними криками-угрозами ребенка не спасешь, родитель перешел к более активным действиям. Он попытался долбануть Рыжика по голове, но, видимо, из страха попасть по собственному чаду, промахнулся. Зато пес как будто только этого и ждал! Он моментально поднырнул под крылатого гиганта и, пока тот пытался попасть по нему клювом, сиганул между его лапами вниз из гнезда.

Конечно, Рыжик сильно рисковал — а вдруг бы под гнездом была высокая и абсолютно отвесная скала? Но нет, ему повезло — на расстоянии двух-трех метров от гнезда расположился удобный и довольно обширный выступ. И Рыжик уже почти видел себя там, на выступе, но орел, как выяснилось, тоже был не лишен резвости — Рыжик прыгнул вниз, но тут же, на лету был пойман!

Родитель орлят успел вцепиться в Рыжика когтями одной лапы. Пес взвизгнул от боли, но не смирился и, изогнувшись, укусил схватившую его лапу. Лапа дернулась и отпустила Рыжика, у которого тут же вышибло дух от неудобного приземле-

ния на нижнюю площадку. Тело его покатилося и, чуть было не сорвалось, удержаться удалось лишь на самом краю.

А орел уже тут как тут. Страшно недовольный, злой — церемониться не станет, убьет на месте, если дотянется. Поэтому Рыжик и думать забыл об ушибах и страхе и кинулся вниз.

Прыг-прыг, скакал он с уступа на уступ, балансируя на грани жизни и смерти — что поделать, не приспособлены псы для лазания по отвесным скалам. Хорошо еще, что каменная стена была не абсолютно гладкой. И не совсем уж отвесной. Она была крутая, но все же не вертикальная. А множество уступов, площадок позволяли Рыжику хоть как-то, с горем пополам, спускаться и спрыгивать вниз.

Медлить он не мог — над головой непрестанно орал орел-переросток, обиженный поведением пса. Вот и скользил пес неприспособленными коготками своими с уступа на уступ. Быстро скользил, напроць забыл о всяком страхе, который при других обстоятельствах никогда бы не позволил псу ни забраться так высоко, ни тем более спуститься.

И плохо бы, наверное, это все кончилось для него, если бы не маленькая пещерка, узкий темный лаз, который заметил Рыжик, прыгнув на очередной уступ. Диаметр прохода был как раз под пса. Даже тесноват. Раньше бы точно не пролез, но теперь, похудевший пес, втиснулся кое-как.

Рыжик так и чувствовал хвостом, что орел вот-вот вцепится в него когтями, поэтому проталкивал и проталкивал свое тело вперед. Узкий поначалу лаз постепенно расширялся, пока не перешел в широкий и просторный зал. Где-то там, снаружи еле слышно кричал неугомонный крылатый гигант. Но теперь Рыжик чувствовал себя в безопасности. Такой вот

укромный уголок — как раз то, что псу было необходимо, чтобы прийти в себя. Хорошо бы если была бы еда... но, слава богу, есть хотя бы вода! Где она тут капает?

Вода нашлась быстро. Пройдя совсем немного вперед, один раз свернув, Рыжик оказался в другом зале. Этот был чуть меньше размером, тупиковый и довольно сносно освещался какими-то «светлячками». Первым делом пес напился воды из небольшого углубления в каменном полу, куда живительная влага стекала по каплям с потолка. А потом принялся исследовать «светлячков».

Ничего подобного до сих пор псу видеть не приходилось. Это были довольно жирные слизни, лениво ползающие по камням, причем как по полу, так и по стенам. Рыжик долго обнюхивал то одного слизня, то другого, а потом взял, да и слизнул очередного.

Оказалось, ничего! Очень даже ничего. Есть можно!

С голодухи он в одно мгновение заглотил сразу два десятка слизней, толком не почувствовав их вкуса. И только когда желудок начала оттягивать приятная тяжесть, пес, наконец, понял, что мясистые, вкусные слизни напоминают по вкусу курицу!

Кажется прошла целая вечность, когда Рыжику не надо было самому добывать себе пропитание, когда рядом были верные друзья — люди, и судьба нередко баловала пса нежным куриным мясом. А уж сколько куриных костей он обглодал в то время! Но вот надо же, уже почти позабыл этот вкус.

Проглотив последнего слизня, Рыжик почувствовал, что еще немного и все съеденное полезет обратно. Пришлось унять звериную жадность.

В пещере к тому времени стало заметно темнее — пес как минимум на треть уменьшил популяцию

слизней. От таких трудов, да еще и денек выдался, тот еще, его потянуло в сон, и сопротивляться этому не было никаких причин.

Рыжик улегся подальше от воды, где было сухо и почти моментально заснул.

Как же сладко ему спалось! Так уютно, так сытно, спокойно. Просыпаться совершенно не хотелось, но сон, все истончаясь, в определенный момент испарился окончательно. А мочевого пузырь настойчиво потребовал опорожнения.

Приученный сизмальства, Рыжик вышел, вернее, с трудом вылез из пещеры на свежий воздух. Вопреки опасениям снаружи было спокойно – никаких тебе разгневанных чудо-орлов. Правда, откуда-то сверху доносились редкие покрикивания орлят, но это ж ничем псу не грозило, поэтому и не волновало.

Вернувшись в лоно пещеры, он съел еще несколько слизней. Кстати, казалось, что их количество, изрядно уменьшенное вчерашним поеданием Рыжика, за время его сна полностью восстановилось.

Хорошо в пещере, хоть оставайся и живи! Ничто не угрожает, еды навалом – только голову нагни и кушай, вода есть. Тепло, тихо и спокойно. Но разве ж это достойное существование? Нет, Рыжику требовалось гораздо больше. Его угнетало чувство одиночества. Не то, когда ты одинок среди себе подобных, а полное, абсолютное одиночество.

Сам того не понимая, Рыжик искал не людей, а их общество. Он жаждал общения. Хоть с кем-то, хоть как-то. Ему необходимо было заботиться о ком-то и ощущать чью-то доброжелательность. Когда ты один в мире, как перст, и никого нет рядом понимающего тебя, и сплошь только шипы да угрозы, то и с ума сойти проще простого. Взять

хотя бы этих же орлят. У них есть заботливый родитель, а потом будет стая, семья, любовь, гнездо... Все, как надо — они обладают главным: своим местом в жизни, заботливо подготовленным природой и родителями. А у Рыжика ничего этого нет. Лишь надежда на обретение.

Что ж, и надежды вполне достаточно.

Но только вот сладкая и простая жизнь в райской пещере, оторванной от мира и опасностей, надежду эту сводила на нет. Поэтому — спасибо этому дому за отдых, да воду, да сладкую пищу. А ему пора в путь!

Отпив воды, Рыжик стал протискивать свое тело через узкий выход. Ох, нелегко же ему это давалось. Словно пещера, почувствовав, что пес уходит навсегда, не желала его отпускать. Но пес был полон решимости, лез и лез, обдирая бока.

Солнышко успело перевалить за гору, и вокруг царствовала приятная, прохладная тень. Рыжик повел носом по ветру, добродушно твякнул и начал спускаться. Вновь по уступам, да выступам, по камням и выростам. Не собачье это дело по скалам лазить...

Ободрав себе все лапы, пес, наконец, оказался на небольшом плато. Ступать по мягкой земле после грубого камня было невероятно приятно! Израненные подушечки лап прямо-таки «визжали» от восторга. Обследовав плато, Рыжик выяснил, что дальше, если продолжать спускаться, его опять ждет скалистый участок склона, поэтому он решил ненадолго задержаться на плато, чтобы дать натруженным лапам заслуженный отдых.

Площадка, зажата со всех сторон скалами, была около сотни метров в поперечнике. А в центре ее росло несколько низкорослых, но очень ветвистых деревьев. Под их кронами трава Рыжику показалась

слишком мокрой, и он прилег отдохнуть чуть поодаль, под открытым небом.

Рыжик лежал на травке, прикрыв глаза, и дремал, когда бодрствующая часть его сознания возопила о приближающейся опасности. Угроза появилась с воздуха — гулко хлопая крыльями, над поляной завис орел! Тот самый. Видимо, он никак не мог смириться с тем, что Рыжик ускользнул из его когтей, и был полон решимости исправить вопиющую несправедливость. Крылатый гигант достиг бы успеха, но Рыжика спасла близость деревьев, из-за которых враг не мог с налету, не снижая скорости, схватить его. Орел был вынужден зависнуть над песом, размахивая тяжелыми крыльями-парашютами, предупредив Рыжика о своем приближении.

Теперь-то уж пес был научен горьким опытом и среагировал немедленно — поджав хвост, юркнул под защиту деревьев. Орлу такой поворот событий не понравился, и он возмущенно закричал — куда, мол, побёг, пес шелудивый? Рыжик не остался в долгу и как только понял, что деревья надежно его защищают, вызывающе нагло залаял.

Так они оба распинались несколько минут, и Рыжик начал бояться того, что он будет вынужден сидеть здесь очень долго. Да и потом будет не безопасно выходить из-под сени ветвей, ведь орлиное гнездо все еще рядом! Но, видимо, орлу тоже не улыбалось просто пассивно ждать, пока пес соизволит вылезти, и он подлетел и сел поближе. Деревья-то низкорослые, наверное, смог бы крылатый гигант как-нибудь через ветви дотянуться до пса своими когтями. А бежать Рыжику больше некуда, так что оставалось лишь вжаться в землю, изготавившись к обороне.

И тут неожиданно-негаданно псу пришли на помощь. Стоило орлу коснуться верхних веток, как

с них начали выпрыгивать маленькие, серенькие (совершенно незаметные на фоне коры) зверушки. Они двигались столь стремительно, что Рыжик не сумел их толком рассмотреть, увидел лишь что-то маленькое, с мышку, серенькое и стремительное. И видимо, весьма зубастое!

Зверьков было много. Десятки, если не сотни. И все они налетели на орла, как кровожадная мошкара. И давай жалить его! То есть, Рыжик-то этого не видел, но можно было догадаться, наблюдая за реакцией орла. Он заверещал, закувыркался в воздухе, чуть не падая. И все старался себя крыльями отдубасить. Только у него это плохо получалось. Продолжая истощно кричать, гигант вдруг резко взмыл вверх и затерялся где-то там, в облаках — к счастью для Рыжика.

Ему даже стало немного жаль орла, потому что красивая и гордая птица кричала так жалобно от боли. Но, что поделаешь — таков жестокий мир животных.

Как бы там ни было, путь освободился, и пес, не теряя времени, продолжил спуск. Надо уже, наконец, уносить лапы с этих гиблых скал!

Спустился Рыжик успешно, без проблем и происшествий. Собственно, до равнины он не дошел, да ему и не надо было. Пес спустился в ущелье, на дне которого журчала веселая речка. Небольшая, но бурная, стремительная, она несла свои воды как раз в нужном Рыжику направлении, избранному еще на побережье. Поэтому, он решил составить речке компанию в ее нелегком путешествии к равнине по ту сторону горного кряжа.

Первые три дня их совместного путешествия прошли тихо и спокойно. Рыжик, научившийся бо-

яться этого нового, полного угроз мира, опасался любого шороха, любого запаха, и при малейшей, пусть даже кажущейся, опасности старался спрятаться или убежать.

Подобная осторожность была очень правильной и полезной для его жизни, вот только в поисках пищи она не помогала. Не отошедший от приключения с орлом-гигантом, пес пока предпочитал голодать, чем лишний раз подвергнуть себя опасности. Перебивался понемногу травкой, жучками мелкими, червячками. Не еда, конечно, так — баловство, но все ж лучше, чем ничего.

Иногда, валяясь в кустах, пес предавался тоскливым размышлениям. Так уж получилось, что жизнь его была не из легких, судьба по-всякому кренделя выписывала, то в тепло и уют заносила, то в холод до костей, да в боль незаслуженную кидала. Поэтому Рыжик был приучен к трудностям, и отчаиваться не привык. И все-таки, раньше все было иначе. Была цель, были интересы, стремления, желания. А что теперь? Сплошные страдания, постоянные недоедания и страх быть съеденным самому! Зачем?

Зачем мучиться? Но как сделать, чтобы было по-другому — он все равно не знал. Ну вот, как иначе? Просто взять и умереть? Пес не умел. Да и подумать о подобном не мог. Слишком уж это против природы.

Вот и получалось, что выхода никакого не было. Оставалось только терпеть, тихо жалуюсь на судьбу-злодейку лунными ночами. А утром, утерев нос, снова вставать, бежать, искать, прятаться — жить!

А зачем жить... Лучше даже и не думать об этом. Хотя, как не думать, если мысли сами лезут в голову?.. Никто их туда не приглашал! Голод им не помеха, и усталость не преграда. И не выгонишь

их никуда. Вот такие вот наглецы-подлецы, мысли-зануды.

А Хранитель? Вспоминая о нем, Рыжик все время мучился сомнениями, не приснился ли ему этот голос? Но ведь, если он все же был в реальности, то на пса точно возложена какая-то задача. Важная, очень важная. Ведь не зря же с ним произошло все то, что произошло. Не может быть, чтобы все произошло и закончилось столь бессмысленно, обязательно должен быть смысл. И не маленький.

Ну, да ладно. Мысли мыслями, а пустой желудок все сильнее давал о себе знать.

«Что за жизнь в этом мире?!» – сетовал Рыжик, устав от невольной голодовки, продолжавшейся почти беспрестанно с того самого момента, как он очнулся на льдине. А что поделаешь? Как есть, так есть – мирись и приспосабливайся.

К этому моменту Рыжик уже путешествовал по предгорью. Склоны высоких, покатых холмов были покрыты непролазными, девственными джунглями. Пес старался особо не углубляться в них, предпочитая передвигаться по относительно открытым берегам реки. А река, кстати, заметно выросла, возмужала, разлилась широко, да многоводно. Скорости своей, однако, не утратила, став реально опасной для тех, кого угораздит случайно попасть в бурную стремнину.

Рыжик держался правого берега.

Так вот, он уже не раз замечал, что по кронам прибрежных деревьев бегают небольшие юркие зверьки, вроде белки, только зеленоватого окраса. Они постоянно соскакивали на землю, что-то хватали и «шмырк» обратно, на дерево. Поначалу Рыжик не понимал, зачем зверькам понадобилось все время нырять к земле. Но потом, понаблюдав,

понял, что они собирали с земли небольшие плоды наподобие орехов. Рыжик их попробовал, они оказались горькие-прегорькие. Плоды росли в земле, а не падали туда с деревьев, поэтому «белкам» приходилось отрывать орех от стебля.

Выглядели эти «белки» вполне аппетитно. И совсем не опасно. Хотя, если вспомнить тех малышей, что на орла набросились... Но, с другой стороны, Рыжика зверьки не трогали, и не только не проявляли никакой агрессии, но и явно пугались. Поэтому пес решил, что лучших «кандидатов» в пищу ему не пайти.

Вот только юркие они, бестии! О том, чтобы поймать их на дереве, понятное дело, и думать нечего. Значит надо ловить, пока те на земле.

Дело казалось вполне выполнимым, хоть и не простым, и пес начал пробовать. Он затаился в укрытии, выбрав место рядом с россыпью земляных орехов, и принялся ждать. «Белки», встревоженные его появлением, некоторое время сидели на деревьях и не показывались оттуда. Но потом осмелели, и вот — первый зверек осторожно, с опаской начал спускаться к земле.

Спустился. Спрыгнул. Подбежал к ореху, оторвал его, и тут же стрелой полетел назад. Рыжик специально не стал выпрыгивать на него, чтобы добиться некоторого «доверия белок» и ослабить их бдительность. Он выждал и вторую попытку охотников за орехами, и третью и еще несколько.

Зверьки, действительно, немного осмелели. И тут уж Рыжик больше ждать не стал — в самый подходящий момент, когда очередная «белка» была занята перегрызанием стебля, пес тихо (как его когда-то учила волчица) и стремительно прыгнул! И казалось — вот она, добыча, уже в его лапах, вернее, зубах! Но... не тут-то было.

Пока пес летел, растянувшись в прыжке, его жертва успела не только отпрыгнуть в сторону, но и забраться на дерево. Они двигались очень быстро! Просто представить себе было трудно, что живое существо способно так быстро передвигаться, тем более, вертикально взбираясь по стволу. Куда уж Рыжику гоняться за ними...

Он попробовал еще раз. Потом еще и еще, каждый раз меняя место, тщательно выбирая укрытие для засады. И каждая из попыток заканчивалась неудачей. В конце концов, пес понял, что таким образом ему никогда не поймать «белку». Надо было придумать другой способ.

И он стал думать. Наблюдать за зверьками из-за зарослей кустарника, и думать.

Через некоторое время, проведенное в размышлениях, в умной голове рыжего пса созрел план, который он тут же начал воплощать в жизнь. Первым делом Рыжик нашел такое место, где земляные орехи не росли, но зверьки здесь пробежали. Это была небольшая полянка, одним краем скатывавшаяся в речку, а другим — упирающаяся в лес. На этой поляне Рыжик раскопал лапами яму. Достаточно глубокую. Благо, земля здесь была влажная и копалась легко. Но повозиться, все же, пришлось.

Потом пес побежал туда, где из земли торчали кустики с орехами и нарвал зубами с десяток. Переносить орехи к поляне пришлось по одному, так что несколько орехов юркие зверьки сумели утащить, пока Рыжик бегал туда-сюда. Не беда, хватит и того, что удалось сберечь. Приманку он сложил на дно ямы и прикрыл неплотно все это ветками, найденными здесь же, создав некое подобие решетки.

Ловушка готова, остается ждать.

А ждать пришлось долго. Зверьки, видимо, привыкли, что на этой поляне ничего хорошего им не найти, поэтому сначала не обращали на псовую приманку никакого внимания. Но запах (а пахли орехи довольно сильно, резко и, с точки зрения Рыжика, неприятно) постепенно сделал свое дело, и вот уже то одна «белка», то другая спускались пониже, принохиваясь, искали глазами лакомство. А Рыжик наблюдал за всем этим из укрытия.

Наконец, вынюхав орехи (а, может быть, просто осмелев), один зверек спустился на землю и перебежками, то и дело останавливаясь и замирая, подбежал к яме. Зазоры между ветками, закрывавшими яму, были достаточно велики, чтобы он смог без всяких проблем протиснуться внутрь. А вот вылезти наружу Рыжик ему уже не позволил!

На этот раз охота удалась!

Пес бросился на яму всем телом, заперев, таким образом, пойманную «белку». Зверек не смог вовремя выскользнуть, потому что, во-первых, не сразу заметил угрозу из-за углубления, в котором находился, а во-вторых, ветки не позволили зверьку быстро выпрыгнуть из ямы.

Почувствовав, что попался, бедолага истошно завыл, царапая сунувшегося мордой в яму пса. Пойманному вторили его собратья. Но Рыжику было все равно, слишком уж он был голоден, чтобы обращать внимание на подобные мелочи. Может быть, будь он сытым, жалобные крики смогли бы убедить его не совершать насилия, но не теперь, не в этот раз. К тому же, будь он сытым, не стал бы вообще связываться...

Что и говорить, жаль зверька, но ничего не поделаешь — Рыжик слопал его тут же, не сходя с места.

На некоторое время пес почувствовал себя довольным, но больно уж мелкая была добыча, очень скоро желудок потребовал добавки!

Пришлось постараться еще раз. А потом еще и еще. Пес эти дни ловил «белок» (а это длительный процесс) и набивал ими пузо. В конце концов, он пришел к выводу, что жизнь не так уж плоха, надо только суметь к ней приспособиться.

Отдохнувший и набравшийся сил Рыжик вновь отправился в путь.

Он бодро бежал по берегу реки, подставив левый бок ласковому утреннему солнцу. Бежал и щурился, довольный, пушистый рыжий пес. Ему было очень интересно, что же ждет его там, впереди, в удивительном новом мире.

ГЛАВА 4

Множество раз солнце поднималось и закатывалось за горизонт, а Рыжик продолжал двигаться вперед. Осторожность, а, может быть, и изрядная доля везения позволили псу избежать неприятностей дикого мира. Никто не покушался на его жизнь, пропитание он себе худо-бедно доставал, воду исправно находил и с голоду не умирал.

А горы, тем временем, остались позади. Их еще было видно, но с каждым днем вершины отдалялись, пока не скрылись совсем. Рыжик путешествовал по бескрайней равнине. Река, очень долго сопровождавшая его, разлилась вширь, успокоилась, повиляла немного, да и свернула в сторону. Джунгли еще некоторое время не хотели уступать и продолжали тянуться, постепенно редая, пока окончательно не уступили место саванне, где росла трава, да одино-

кие деревья-зонтики. А пес продолжал идти вперед, держа утреннее солнце справа от себя.

Бесконечная равнина все чаще заставляла Рыжика задавать себе один и тот же вопрос: «Есть ли смысл продолжать?». Продолжать идти вперед, продолжать искать кого-то или что-то. Это раньше, в прошлой жизни он чувствовал «зов» Хранителя, у него была цель, а сейчас? Все слишком расплывчато, зыбко, почти бессмысленно.

Из того, что говорил ему Хранитель (из того, что пес помнил) никак не получалось выделить какую-то определенную, ясно указанную цель. Разве что — существование само по себе. Но для этого совсем не обязательно истощать себя тяжелым путешествием.

Его цель найти людей, казавшаяся Рыжику поначалу самой главной, сейчас как-то померкла. Шли дни, уже и месяцы, а людей он все не находил. Да есть ли они? Слова дельфинов, показавшиеся ему тогда ерундой, теперь становились все правдоподобнее. Даже если люди и есть где-то, сколько времени уйдет, чтобы найти их? Годы? Десятки лет?

Рыжик устал.

«Надо передохнуть, — надумал он, — пожить спокойно некоторое время, а уж потом, когда надоест...». Потом он, может быть, опять отправится в путь. Ведь его никто не гонит!

А ноги все шли и шли, не желая останавливаться вопреки воле хозяина. Рыжик честно боролся с ними, убеждая себя, что идти дальше прямо сейчас не обязательно, что можно остановиться, пожить немного спокойно, а потом...

В один из дней пес набрел на довольно крупное, но удивительно спокойное озеро. Его поверхность, несмотря на небольшой ветерок, оставалась гладкой, словно зеркало. И, увидев свое в отражение в

воде, Рыжик ужаснулся — от прежнего пса, каким он себя помнил, осталась едва ли треть. Шерсть вся свалялась, свисала клоками. Да и цвет у нее был далеко не рыжий, не солнечный, как раньше, а скорее серый. И глаза — пустые и злые. А еще — бесконечно уставшие.

Рыжику стало очень грустно. Он вздохнул, опустил голову еще ниже и зачерпнул воду языком. Отражение немедленно расплылось.

Но попить псу не удалось — вода в озере оказалась совершенно соленой! До невозможности невкусной и противной. В озеро впадал хиленький, почти пересохший ручеек. Тут вода тоже была солоноватой, но не настолько. Пить можно было.

Рядом с водой во множестве заметны были всякие следы, несмотря на то, что вода-то не слишком вкусная, поэтому Рыжик, быстро утолил жажду и поспешил покинуть опасное место. Удрученный увиденным своим отражением в воде пес долго не мог прийти в себя, и двигался, не разбирая дороги. Поэтому буквально уперся, сам того не заметив, в невысокий холм, заросший высокой пожухлой травой и парой зонтичных деревьев.

Холм, в принципе, совершенно неприметный, каких тысячи. Но у самого основания этого холма, как раз там, куда уткнулся Рыжик, зияла черная дыра входа в пещеру!

Пещеры Рыжик с некоторых пор любил, в них спокойно, уютно. Прекрасное укрытие от всякого рода опасностей внешнего мира. Поэтому, заметив дыру прямо перед собой, пес очень обрадовался и без раздумий полез в нее. Между прочим, вход в пещеру, действительно, был почти незаметен снаружи — его прикрывала густая трава, так что не удивительно, что он увидел его, лишь оказавшись совсем рядом, буквально носом ткнувшись.

Пещерка оказалась в самый раз! Прохладная (при такой-то жаре это очень радовало), достаточно просторная и сухая. И вода была! Рыжик воспринял это как должное, но можно было только удивляться тому, как ему везет с обустроенными для жизни пещерами. Будто бы неспроста. Но эта пещера все же совсем не была похожа на ту, что осталась в горах. Та целиком располагалась в скальной породе, а эту вода проточила в мягком глиняном теле холма. Со стен и потолка местами свисали корешки, а в полу даже росла пучками мелкая, жесткая травка.

Вот только съедобными слизнями тут и не пахло. А жаль. Живот у Рыжика урчал с самого утра. Может, и хорошо было бы пойти на охоту, попытаться утолить голод... Но пес устал, да и добытчик из него, пребывающего в расстроенных чувствах, никакой. Лучше сначала отдохнуть, а уж потом заняться поисками еды.

Снаружи постепенно смеркалось. До ночи было еще далеко, а в пещере стало совсем темно. Самое время подремать, выбросив все из головы. Пещера Рыжику понравилась, но он пока не смирился с мыслью остаться здесь надолго. Решил — утром видно будет.

Пес лег в дальнем углу, мордой к выходу, и закрыл глаза.

Проснулся Рыжик внезапно. И неспроста. Кто-то или что-то разбудило его.

Сначала пес толком не мог понять, что именно, но потом луна вышла из-за туч и бросила на вход в пещеру свой тусклый свет, которого хватило, чтобы обрисовать контур пришельца, застывшего у «порога» песьего пристанища. Гость был низкого роста, куда меньше самого пса, но при этом довольно крупный. Этаким бочонок на лапках.

Рыжик моментально сбросил сонное оцепенение и, вскочив на все четыре лапы, угрожающе зарычал. Он готов был защищать свое жилище (пусть и временное) от кого бы то ни было.

Пришелец его рыка не убоился, а наоборот — ответил тем же. Грозно зашипел и ринулся в атаку. Пес присел на передние лапы и прыгнул навстречу, планируя вцепиться во врага зубами. Но ничего не вышло! Из-за темноты и низкого роста противника получилось так, что Рыжик достал зубами до спины незваного гостя, но вместо того, чтобы впитаться в плоть, зубы ударились о твердый панцирь и проскользили от загривка врага до самого хвоста. А вот противнику его атака удалась вполне — он просто сбил пса своим бронированным телом.

Кусать Рыжика, он, правда, не стал. Вместо этого броненосец быстро отпрыгнул назад, разбежался и опять долбанул растерявшегося пса броней. Очень больно! Случайный ответ луны позволил Рыжику углядеть острый вырост на передней части бронированной спины необычного врага — рог! Так вот почему удары были такие болезненные! А поначалу действия броненосца показались Рыжику самонадеянными. И зря. Наоборот, уверенность пса в своем преимуществе перед более мелким противником оказалась совершенно необоснованной.

Поняв опасность лобовых столкновений с броней, пес больше не позволял врагу бить себя. Но и сам ничего сделать с ним не мог — несколько раз он пробовал кусать противника, но тот был практически полностью защищен броней. Только лапки внизу торчали, короткий хвост позади, да вытянутый нос иногда появлялся на виду.

Что с таким сделаешь? Вот Рыжику и оставалось только прыгать да скакать, уворачиваясь от ударов. Тем временем броненосец все сильнее оттеснял его

к выходу из пещеры. Если и дальше так будет, то очень скоро Рыжик окажется на улице. Пса не пытались съесть или убить — его просто выгоняли из пещеры.

Когда Рыжик понял это, пространства для маневра не осталось совсем. И тогда, отчаявшись, пес схватил зубами ненавистный рог и просто уперся лапами в землю, не позволяя противнику отбежать для нового удара. Броненосец-единорог сначала бесполезно сучил лапками, пытаясь высвободиться, но, поняв тщетность своих попыток (он добился только того, что затащил пса обратно в глубь пещеры), уперся так же, как Рыжик, и начал толкаться вне-ред.

Рыжик, упираясь, глухо рычал сквозь зубы. Броненосец разъяренно шипел. И оба толкались на месте, не в силах перебороть друг друга.

Так они и стояли бы до тех пор, пока один из них, обессилев, не свалится, но тут Рыжик инстинктивно мотнул головой, как это делают все собаки, таская своих жертв. Эффект от такого тактического приема оказался неожиданным — броненосец, не в силах уцепиться за землю короткими толстыми лапками, просто перевернулся.

Рыжик от неожиданной удачи аж выпустил рог, и броненосец оказался перевернутым на спину! А самое главное, открывшееся брюшко врага было совершенно незащищено грозной броней! И Рыжик не растерялся...

Теперь у пса не только не осталось конкурента на пещеру, но и появилась еда, часть которой он проглотил сразу же, а часть оставил на утро.

Ночь прошла беспокойно. Рыжик все время просыпался от ощущения близкой опасности. Ему виделись какие-то силуэты на фоне входа в пещеру, опасные «гости», жаждущие его крови. Но каждый

раз тревоги оказывались напрасными, кажущимися и он вновь засыпал, чтобы проснуться через пять минут.

Когда пришло долгожданное утро, Рыжик окончательно решил для себя, что надо что-то делать с безопасностью жилища. Не годится спать, поминутно оглядываясь на вход в ожидании опасности!

Как-то незаметно для себя он решил, что пещера, приютившая его на ночь, стала его домом. И дом этот следовало защитить, оградить, обустроить. А всё неумное стремление идти куда-то туда, за горизонт в погоне за мечтой само собой растворилось за одну ночь. Рыжик просто почувствовал желание обустроить дом, не задумываясь о том, зачем и почему надо именно так. Просто надо и все.

Решить-то пес решил, но как исполнить задуманное? Раньше-то все было просто — люди сами создавали огромные жилища для себя и делали постройки для домашних животных. В их жилищах жил и Рыжик. Как они это делали — одному Хранителю известно, но делали хорошо, надежно. Уж им-то был неизвестен страх перед опасностью ночи, они-то себя могли от чего угодно отгородить, оборонить, защитить.

Высоты зодчества, покоренные людьми, были бесконечно недоступны Рыжику. Но ему хватит и малого. Главное — сделать дверь, которая отгородила бы пещеру от внешнего мира и открывалась бы лишь по Рыжикиной воле.

Конструкторская мысль не спешила осенять голову пса, и он решил побегать по округе в поисках подходящих материалов. На холме, у основания которого расположилась пещера, росло много травы и мало деревьев. Но именно к ним, к деревьям, устремился пес — он видел много дверей в своей жизни, и часть из них была изготовлена именно из дерева.

Здесь найти доски, да чтобы сколоченные между собой, да с приделанными петлями, да чтобы размер под дырку входа подогнанный — это было совершенно нереально (а как бы хотелось), зато под кронами деревьев нашлось немало валежника — веток разной толщины, длины и формы. Пес натащил такого добра целую кучу, свалив его в одно место.

Прекрасно, материал найден. Как скрепить ветки между собой? Рыжик вспомнил, как люди привязывали веревками одно к другому, получая в итоге целое.

Конечно же, веревок рядом не нашлось. Зато травы сколько угодно! А ведь она тонкая и гибкая. Сорвав зубами приглянувшуюся траву потолще да подлиннее, Рыжик положил ее на землю. Затем схватил (опять же зубами) ветку из кучи и пристроил ее поверх и поперек травяного стебля. Завязать узел дело не простое. Для обычного пса так и вообще невозможное, но для Рыжика — просто трудное. Он не раз и не два наблюдал, как делают узлы Павел или Борис. И хотя сам никогда не пробовал этим заниматься, трудностей не убоился, а ведь если представить, то как же неудобно и неловко с помощью зубов да лап пытаться завязывать узлы! Вот здесь-то и приходится размышлять о том, что только человеческие руки, пальцы способны сделать такую работу. А Рыжику, ох, как нелегко пришлось все это проделывать!

Он ухватил поудобнее зубами один конец импровизированной веревки, прижал лапой другой и... тут скрестить, тут продеть..., тут затянуть..., да по-сильней!..

Бах!

Оборвалась. Некрепкой веревкой оказалась трава. Пес пробовал еще раз и еще, но каждый раз она рвалась, толком не затянувшись.

Рыжик скульнул, расстраиваясь, огляделся вокруг еще раз, и взгляд его упал на зеленые стебли молодых веток, гнувшихся под напором ветра. Может быть, они лучше подойдут на роль веревок? Надо попробовать.

И он попробовал. Молодые ветки, действительно, были куда прочнее травы, однако они хоть и гнулись, но были недостаточно гибкими для того, чтобы узлы вязать. Тогда Рыжик опять додумался. Он легонечко стал пережевывать зеленые ветки, чтобы те становились более эластичными. Все равно, конечно, не идеальные веревки, но уже годные к использованию. Попробовал, получилось.

Теперь он стал связывать одну толстую ветку с другой. Ох, как долго мучился! (Были бы человеческие пальцы!) Ох, как долго провозился!

Но как же пес радовался, когда у него получилось! Да так любо вышло! Он зубами стал трепать связанные палки — не распадались. Тем временем, день прошел, и солнце начало клониться к закату. А Рыжик всего-то и сделал, что связал еле-еле одну с другой в двух местах две палки. Не густо. Но продолжать работу было нельзя, стало темнеть. Да и усталость навалилась, хотя, казалось бы, от чего?

Пес все бросил и пошел в пещеру. Доел остатки броненосца, которые накануне зарыл у дальней стены своего «дома», закопал косточки (погрызть назавтра), да и прилег отдохнуть. Сам не заметил, как заснул, несмотря на все свои страхи и опасения.

Ночь прошла спокойно, а с рассветом он побежал туда, где оставил накануне плоды своих трудов и продолжил «изготовление двери». Это занятие казалось ему крайне важным и необходимым.

Теперь дело пошло веселей — сказывался какой-никакой, а навык. Рыжик связал попарно десятка два веток, и начал было привязывать пары друг к

другу, но получилось совсем не то, что он хотел. И снова стемнело, пришлось сделать перерыв на ночь, хотя Рыжику прямо-таки не терпелось достичь конечного результата. Хорошо (и удивительно!), что днем его никто не отвлекал. Никакие опасные звери не показывались и не трогали его. Хотя запахи предупреждали, что всякого зверья в округе много и, наверняка, среди них попадаются очень зубастые и кровожадные особи. Тем скорее надо заканчивать с дверью, чтобы можно было спать спокойно.

На следующий день, с невероятными усилиями, Рыжику удалось связывать между собой ветки из одной пары с другой.

Еще через день ему, наконец, удалось соединить все пары, получив вполне добротную плоскую «дверь». Такой она выглядела, лежа на земле. Но стоило ее поднять, как выяснилось, что «дверь» не спешит сохранять плоскую форму, а все стремится свернуться в рулон! Опять пришлось голову ломать...

Однако Рыжик и эту трудность преодолел. Он разместил две перекладины (из такого же валежника, естественно) поперек связанных веток! Затем все это закрепил, связав их между собой. Теперь «дверь» стала совсем «правильной», надежной, и пес мог со спокойной совестью очень даже гордиться плодами своего труда, ведь подобная работа не для четвероногих!

Дело оставалось за малым — приделать «дверь» на место. Да так, чтобы открывать можно было, и закрывать!

Он зубами подтащил «дверь» (тяжелое сооружение получилось!) к дыре входа в пещеру, кое-как привалил ее, убедившись в том, что она почти точно подходит к размеру прохода — лишь в верхней части оставалась небольшая щель, впрочем, через нее все равно никто крупнее мыши не пролезет. И минут

пять Рыжик любовался своей «лапотворной» красотой, а потом решил, что уже темно и пора забираться в пещеру. А как забираться-то? Это ж надо дверку отвалить сначала, освободив проход, тут-то вся красота и разрушится. Но, делать нечего, придется потерпеть еще одну ночь. На завтра-то он уж точно придумает способ установить все, как должно быть.

Ночь пролетела. Проснувшись, пес сразу с нетерпением, предвкушая завершить плоды своих трудов, выскочил наружу с первыми лучами предрастветного солнца. Выскочил и начал думать, тягая дверь свою то так, то сяк.

Мысль не шла. Приставить-то дверку никаких проблем не составляло, но как сделать, чтобы она еще и открываться могла, не отваливаясь напрочь?

С левого края от дырки входа, совсем рядом с ним, рос невысокий, кряжистый кустарник. Росточком едва ли в полметра, но ствол у него был чуть не в руку взрослого человека.

Порядком помучившись, Рыжик зубами затянул две петли очередных двух веревок — веток (немного разжеванных псом), которыми привязал (повыше и пониже) одну сторону самодельной двери из веток к стволу кустарника. Этим он добился почти настоящего эффекта дверных петель! Правда, открывать «дверь» туда-сюда, толкая ее носом каждый раз, было неудобно и хлопотно, особенно если учитывать «жесткий» ход импровизированных петель. Но эту проблему пес также решил — привязал зубами с большими трудностями по обе стороны от двери по ветке-веревке — это вместо ручек. Теперь, заходя в пещеру, он зубами тянул ветку-веревку на себя и «дверь» открывалась, или закрывалась за ним, когда он дергал ее находясь в своем убежище.

Любуясь результатом работы снаружи (с закрытой дверью), Рыжик порывивал, глядя на щель,

которая образовалась над дверью. Но когда он залез во внутрь своего убежища, то понял, что все получилось наилучшим образом! Ведь, закрывайся «дверь» плотно, в пещере даже днем стало бы непроглядно темно. А так хоть небольшой просвет освещал пещеру. Впрочем, он все равно большую часть дня будет проводить вне пещеры, — охотясь. И тут же о себе напомнил пустой желудок.

Удовлетворившись делом лап своих, лохматый домостроитель залез в пещеру и тут же заснул, как убитый.

Ночью Рыжик проснулся от того, что начался дождь. Пес любил дождь, а здешняя природа давно уже не баловала им. Поэтому он выскочил из пещеры, небрежно распахнув «новую дверцу», и, заливаясь веселым лаем, побежал, куда лапы понесли! Он почувствовал свободу и радость в своей душе, которая была отягощена беспокойной и безрадостной жизнью. Но ночь, которая и не думала дремать, тут же осадила пса, грозно и недовольно рыкнув на него из темноты. Рыжик испугался, перестал лаять и опрометью кинулся обратно, под защиту своего дома.

Дождь был сильным и, пока пес бегал туда-сюда, он успел превратить усыхающую до каменного состояния землю в вязкую и липкую грязь. Выдерживая из нее лапы, Рыжика вдруг осенила замечательная мысль, которую он решил сразу воплотить. Тем более что тянуть с этим было нельзя!

Он подбежал к новенькой двери, закрыл ее, оставшись снаружи, повернулся к ней спиной и, раскапывая задними лапами глину — мокрую землю, этой глиной закидал дверь! Немного усилий — и вот уже вся она покрылась толстым слоем липкой глины, которая полностью забила щели между ветками.

Пройдут дни, налипшую землю украсит свежепроросшая травка, и вход в псовое жилище станет окончательно незаметным постороннему глазу. Конечно, крупный хищник может учуять логово Рыжика и, наверное, ему даже не составит труда расковырять дверь, но пес надеялся, что крупный зверь не сумеет пролезть в нору. А вот от прочих всяких средненьких, но потенциально опасных хищников, его дом был теперь надежно защищен. Рыжику очень хотелось в это верить!

Дни шли вереницей, один за другим. Почти каждое утро пес отправлялся на охоту. Он неплохо разведал окрестности пещеры и пришел к выводу, что нет лучшего места для промысла, чем небольшое соленое озеро. Во-первых, вокруг него водилось много всякой съедобной мелочи вроде безвредных змей и грызунов. Во-вторых, на озере обитало множество птиц, и всегда был шанс наткнуться на раненую птицу, неспособную подняться в воздух. Можно было добывать яйца птиц, молодняк, еще не выучившийся летать...

Крупные звери, опасные и не очень опасные, предпочитали пить воду из впадающего в озеро ручья, поэтому опасность на берегах самого водоема была не слишком серьезной. Главное, успевай следить за тем, что происходит вокруг и при малейшей тревоге, а ее очень хорошо поднимали птицы, убегай куда подальше.

А опасностью Рыжик считал все неизведанное — любое относительно крупное живое существо вызывало в нем страх. Он уже и не вспоминал о том, что раньше, бесконечно давно, не боялся ничего и никого, и любое живое существо, прежде всего, рождало в нем любопытство. А в этом, новом мире, доброжелательность каралась смертью.

Рыжик встречал разных травоядных животных и таких антилоп, как та, что чуть было не закусала его насмерть ядовитым своим укусом. Поначалу пес за версту обходил всех подобных тварей. Но потом, когда озеро почти пересохло, птицы куда-то улетели, а вместе с ними исчезло и большинство мелкой и съедобной живности, охота перестала быть столь же продуктивной, как раньше, и Рыжик стал примеряться к антилопам. Он не был уверен, что все они ядовитые, но выяснять это на своей шкуре опасался.

Пес предположил, что если не позволить этой ядовитой гадине укусить себя и, схватив ее за загривок (благо ростом эти парнокопытные были невелики, допрыгнуть до холки возможно), не отпускать, то, может быть ему и удастся одолеть эту добычу. Весьма заманчиво! Страх долго не позволял псу на практике воплотить свои теоретические изыскания, но, в конце концов, голод заставил его попробовать.

Получилось! Рыжик затаился в кустах, выбрал момент и, прыгнув, вцепился зубами в загривок антилопе, отставшей от своих. Видимо, она была не совсем здорова (потому и отстала) и почти не оказала никакого сопротивления. О, Рыжик пировал аж три дня! Мясо у антилопы оказалось очень вкусное. Особенно, после всякой гадости, которой он питался.

Постепенно он привык охотиться именно на антилоп, переходя на другую пищу только в том случае, если не удавалось поймать парнокопытное. Появились уверенность и сноровка, но Рыжик не терял и осторожности, поэтому его ни разу так и не укусили. Хотя пытались, еще как пытались!

Тут, кстати, и дверь пригодилась! Съесть всю антилопу целиком Рыжик не мог, но на запах мяса, иногда прибегали... всякие там. Но никому пока не удалось пробраться к Рыжику в пещеру — убегали не солоно хлебавши.

Так и жил. Приспосабливался и привыкал. Пока не случился с ним на охоте один непредвиденный случай, перевернувший всю его жизнь.

Рыжик пошел на охоту. Период засухи заканчивался, и, благодаря частым дождям, озеро постепенно обретало обычный размер на радость, водившейся в нем и подле него, мелкой живности.

Как-то раз пес начал вынюхивать добычу, вдруг шум зашуршавшей под чьими-то лапами или копытами травы заставил его юркнуть в сторону зарослей, которые могли его надежно укрыть. Оказалось, Рыжика спугнули шествующие с водопоя антилопы. И (о, удача!) самой последней плелась явно покусанная каким-то хищником хромоногая особь. Взрослая и сильная, но отягощенная увечьем, она и привлекла внимание пса. Рыжик поспешил за стадом, держась в отдалении.

Теперь оставалось только следовать за потенциальной добычей до тех пор, пока она не отстанет от своих. Вообще-то, антилопы были трусливы и вряд ли бросились бы на защиту «своей», но лучше перестраховаться, чем потом отравленным валяться-помирать. Да и ждать долго не пришлось — что-то напугало антилоп, и они вдруг сорвались с места и помчались подальше от опасности. Побежала и раненая, но куда ей было угнаться за остальными.

Рыжику тоже было тяжело нестись со скоростью здоровых антилоп, но перегнать эту антилопу он смог легко. Пес приглядел удобное место, где он сможет повалить антилопу. Таким местом было небольшое возвышение с зарослями кустарника по обе стороны от тропки, по которой плелась антилопа. И Рыжик принялся ждать!

Появился чей-то незнакомый запах, который, кстати, был приятен. И он будоражил Рыжика, но он отмахивался от мыслей об этом, ведь сейчас

главное — антилопа. А вот и она! Ковыляет, прихрамывая, торопится.

Рыжик подпустил ее совсем близко, присел, прицелился и... прыгнул. Все его внимание было нацелено на загрибок жертвы, но краем глаза пес успел заметить чью-то тень. Нет-нет! Все потом! Не отвлекаться! Сейчас зубы вопьются в мягкую кожу, прокусят ее и будут продолжать сжиматься, не обращая внимания на свежую теплую, почти горячую кровь, хлынувшую в рот, на сопротивление жертвы, на ее жалобные или агрессивные крики... Еще мгновение!..

Но в момент, когда зубы Рыжика уже, казалось, сомкнулись на трепетной шее антилопы, его тело вдруг столкнулось с другим телом. Чьим?! Этого он не успел заметить. Прыжок не удался, цель не была достигнута. Оглушенный ударом Рыжик просто упал на землю.

Пес быстро пришел в себя и вскочил с места, чтобы антилопа не укусила его. Но антилопа не обратила на него внимания — оказывается, соперник Рыжика, который прыгнул одновременно с ним и, с которым они столкнулись в полете, оказался более удачливым и сумел впиться зубами в шею жертвы. Но столкновение не позволило и этому бедолаге-сопернику сделать все как следует — он укусил антилопу слишком низко и слабо. Так, что антилопа сумела вывернуться и сама укусила нападающего.

Все это происходило у Рыжика на глазах. Его конкурент настолько поразил пса своим видом, что он даже позабыл о том, что надо бежать-спасаться, пока антилопа не переключилась на второго обидчика. Впрочем, антилопа и не думала мстить — как только парализованный ее ядом конкурент Рыжика ослабил хватку, она вприпрыжку поспешила ретироваться.

А второй охотник остановился. Рыжик смотрел на него и не верил своим глазам. Она (теперь-то

он точно понял, что это именно «она») была удивительно похожа на собаку. Ее мордочка была покрыта короткой темно-коричневой шерстью, аккуратные торчащие вверх заостренные ушки, на шее небольшой светлый и пушистый «воротничок», пышная бурая шубка, такой же хвост и пятнисто-полосатые лапы. Она была очень красивая, хотя люди когда-то презирали подобные создания природы и называли их гиеной. Бурых гиен, подобных этой, люди встречали нечасто⁶.

Рыжик несколько минут стоял, не решаясь подойти ближе. «Конкурентка» смотрела на него затуманенными глазами. Она тяжело дышала, затем упала. Глаза ее закрылись, голова безвольно свалилась набок. И только еле вздымавшиеся бока показывали, что укушенная еще жива.

Рыжик приблизился. Неуверенно обнюхал Гиену, лизнул в нос. Та никак не отреагировала. Что делать? Пес никак не мог оставить ее вот так — умирать здесь. Ему вспомнилась волчица, которая спасла его от неминуемой смерти. Определенно, он был просто обязан также поступить. К тому же, Гиена просто-напросто понравилась Рыжику. Но как оттащить ее в пещеру? Рыжик принялся заботливо вылизывать Гиену, особенно, место укуса. Та вздрогнула, открыла глаза, посмотрела на пса невидящими глазами и вновь потеряла сознание. Рыжик аккуратно, насколько это было возможно, схватил зубами пострадавшую за загривок и попытался сдвинуть ее с места. Получилось! Все-таки она была меньше и легче пса. Осмелев, он сжал челюсти чуть сильнее и приподнял бедняжку. Та никак не реагировала. И Рыжик потащил ее тело по направлению к своей пещере.

⁶ Бурая гиена водится в Южной Африке, в основном, на морских побережьях. Зверь этот очень редкий, одиночный. Вид Гиена Бурая занесен в международную Красную книгу.

Пещеру от места происшествия отделяло приличное расстояние при таком способе передвижения, а в обычное время Рыжик преодолел бы это расстояние легко и быстро. А тут пришлось потрудиться. Но к вечеру, когда сумерки только-только начали спускаться на землю, Рыжик со своей ношей достиг своего обиталища.

Гиена по-прежнему не подавала никаких признаков жизни, только дышала прерывисто, неровно, тяжело. Пес затащил Гиену в глубь пещеры, подставил ее мордочку под воду, которая понемногу стекала сверху, потом оттащил к стене и сам лег рядом.

Всю ночь он будет рядом охранять ее, а на утро... утро вечера мудренее — там будет видно.

Рыжик положил свою голову рядом с головой Гиены, жалобно скульнул и лизнул ее мордочку еще раз, как бы говоря: «Только не умирай!»

ГЛАВА 5

Ночь прошла беспокойно. Песье логово никто не потревожил, но сам он почти не спал — переживал за подопечную. Та оставалась в бессознательном состоянии, дышала прерывисто, иногда с хрипотцой, а иногда почти переставала дышать. Рыжик в такие моменты принимался вылизывать ее мордочку и скулил от бессилия. Вот если бы здесь был человек-доктор!

Утром Гиена впервые очнулась. Рыжик, увидев ее открытые глаза, обрадовался, но отравленная едва смогла приподнять голову. Невнятно похрипывая, она потянулась к воде, но самостоятельно преодолеть даже полметра не смогла. Конечно, Рыжик тут же кинулся помогать ей! Он подтолкнул Гиену к воде, подождал, пока она напьется, и оттащил

больную в сторону. Гиена не сопротивлялась, хотя и благодарности не проявляла. Видимо, она почти не понимала, что происходит.

После этих перемещений Гиена совсем обессилела и уснула. Теперь дышала ровнее, нос повлажнел, и вообще стало заметно, что ее состояние немного улучшилось. Рыжик, вспомнив о том, что они оба голодные, а вчерашняя охота так и не удалась, отправился погулять, поискать чего-нибудь съестного.

Покинув логово, он тут же почувствовал давящее чувство беспокойства за подопечную. Как она там без него? Все ли в порядке? А вдруг больная очнется, увидит, что рядом никого нет, и попытается уйти? Ведь она еще так слаба!

Но вернуться с пустыми лапами он не мог, больной требовалось подкрепиться. Да и сам он был не прочь чего-нибудь поест. Уняв эмоции, Рыжик сосредоточился на охоте, и очень скоро ему повезло — пес набрел на норку, облюбованную семьей грызунов. Высидев в засаде с полчаса, Рыжик разжился двумя довольно упитанными тушками. Решив не терять время, он кое-как захватил зубами обе тушки и поспешил вернуться в пещеру.

Вбежал домой, едва не растеряв по дороге добычу, и словно камень с сердца упал — Гиена была на месте, хоть и не спала. Она внимательно, чуть настороженно смотрела на Рыжика, но не встала при его появлении и зубы не скалила. Значит, все хорошо!

Пес, робея, приблизился к ней и сложил добычу у ног госты, позабыв, что ему самому тоже нужно поест.

— У-у-у-у, — приглашающе скульнул Рыжик, размахивая хвостом.

Гиена молча смотрела на него около минуты, не отрываясь, а потом вдруг чуть приподнялась, чтобы дотянуться до пса, и благодарно лизнула того в нос.

Рыжик, не ожидавший такой благодарности (он, скорее, ожидал проявления агрессии), удивленно вытянул шею и замер. А Гиена, тем временем, взялась за еду. Псу ничего не оставалось, как лечь рядом и ждать. И он ждал! И делал это с удовольствием. Пес вдруг понял, что ему хорошо! Очень хорошо, просто восхитительно! И все от того, что рядом появилось другое существо, которое не пытается его съесть, которое не прогоняет его и само не убегает, которое не видит в нем самом угрозы в отношении себя, наоборот, ласково принимает его заботу. Можно сказать — друг! И пусть даже на короткий отрезок жизненного пути (хотя, кто его знает?). А шагать вдвоем всегда веселее, чем брести одному.

Рыжик понял, что ему очень хочется, чтобы она осталась с ним как можно дольше.

Он даже согласен был еще раз сходить на охоту и вновь добытое отдать ей, не оставив себе ничего. Пусть — лишь бы она осталась с ним! Лишь бы не ушла, едва почувствовав себя лучше...

Гиена довольно быстро съела без остатка одну тушку, но ко второй не притронулась, пододвинув ее Рыжику. И пес был ей за это благодарен... и урчащий его живот тоже.

Эту ночь пес и Гиена согревали друг друга, тесно прижавшись телами. И ночь пролетела очень быстро и легко.

А утром он вновь оставил ее одну в пещере, чтобы опять кого-нибудь поймать. Гиена, все еще с трудом поднимавшаяся на лапы, даже не пыталась высовываться из темного уюта защищенной пещеры. Да и зачем? Раз есть такой заботливый и сильный друг!

Когда немилосердное солнце поднялось совсем высоко, грозя спалить всякого, кто под ним ходит,

бегают и летает, Рыжик вернулся к Гиене с добычей. А после «обеда», он попытался рассказать ей о себе!

К картинкам-мыслеобразам (спасибо дельфинам!) пес добавлял очень эмоциональный лай, повизгивание, поскуливание и, конечно же, он все пытался показать, изобразить! В результате Рыжик как заводной кружился по пещере, издавая при этом забавные звуки, подбегая к Гиене, чтобы посмотреть — понимает она его или нет.

Он рассказывал о Павле, о взрыве, о том, как долго шел по зову к ледяной земле, как очнулся после долгого небытия и плыл на льдине, как шел от берега в глубь материка, как обосновался в этой пещере и... как они встретились с ней.

Гиена заворуженно смотрела на него, и невозможно было определить, поняла она его, или нет. Дельфин бы, конечно, все понял, но то дельфин! Любимец Матери-земли, Хозяйки Мира.

Когда, наконец, пес закончил свой рассказ, Гиена поднялась и тоже стала рассказывать о себе! Значит — поняла! Пусть не все, но поняла, что Рыжик рассказывает ей о себе, о своей жизни.

Теперь наступила очередь Рыжика прислушаться, напрягаться, силясь понять ее рассказ. Поначалу получалось плохо. Вернее сказать, вообще не получалось. Подгавкивания и подвывания Гиены ни о чем Рыжику не могли рассказать, а образов в голове не возникало. Но потом пес стал что-то различать. Картинки, образы, рождающиеся в его голове, были малопонятны, разрозненны и смутны. Однако постепенно они все же складывались в единое повествование.

Рыжик «увидел» как она жила на побережье вместе с множеством подобных ей. Он увидел ее стаю. Они подбирали то, что щедрый океан выбрасывал на берег к их ногам после бури, охоти-

лись на мелкую живность или загоняли всей стаей трусливых, но сильных травоядных львов (так вот чего испугался тот странный лев, которого Рыжик встретил, едва выбравшись на берег — лев принял пса за бурую гиену). Иногда, уходя в глубь материка, гиены устраивали охоту на антилоп, которых не встретишь на побережье. Но это были неядовитые антилопы. Бурые хищники хорошо отличали ядовитых травоядных от всех прочих и никогда не нападали на них, потому, что яд их не просто ранил гиен, но и даже убивал! Эти навыки они усваивали чуть ли не с молоком матери. Глупые же умирали.

Гиена очень боялась ядовитых антилоп! Рыжик почувствовал это. Но почему же тогда она решилась на нее напасть? Кстати, Рыжик в свое время перенес укус довольно легко. Гораздо легче своей новой подруги. Может быть, потому что он был здесь чужим?

Тем временем перед Рыжигом предстала картина бедствия. В момент, когда практически вся стая находилась на самом берегу океана, с большой воды вдруг пришла огромная, всеразрушающая волна! Некоторое время до этого землю под лапами немного трясло, и гиены сначала испугались. Но землетрясение было не сильное, даже с лап не сбивало, поэтому, перетерпев пару толчков, они успокоились и перестали обращать внимание на судороги земли. А зря!

Впрочем, что они могли сделать?

Гиена в момент появления волны находилась дальше всех от берега, и только это спасло ее от гибели.

Когда вода вдруг отхлынула от берега, а потом вспучилась высоченным валом, все ее собратья, поджав хвосты и визжа от ужаса, бросились вон от береговой линии. Но они не успели. Волна беспощадно захлестнула их и потащила куда-то с собой,

словно бессильные песчинки. Гиену вал тоже настиг, но уже на исходе своих сил. Протащив немного в глубь лесистого берега, океан отпустил ее, дав возможность уйти от второй волны.

Гиена выжила. Ее потрепало немного еще первой волной, но не более того. И она думала, что собратья ее тоже живы, пусть даже не все. Однако поиски, которым она посвятила весь следующий день, были безрезультатны. Она никого не нашла. Да и где искать? От их берега, от прибрежного леса ничего не осталось! Весь берег был превращен в сплошную «кашу» из ила, камней, песка, веток и стволов деревьев. Среди всего этого, то тут, то там попадались погибшие рыбы и зверьки. Гиена нашла и несколько своих... погибших.

Уставшая, разбитая и напуганная Гиена поняла, что поиски ее напрасны, и надо как-то жить дальше. Можно было бы попытаться прибиться к другим стаям, но, скорее всего, ее там не примут — хорошо, если просто прогонят, а то ведь и закусать могут до смерти.

Оставаться на побережье Гиене было страшно — она боялась, что в любой момент бедствие может повториться! Этот животный страх гнал ее подальше от океана. Несмотря на то, что она привыкла жить именно на берегу, страх перед новой страшной волной пересиливал все прочие ее страхи.

Она шла через лес, через засушливую равнину, шла долго и боялась остановиться. Охота удавалась с трудом, приходилось постоянно голодать. Несколько раз она натыкалась на стаи других гиен, не похожих на нее, живших вдалеке от берега, и каждый раз она еле-еле спасалась от них бегством. О том, чтобы прибиться к «дальним родственникам», не было и речи. Ее никто не хотел принимать в стаю. Оставалось только идти дальше, в надежде на то, что где-нибудь она найдет себе пристанище...

Конечно, далеко не вся эта информация отчетливо «прозвучала» в рассказе Гиены. Нет, по большей части Рыжик додумывал сам. А уж эмоции, так совсем придумал, представляя себя на месте рассказчицы. Вполне может быть, что половину рассказа Рыжик понял неправильно. Но это неважно — пусть они не достигли полного взаимопонимания, гораздо важнее то, что их душевное общение состоялось!

Тем временем, Гиена заканчивала повествование.

В последнее время ей совсем не везло с добычей пропитания. Поэтому, увидев ядовитую антилопу, Гиена, пренебрегая опасностью, решилась напасть на нее...

Она завершила свой рассказ, облизываемая, утешаемая Рыжиком, и сама лизнула его. Теперь они друзья! Можно даже сказать, стая...

Шли дни. Гиена совсем окрепла, и теперь они ходили на охоту вместе. Страхи Рыжика относительно того, что новая подруга покинет его, окончательно развеялись. Пес впервые за очень долгое время радовался жизни, особо не задумываясь ни о чем. Добывать пропитание вдвоем стало гораздо проще, потому что появилась возможность вдвоем загонять крупного зверя, окружая его с двух сторон. Не стало и проблем с кормежкой.

Гиена даже научила Рыжика отличать среди антилоп ядовитых от не опасных. А еще она научила его охотиться на травоядного льва, хотя мясо его было невкусным, да и бегали эти львы быстро и, вообще, отличались сообразительностью. Пес уже сталкивался с этим зверем, и он никак не мог поверить в то, что лев совершенно не опасен. Где-то в подсознании у пса засело, что это все-таки хищник и хищник грозный.

Прошел сезон дождей. Озеро напилось дождевой водой и пищи стало очень много.

Рыжик не раз хотел запастись мясом, но оно почему-то каждый раз портилось уже через день-другой, даже если пес его закапывал. Приходилось бросать излишки. Чтобы не портить запах в пещере, Рыжик приучил подругу есть прямо на месте поимки — пес просто не давал Гиене отнести добычу домой. Управляемая инстинктом (как животное, живущее в стае, Гиена стремилась утащить добычу на место стоянки, чтобы разделить добытое со стаяей), она долго не поддавалась обучению, но на десятый раз свыклась с этим правилом, диктуемым Рыжиком и больше не пыталась делать по-своему. Они ели на месте и уходили домой.

Обычно на следующий день от недоеденной их добычи оставались лишь обглоданные кости. Но однажды они поймали антилопу у самого берега озера. Съели как обычно, сколько смогли, а остальное оставили в воде. Оказалось, что за сутки никто не съел эти остатки мяса. Лишь рыбки чуть-чуть покусали его.

Рыжик из любопытства вошел в воду и понюхал мясо — нормальное. Попробовал — солоновато, но совершенно не испорчено! Это заинтересовало пса, заставило думать о причинах, и он заподозрил, что именно вода предотвратила гниение.

«Засоленное» в озере мясо он притащил в пещеру, чтобы посмотреть, что с ним будет происходить дальше. Минул день, потом другой, третий, а оно не портилось. С этих пор Рыжик стал осознанно оставлять в воде не съеденную добычу, оттаскивая добычу даже подальше в воду соленого озера и оставляя ее там на ночь. Случалось и так, что он наутро не находил свою добычу, но это происходило не часто. Так постепенно в пещере стал накапливаться довольно внушительный запас еды. А ведь скоро опять придет засуха, ручейки пересохнут, и

зверья в окрестностях станет меньше! Вот тогда-то, думал Рыжик, и пригодится соленое мясо.

Ну, а пока еды было вдоволь, и Гиена окончательно утратила болезненную худобу, а потом и вовсе стала поправляться! Сначала Рыжик думал, что это от обильной пищи, однако скоро он начал понимать, что причиной тому было совсем другое... Гиена готовилась стать мамой⁷!

Мамой его детей — щенков!

Впрочем, пока Рыжик еще сомневался. И пристально наблюдал за Гиеной. А она с каждым днем все больше напоминала ему Малышку, которая тоже носила его детей, но погибла. Он внимательно следил за тем, чтобы его подруга не подвергалась никакой опасности.

А Гиене со временем стало трудно передвигаться, и Рыжику приходилось ходить на охоту одному. Засуха была уже не за горами, и надо было не только добывать пищу на сегодня, но и делать про запас. Тем более что количество ртов вот-вот увеличится!

Будущая мама стала немного раздражительна, много спала и почти не выходила из пещеры. Рыжик стойко переносил новые заботы и не забывал нежно вылизывать подругу, согревать ее по почам и снабжать лучшими кусками мяса. Гиена принимала все заботы как должное и могла иногда даже укунить пса безо всякой видимой причины.

Закончилось все тем, что в один из дней Рыжик, возвращаясь с неудачной охоты (наступил засушливый период), услышал, как его подруга скулит, жалуясь на боль. Он тут же кинулся к пещере! Но на самом пороге скулеж Гиены сменился на рык. Рыжик в нерешительности остановился, так как

⁷ Если следовать букве науки, потомства у Рыжика с гиеной быть не должно, но чего только не случается в фантастическом романе.

ясно понял — рык предупреждал его воздержаться от приближения. Но пес все-таки вошел. Несмело, чуть-чуть углубившись внутрь пещеры. И тут же из темноты на него кинулась разъяренная подруга. Рыжик в ужасе выкатился вон! Его испугал не столько ее оскал, сколько сверкающие безумием огромные глаза. Будто бы его любимую кто-то подменил на ужасное чудовище.

Как только пес оказался снаружи, рык прекратился, вновь сменившись поскуливанием. Но Рыжик больше не стал испытывать терпение подруги. Он лег рядом со входом в пещеру и молча беспокоился, прислушиваясь к тому, что происходит внутри. Гиена мучилась и это пугало Рыжика. Он сам не заметил, как начал скулить вместе с ней, переживая за нее.

Спустя какое-то время Гиена замолчала. Тишина, повисшая на несколько минут, вдруг сменилась тоненьким повизгиванием малыша! Сначала одного, потом к его голосу присоединился другой, затем третий, четвертый! Рыжик, обезумев от счастья, ворвался в пещеру, забыв обо всем, но ему тут же напомнили, где его место. Гиена не стала бросаться на него (может быть оттого, что не было сил), но рыкнула так, что пес снова опрометью бросился вон. Оставалось только смириться и радоваться в одиночестве на свежем воздухе, внимательно прислушиваясь к копошениям новорожденных.

Ночевал Рыжик снаружи, не рискуя больше испытывать терпение Гиены. Ночью в пещере вроде бы все спали, молчали, а к утру опять стали раздаваться попискивания, щенки закопошились, забеспокоились. Новоявленный папа сделал еще одну попытку полюбопытствовать, но опять нарвался на рычание и настаивать не стал. Все равно ему было хорошо, тепло на душе.

В пещере хранилось много засоленного мяса, поэтому за Гиену Рыжик мог не беспокоиться — она без еды еще долго не останется. А значит, и щенки голодать не будут. А вот сам он оказался отрезанным от запасов, поэтому ему опять надо идти на охоту, бросив на время охрану пещеры. Ведь со вчерашнего дня пес так ничего и не ел.

Вот так вот Рыжик и жил с тех пор — ночуя под открытым небом, недоедая оттого, что найти съедобное в это время года было не просто, а надолго оставлять пещеру с подругой и щенками ему не хотелось. Гиена все так же не пускала его, и он так ни разу не видел толком своих родных малышей!.. Сама Гиена иногда выходила к нему ненадолго — подышать воздухом. Вела себя с ним, как раньше, нежно и ласково, но в пещеру не пускала.

Так продолжалось много дней. Рыжику это стало надоедать, пока не случился неприятный инцидент.

Ближе к вечеру, когда пес спокойно нес свою службу перед закрытой дверью, Гиена вдруг забеспокоилась, зарычала! Рыжик понял, что рычит она не на него, а на появившийся новый запах. Пес, чувствовал себя в безопасности, но, услышав беспокойство подруги, настороженно приподнялся и стал принюхиваться — кого там несет нелегкая.

Запах был слегка похож на запах его подруги. Родственный, но все же немного другой. И обладатели запаха приближались, скрываясь пока что в пожухлых зарослях высокой травы. Чем ближе подходили незваные гости, тем явственнее чувствовал Рыжик немую угрозу, исходящую от них. Он встал в оборонительную позу и тихонько зарычал. Так, чтобы пришельцы сразу поняли, что их здесь не ждут и лучше бы им сразу уйти подальше отсюда.

Поняв, что скрываться больше не имеет смысла, «гости», наконец, показались из-за травы. Их было

четверо. И, действительно, они во многом походили на подругу Рыжика. Такого же размера, или чуть крупнее, остренькая аккуратная мордочка, темная от глаз к носу. Но эти, в отличие от красавицы Гиены, были короткошерстные, их тело равномерно было покрыто темными пятнами, загривок украшала чуть более длинная, чем в прочих местах, вздыбленная шерстка. И если Гиена отличалась изяществом, то у этих созданий была уродливая задняя часть тела и непропорционально вытянутая вперед шея. Довершал их вид куций черно-белый хвостик.

Это, действительно, были ближайшие родственники Гиены. Когда-то люди называли их пятнистыми гиенами — пренеприятные создания...

Тем временем, ничуть не убоившись угрожающего вида Рыжика, прищельцы мрачно и молча наступали — четверо против одного, чего им было бояться? Правда, перед ними стоял совершенно незнакомый зверь, но он был не слишком крупным, да и пахло от него кроткой бурой гиеной, и справиться с ним никаких проблем не будет! А потом... сладкое мясо новорожденных так манит их своим запахом, особенно сейчас, когда стало меньше антилоп, когда жарко, сухо и голодно!

Рыжик уперся задними лапами в закрытую дверь пещеры, за которой яростно, готовясь умереть, защищая своих деток, рычала молодая мама. Пес твердо намеревался стоять до победного конца. Он даже не стал особо громко рычать или лаять, не желая брехать попусту.

Незванные гости окружили Рыжика — трое встали перед ним, занимая полукруг, а четвертый забрался на склон холма позади пса, над входом в пещеру. Атака последовала внезапно, но только со стороны одного из противников — гиена бросилась на пса, но, не ввязываясь в драку, тут же отскочила. Это было хитростью! Как только Рыжик отвлекся на

первого нападавшего, развернувшись к нему, остальные тут же набросились на пса с разных сторон. Противники были мельче Рыжика, но у них был численный перевес. Псу пришлось нелегко!

Первого из тех, кто попытался вцепиться в него, Рыжик сумел отбросить в сторону, от зубов второго, намеревавшегося вцепиться в переднюю лапу, он увернулся и сам схватил его за шею. Но в этот момент на Рыжика навалились еще двое — один сверху, другой сбоку, у основания задней лапы. Рыжик резко упал набок, не выпуская, однако, того, в чью шею вцепился. Напавший сверху скатился с него. А вот тот, который кусал пса за заднюю лапу, удержал хватку! Это было больно, очень больно, но именно боль придала Рыжику сил, и он сумел сжать свои челюсти так сильно, что шея, находившаяся в его пасти, хрустнув, сломалась!

Все это произошло очень быстро. Один противник выбыл из строя. Пес отпустил судорожно дергающееся тело и укусил за нос того, кто мертвой хваткой повис на его ноге — помогло! Враг отпустил Рыжика и, заскулив, кинулся прочь — нос является очень чувствительным местом.

В это время третий противник сумел захватить зубами загривок Рыжика, а другой укусил его за ухо! Боль стала нестерпимой, и пес покатился по земле, пытаясь скинуть с себя гиен. Укусивший за ухо действительно отпустил. Вернее, отцепился вместе с отгрызенной частью уха, но пес этого не заметил. Он боролся с оставшимся висеть на нем противником, еле-еле скинув его с себя.

На счастье, укушенный за нос больше не появился на «поле брани», а с двумя противниками Рыжику было гораздо проще справиться. Оставив на его теле несколько болезненных ран, они, в конце концов, отступили, скрывшись в сгустившихся сумерках.

Пес, обессилив, опустился или упал на землю и закрыл глаза. Ему было очень больно, но он отстоял свое жилище, свою семью и был доволен. Рыжик невольно заскулил от мучившей его боли. Ужасно хотелось пить, но подняться не хватало сил, да и в пещеру его не пускают, а до воды слишком далеко.

И тут он вдруг почувствовал, как подругализывает его. Это было приятно. Он открыл глаза и лизнул ее в ответ. А она все зализывала и зализывала его раны. Гиена была благодарна псу и очень гордилась своим защитником! С таким ничего не страшно!

Она вошла в пещеру и позвала за собой Рыжика. Он настолько привык жить снаружи, что не сразу отозвался. Но когда понял, что его больше не будут гнать, поднялся, забыв про раны и усталость, и зашел в свой «дом».

Теперь пес бесконечно радовался своей семье. Он облизывал подругу и теплые комочки, что сбились в кучку у ее лап.

— Уи-и-и, уи-и-и, — недовольно запищали разбуженные отцом щенки. Их мама ткнула Рыжика мордочкой в бок, мол, не суетись, ложись и лежи спокойно. И он, утолив нежность, лег рядом с ними. Согреваемый любовью и теплом своих родных, пес быстро уснул.

Утром щенки впервые увидели свет. Когда Рыжик вышел из пещеры, Гиена вынесла к нему всех деток, одного за другим.

«Какие они... большие уже!» — подумал Рыжик, восхищенно глядя на своих детей. Те, поначалу испугавшись яркого света и незнакомой обстановки, запищали и на нетвердых лапках, поминутно падая, побежали к папе. Уткнувшись в него, щенки тут же успокоились и принялись елозить, игриво покусывая папу и друг друга. Они совсем не боялись Рыжика, сразу почувствовали себя спокойно под его защитой.

А один, самый настырный, все пытался взобраться на Рыжика, как на гору. Лез, падал и снова упорно лез вверх, тщетно пытаясь уцепиться за густую шерсть отца. Пес немного помог ему, подтолкнув носом. Довольный собой «скалолаз» радостно взвизгнул и тут же свалился. Впрочем, это не испортило ему настроения.

А Рыжик смотрел на щенят и вдруг понял, что знает, как их зовут! Ничего не надо было выдумывать, имена сами всплыли в голове и распределились по мордочкам щенков.

Самый активный, который взбирался на папу, и он же самый темный и крупный – Ашраф. Сильный и смелый малыш.

Самый пузатый и спокойный, чуть светлее Ашрафа – Борис. Он больше лениво лежал, вяло реагируя на приставания остальных.

Единственная девочка в компании братиков, ярко-рыженькая, маленькая и веселая, игривая... Мария!

И последний. Худенький, с умными, чуть с грустинкой, глазами – Павел. Больше других он походил на Рыжика, когда тот был щенком. Так любовь пса подарила бессмертие тем, кто его любил. Память о людях в их именах.

А потом к ним пришла мама-гиена. Легла рядом. Щенки, почувствовав запах молока, слезли с папы и уткнулись в ее живот. «Кушайте, кушайте, малыши! Растите большими и здоровенькими. А я буду учить вас всему, что знаю сам. А потом вы научите всему своих детей, а они своих... И знания наши, навыки не пропадут, не исчезнут со временем, а наоборот – приумножатся! Следовательно, я жил не зря...» – думал Рыжик, с умилением глядя на щенков.

Надо было пойти на охоту, но так хотелось остаться с ними, не уходить никуда! Рыжик под-

нялся, пересилив себя, но Гиена скульнула — «не ходи!», а он охотно опустился на свое место. В конце концов, запасы еще не истощились, а время засухи уже заканчивалось. Можно позволить себе пока и полентяйничать.

Ведь завтра будет целый день! День, полный теплоты и счастья. Потом будет еще один такой же день. И еще один, и еще, еще... целая вечность теплоты и счастья!

ГЛАВА 6

Счастливое время летит незаметно, проносится вихрем, и не догнать его, не поймать, не вернуть назад. Не успели Рыжик с Гиеной оглянуться, как щенки перестали быть щенками и стали взрослыми. Размерами каждый из них перерос свою маму и почти нагнал папу, а уж силой они и папу, казалось, превзошли.

А какие милые были щенята...

Зато теперь стало легче родителям. Прокормить шесть ртов — дело непростое. Пока детки были совсем маленькие, Гиена ни на миг не оставляла их одних, поэтому Рыжику приходилось охотиться весь день. Поймает, принесет, и опять уходит на охоту. Потом, когда щенки подросли, Гиена стала помогать отцу семейства. Но и вдвоем загнать достаточно добычи было сложно. Поэтому, как только дети немного повзрослели, родители начали учить их премудростям охоты.

Молодые и глупые щенки охотились с огромным удовольствием, воспринимая это действие как новую игру. Но охота — это не игра, даже если намеченная жертва во много раз слабее — страх потерять жизнь придает даже самому маленькому существу

огромные силы. В общем, щенкам очень быстро разонравилось ходить на охоту, когда каждый из них получил по болезненной шишке или укусу. Это еще хорошо, что рядом все время были умудренные родители! Иначе иной раз дело могло бы кончиться весьма печально, например, укусом ядовитой антилопы, который для слабых пока еще щенков мог стать смертельным.

Постепенно вся семья училась работать в команде. Юркие и шумные щенки загоняли добычу, отделив и отбивая одну из антилоп от стада, затем гнали ее в сторону родителей. А родители, как самые сильные и опытные, уже непосредственно нападали на добычу, сбивали с ног и умерщвляли.

Со временем Гиена перешла в команду загонщиков, а Рыжику составляли команду его дети.

Как только семья начала охотиться совместно, опять стали появляться излишки мяса, Рыжик вспомнил о практике засолки запасов. До периода засухи оставалось совсем немного, поэтому следовало торопиться. Иногда Рыжик даже ограничивал ненасытных детей в еде, чтобы запастись побольше.

Детки, естественно, обижались, не понимая, зачем «портить» свежее вкусное мясо вымачиванием в соленой воде. Рыжик попытался объяснить им.

Он и до этого не раз прибегал к мыслеобразам в общении с детьми. Иногда они понимали его, когда картинка-мысль была простая и четкая, иногда не понимали. Псу казалось (ему очень этого хотелось), что щенки понимают его лучше, чем Гиена, хотя и хуже дельфинов, конечно.

А объяснить им было необходимо, что еды будет мало, потому что станет жарко и засушливо, и что надо запастись мясом, чтобы было что кушать... Объяснить, что после вымачивания в соленой воде мясо почти не портится. А что такое «портится»?

Разъяснить это слово оказалось очень трудно. Но теперь Рыжик уже не был новичком в передаче информации мысленной речью, поэтому он сумел толковать им все, что хотел. С тех пор они сами стали помогать Рыжику затаскивать мясо в воду, чего никогда не делала даже Гиена.

Тем временем, появилась еще и проблема размера жилища. Пещера, которая была просторным домом для двоих, теперь с трудом вмещала всю семью. А уж когда подростки затевали возню, то становилось совсем неудобно и тесно. Рыжик мучился-мучился и принял решение расширять пещеру!

Объяснить детям и Гиене, что он хочет сделать, было непросто, но пес справился — его вроде бы поняли. По крайней мере, рыть лапами землю тут же стали все. И сразу стало понятно, что так дело не пойдет — каждый мешал другому, и в итоге получалась бесполезная толкотня. К тому же, рыть они начали совершенно бессистемно, кому куда в голову взбредет, туда и роет. Пока Рыжик останавливал рьяно роющих детей, в земле появились три неказистые ямки и столько же кучек земли.

Выгнав всех вон, он стал думать, как сделать так, чтобы получилось хорошо и просторно. И придумалось ему вырыть в продолжение пещеры еще две комнаты-боковушки, два помещения — одно, поменьше, для них с Гиеной, а другое, побольше, для детей. Пусть себе там возятся, сколько их душе угодно, а родители будут пребывать в спокойствии и умиротворении.

А уже имеющееся пространство станет такой прихожей.

Куда именно рыть комнаты, тоже стало понятно — по обе стороны от сочившейся с дальней стенки воды.

Придуманно отлично! Теперь бы еще сделать столь же хорошо... но с этим, как уже понимал Рыжик, возникнут проблемы. Пойди еще объясни детям, что и как делать, да организуй их работу...

И битый час пес объяснял, показывая как нужно делать.

Близились ночь, но нетерпеливые детки все же уговорили Рыжика начать «строительство» прямо сейчас. Гиене было все равно — она, как чувствовал Рыжик, с трудом понимала, что происходит. И пес уступил.

Начали рыть.

Рыть, к радости Рыжика, стали правильно. Именно там, где он указал. Но очень скоро практически все пространство основного помещения они завалили землей! Так, что и не пройти стало. Фактически Рыжик и его отпрыски мужского пола (их маму и его дочку они оставили снаружи, чтобы не мешались) едва не замуровали сами себя!

Выбраться-то они выбрались, но ночевать пришлось на свежем воздухе.

Зато с раннего утра дело закипело в полную силу. Наваленную большой кучей землю они стали выгребать наружу из пещеры лапами и носами, но шло время, тратились силы, а куча не торопилась уменьшаться в размерах. А если и уменьшалась, то, скорее, оттого, что псы все больше ее утрамбовывали.

Поняв, что так дело не пойдет, Рыжик сел думать. Он все сидел и думал, а нужная мысль все не торопилась посетить его. И тут прибежал молодой пес, которого он называл Павлом. Тот принес большой, изогнутый лодочкой кусок древесной коры. Прибежал и начал приставать к Рыжику. А пес, решив, что сын просто просит поиграть с ним, только отмахивался, словно от назойливой мухи. Но

Павел не унимался, продолжал скакать вокруг отца и все пытался что-то ему втолковать. Рыжик, наконец, обратил на него внимание, прислушался и уловил «мыслеобращение»: «Вот этим, этим! Этим вот можно землю вытаскивать из пещеры! Посмотри на это...»

Этим? Это чем? Куском коры?.. Хотя... Рыжик вместе с ним принялся проверять импровизированный совок. Насыпав в него грунта по самые края, пес легко вытащил кусок коры наружу и опрокинул в стороне от входа. Потом еще раз и еще. Оказалось, эта идея его сыночка не лишена здравого смысла!

«Ох, и умненький же у меня сын», — подумал Рыжик.

Однако лопатка была маловата. Поэтому Рыжик объяснил всем, что требуется найти такой же кусок коры, но размером побольше, и детки разбежались на поиски.

Вскоре нашли. Старое-старое дерево, уже полузасохшее и слегка подъеденное насекомыми, готово было отдать свою кору, которая отслоилась почти по всей поверхности ствола. Надо было только дернуть посильнее.

Дернули. Кусок отломался знатный. Целая «тачка» получилась. И к тому же очень длинная. Настолько длинная, что полностью засунуть ее в пещеру не получилось — помучились, помучились, а потом Рыжик спросил себя, зачем пытаться засунуть кору на всю длину? Ведь потом будет трудно ее вытащить!

Так и оставили — половина коры в пещере, половина снаружи.

Двое сидели в пещере и загребали грунт на кору, а остальные вытаскивали «лодочку» с землей наружу, опорожняли, и так снова и снова...

Когда вытащили все — завалились спать как убитые.

Наутро опять вернулись к «строительству». Рыли, вытаскивали грунт и снова рыли. Так, в конце концов, получилось примерно то, чего и добивались. Пещеру дополнили двумя «комнатами», немного расширили «прихожую», прочистили и увеличили водоотвод.

А еще вышло так, что в «комнатах» появились непредусмотренные «первоначальным проектом» окошки. Просто рыли-рыли и вдруг прорывались наружу! Но это было даже хорошо, что так вышло — и вентиляция дополнительная, и света днем больше попадает, освещает внутренние помещения. Так что получилось совсем хорошо. Тепло, уютно и просторно.

Довольный работой молодняк тут же оккупировал большую комнату, даже не спросив мнения родителей. Но родители и не собирались спорить с детьми. Пусть будет им. Гиене с Рыжиком много места не надо. Гораздо важнее, что они снова будут жить в покое. Но при этом оставаться рядом с детьми.

Шли годы. Щенки давно сами стали родителями, а кое-кто даже и дедушкой успел стать. А вот у Рыжика с Гиенкой больше детей не появилось. Впрочем, и без того уже больших и маленьких мохнолапых радостей бегает полный дом. Что и говорить, с тех пор как у Рыжика родились щенята, жизнь шла гладко и счастливо.

Но боль все-таки пришла, когда умерла Гиена. Она просто не проснулась утром и все.

Случилось это год назад, а боль все сидит где-то в груди и беспрестанно еле заметно вибрирует. Еле заметно — это теперь, а раньше так стучало в

груди, что хоть волком вой. Рыжик и выл, особенно, первые дни, да так, что детки боялись к нему приближаться.

А сейчас эта боль поутихла. К тому же чувствовал Рыжик, что и его время неуклонно приближается, а значит, скоро уже он сможет вновь встретить свою спутницу жизни, и друга своего Павла, и Волчицу, и Малышку, и всех других, чьи судьбы в мире живых переплелись с его собственной.

Сил с годами становилось все меньше. Он больше не бегал на охоту, не запасал мясо впрок — все это делали теперь его дети, дети его детей, внуки. Они не забывают старого пса, рыжего дворнягу, пережившего саму жизнь. Кормят. Приносят ежедневно пусть не лучший кусок, но все же приносят. И на том спасибо.

В последние месяцы Рыжик почти не выходил из своей темной комнаты. Сидел, подслеповато глядя куда-то в пространство, шурился, словно тщетно пытаясь что-то рассмотреть на дальней стене.

Он выходил из этого состояния, только когда к нему кто-нибудь приходил. Случалось это один-два раза в день. Приходили, рассказывали, что да как у них происходит. Внуков и правнуков всяких, правда, Рыжик видел редко. Посещали, в основном, его дети, но чаще всех приходил Павел.

Все потомки Рыжика и Гисны неплохо овладели «мыслеречью», поэтому общались они легко, и между собой, и с Рыжиком. Так что все последние новости пес узнавал быстро и в подробностях.

Пещеру расширили. Теперь она стала настолько большой, что легко можно было в ней заблудиться. А что делать? Пришлось рыть. И не раз. Пещера пережила уже три крупных расширения. А теперь, как Рыжику казалось, и вовсе рыли чуть ли не постоянно, все расширяясь и расширяясь. Как бы не

закончилось тем, что от холма ничего не останется. А оставшееся не рухнуло бы на головы горе-строителям!

Но куда не рухнуло, спасибо Хозяйке Мира. Рыжик больше не управлял процессом «строительства» — дети и внуки справлялись и без него.

— Привет, сынок! — кинул мысль Рыжик, заведя сына, которому он дал имя в память своего друга — Павла.

— Привет, папа — отозвался мыслью тот.

— Что нового? Как охота?

— Все хорошо. Поймали двух антилоп, с десятков грызунов и одного травоядного льва. Все сыты и довольны. Вот, я тебе тоже принес.

— Спасибо, сын. Что еще нового?

— Белоухий убежал за горизонт и чуть не потерялся там. Насилу нашли. Мой брат его оттрепал, теперь Белоухий сидит и скулит. Мы уже устали слушать его скулеж.

— Бедный малыш. Но вы правильно сделали — неповадно будет молодым уходить далеко без спросу.

— А еще... сегодня в моей семье пополнение...

— Сынок! Ну что же ты сразу не сказал? Какая радость! Поздравляю, сынок! — Рыжик бурно выражал свою радость, искренне ее чувствуя. Он не только радовался вместе с Павлом, но и был горд за себя, за свой род, основоположником которого он стал.

А потом Павел и вовсе удивил Рыжика.

— Папа, моя семья самая многочисленная в пещере, и нас стало слишком много. Мы решили уходить. Здесь недалеко есть еще один холм, он похож на наш. И мы будем рыть пещеру в нем.

— Уходить?... Что ж, когда-нибудь это должно было случиться. Не вечно же подтачивать корни нашего холма. Ты решил, значит, так и должно быть.

— Да, папа, мы решили...

И он начал рассказывать, как и что они хотят устроить на новом месте.

А Рыжик слушал его, слушал и вдруг понял, что что-то не так, что-то необычное, непривычное.

Звуки! — понял, наконец, Рыжик.

Его сын не просто передавал отцу «мысли-образы», но и сопровождал их раздельными звуками, почти так же, как разговаривали люди. Конечно, если бы не «мысле-передачи», Рыжик ничего из произносимого его сыном не понял бы, потому что это совсем не тот язык, на котором говорили бывшие друзья рыжего пса. Но так похоже!

Просто удивительно. Сам Рыжик в прошлой жизни не раз пытался воспроизвести человеческую речь, но понял, что это недоступно его горлу. А молодой пес смог! Рыжик спросил его об этом. Оказалось, что он только недавно открыл для себя эту манеру — облекать мысли в звуки и произносить их. Но его дети уже успели перенять эту способность и даже ленятся прибегать к передаче мысли, предпочитая ей звуки.

Молодой пес ушел, а Рыжик еще долго не мог унять волнение. Он чувствовал, что состоялось очень важное событие, потому что у его потомков, как, оказалось, есть способности и они развиваются. Это и удивительно, и важно. Однако, ему самому все давалось нелегко и не так просто.

Именно сейчас, как никогда, Рыжику захотелось увидеть Хранителя и спросить его о судьбе своего рода. И Хранитель ответит. Надо идти, но куда? Впрочем не важно. Но, чувствовал он, что его время подходит к концу и пещера больше не держит

его. Ему вновь захотелось уйти и выйти на дорогу. А по какой он пойдет было неважно, потому что она выведет его туда, куда должно.

Накатилась ночь, навалилась тьмой, подтачиваемой тусклым светом звезд и фонарем луны. В пещере все уснули. Стало тихо и спокойно.

Старый пес поднялся и побрел к выходу. Выбравшись наружу, Рыжик остановился, приняхался и, словно что-то решив или почувствовав, уверенно ушел в темноту ночи.

Рыжик шел, не оглядываясь по сторонам, не обращая внимания на ночные шумы и запахи. Он был счастлив. Действительно, счастлив. Его переполняло чувство радости от завершенности своего дела. Всю свою жизнь пес прожил, считая своим долгом (или делом) быть полезным для людей, а потом и для своего рода. Он бегал в поисках смысла своего существования и видел смысл в своей жизни — помогать слабым, обиженным, и, конечно же, найти друга-хозяина. Он так много страдал в той жизни от потерь и несчастий, но никогда не озлоблялся на саму жизнь. Может быть и поэтому, он, подчиняясь зову внутреннего голоса, и ступил на неведомый путь, который в конце обернулось для него счастьем. И вот теперь он твердо знал — он сделал все что мог и сделано было все наилучшим образом.

Сейчас его род рос и множился. Его потомки учились жить, как того хотелось самому Рыжику. Он верил — они не пропадут, не растворятся в многообразии животного мира, а будут выделяться среди него своими способностями.

И не важно более, что будет с ним самим, теперь память его живет в других, в его детях.

Рыжик чувствовал умиротворение в завершенности своего дела.

Луна подкатилась к самому горизонту, освещая ему дорогу. Впереди была видна каждая травинка, каждый камешек, и поэтому для Рыжика стало удивительным явлением внезапное появление человека прямо на его пути!

Человек!!!

Рыжик остановился, как вкопанный.

Да, это был человек — самый обыкновенный мужчина, с не выделяющейся внешностью, одетый во что-то блеклое и невыразительное. Он сидел на камне и спокойно смотрел на оторопевшего пса. Смотрел прямо в глаза и приветливо, тепло улыбался, будто старому другу.

— Кто ты? — мысленно спросил Рыжик, даже не сомневаясь в том, что человек его поймет.

— Здравствуй, Рыжик, — вслух ответил человек, — мы уже встречались с тобой. Я — Хранитель...

Рыжик не сразу пришел в себя от этой встречи, которой он ждал долго и искал. А сейчас нашел! Но в голове поднялся такой вихрь мыслей, что пес никак не мог остановиться на каком-либо конкретном вопросе, которых было так много. И тут Рыжик вдруг оробел.

Но Хранитель все понял и сам начал рассказывать.

— Садись, Рыжик, рядом, я расскажу тебе, что случилось с Миром за время твоего сна во льдах Антарктиды.

Рыжик молча и робко сел у ног Хранителя и наострил уши.

— Ты уже понял, мой друг, что с тех пор, как мы разговаривали с тобой в прошлый раз, минуло много веков, тысячелетий. Я не хочу углубляться в рассказ о тех событиях и бедствиях, поразивших род человеческий, а с ними вместе и всех живущих на Земле. То было время скорби для меня, но не в

моей власти было как-то повлиять на происходящее, потому что Матерь Мира нельзя уговорить или же заставить что-то сделать. Она как организм, который можно обманывать, убеждать какое-то время в том, что он сыт, хотя он на самом деле голоден. Но долго обманывать невозможно — в конце концов, наступит голодная смерть, и с этим ничего не поделаешь. То же самое случилось и тогда, не сразу, и, к сожалению, не без помощи самих людей. Гнев Матери Мира был не на пустом месте, потому что, поступки людей, расточительно относившиеся к Природе и привели к протесту Матери Мира. Это ты должен помнить, когда по всей планете тогда прокатились наводнения, землетрясения, и следовавшие за ними, цунами и прочие катаклизмы... Природные катаклизмы и спровоцировали кризис в человеческом обществе.

А Мать Мира все не успокаивалась. Род людской продолжал преследовать бедствия. Численность людей стала уменьшаться из-за тяжелых условий жизни. Но закат человеческой цивилизации не означал гибели всего живого в мире. И так продолжалось до тех пор, пока я не отнял остатки Разума у несчастных. К тому времени это стало в моей власти. Теперь они превратились в рядовых живых обитателей этого мира, как и другие живые создания, став такими же, какими они были миллионы лет назад.

Искорка разума продолжала тлеть только в одном существе, кроме дельфинов. Им был рыжий пес, который уснул когда-то в ледяном панцире. Шли века, и когда Мать Земля оправилась от болезни, этот пес проснулся. А дельфины, по моей просьбе, помогли ему добраться до обновленной земли и начать мое дело заново.

Нести по жизни крошечную Искру Разума, которая сохранилась в тебе, годами, десятилетиями, веками, постепенно его преумножать, растить с тем, чтобы в будущем была достигнута вселенская гармония – вот в чем была необычность твоей судьбы. Ты понимаешь меня, Рыжик?

Рыжик молча переосмыслил услышанное, превращая его в понятное, а Хранитель наблюдал за ним.

– Да, Хранитель. Я начинаю понимать... я понял! Хранитель, скажи мне, выходит, что я все-таки такой «необычный» – это по твоей воле?

– Да, это так. Благодаря моим усилиям в тебе зажглась искра разума.

– Так, значит, тот взрыв, когда умер Павел, тоже устроил ты?

– А вот тут, Рыжик, ты уже неправильно понимаешь. Даже я не способен пойти против законов Природы. А из ничего, просто так, какие-либо физиологические изменения организма произойти не могут. Ты же отличался от других собак уже с первых дней своей жизни: был сообразительным и любознательным. Поэтому «мутация», которая произошла с твоим организмом вследствие радиоактивного заражения местности и дала мне возможность управлять и направлять тебя. Благодаря «мутации» это было мне под силу и ты оказался восприимчив к моей воле. А взрыв усилил эффект – ты услышал мой зов. Но, не я устраивал взрыв. Может быть, в моей власти было тогда помешать ему произойти, но кто я такой, чтобы исправлять ошибки других? И ошибок было много и я не в силах был это сделать. Люди сами виноваты в произошедшем. А я лишь воспользовался последствиями.

Они молчали некоторое время.

Хотя Хранитель и пояснил Рыжику о возможностях Хранителя Разума, пес не смог удержаться

от такого вопроса, который его много мучил когда-то — почему погиб Павел, он-то не был виноват ни в чем! А позже, разве все человечество, до единого человека, среди которых были и порядочные люди и те, кто защищал Природу, интересы всего сущего, они разве тоже должны были отвечать за проступки других? А Хранитель — такой сильный, почти всемогущий — почему же он не вмешался в ход происходящих событий? Ни тогда, когда погиб Павел, ни чтобы спасти людей, их цивилизацию. Почему? Так звучал немой вопрос Рыжика.

— Я не судья, — ответил вслух Хранитель. — Помоги я один раз, мне пришлось бы решать ежесекундно, по каждому пустяковому поводу выносить справедливые решения — кто виноват, а кто нет, кого спасать, а кого не надо, кто должен быть наказан за совершенное злодеяние, а кого надо помирить. Всех спасать-выручать-лечить, продлевать жизнь... До какого предела? Все это противоречит законам бытия, устройству мира. Разумные системы, согласно космической сути, самостоятельны, иначе в их существовании нет смысла.

А я, всего лишь, хранитель — Хранитель Разума. Разума вообще, а не человеческой культуры. И свою работу я выполняю. Разум есть на этой планете.

— А что будет дальше? — грустно спросил Рыжик.

— Дальше? А дальше будет жизнь. Твои потомки, коли сумеют правильно распорядиться тем даром, что дал им ты — разумом, — должны будут привести в будущем этот мир к истине.

Ночь подходила к концу, заалел горизонт, померкли звезды. Рыжик почувствовал, что очень-очень хочет спать. Так хочет, что прямо глаза слипаются.

– Хранитель, я посплю немного у твоих ног, хорошо? А ты... ты никуда не уходи, ведь мне еще о многом хочется тебя спросить!

– Хорошо, – улыбнувшись, ответил Хранитель, – ты спи, а я посторожу твой сон.

И Рыжик закрыл глаза.

Хранитель долго сидел рядом с навсегда заснувшим псом, поглаживая его по голове. Заморосил дождик, и Хранитель в человеческом облики поднялся на ноги.

Пора! Он сделал жест рукой, и земля расступилась. Рядом с Рыжиком образовалась глубокая яма. Бережно подняв тело пса с земли, он опустил его в яму, отступил назад и вновь повел рукой – земля сомкнулась.

– Спи спокойно, добрый пес – еле слышно произнес Хранитель. А потом вдруг поклонился могиле. И постепенно исчез в утренней дымке.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
ЧАСТЬ I	11
ЧАСТЬ II	135
ЧАСТЬ III	300

Литературно художественное издание

ДАНИЭЛЬ ВЛАДИМИРОВИЧ ВАСИЛЬЕВ

ЗВАНЫЙ И ИЗБРАННЫЙ

Фантастический роман

Редактор	<i>И. Рахимова</i>
Художник-дизайнер	<i>Р. Маликов</i>
Художник	<i>А. Ташматов</i>
Технический редактор	<i>Л. Хижова</i>
Младшие редакторы	<i>Д. Холматова, Г. Ералиева</i>
Корректор	<i>Н. Хошимова</i>
Компьютерная верстка	<i>Ф. Батырова</i>

Издательская лицензия AI № 158, 14.08.2009.

Подписано в печать 23 мая 2016 года.

Формат 84x108 $\frac{1}{32}$. Бумага «Газетная пухлая».

Гарнитура «Peterburg Uz». Печать офсетная.

Условно-печатных листов 20,58.

Учетно-издательских листов 18,63. Тираж 2000 экз.

Заказ № 16-338.

Издательско-полиграфический творческий дом «Узбекистан»

Узбекского агентства по печати и информации.

100011, г.Ташкент, ул.Навои, 30.

Телефон: (371) 244-87-55, 244-87-20

Факс: (371) 244-37-81, 244-38-10.

e-mail: uzbekistan@iptd-uzbekistan.uz

www.iptd-uzbekistan.uz

27.370c

«УЗБЕКИСТАН»

ISBN 978-9943-28-501-9

9 789943 285019